

# РУССКІЕ ВЪ АЗІЯТСКОЙ ТУРЦІИ

въ 1854 и 1855 годахъ.

Изъ записокъ: о военныхъ дѣйствіяхъ Эриванскаго отряда.

Генераль-Маіора М. Лихутина.

---

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія товарищества «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

1863.



# РУССКІЕ ВЪ АЗІЯТСКОЙ ТУРЦІИ

**ВЪ 1854 И 1855 ГОДАХЪ.**

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ: О ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ ЭРІВАНСКАГО ОТРЯДА.

**Генераль-Маіора М. Лихутина.**



**САНКТПЕТЕРБУРГЪ.**

Въ типографіи Товарищества «Общественная Польза».

**1863.**

Одобрено Ценсурою С.-Петербургъ. 28-го Ноября 1862 года.

# РУССКІЕ

## ВЪ АЗІЯТСКОЙ ТУРЦІИ

въ 1854 и 1855 годахъ.

---

### I. Вторженіе Турокъ въ Эриванскую губернію въ 1853 году.

Непріятельскія дѣйствія въ Азіатской Турціи въ концѣ 1853 года были начаты Турками. Толпы баши-бузуковъ, состоявшія преимущественно изъ Курдовъ, вторглись въ наши предѣлы; между прочимъ, напали на Донскихъ казаковъ расположенныхъ кордономъ въ Эриванскомъ уѣздѣ вдоль границы Турціи, сняли нѣсколько постовъ и разграбили нѣсколько селеній. Сосѣдство Курдистана доставляетъ Туркамъ возможность собрать скоро ополченіе изъ Курдовъ, постоянно вооруженныхъ и готовыхъ на хищничества. Въ этомъ состоитъ преимущество ихъ передъ нами, которое всегда останется за ними, потому-что мы не можемъ усвоить способъ войны расхищенія пограничныхъ турецкихъ областей и грабежа турецкихъ подданныхъ, которыхъ мы, напротивъ, всегда покровительствуемъ; преимущество очень вредное, показывающее впередъ, съ самаго начала войны, все превосходство нашего владычества въ здѣшнихъ мѣстахъ передъ турецкими; они вносятъ къ намъ разореніе и истребленіе; мы приносимъ въ ихъ области порядокъ. Но открытіе ими военныхъ дѣйствій прежде насъ, во всякомъ случаѣ для насъ вредно первыми своими послѣдствіями.

Въ Эриванскомъ уѣздѣ находились только линейный баталіонъ, расположенный въ городѣ и крѣпости Эривани, и Донской полкъ, содержащій таможенный кордонъ. О неприятелѣ неимѣли никакихъ свѣдѣній; не знали ни силъ, ни намѣреній его. Вторженіе башн-бузуковъ и грабежъ пограничныхъ селеній навели ужасъ на Армянъ, которые прежде всѣхъ подвергались хищничеству музульманъ, и произвели слухъ, что турецкія войска, въ томъ числѣ регулярныя, перешли границу въ значительныхъ силахъ и идутъ на Эривань, которая была совершенно открыта. Смятеніе распространилось и въ этомъ городѣ. Линейный баталіонъ и всѣ начальства перешли въ крѣпость; туда же перевезли казенныя имущества, и приняли нѣкоторыя мѣры къ оборонѣ. Хотя Турокъ еще не видѣли даже на правомъ берегу Аракса, но прежде всего явилось опасеніе волненій между музульманскимъ населеніемъ города и всего края, и въ крѣпость спасались преимущественно отъ этого. Русскіе жители Эривани не могли забыть этого тревожнаго времени еще въ концѣ 1854 года, когда опасность миновала.

Эриванская губернія населена Армянами григоріанскаго исповѣданія, коренными, самыми древними жителями этихъ мѣстъ, и музульманами разныхъ племенъ и сектъ, Персіянами, Татарами и Курдами, пришедшими сюда впослѣдствіи въ разныя времена, какъ завоеватели, и основавшимися на развалинахъ древняго Армянскаго царства. Христіане, т. е. Армяне, и музульмане живутъ преимущественно отдѣльными селеніями и рѣдко въ одномъ селеніи вмѣстѣ. Нѣтъ большихъ пространствъ заселенныхъ одними христіанами или одними музульманами, а вездѣ селенія тѣхъ и другихъ перемѣшаны и находятся въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ. Музульмане прежде пользовались всеми преимуществами надъ покоренными христіанами; съ присоеди-

ніемъ же этого края къ Россіи, положеніе ихъ измѣнилось. Хотя они не потеряли ни имущества, ни гражданскихъ правъ, по одно уравненіе ихъ съ христіанами было уже обидно, особенно для высшихъ сословій, привыкшихъ находить-ся въ главѣ мѣстнаго управленія; на дѣлѣ же положеніе ихъ выходило еще непріятнѣе. Армяне скоро пристали къ Русскимъ, выучились русскому языку, воспитываются въ русскихъ школахъ и поступаютъ въ русскую службу, въ которой они по правамъ своего образованія тотчасъ пользуются всѣми преимуществами, присвоенными высшему сословию. Бѣольшая часть чиновниковъ Эриванской губерніи была изъ Армянъ. Самолюбіе музульманъ страдало отъ необходимости быть въ подчиненіи и кланяться тѣмъ, съ кѣмъ они обращались прежде какъ съ рабами. Они охотно и безропотно подчинялись Русскимъ какъ побѣдителямъ и завоевателямъ, — достоинства, передъ которыми самолюбіе молчитъ и противъ которыхъ нѣтъ спора на Востокѣ, — по-крайней-мѣрѣ въ Турціи и Персіи, гдѣ масса народа привыкла къ переменамъ властителей; но власть Армянъ была еще для многихъ оскорбительна. Безсомнѣнія, надо допустить и то, что чиновникъ Армянинъ немогъ въ короткое время освободиться отъ чувствъ непріязни и даже мщенія своего народа къ своимъ прежнимъ притѣснителямъ, и эти чувства могли невольно выражаться въ новомъ его положеніи, при исполненіи имъ на мѣстѣ правительственныхныхъ обязанностей своего новаго званія — русскаго чиновника; надо допустить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ былъ пристрастенъ въ пользу своего брата Армянина и во вредъ музульманина, и что по его тайному убѣжденію, или по чувствамъ, это было справедливо и законно. Армяне вытерпѣли столько притѣсненій, понесли столько потерь, что имъ трудно воздержаться отъ желанія заплатить за прошедшее и вознаградить его какими бы то ни было сред-

\*

ствами; положеніе дѣлъ пока неизбежное и по самому положенію края, т. е. населяющихъ его племенъ, и по недостатку русскихъ чиновниковъ. Понятно, что многіе музульмане были рады начавшейся войнѣ, которая давала имъ надежду на переворотъ опять въ ихъ пользу, и сочувствовали единовѣрцамъ своимъ, Туркамъ, хотя многіе были другой секты. При разгарѣ новыхъ надеждъ и старой неприязни, неудовольствіе могло между музульманами Эривани выразиться смѣлѣе, хотя одними словами. Въ началѣ войны, обыкновенно, надежды и планы враждующихъ сторонъ бываютъ очень велики: мы мечтали о Константинополѣ и Іерусалимѣ, Турки о Москвѣ или по меньшей мѣрѣ о Тифлисѣ и Астрахани. Большія намѣренія одной стороны, часто пугаютъ другую сторону, хотя отъ намѣреній до исполненія еще далеко. Понятно также, что небольшая колонія Русскихъ, находившихся въ Эривани, окруженная музульманами, была напугана первыми дѣйствіями Турокъ и грозными слухами, которые приходили со всѣхъ сторонъ о ихъ силѣ и намѣреніяхъ. Войска наши, назначенныя въ составъ формировавшагося здѣсь Эриванскаго отряда, спѣшившія по частямъ къ Эривани усиленными переходами, входили въ эту сферу страха и преувеличенныхъ слуховъ о Туркахъ.

Читая переписку и слушая рассказы того времени, вездѣ видѣшь излишнее уваженіе къ непріятелю. Турокъ считали многочисленнѣе, предприимчивѣе, храбрѣе и благоустроеннѣе, чѣмъ они были въ самомъ дѣлѣ. Будто существовало тайное убѣжденіе, что они опередили насъ и что паши ихъ сдѣлались превосходными. Мнѣніе о благоустройствѣ турецкаго войска и нападеніе ихъ первыми, должны были имѣть вліяніе на нашъ образъ дѣйствій противъ непріятеля, и потому мы видимъ, что даже послѣ случившихся побѣдъ, дѣйствія наши были осторожны. Первое впечатлѣ-



ніе всегда сильно, и едвали оно не оставило своего вліянія не только на дѣйствія 1853 года, но и на послѣдующія. Первый бой должны были бы разсѣять понятія, основанныя только на незнаніи непріятели и нечаянности нападенія, и показать, что положеніе наше въ сущности не перемѣнилось, что Турки, по меньшей мѣрѣ, остались такими же какими были прежде и что не одна выучка солдатъ составляетъ войско.

Въ октябрѣ 1853 года въ составъ Эриванскаго отряда собралось четыре баталіона пѣхоты, батарея, Донской полкъ и нѣсколько сотъ конной милиціи, собранной изъ жителей Эриванской губерніи, музульманъ и Армянъ. Послѣдствія показали, что для этого отряда наступательныя дѣйствія были возможны и могли увѣнчаться успѣхомъ. Во всякомъ случаѣ они были необходимы, чтобы въ самомъ началѣ войны попробовать разъяснить свое положеніе и разстроить намѣренія непріятели, которыя также не могли быть еще точны, — даже для того чтобы хотя посмотрѣть на Турокъ, которыхъ пока еще невидѣли, а только слышали о нихъ. Одна оборона, даже одно ожиданіе появленія непріятели, отнимали всякую возможность сноснаго положенія и опредѣленной цѣли; заставляли принаравливать свои дѣйствія къ воображаемымъ дѣйствіямъ непріятели и основывать ихъ на цельныхъ слухахъ, казавшихся возможными въ общей тревогѣ. Жители и милиціонеры безпрестанно сообщали свѣдѣнія о появленіи Турокъ въ разныхъ мѣстахъ, о движеніи ихъ по разнымъ направленіямъ, и отрядъ долженъ былъ дѣлать бесполезные переходы для встрѣчи непріятели, котораго не было. Ложные слухи и ложныя свѣдѣнія распространялись и сообщались часто съ намѣреніемъ: Армянами, — боявшимися грабежей баши-бузуковъ и Курдовъ, для того чтобы привлечь къ своей сторонѣ наши войска; музульманами, — опасавшимися истребленія сво-

ихъ полей, чтобы отвлечь насъ въ противную сторону, и нашими милиціонерами, чтобы предупредить возможность встрѣчи нашей съ Турками.

Въ октябрѣ же мѣсяцѣ турецкій отрядъ, въ составѣ четырехъ баталіоновъ, шести орудій и до двухъ тысячъ баши-бузуковъ и Курдовъ, перешель въ наши предѣлы по дорогѣ отъ Баязета на Орговскій постъ и двигался къ с. Игдырю. Расположенные въ этомъ селеніи наши казаки и милиціонеры отступили съ перестрѣлкою, преслѣдуемые баши-бузуками; на помощь казакамъ выдвинулся баталіонъ пѣхоты съ двумя орудіями, — которыя сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, — и остановился въ ожиданіи прибытія остальныхъ силъ отряда, спѣшившихъ отъ Эчміадзина за Араксъ на встрѣчу непріятелю. Оба отряда были равносильны; можно было надѣяться, что въ рѣшительномъ бою Турки будутъ разбиты; ихъ можно было бы совершенно разсѣять и овладѣть ихъ артиллерією и обозами, потому — что они перешли хребетъ Агри-дагъ, отдѣляющій здѣсь Россію отъ Турціи, и отступление ихъ было бы трудно. Къ-сожалѣнію, получали увѣдомленіе, — одинъ изъ безчисленныхъ ложныхъ слуховъ, повторявшихся уже прежде, — что 20 тысячъ непріятеля идетъ съ другой стороны, отъ Арпачая на Сардаръ-Абадъ и Эчміадзинъ, и потому сдѣлано было распоряженіе перейти на эту дорогу, и слѣдовательно отступить отъ Игдыра. Всѣ войска нашего отряда переправились ночью обратно на лѣвый берегъ Аракса и сосредоточились къ Эчміадзину; съ послѣдними частями перешли, кто успѣлъ, съ правой стороны Аракса на лѣвую, нѣсколько десятковъ, или сотня армянскихъ семействъ.

Можно было ожидать, что Турки стануть продолжать свое наступленіе и даже преслѣдовать насъ, но вышло на оборотъ. Панической страхъ овладѣлъ имп. Напуганные какими-то слухами и опасаясь вѣроятно нашего нападенія, —

въ ту же самую ночь, когда войска Эриванскаго отряда отступили съ правой стороны Аракса на лѣвую, къ Эчмиадзину, Турки отступили въ величайшемъ безпорядкѣ отъ Игдыра въ горы, къ Орговскому посту. По показанію жителей—очевидцевъ, ночное отступление ихъ было совершенное бѣгство; въ суматохѣ три орудія ихъ завязли въ канавѣ, были брошены, пролежали здѣсь нѣсколько дней и были привезены къ Орговскому посту Курдами на волахъ, собранныхъ у жителей; тогда только Турки убѣдились, что Русскихъ нѣтъ на правой сторонѣ Аракса. У Орговскаго поста отрядъ ихъ простоялъ болѣе полумѣсяца, и отсюда шайки баши—бузуковъ разѣзжали свободно по всему Сурмалинскому участку, лежащему на правой сторонѣ Аракса, между этою рѣкою и турецкою границею. Около того же времени небольшая партія Курдовъ, собравшаяся въ турецкомъ городѣ Кагызманѣ, нашла на с. Кульпы, гдѣ находятся соляныя копи и хорошія казенныя зданія и магазины, разграбила и раззорила все и увезла заготовленную соль. Весь край на правой сторонѣ Аракса былъ преданъ расхищенію; безпорядки распространились; старинная ненависть, или, вѣрнѣе сказать, презрѣніе музульманъ къ христіанамъ и новая целюбовь къ чиновникамъ Армянамъ, пали на Армянъ—хлѣбонашцевъ. Многіе изъ нашихъ Татаръ и Курдовъ соединились съ турецкими баши—бузуками, и вмѣстѣ съ ними грабили армянскія селенія, угоняли скоть, убивали жителей и оскорбляли женщинъ,—неуслѣвшихъ уйти съ нашими войсками на лѣвую сторону Аракса. Съ наступленіемъ холодовъ, въ ноябрѣ, турецкій отрядъ ушелъ обратно въ Баязетскій санджакъ. Вмѣстѣ съ нимъ ушли въ Турцію многіе музульмане Эриванской губерніи, замѣшанные въ грабежахъ и убійствахъ, и вступили въ турецкую службу; число ихъ, служившихъ въ одномъ турецкомъ Баязетскомъ отрядѣ, простиралось въ началѣ 1854 года до

300 человекъ. Горы отдѣляющія Эриванскую губернію отъ Турціи, покрываются зимой глубокимъ снѣгомъ и дѣлаются иногда трудно проходимыми даже для всадниковъ и пѣшеходовъ. Непріязненные дѣйствія прекратились по необходимости. Съ уходомъ Турокъ, часть войскъ Эриванскаго отряда перешла опять на правую сторону Аракса въ Сурмалинскій участокъ, опустошенный непріателемъ, и отрядъ этотъ, увеличившійся еще однимъ баталіономъ, расположился на зимовыхъ квартирахъ: на правой сторонѣ Аракса, 5-й баталіонъ Тифлискаго егерскаго полка въ селеніи Кульпахъ, 1-й баталіонъ Мингрельскаго егерскаго полка въ д. Арабъ-Керлю и 5-й баталіонъ того же полка въ с. Амаратъ; при каждомъ баталіонѣ находилось по два орудія легкой № 7-й батареи 21-й артиллерійской бригады; Донской № 23-го полкъ сталъ по сотнямъ въ с. Игдыръ и другихъ, лежащихъ между расположеніемъ пѣхоты; на лѣвой сторонѣ Аракса остались въ Эчміадзинѣ и лежащемъ возлѣ него с. Вагаршпатъ 1-й и 2-й баталіоны Ширванскаго пѣхотнаго полка и при нихъ два орудія той же батареи. Зима прошла спокойно.

Впродолженіи зимы и весны 1854 года, обстоятельства и взаимное положеніе наше и непріятеля немного разяснились. Побѣда одержанная надъ Турками при Башъ-Кадыкъ-Лярѣ и свѣдѣнія собранныя о размѣщеніи турецкихъ силъ, указывали, что ближайшій и единственный врагъ Эриванскаго отряда былъ турецкій Баязетскій отрядъ, расположенный близъ Баязета на дорогахъ пдущихъ отъ этого города къ Эривани; что можно было неопасаться движенія значительныхъ войскъ непріятеля мимо главнаго нашего Александропольскаго отряда, отъ Карса и Кагызмана чрезъ Арпачай на Сардаръ-Абадъ и Эчміадзинъ къ Эривани, о чемъ ложные слухи такъ часто тревожили Эриванскій отрядъ въ 1853 году, и что подобное движеніе Турокъ, осо-

бенно регулярныхъ войскъ, было почти невозможно въ этомъ направленіи, гдѣ вовсе не существуетъ хорошихъ дорогъ, и во всякомъ случаѣ опасно болѣе для нихъ, чѣмъ для насъ. Слѣдовательно, теперь всѣ предположенія будущихъ дѣйствій Эриванскаго отряда могли быть безошибочно рассчитываемы относительно турецкаго Баязетскаго отряда. Положеніе сдѣлалось болѣе опредѣлительно и точно, но вмѣстѣ съ тѣмъ повидимому и судя по дѣйствіямъ 1853 г., болѣе затруднительно для насъ, потому—что всѣ матеріальныя преимущества Турокъ на этомъ театрѣ войны постоянно увеличивались и передъ открытіемъ кампаніи 1854 года были положительно на сторонѣ ихъ.

Весною 1854 года начальникомъ Эриванскаго отряда былъ назначенъ генераль-лейтенантъ баронъ фонъ-Врангель. Отрядъ этотъ входилъ въ составъ корпуса, дѣйствовавшаго противъ Турокъ въ Азій подѣ начальствомъ генераль-лейтенанта князя Бебутова, который командовалъ лично главною частію корпуса, Александропольскимъ отрядомъ. Противъ Александропольскаго отряда стояла турецкая Анатолійская армія, опираясь на Карсъ. Важнѣйшія дѣйствія и главные вопросы войны должны были рѣшиться на пространствѣ между Александрополемъ и Карсомъ. Эриванскій отрядъ, составляя лѣвый флангъ дѣйствующаго корпуса и находясь въ 100 верстахъ отъ Александропольскаго отряда и главнаго театра войны, не могъ принять прямого участія въ главныхъ дѣйствіяхъ и даже имѣть на нихъ вліяніе; назначеніе его состояло только въ охраненіи Эриванской губерніи. Не было повидимому никакой опасности оставить его въ оборонительномъ положеніи и бездѣйствіи, — а потому, вѣроятно, признали возможнымъ неувеличивать его регулярными войсками, хотя генераль-лейтенантъ баронъ фонъ-Врангель, принимая въ соображеніе возможность наступленія Турокъ въ пре-

восходномъ числѣ, неоднократно просилъ о присылкѣ подкрѣпленій. Отрядъ увеличили только, въ Апрель 1854 года конно-музульманскимъ № 4-го полкомъ, сформированнымъ изъ мѣстныхъ жителей и состоявшимъ изъ трехъ сотень музульманъ и двухъ сотень Армянъ, и въ половинѣ мая дивизиономъ легкихъ орудій батареей № 5-го батареи 21-й артиллерійской бригады и двумя сотнями бекской дружины, сформированной изъ бековъ, т. е. дворянъ Эриванской губерніи. Такимъ образомъ передъ открытіемъ кампаніи 1854 года Эриванскій отрядъ состоялъ изъ поименованныхъ выше пяти баталіоновъ пѣхоты, изъ которыхъ въ двухъ находилось по три а въ трехъ по четыре роты, всего 18 ротъ, 12-ти орудій, шести сотень Донскаго казачьяго полка и семи сотень мѣстной милиціи, всего около  $3\frac{1}{2}$  тысячъ человекъ.

Пѣхота и артиллерія отряда принадлежали къ лучшимъ кавказскимъ войскамъ, были уже испытаны въ военныхъ трудахъ, обстрѣлены и надежны для боя. Донской казачій № 23-го полкъ, полковника Хрещатицкаго 2-го, неучаствовалъ въ дѣйствіяхъ противъ горцевъ; стычки съ Турками были первые опыты его военнаго поприща; но былъ хорошъ въ хозяйственномъ отношеніи; люди исправны, лошади сыты и надежны. Въ конно-музульманскій № 4-го полкъ всадники были наняты на шесть мѣсяцевъ на счетъ жителей Эриванской губерніи; наемную плату выдали имъ впередъ собственно для заведенія коня и оружія; въ бекскую дружину беки поступали по охотѣ или по наряду, безъ платы на заведеніе коня и оружія; и тѣ и другіе въ продолженіи своей службы получали отъ казны жалованье и деньги на говядину, муку и фуражъ. Содержаніе ихъ обходилось дорого; но могу сказать впередъ на основаніи послѣдующихъ опытовъ, что польза отъ нихъ невелика. Здѣшніе жители музульмане и Армяне, не отличаются воин-

ственностию, и кромѣ того трудно было водворить порядокъ и дисциплину между людьми собранными прямо на войну отъ сохи, безъ предварительнаго обученія, и нанятыми только на шесть мѣсяцевъ. Бóльшая часть всадниковъ конно-музультманскаго полка, въ продолженіи шести мѣсячной службы своей въ отрядѣ, по одиначкѣ оставляли ряды и уѣзжали домой проживая тамъ сколько имъ казалось надобнымъ, иногда возвращались къ полку добровольно, а чаще высылались какъ бѣжавшіе, по сношенію военнаго начальства съ мѣстнымъ начальствомъ Эриванской губерніи. Если бы съ милиціонерами поступить по всей строгости нашихъ законовъ, то пришлось бы разстрѣлять по одиночкѣ цѣлый полкъ, и послѣ перваго примѣра безсомнѣнія ненашлось бы ни одного охотника поступить опять на службу: русское начальство по необходимости смотрѣло на отлучки ихъ снисходительно и ограничивалось только арестомъ виновныхъ. Въ содержаніи аванпостовъ эти милиціонеры не надежны; отрядъ не можетъ довѣряться имъ и спать спокойно; если ихъ поставить на посту однихъ, то можно быть увѣрену, что они уѣдутъ ночью спать куда-нибудь въ безопасное мѣсто. Для атаки они совершенно негодны; при малѣйшей неудачѣ они разсѣются и разойдутся по домамъ; при разбитіи непріятеля они займутся грабежомъ и обираемъ убитыхъ и раненыхъ, своихъ и чужихъ. Говорили, что польза милиціи, временная и случайная, заключается въ томъ, что при сомнительныхъ обстоятельствахъ, въ нее отвлекаютъ изъ народонаселенія безпокойныхъ людей, приучаютъ жителей къ русской службѣ и дѣлаютъ ихъ воинственнѣе. Первая причина едва-ли дѣйствительна, по-крайней-мѣрѣ въ Эриванской губерніи; потому-что 700 человекъ, взятыхъ изъ всего народонаселенія губерніи, ослабляютъ очень мало число безпокойныхъ и опасныхъ людей, тѣмъ болѣе, что

на службу высылають самыхъ бѣдныхъ, смирныхъ и немѣющихся въ краѣ никакого вліянія, а вторая можетъ—быть болѣе ошибка, чѣмъ польза. Единственная польза милиціи въ азіатской войнѣ можетъ состоять въ томъ, что она увеличиваетъ видимую численность войска, выгода двусмысленная, полезная только при нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ съ обѣихъ сторонъ; потому—что для непріятеля воинственнаго и счастливаго, она умножитъ славу побѣды надъ многочисленною толпою, точно также какъ однимъ бесполезнымъ своимъ присутствіемъ она отниметъ у меньшаго числа нашихъ баталіоновъ славу пораженія непріятеля въ десять разъ сильнѣйшаго. Впрочемъ, продолжительныя дѣйствія вмѣстѣ съ русскими войсками, частыя встрѣчи съ непріятелемъ, успѣхи и надежды добычи, могутъ сдѣлать милиціонеровъ мало—по—малу болѣе воинственными. Нѣтъ сомнѣнія, что дисциплина и регулярное устройство были бы полезны и для нихъ, какъ для всѣхъ и вездѣ, и что сформированные изъ нихъ батальоны были бы не хуже баталіоновъ сипаевъ.

Не знаю, какой планъ дѣйствій имѣли Турки, но судя по распоряженіямъ ихъ надо полагать, что они придавали болѣшую чѣмъ мы, важность своимъ дѣйствіямъ и своему твердому положенію близъ границъ Персіи. Изъ свѣдѣній, получавшихся чрезъ лазутчиковъ и другими путями, видно было, что Баязетскій отрядъ въ продолженіи зимы и весны постоянно увеличивался регулярными войсками и баши—бузуками, и потому я буду называть его корпусомъ. По наиболѣе вѣрнымъ показаніямъ, численность его простиралась къ маю мѣсяцу 1854 года до 16-ти тысячъ человекъ, въ томъ числѣ 9-ть тысячъ пѣхоты и 7 тысячъ кавалеріи; молва увеличивала число это до 30-ти тысячъ и къ нимъ ожидали еще прибытія нѣсколькихъ тысячъ человекъ изъ г. Вана. Безсомнѣнія, безпорядки которые про-



извели бы успѣхи Турокъ между мусульманскимъ населеніемъ Эриванской губерніи и всего края до Каспійскаго моря, значительно увеличили ли бы для насъ затрудненія войны и могли имѣть вліяніе на положеніе Персіи. Извѣстно было, что Турки распространяли въ Эриванской губерніи въ 1853 году воззванія, которыми призывали музульманъ къ возстанію и возбуждали ихъ религіозный фанатизмъ и ненависть къ христіанамъ. Вторженіе ихъ осенью 1853 года показало, что безпорядки могли распространяться въ нашихъ закавказскихъ областяхъ между народонаселеніемъ, состоящимъ изъ разныхъ племенъ, находящихся между собою постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ, частію кочевыхъ, полудикихъ и любящихъ безпорядки безъ всякихъ политическихъ расчетовъ, по одной любви къ грабежу и добычѣ. Отъ какихъ бы причинъ не произошли волненія въ Эриванской губерніи и какъ бы они ни были ничтожны, но они могли способствовать въ нѣкоторой степени успѣхамъ Турокъ, а тѣмъ болѣе могли внушить имъ надежды на успѣхъ. Ктому же, близъ Баязета проходитъ большая караванная торговая дорога, по которой провозятъ изъ Трапезонта въ Тавризь и далѣе въ центральную Азію безчисленное количество европейскихъ, преимущественно англійскихъ, произведеній. Для Англичанъ охраненіе и безопасное положеніе этого пути было можетъ-быть важнѣе, чѣмъ самые успѣхи Турокъ въ Эриванской губерніи, и можетъ-быть Баязетскій корпусъ не имѣлъ другаго назначенія.

Въ апрѣлѣ снѣгъ на горахъ, отдѣляющихъ Эриванскую губернію отъ Турціи, растаялъ; горы сдѣлалось проходить; въ маѣ мѣсяцѣ былъ уже подножный кормъ; военныя дѣйствія становились возможны. Въ виду возможности наступленія Баязетскаго корпуса прежде всего представлялся вопросъ о невыгодѣ разобщеннаго положенія Эриван-

скаго отряда на обоихъ берегахъ Аракса, который въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ сильно разливается и сообщеніе чрезъ него дѣлается возможно только паромами. Въ апрѣлѣ 1854 года переправа производилась только однимъ паромомъ у с. Амарата; быстрота теченія рѣки часто портила ее, сообщеніе могло вовсе прекратиться, и потому генераль-лейтенантъ баронъ фонъ-Врангель, донося 12-го мая командующему дѣйствующимъ корпусомъ, что въ Баязетскомъ корпусѣ находится 9-ть тысячъ пѣхоты и 7-мь тысячъ кавалеріи, и ожидаютъ прибытія еще 12-ти тысячъ изъ г. Вана, присовокупляя, что вѣроятно обстоятельства заставятъ его, до убыли воды въ Араксѣ, держать весь отрядъ сосредоточеннымъ на лѣвой сторонѣ рѣки, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ продовольственныхъ средствъ и пути своего отступленія. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ сообщить планъ военныхъ дѣйствій въ предстоящую кампанію 1854 г. На представленія эти генераль-лейтенантъ князь Бобутовъ отвѣчалъ, что по общему плану весенней кампаніи Эриванскій отрядъ долженъ находиться на первое время въ положеніи наблюдательномъ, имѣть въ виду только охраненіе занимаемаго имъ края и не переходить границу пока не воспослѣдуетъ приказаніе перейти въ наступательныя дѣйствія». На основаніи этого, надо было охранять и правую сторону Аракса, т. е. Сурмалинскій участокъ, самый плодородный и населенный изъ всѣхъ частей Эриванской губерніи, но подверженный ближайшему нападенію непріятели и уже потерпѣвшій осенью 1853 года отъ грабежей баши-бузуковъ и Курдовъ, почему генераль баронъ фонъ-Врангель сдѣлалъ распоряженіе къ сосредоточенію всего отряда на правой сторонѣ Аракса, тѣмъ болѣе, что къ половинѣ мая можно было ожидать открытія на немъ бродовъ и возстановленія безопаснаго сообщенія. Обстоятельства заставили ускорить сближеніе между собою ча-

стей войскъ. Около 1-го мая лазутчики сообщили, что до 400 человекъ турецкой конницы подошли къ нашей границѣ и расположились въ 5-ти верстахъ отъ нее близъ куртинской деревни Карабулаха, на прямой дорогѣ отъ Баязета къ Эривани; что къ Карабулаху ожидаютъ прибытія трехъ тысячъ пѣхоты и что Турки имѣютъ намѣреніе вторгнуться въ наши предѣлы. Казачій разъѣздъ, ходившій 2-го мая до границы, дѣйствительно видѣлъ съ горъ турецкую кавалерію, но не въ большомъ числѣ. 5-й баталіонъ Тифлискаго полка, съ орудіями и казаками, тотчасъ былъ переведенъ изъ Кульпы ближе къ баталіонамъ стоявшимъ у Амарата и расположенъ лагеремъ въ 7-ми верстахъ отъ него у д. Ахмамета, а 1-й и 2-й баталіоны Ширванскаго пѣхотнаго полка съ артиллерію и милиція направлены изъ Эчмиадзина въ самый Амаратъ. Въ это время Араксъ находился еще въ сильномъ разливѣ; капать оборвался и паромъ снесло. Пока принимали мѣры къ возстановленію переправы, сучили канатъ, починяли паромъ, баталіоны Ширванскаго полка расположились лагеремъ на лѣвомъ берегу рѣки, противъ и въ виду Амарата.

## II. 1854 годъ. Араксъ.—Агри-дагъ.—Пути въ Турцію.

Я пріѣхалъ около 1-го мая въ г. Эривань, гдѣ находился начальникъ отряда и весь его Штабъ, поступилъ въ составъ отряда и вскорѣ получилъ предписаніе отправиться на правую сторону Аракса для осмотра дорогъ въ Сурмалинскомъ участкѣ, бродовъ на Араксѣ и мѣсть гдѣ можно бы расположить отрядъ на время лѣтнихъ жаркихъ мѣсяцевъ. Съ этихъ поръ я дѣлался очевидцемъ и отчасти дѣйствующимъ лицомъ въ военныхъ происшествіяхъ за Араксомъ. Въ описаніяхъ моихъ будутъ иногда встрѣчаться подробности, относившіяся только до меня и неимѣвшія вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій, но я считаю по-

лезнымъ неисключать ихъ, потому-что они могутъ объяснить театръ войны, жителей съ которыми мы должны имѣть сношеніе и, наконецъ, духъ войскъ нашихъ и турецкихъ. Иногда, мелкія происшествія могутъ разъяснять истинное положеніе вещей лучше чѣмъ официальные описанія. Я не буду упускать даже мѣстныхъ мнѣній и частныхъ предположеній: они могутъ служить матеріаломъ для общаго и болѣе точнаго опредѣленія какого-либо событія смотрящимъ на него съ другаго болѣе удобнаго положенія. Точное и правдивое описаніе очевидцами событій самаго мелкаго театра войны можетъ быть полезно такъ же, какъ описаніе большихъ дѣйствій. На войнѣ, какъ и вездѣ, не все бываетъ такъ, какъ описывается въ дописаніяхъ и даже какъ понимается первоначально самими руководителями и участниками происшествій.

6-го мая я пріѣхалъ на лѣвый берегъ Аракса къ мѣсту переправы, гдѣ стояли лагеремъ два баталіона Ширванскаго полка съ двумя орудіями, прибывшіе за два или три дня изъ монастыря Эчміадзина. Въ Эчміадзинѣ зимняя стоянка для этихъ войскъ оказалась не совсѣмъ удобною; между нижними чинами была довольно сильная болѣзненность, прекратившаяся съ выводомъ солдатъ въ лагерь. Хотя было только начало мая, но жара стояла днемъ сильная; около полудня термометръ показывалъ  $+30^{\circ}\text{P}$ ; ночи были еще прохладны. Лагерь имѣлъ оживленный видъ; противъ самаго фронта происходила переправа чрезъ Араксъ; толпы солдатъ, офицеровъ и жителей стояли на берегу, перевозчики, музульмане прибрежныхъ селеній, приготовляли къ переправѣ лошадей, бѣгали и суетились, раздѣтые до гола. На самомъ берегу были устроены солдатскія кухни; огонь дымился, котлы кипѣли. Тутъ же были разбиты; постоянно окруженные кучею народа, налатки баталіонныхъ маркитантовъ, въ которыхъ продавались говядина, водка,

хлѣбъ, виноградныя вина, табакъ, карты, даже духи, помада и проч. Маркитанты эти нанимаются войсками, продають вещи по цѣнамъ назначеннымъ контрактомъ и постоянно находятся при баталіонахъ, на квартирахъ и въ походахъ; въ Кавказскихъ горахъ и въ Турціи, гдѣ часто трудно найти предметы первой потребности, они необходимы. Они всегда изъ Армянъ и Грузинъ, и какъ туземцы, легко находятъ въ краѣ жизненные припасы, которые жители иногда неохотно продають войскамъ даже за чистыя деньги.

Вода въ Араксѣ начинаетъ прибывать съ весеннимъ таяніемъ снѣговъ въ горахъ, обыкновенно въ мартѣ мѣсяцѣ; въ апрѣлѣ и началѣ мая бываетъ самый сильный разливъ, величина котораго зависитъ отъ количества снѣга выпавшаго въ горахъ зимою, отъ постепенности и медленности, или быстроты его таянія, и особенно отъ весеннихъ дождей, которые сгоняя снѣгъ способствуютъ быстрой прибыли воды. Разливъ въ этомъ году былъ великъ; вода наполнила все логовище рѣки по самымъ края береговъ, прорытыхъ въ плоской равнинѣ; мутныя глинистыя волны стремились съ страшною быстротою. Ширина рѣки во время разлива бываетъ, мѣстами, отъ 100 саженой до одной версты. Обыкновенно убыль воды начинается въ первыхъ числахъ мая. Сначала открывается бродъ въ 5-ти верстахъ выше Амарата между д. д. Ахаметомъ и Агаверомъ, лежащими на правомъ, и с. Джамфида на лѣвомъ берегахъ; потомъ во второй половинѣ мая у самаго с. Амарата, и въ іюнѣ выше Амарата, одинъ между д. д. Арабъ-Керлю и Кара-Калá и другой у д. Шаварута. Съ постепенною убылью воды, выказываются во многихъ мѣстахъ отмели; рѣка раздѣляется на многіе рукава, потомъ нѣкоторыя рукава пересыхаютъ, широкое дно русла, усѣянное голышами, показывается почти все внаружу; лѣтомъ, начи-

ная съ августа, осенью и зимою Араксъ бѣжить тихо между обмелѣвшими неровностями дна узкою полосою отъ 5-ти до 10-ти сажень ширины, или нѣсколькими рукавами, которые еще уже, и дѣлается почти вездѣ проходимъ въ бродъ. Обмелѣнію Аракса лѣтомъ и осенью способствуетъ также множество канавъ, отведенныхъ въ обѣ стороны для орошенія полей на равнинѣ.

Для переправы у Амарата выбрали самое узкое мѣсто, гдѣ рѣка имѣла около 100 сажень ширины. Паромъ не былъ готовъ, или его берегли для крайпей надобности, потому-что единственный годный канатъ былъ старъ и тонокъ и частое употребленіе могло вовсе испортить его. Людей перевозили на лодкѣ ходившей по веревкѣ, перетянутой съ одного берега на другой. Я съ людьми и вещами перѣхалъ на ней; лодка перелетѣла какъ стрѣла. Лошадей и другихъ животныхъ переправляли вплавъ. Обыкновенно одинъ перевозчикъ, совершенно нагой, бралъ двухъ лошадей, спускался съ ними въ удобное мѣстѣ въ воду, подкладывая себѣ подъ грудь два связанные надутые бурдюка, т.-е. кожи, снятыя цѣликомъ съ какого-нибудь животнаго, барана, козла или теленка, и пускался вплавъ, держа лошадей ниже себя по теченію, въ поводу, для того чтобы они не возвратились опять на тотъ берегъ съ котораго отправляются. Вода уноситъ далеко; сначала видѣются только головы плывущихъ, потомъ они скрываются за волнами, и ихъ видишь наконецъ, когда они въ одной или двухъ верстахъ становятся на твердое дно у противоположнаго берега. Лошади поднимаются изъ воды, останавливаются и отдыхаютъ нѣкоторое время, потомъ выходятъ на берегъ, отряхаются и, утомленные, опустивъ голову стоять неподвижно. Случай утопленія лошадей очень рѣдки: при мнѣ переправилось нѣсколько десятковъ и все счастливо.

Въ Амаратѣ, кромѣ 5-го баталіона Мингрельскаго егерскаго полка, былъ расположенъ Штабъ Донскаго казачьяго № 23-го полка. Здѣсь я нашелъ командира его, полковника Хрещатицкаго, командовавшаго временно войсками, расположенными на правой сторонѣ Аракса, и условился съ нимъ въ поѣздкахъ для осмотра мѣстности, бродовъ, дорогъ, границы съ Турціею и, если дозволятъ обстоятельства, для рекогносцировки непріятеля. Я не имѣлъ порученія рекогносцировать непріятеля, но при поѣздкахъ къ границѣ могъ представиться случай встрѣчи съ нимъ, а мнѣ очень хотѣлось хотя взглянуть на Турокъ, которыхъ при оборонительномъ и наблюдательномъ положеніи нашего отряда я могъ неувидѣть цѣлый годъ, если бы они сами незаблагоразсудили придти къ намъ.

Въ это время здѣсь была уже весна въ полномъ цвѣтѣ. Погода стояла превосходная. Армянскія и татарскія деревни утопали въ зелени фруктовыхъ деревьевъ, яблонь, грушъ, вишневыхъ, тутовыхъ и дикаго финика. Благоуханіе послѣдняго такъ сильно, что запахъ его чувствуется за-версту и болѣе не доѣзжая деревни. Жители оставались только въ Амаратѣ, населенномъ Армянами, и въ другихъ деревняхъ, близъ которыхъ стояли наши войска. Но поля были всѣ засѣяны и на нихъ видѣлись люди, которые днемъ выѣзжали на работу, даже въ даль отъ Аракса, а на ночь возвращались въ деревни занятія войсками. Хотя земля низменной долины Аракса очень плодородна и жители должны бы быть зажиточны, но край имѣетъ бѣдный видъ. Дома грязны, низкія стѣны слѣплены изъ сплошной массы глины и покрыты плоскою крышею, на которой положенъ также слой глины; половъ и стеколъ въ оконныхъ отверстіяхъ нѣтъ. Эта долина Аракса была центромъ Большой Арменіи, древняго Армянскаго царства, и первая столица его, Армавиръ, отъ которой не

\*

осталось никакихъ слѣдовъ, находилась на лѣвой сторонѣ Аракса недалеко отъ мѣста настоящаго Амарата. Отъ времени язычества и эпохи могущества Армянскаго царства, неосталось даже развалинъ, и единственные остатки самостоятельной Арменіи—это христіанскія церкви не старѣе IV-го вѣка по Р. Х.

Бродъ у дер. Агавера, Ахмамета и Джамфида уже открылся, и мы осмотрѣли его и проѣхали имъ 8-го Мая. Араксъ разливается здѣсь почти на версту шириною. Во многихъ мѣстахъ изъ воды поднялись уже островками обмельвшія неровности дна; почти на всемъ протяженіи бродъ былъ довольно мелокъ, и только въ трехъ главныхъ рукавахъ вода имѣла около 6-ти четвертей глубины. Дно брода вездѣ твердое, усѣянное глыбами. Повозки могли уже переправляться. По показанію жителей, вода будетъ спадать съ каждымъ днемъ всё болѣе-и-болѣе, но если выпадетъ сильный дождь, то опять увеличится и бродъ можетъ закрыться. Переправа вообще была хотя возможна, но ненадежна; бродъ слишкомъ длиненъ; прихотливые многочисленные извилины его были знакомы только мѣстнымъ жителямъ, и тѣ скоро отыскивали настоящій путь, прежде пробовали и часто возвращались назадъ. По сторонамъ брода рѣка была еще глубока и при малѣйшемъ ложномъ направленіи повозки могли опрокинуться. Время разлива рѣки было самое удобное для наступательныхъ дѣйствій Турокъ, если бы они были предприимчивы и способны дѣйствовать наступательно. Они захватили бы на правой сторонѣ Аракса расположенные здѣсь наши три баталіона, совершенно отдѣленные отъ двухъ баталіоновъ Ширванскаго пѣхотнаго полка. Я не полагаю, чтобы опасность была велика и для трехъ нашихъ баталіоновъ: можетъ-быть даже они были бы принуждены разбить Турокъ, если бы Турки тѣснили ихъ слишкомъ неосторожно;



но это зависѣло отъ обстоятельствъ и отъ образа нашихъ дѣйствій.

Начальство Эриванскаго отряда имѣло въ виду, что вѣроятно отрядъ останется все лѣто и всю кампанію въ оборонительномъ и наблюдательномъ положеніи въ нашихъ предѣлахъ собственно для защиты Эриванскаго уѣзда, и въ такомъ положеніи главный мѣстный и очень важный вопросъ, который надо было рѣшить заблаговременно и разъясненіе котораго составляло главную цель моей поѣздки за Араксъ, заключался въ отысканіи мѣста, гдѣ можно было поставить отрядъ на время самыхъ сильныхъ лѣтнихъ жаровъ, бывающихъ въ июль, августъ и сентябрь, такъ-какъ, по общему мнѣнію людей знакомыхъ съ краемъ и его климатомъ, и самихъ туземцевъ, войска въ эти мѣсяцы положительно немогли оставаться на равнинѣ Аракса. Эта равнина, лежащая между хребтами, съ сѣвера Алла-Гѣзомъ и его отраслями и съ юга Агри-дагомъ, совершенно плоская и имѣетъ поперекъ, т.-е. по направленію нашего пути дѣйствія съ сѣвера на югъ, отъ Эривани до Орговскаго поста, около 60-ти верстъ ширины; по срединѣ ея и параллельно ограничивающимъ ее хребтамъ, течетъ съ запада на востокъ Араксъ. Она очень плодородна. Кромѣ обыкновенныхъ произрастеній, на ней воздѣлываютъ рисъ и хлопчатую бумагу. Но такъ-какъ дождей лѣтомъ здѣсь почти не бываетъ, или очень рѣдко, то поля орошаются искусственно помощію канавъ, въ которыя вода отведена изъ Аракса, чему плоская мѣстность представляетъ удобства. На рисовыя поля вода напускается въ большомъ количествѣ и оставляется на нихъ до-тѣхъ-поръ, пока высохнетъ, что дѣлаетъ ихъ почти постоянно похожими на гниющее болото. Въмѣстѣ съ тѣмъ жара здѣсь чрезвычайно сильна и доходитъ до  $-1-45^{\circ}$ , даже, какъ говорятъ до  $50^{\circ}$  R.; камни накаляются лѣгомъ до такой сте-

пени, что если кавалерія остановится на нѣкоторое время на каменной мѣстности, то скоро чувствуется запахъ отъ горящихъ копытъ. Такая жара въ соединеніи съ вредными испареніями гниющихъ полей, вособенности рисовыхъ, производитъ спльня, смертсльныя лихорадки, которымъ подвержены не только люди, но и всѣ животныя, — и для избѣжанія ихъ мѣстные жители каждое лѣто уходятъ съ своими стадами на временную кочевку въ горы, въ Алла-Гѣзъ или Агри-дагъ, гдѣ прохладнѣе; въ селеніяхъ обыкновенно остается нѣсколько стариковъ собственно для орошенія полей, или они сходятъ на равнину, когда настаетъ время и очередь пустить воду на поля изъ капавы. Жители Эривани, вособенности всѣ служащіе тамъ Русскіе и всѣ управленія, переходятъ также на лѣтнее время въ Алла-Гѣзъ, въ урочищѣ Дарачичагъ, въ которомъ для этого устроены нарочно лѣтнія помѣщенія. Вліяніе климата особенно вредно для вновь прибывающихъ сюда жителей съвера. Къ неудобствамъ его на равнинѣ Аракса присоединяются еще скорпіоны, фаланги и другія ядовитыя насѣкомыя, комары и особый родъ мелкихъ, почти непримѣтныхъ для глаза, мошекъ, которыя не даютъ спать ни днемъ ни ночью и отъ укушенія которыхъ все тѣло покрывается язвами. Войска должны были непременно послѣдовать примѣру жителей, и на время лѣтнихъ жаровъ стать въ горы; въ противномъ случаѣ, всѣ предсказывали, что на равнинѣ Аракса отрядъ переболѣетъ весь и ляжетъ въ госпиталь. Кромѣ-того что лихорадки бываютъ сами по себѣ смертельны, — у выздоравливающихъ остаются отъ нихъ послѣдствія, развивающіяся съ наступленіемъ сыраго осеняго и зимняго времени въ тѣхъ; большая смертность по твердому убѣжденію всѣхъ была неизбежна. Отрядъ могъ сдѣлаться не только неспособнымъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, но даже и къ про-

тиводѣйствию Туркамъ, если бы они оснью перешли въ наступленіе. Въ отрядѣ имѣли полное право бояться жаровъ и желать принять заблаговременно противъ нихъ какія-либо мѣры. Расположеніе войскъ въ Алла-Гёзъ было бы совершенное отступленіе, которымъ мы предоставляли во власть Туркамъ весь Эриванскій уѣздъ и открывали имъ даже путь къ Эривани; необходимость заставляла стать въ Агри-дагъ, по вершинѣ котораго идетъ граница наша съ Турками, — и, слѣдовательно, сблизиться съ непріателемъ; мѣста удобныя для лѣтней стоянки войскъ надо было отыскивать только въ Агри-дагъ. Хребетъ этотъ безлѣсенъ и въ бѣльшей части протяженія своего по границѣ — безводенъ. Знакомые съ краемъ указывали только на одно мѣсто въ немъ, имѣющее всѣ удобства для расположенія войскъ, т.-е. прохладный климатъ, воду, топливо для варки пищи и подножный кормъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе скорпионовъ, фалангъ, мошекъ и комаровъ, — это у Абазъ-гѣльскаго перевала въ Турцію, близъ горныхъ деревень Абазъ-Гёля и Таускуна, что было совершенно справедливо; другихъ мѣстъ, соединяющихъ всѣ вышеозначенныя удобства, не находилось.

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать болѣе понятнымъ описаніе будущихъ поѣздокъ нашихъ къ границѣ и первыхъ встрѣчъ съ Турками и опредѣлить лучшей способъ, не только расположенія отряда, какъ вещь второстепенную, но и дѣйствій его, я считаю полезнымъ бросить прежде общій взглядъ на мѣстность, лежавшую между нами и непріателемъ, театръ предстоявшихъ намъ оборонительныхъ или наступательныхъ дѣйствій. Характеръ мѣстности указывалъ самъ возможныя для насъ дѣйствія.

Ставь у Амарата и обратясь лицомъ къ югу, къ сторонамъ Турціи, видишь передъ собою какъ на планѣ весь

театръ дѣйствій Эриванскаго отряда. Съ востока на западъ тянется высокій хребетъ Агри-дага, отдѣляющій Россію отъ Турціи. Въ грядѣ его, немного влѣво, т.-е. къ востоку, стоитъ громадная масса Большаго Арарата, вершина котораго покрыта вѣчнымъ снѣгомъ, а изъ-за него, еще лѣвѣе, выказывается конусообразная вершина Малаго Арарата. Хотя отъ Амарата до вершинъ хребта отъ 40-ка до 50-ти верстъ, но громады горъ кажутся близко, стѣсняють широкую плоскую равнину и представляютъ ея узкою юлосою; размашистые очерки горныхъ покатоствъ видны ясно, но въ отдаленіи исчезаютъ подробности и цѣлыя деревни. Круглыя вершины и бока Агри-дага пустышны и покрыты травою; видъ издали однообразенъ; разительныхъ очерковъ и скалъ нѣтъ. Отрасли отходящія отъ него къ сѣверу, восточнѣе и западнѣе Амарата, постепенно понижаясь, послѣдними террасами упираются въ русло Аракса, и такимъ-образомъ подошва всего хребта и его отраслей ограничивается съ юга плоскую равнину лежащую кругомъ Амарата полукружіемъ, котораго центръ въ Амаратѣ, основаніе Араксъ и радіусъ, т.-е. ширина равнины отъ Амарата до подошвы горъ около 20-ти верстъ. Отъ Амарата идутъ въ Баязетскій пашалыкъ три дороги, удобныя для движенія артиллеріи и обозовъ, переваливающіяся черезъ хребетъ Агри-дага въ самыхъ низкихъ мѣстахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ переваловъ: Орговскаго, Караванъ-Сарайскаго и Абазъ-Гельскаго: первая, лѣвая, прямо на югъ черезъ с. Игдырь и Орговскій постъ имѣетъ до границы 39 верстъ и есть самая кратчайшая до непріятеля и г. Баязета; вторая, вправо, на юго-западъ, длиною около 50-ти верстъ до границы, ближайшая для движенія въ долину Евфрата и потомъ къ Арзеруму, болѣе длинная и менѣе удобная для движенія къ Баязету въ виду непріятельскаго корпуса, стоящаго на первой дорогѣ,—и третья,

длиною около 60-ти верстъ до границы еще болѣе выраво и на юго-западъ; съ этой послѣдней дороги по переходѣ чрезъ хребетъ, для слѣдованія къ Баязету нужно повернуть налѣво почти назадъ. Всѣ три перевала, чрезъ которые идутъ эти дороги, видны изъ Амарата болѣе углубленными сѣдловинами между отдѣльными вершинами хребта, и отстоятъ одинъ отъ другаго: Караванъ-Сарайскій отъ Орговскаго на 25 и Абазъ-Гельскій отъ Караванъ-Сарайскаго на 20 верстъ. Между ними вдоль и поперегъ хребта существуетъ много горныхъ дорогъ и тропинокъ; но онѣ всѣ неудобны для движенія обозовъ, и по нимъ ѣздятъ только конные или ходятъ пѣшіе. Точно такъ же на плоской равнинѣ Аракса движеніе обозовъ и артиллеріи возможно только по этимъ тремъ главнымъ дорогамъ; на нихъ устроены мосты чрезъ канавы, проведенныя по равнинѣ во всѣхъ направленіяхъ; на остальныхъ промежуточныхъ дорогахъ мостовъ нѣтъ и сообщеніе возможно только для пѣшихъ и конныхъ. Возлѣ третьяго изъ вышеупомянутыхъ главныхъ переваловъ чрезъ Агри-дагъ, Абазъ-Гельскаго, находится въ нашихъ предѣлахъ самое удобное мѣсто для стоянки войскъ у д. д. Абазъ-Геля и Таускуна.

Изъ этого очерка мѣстности видно, что таускунская позиція удобная по климату и въ хозяйственномъ отношеніи, была неудобна въ военномъ. Основаніемъ дѣйствій непріятели былъ г. Баязетъ, гдѣ находились продовольственные, артиллерійскіе и другіе его запасы, госпиталь и укрѣпленный замокъ. Опираясь на этотъ городъ, турецкій корпусъ стоялъ между нимъ и Орговскимъ переваломъ, на прямой и кратчайшей дорогѣ и пути своихъ дѣйствій отъ Баязета чрезъ Амаратъ къ Эривани;—извѣстно было, что главныя силы его расположены въ самомъ Баязетѣ и въ ближайшихъ къ Орговскому перевалу селеніяхъ, а противъ

Караванъ-Сарайскаго и Абазъ-Гельскаго переваловъ стояли только небольшіе наблюдательные отряды башп-бузукъ отъ 200 до 300 человѣкъ каждый. Точно также и для насъ орговская дорога была главнымъ прямымъ и кратчайшимъ путемъ дѣйствій. Въ Эривани находились наши запасы и госпиталь, а переправа чрезъ Араксъ была на этой дорогѣ у Амарата. Расположившись у Абазъ-Гельскаго и даже у Караванъ-Сарайскаго переваловъ, мы находились бы въ 30-ти или 50-ти верстахъ отъ непріятеля и въ сторонѣ отъ кратчайшаго пути его дѣйствій, открывали бы ему всю Эриванскую губернію, или по-крайней-мѣрѣ ея главнѣйшую, болѣе населенную и плодородную часть и даже прямую дорогу на Эривань, а сами заперлись бы въ горахъ, гдѣ сообщеніи вдоль хребта нѣтъ, и не знали бы даже что дѣлается у Амарата! Такое расположеніе могло бы внушить самому непредприимчивому непріятелю желаніе попробовать дѣйствовать на наши сообщенія и пограбить оставленный нами край — хотя набѣгами одной кавалеріи. Турки успѣли бы дойти до Амарата, разорить селенія и нашу переправу, перехватить наши транспорты, разбить ихъ прикрытіе и уйти, прежде чѣмъ мы узнали бы объ этомъ, и тѣмъ болѣе чѣмъ успѣли бы на выручку края. Одно появленіе Турокъ на границѣ вдали отъ насъ, одни слухи о наступленіи ихъ, часто бывающіе ложными, подвергали бы отрядъ у Абазъ-Геля безпрестаннымъ тревогамъ, а иногда напраснымъ движеніямъ. Войска часто спускались бы на равнину Аракса для противодѣйствія непріятелю, и не спаслись бы отъ вреднаго вліянія ея климата. При оборонительномъ положеніи и необходимости стать лѣтомъ на возвышенныхъ мѣстахъ, самое лучшее расположеніе казалось бы на орговской дорогѣ, прямо противъ непріятеля, у Орговскаго поста, или нѣсколько выше его; но здѣсь нѣтъ топлива, мало под-

ножнаго корма, мѣсто это мало возвышенно, немногимъ разнится по климату отъ равнины Аракса и источникъ воды, находящійся у самаго Орговскаго поста, въ августѣ и сентябрѣ почти пересыхаетъ. Во всякомъ случаѣ, по какой бы дорогѣ отрядъ нерасположился въ горахъ въ совокупности, не раздробляясь, онъ открывалъ Эриванскую губернію вторженію непріятеля чрезъ другіе перевалы и по другимъ дорогамъ. Для бѣльшаго прикрытія можно было раздѣлить отрядъ и поставить его по частямъ, на всѣхъ трехъ дорогахъ; но и это не помѣшало бы непріятелю прорываться по горнымъ тропинкамъ и грабить селенія въ тылу у насъ; и, главное, подвергало насъ разбитію по частямъ; и этотъ способъ защиты былъ бы самымъ худшимъ. Честь была дороже армянскихъ и татарскихъ селеній; гоняясь за ничтожными отдаленными мелочами, мы упустили бы и ихъ и собственную безопасность.

Слѣдовательно, единственно возможное и удобное расположение отряда въ военномъ отношеніи, собственно и непремѣнно въ оборонительномъ положеніи,—было на равнинѣ кругомъ Амарата, болѣе или менѣе сосредоточенно. Здѣсь есть вода, топливо, и хотя нѣтъ дароваго подножнаго корма, но войска могли покупать траву, которую жители сѣютъ въ полѣ. Отсюда мы могли встрѣтить непріятеля по какой бы дорогѣ онъ ни пошелъ, даже отрѣзать ему путь отступленія, если бы онъ спустился до самаго Аракса; существенно охраняя самую плодородную часть правой стороны Аракса, Сурмалинскій участокъ, и всю долину этой рѣки лежащую по лѣвой ея сторонѣ за нами, мы владѣли бы переправою, и уже самымъ расположеніемъ прикрывали сообщенія свои съ Эриванью. Но и это расположение имѣло нѣкоторыя менѣе важныя неудобства, даже до наступленія жаровъ, собственно въ буквальномъ смыслѣ, защиты нашихъ границъ отъ непріятеля. Все горное про-

странство въ нашихъ предѣлахъ на 20 верстѣ отъ границы было брошено нами еще съ осени 1853 года и, можно сказать принадлежало Туркамъ, которые безнаказанно владѣли нашею землею, что, безсомнѣннѣ, въ глазахъ здѣшняго населенія не дѣлало намъ чести и показывало нашу слабость. Въ горахъ находилось нѣсколько небольшихъ деревень, населенныхъ музульманами, которые не бросали своихъ жилищъ и оставались въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ непріятелю. Башни-бузукки квартировали у нихъ спокойно, пользовались пищею и фуражомъ, и было слышно, что жители этихъ деревень возили даже пшеницу и ячмень, какъ подать, или на продажу войскамъ Баязетскаго корпуса. Башни-бузуковъ можно было прогнать набѣгами или сильными разбѣдами одной кавалеріи, но и разбѣды были неудобны и даже опасны. Южныя покато-сти Агри-дага въ Турціи, гораздо короче чѣмъ сѣверныя въ Эриванской губерніи, оттого что дно баязетской долины гораздо выше чѣмъ дно или плоскость равнины Аракса. Первые ручьи и на нихъ селенія находятся въ Турціи на плоскости Баязетскаго санджака въ разстояніи 5-ти верстѣ отъ хребта горъ и отъ нашей границы, и въ этихъ-то селеніяхъ: Карабулахъ, Арзанъ, Курунъ и Мусунъ, квартировали передовыя части непріятельскихъ войскъ. Туркамъ было близко до нашихъ предѣловъ. Они дѣлали къ намъ вторженіе не утомленные большимъ переходомъ, могли смѣлѣе посѣщать наши пограничныя деревни и даже жить въ нихъ. Напротивъ, со стороны Эриванской губерніи первая вода у подошвы горъ и на ней селенія, занятыя нашими передовыми частями войскъ, находятся въ 25-ти верстахъ отъ границы и даже болѣе, именно по орговской дорогѣ, с. Игдырь и по караванъ-сарайской дорогѣ д. Кюлюкъ, гдѣ проходятъ самыя дальнія канавы, отведенныя отъ Аракса; въ этихъ селеніяхъ стояли наши передовыя сотни ка-



заковъ. Чтобы дойти до границы, казаки должны были сдѣлать переходъ въ 25 верстъ, постоянно подымаясь въ гору, и подвергаясь опасности встрѣтить свѣжаго непріятеля и быть имъ атакованными. Поэтому-то казацкіе разъѣзды почти не ходили до границы; и вообще для всего отряда или части его, движеніе въ горы представляло то же неудобство. Положеніе это могло быть принято какъ существующій уже фактъ, а при нѣкоторой предприимчивости отстранено наступательными дѣйствіями въ нашихъ предѣлахъ не переходя границу; но дурнаго климата равнины Аракса нельзя было избѣжать ни чѣмъ, и мы могли опасаться, что если насъ не побьютъ Турки, то мы сами перемремъ на половину, — обыкновенный результатъ и почти наказаніе робкихъ военныхъ дѣйствій.

Однимъ словомъ, оставаясь въ оборонительномъ положеніи, гдѣ бы мы ни стали и чтѣбы ни дѣлали, мы вездѣ встрѣчали большія неудобства. Положеніе отряда было затруднительно. Чтѣ же оставалось дѣлать?.... Выходъ былъ одинъ: перейти въ наступательныя дѣйствія, и постараться разбить Турокъ. Весь вопросъ заключался въ томъ, — можетъ ли нашъ отрядъ, состоящій изъ 3600 ч., вступить въ бой съ турецкимъ корпусомъ, силы котораго простираются до 10-ти тысячъ, а съ нерегулярными войсками можетъ-быть даже до 20 тысячъ и болѣе, и логически надѣяться одержать надъ нимъ побѣду. Числа давили перевѣсъ непріятелю; но народное самолюбіе и всѣ примѣры прошедшихъ войнъ съ Турками говорили, что мы можемъ разбить его. Оборонительное положеніе какъ-то стѣсняло, почти стыдило насъ; могу сказать, что это чувство было общее въ каждомъ солдатѣ, во всѣхъ непонимавшихъ причинъ и оскорбленій высшаго начальства. Это чувство можетъ быть ошибочно, но оно есть, и дай Богъ чтобы неоказывалось ошибочнымъ по неумѣнью имъ пользоваться. И дѣйстви-

тельно, повидимому не было ни какихъ причинъ, чтобы не попробовать счастья въ наступательныхъ дѣйствіяхъ. Худшее, что могло съ нами случиться при неудачѣ, это то, что мы отступили бы, но отступили бы въ порядкѣ и стали бы опять на настоящихъ мѣстахъ. Въ случаѣ удачи, если бы даже изъ Эриванскаго отряда неизвлекли ни какой пользы для дальнѣйшихъ успѣховъ войны, мы стали бы лагеремъ въ Баязетскомъ санджакъ (уѣздѣ), гдѣ мѣстность возвышеннѣе, климатъ прохладнѣе и здоровье чѣмъ въ Эриванской губерніи. Для насъ цѣль войны состояла пока въ хорошей стоянкѣ. Самы обстоятельства и крайняя надобность указывали намъ лучший способъ дѣйствій и заставляли дѣйствовать наступательно. Кругомъ Александрополя мѣстность также значительно возвышеннѣе, чѣмъ на равнинѣ Амарата; Александропольскій отрядъ находился въ гораздо выгоднѣйшихъ климатическихъ условіяхъ, чѣмъ Эриванскій, и могъ съ меньшею опасностію для своего здоровья оставаться все лѣто на одномъ мѣстѣ. Наконецъ, наступленіе въ Баязетскій санджакъ было полезно даже для того только, чтобы узнать, есть ли противъ насъ какой-нибудь непріятель. Оборонительное положеніе во что бы то ни стало могло оказаться современемъ совершенно нелѣпымъ. При затрудненіи имѣть намъ хорошихъ лазутчиковъ и при искусныхъ распоряженіяхъ турецкаго начальства, умѣющаго вообще хорошо распространять ложные слухи, мы могли простоять все лѣто въ 30-ти верстахъ отъ границы, въ убѣжденіи, что Баязетскій корпусъ состоитъ изъ 30-ти тысячъ, а въ немъ въ самомъ дѣлѣ могли быть только одни башни-бузуки и одинъ или два баталіона пѣхоты. На войнѣ надо стараться осязать положеніе дѣлъ своими руками.

Поэтому, донося о произведенномъ мною осмотрѣ мѣстности и о невыгодахъ расположенія въ нашихъ предѣлахъ,

и почерная въ самомъ войскѣ желаніе и идею дѣйствій, я рѣшился высказать мнѣніе, что единственное средство защитить Эриванскую губернію и спасти отрядъ отъ губельнаго вліянія климата,—это перейти въ наступленіе съ цѣлью разбить Баязетскій корпусъ. При несоразмѣрности силъ нашихъ и непріятельскихъ и при существовавшемъ положеніи дѣлъ съ конца 1853 года, я опасался, что это мнѣніе покажется опрометчивымъ и хвастливымъ; но послѣдствія показали, что такія дѣйствія были неизбежны и возможны.

Вечеромъ 10-го мая я отправился съ полковникомъ Хрещатицкимъ въ с. Игдырь, чтобы 11-го числа сдѣлать осмотръ орговской дороги и перевала по ней въ Турцію. Полковникъ Хрещатицкій, командовавшій войсками на правой сторонѣ Аракса, долженъ былъ оставаться вообще въ оборонительномъ положеніи, не имѣя права переходить границы и завязывать дѣла съ непріателемъ. Мы должны были ограничиться однимъ осмотромъ. С. Игдырь было разорено Турками въ 1853 году и брошено жителями. Все дерево изъ домовъ было вывезено непріателемъ на топливо, во время стоянки его въ октябрѣ и ноябрѣ 1853 года у Орговскаго поста; стѣны стояли безъ крышъ и дверей. Теперь въ немъ находились двѣ сотни казаковъ, наблюдавшихъ за орговскою дорогою и выставявшихъ передовой постъ у разоренныхъ Аргаджинскаго или Мучинскаго постовъ въ 3-хъ верстахъ отъ Игдыря, и нѣсколько человекъ Армянъ орошавшихъ поля и почевавшихъ возлѣ казаковъ, также какъ и они въ постоянной осторожности и ожиданіи непріятеля. Здѣсь видѣлось уже присутствіе непріятеля, хотя до него оставалось еще болѣе 30-ти верстъ. Мы выступили изъ Игдыря 11-го мая въ 2 часа по полуночи съ 1½ сотнями казаковъ и нѣсколькими охотниками изъ Курдовъ и другихъ жителей. Это была первая попытка къ

границѣ, обозначающая нѣкоторое намѣреніе. Нѣсколько Армянъ находившихся въ Игдырѣ, не спали и слѣдили за нашимъ выступленіемъ; когда мы проѣзжали мимо ихъ, они провожали насъ желаніемъ успѣха, произносимымъ шепотомъ. Ночь была безлунная и облачная; въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Дорога около 6-ти верстъ идетъ по равнинѣ, потомъ подымается въ гору по отлогій покатости до Орговскаго поста, довольно большаго четырехугольнаго каменнаго зданія, устроеннаго для обороны; бѣлыя стѣны его неясно выступали изъ темноты когда мы проѣзжали мимо. Отсюда дорога начинается подыматься въ гору по болѣе крутой покатости. Мы шли скоро и дѣлали по 6-ти или 7-ти верстъ въ часъ. Съ разсвѣтомъ, не встрѣтивъ и не замѣтивъ нигдѣ непріятеля, мы прибыли на гребень хребта, и я увидѣлъ въ первый разъ турецкую землю. У ногъ нашихъ лежала глубокая и широкая долина Баязетскаго саиджака, ограниченная съ юга высокими красноватыми и сипеватыми уступами Алладага, на полускатѣ которыхъ лежитъ г. Баязеть. На днѣ долины, между нами и городомъ, сверкала окруженная зелѣнѣвшими лугами зеркальная поверхность озера, и въ разныхъ мѣстахъ серебрились тонкими нитями ручьи и рѣчки; правѣ озера, со дна зеленой долины, подымалась гряда скаль, суроваго дикаго вида съ отвѣсными боками и зубчатою какъ пила вершиною. Влѣво отъ насъ стояла заоблачная масса Арарата, спускавшаяся крутыми уступами и рѣзко обозначеннымъ подножіемъ въ глубину долины. Баязеть можно было разсмотрѣть довольно ясно въ зрительную трубку. Кварталы его разбросаны между оврагами; лежащія надъ нимъ высоты опоясываютъ его съ восточной и нѣсколько съ южной стороны скалистымъ уступомъ, къ которому прилѣплены зданія укрѣпленнаго замка; значительныя кругизны лежатъ между нижними до-

мами и плоскостью равнины. Весь городъ имѣеть издали видъ гнѣзда ласточки, прилѣпленнаго къ полускату горы. По серединѣ города возвышается масса другаго, главнаго, замка, надъ которымъ стоитъ тонкая башня минарета. Картина освѣщенная первыми лучами восходящаго солнца была великолѣпна. Она казалась тѣмъ лучше, что была чужая, вражеская собственность, которою мы имѣли право завладѣть, но теперь могли только смотрѣть на нее и любоваться издали. Такія зрѣлища должны возбуждать жажду завоеваній.

Въ то же время вниманіе наше было привлечено непріятельскимъ постомъ изъ 15-ти баши-бузуковъ, стоявшихъ на покатосяхъ горъ, внизу подъ нами и въ 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> верстахъ отъ границы. Лошади ихъ спокойно паслись и разошлись въ разныя стороны. Замѣтивъ насъ, баши-бузуки встревожились, бросились къ лошадямъ, вскочили въ седла и построились въ одну линію фронтомъ къ намъ. Двое, производя сигнальные выстрѣлы, поскакали къ Карабулаху, куртинскому зимовнику, находившемуся у подошвы горъ на равнинѣ, въ 5-ти верстахъ отъ границы; остальные тотчасъ начали джигитовать. Они по одиночкѣ во весь каррьеръ выѣзжали изъ фронта, нѣкоторые изъ нихъ, — это были Курды, — подымали въ правой рукѣ копьѣ, держа его въ горизонтальномъ положеніи, неслись будто въ атаку, дѣлали выстрѣлъ, быстро поворачивали назадъ и въѣзжали въ линію, гдѣ заряжали оружіе. Нѣсколько человекъ казаковъ и бывшихъ съ ними Курдовъ и Армянъ, служившихъ въ Донскомъ № 23-го полку, не вытерпѣли и поскакали за баши-бузуками, которые немедленно стали быстро отступать, производя безпрестанно выстрѣлы болѣе какъ сигналы, потому-что между ними и преслѣдовавшими ихъ казаками оставалось постоянно большое разстояніе. Но нашихъ остановили: баши-бузуки остановились также и меж-

ду баши-бузуками и нашими Армянами и Курдами выѣзжавшими впередъ, завязалась перебранка, прерываемая выстрѣлами.

— Зачѣмъ вы, собаки, пріѣхали сюда? кричалъ во все горло баши-бузукъ.

— Чтобы посмотрѣть на васъ, ослиное стадо! — отвѣчалъ также крича изо всей мочи нашъ Армянинъ или Курдъ.

— Убирайтесь вонъ! Ваша земля за Араксомъ, а до Аракса наша! кричалъ баши-бузукъ:—Мы прогнали васъ, собачьи дѣти; зачѣмъ вы опять лѣзете?

— Ты хвастаешь какъ баба! отвѣчали наши.

— Дѣти срама! (Гарамъ-задâ). Развѣ мы не натѣшились вашими женами!

— Скажите вашимъ, чтобы они ждали насъ! Да велите имъ вымыться!

— Курды! кричалъ турецкій Курдъ нашимъ Курдамъ:—Вы служите гяурамъ, христіанамъ, Москову! (Турки называютъ Русскихъ Московомъ). Вы измѣняете пророку!

— А вы, дураки, служите Французамъ и Англичанамъ! отвѣчалъ нашъ Курдъ:—Вы нанялись имъ въ конюхи и работники!

Ругаться въ передовой цѣпи, говорятъ, всеобщій обычай въ Азіи; азіатцы изобрѣтательны въ оскорбленіяхъ и стараются задѣть противника за самую чувствительную струну. Раздраженные взаимными оскорбленіями, ругающіеся скакали другъ къ другу, но не сѣзжались близко, дѣлали другъ въ друга выстрѣлъ и разъѣзжались.

Пока происходила эта перебранка, мы сдѣлали привалъ, отдохнули, позавтракали и накормили лошадей. О появленіи нашемъ скоро узнали въ Карабулахъ, гдѣ стояло около 300 или 400 баши-бузуковъ. Мы видѣли въ зрительную трубку, какъ тамъ суетились, собирались, потомъ выступали и шли медленно въ гору къ нашей сторонѣ отдѣль-

ными толпами отъ 20-ти до 50-ти человекъ. Ихъ собралось наконецъ всего около 300 человекъ, и они остановились передъ нами въ разстояніи около одной версты. Они видимо не желали завязывать дѣла, вѣроятно опасаясь, что насъ болѣе чѣмъ сколько стояло на перевалѣ, а можетъ-быть поджидали подкрѣпленій, и только наблюдали за нами. Изъ Карабулаха не выѣзжало болѣе всадниковъ, вся передовая часть турецкой кавалеріи находилась передъ нами. Лошади наши отдохнули, и мы отправились обратно. Когда мы подъѣзжали уже къ Орговскому посту, то увидѣли Турокъ, выѣхавшихъ на хребетъ, который мы оставили; на нашу сторону они не спускались. Въ полдень мы возвратились въ Игдырь.

Орговская дорога вообще удобна для движенія всѣхъ родовъ войскъ. Покатость отъ подошвы горъ до поста очень камениста, но отлога; дорогу легко очистить сбросивъ камни въ сторону, что и было впоследствии нами сдѣлано. Отъ Орговскаго поста до границы дорога проходитъ широкимъ ущельемъ, высокіе бока котораго вездѣ удобовосходимы и покрыты черноземомъ и хорошею травою; скалъ нигдѣ нѣтъ. Подъемъ крутъ и труденъ, особенности на послѣднихъ 6-ти верстахъ, подходя къ перевалу. Деревень на дорогѣ нѣтъ; край пустышенъ и безлѣсенъ. Весь хребетъ Агри-дага имѣетъ такой же характеръ; нижняя часть покатостей, подошва, камениста, верхняя и самыя закругленныя вершины — черноземны, удобны даже для хлѣбопашества и покрыты лугами, куда Курды, Татары и Армяне выгоняютъ лѣтомъ свои стада. Ключъ не избыльной, но хорошей воды бѣжитъ въ оврагъ близъ Орговскаго поста. Въ ущельѣ на самомъ перевалѣ, правѣе дороги, находится небольшое озеро, покрытое камышомъ и пересыхающее въ послѣдніе жаркіе лѣтніе мѣсяцы; вода его годна для водопоя, а въ случаѣ надобности и для лю-

\*

дей. Въ день сраженія 17-го іюля это небольшое озеро было для насъ очень полезно. Во время нашей поѣздки, травы былъ уже достаточны для подножнаго корма; по 1854-й годъ былъ по общему показанію сравнительно прохладенъ; весна началась поздно; въ обыкновенные годы подножный кормъ является здѣсь въ апрѣлѣ. Въ долинахъ Баязетскаго санджака травы былъ еще лучше чѣмъ въ горахъ и показываются вообще ранѣе; слѣдовательно для наступательныхъ дѣйствій не встрѣтилось бы препятствій отъ недостатка подножнаго корма.

### III. Первая встрѣча и перестрѣлка съ Турками въ 1854 году.

Для осмотра Караванъ-сарайской и Абазъ-гѣльской дорогъ мы выступили 22-го мая въ 2 часа по полуночи изъ д. Кюлюкь, по первой изъ этихъ дорогъ, съ двумя сотнями казаковъ, сотнею бековъ и 20-ью человекъ охотниками изъ Курдовъ Эриванской губерніи. Караванъ-сарайскій перевалъ ниже Орговскаго и гораздо ниже Абазъ-гѣльскаго; подъемъ къ нему длиннѣе и потому значительно отложе и удобнѣе Орговскаго; дорога ровнѣе и легче. Хотя встрѣчаются обратные спуски и подъемы, но они не велики и не затруднительны. Характеръ мѣстности такой же какъ и на первой, осмотрѣнной нами, дорогѣ; на отлогой подошвѣ горъ на протяженіи около 5-ти верстъ голый мелкій камень, а потомъ до самыхъ вершинъ и на вершинахъ хорошія пастбищныя мѣста. Но невыгода Караванъ-сарайской дороги заключается въ томъ, что на ней нѣтъ воды на протяженіи 26-ти верстъ отъ д. Кюлюка до самаго перевала; въ настоящее время у перевала едва примѣтная струя воды сочилась изъ земли между травою; но лѣтомъ, въ іюлѣ, она пересыхаетъ, и тогда воды нѣтъ на всемъ пути чрезъ хребетъ на протяженіи 30-ти верстъ до с. Мусуна, нахо-



дящагося въ Турціи у южной подошвы горъ, — обстоятельство чрезвычайно важное въ здѣшнемъ жаркомъ климатѣ.

На разсвѣтъ мы прибыли къ Караванъ-сараяу, большому четырехугольному зданію, тщательно сдѣланному изъ темнаго камня, съ наружными рѣзными украшеніями. Постройка его должна быть очень древняя; стѣны сохранились, но почти всѣ своды внутренняго двора и комнатъ, лѣстницы, каминны и проч. обвалились; остались цѣлы двѣ или три комнаты, которыя и теперь служатъ зимою убѣжищемъ для проезжающихъ, застигнутыхъ вьюгами. Прежде у этого Караванъ-сарая проходила вода, проведенная чрезъ горный переваль изъ озера Балыхъ-гѣля, находящагося въ предѣлахъ Турціи на значительной высотѣ, между южными отрядами Агри-дага, противъ Абазъ-гѣльского перевала. И теперь видны еще остатки глубокой и широкой канавы, которая вьется по бокамъ горъ, сначала въ Турціи по южной сторонѣ, и потомъ отъ Караванъ-сарайскаго перевала по сѣверной. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ложе канавы прерывается широкими лощинами и оврагами; по виду мѣстности надо полагать, что эти лощины существуютъ очень давно; черезъ нихъ должно было перебросить водопроводы на аркахъ; или канавы старѣе самаго образованія пересѣкающихъ ее ложбинъ. Это остатки работъ древняго Армянскаго царства. Пройдя не много за Караванъ-сарай, мы увидѣли вправо, къ западу, въ 4-хъ или 5-ти верстахъ отъ насъ, за глубокою лощиною, нѣсколько всадишковъ, которые выѣхали изъ лежащей въ той сторонѣ небольшой татарской деревни и сѣѣшли къ границѣ, пробираясь по горнымъ покостямъ; это были баши-бузукы, квартировавшіе у насъ и встревоженные нашимъ появленіемъ. За ними послали нѣсколько бековъ, но раздѣлявшій насъ оврагъ былъ глубокъ; баши-бузукы успѣли уйти и потомъ въ глазахъ нашихъ соединились съ непріятельскимъ постомъ, который мы

нашли за переваломъ. У самаго перевала, съ сѣверной его стороны, ущелье расширяется и образуетъ просторную котловину; ея дно покрыто превосходною травой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на сѣверныхъ покатостяхъ окрестныхъ горъ лежалъ еще снѣгъ, и отъ таянія его образовалась небольшая струя воды, о которой я упоминалъ выше. Съ перевала намъ опять открылась великолѣпная глубокая долина Баязетскаго санджака, перерѣзанная рѣчками и зеленѣвшая лугами, на которыхъ паслись стада. Въ 5-ти верстахъ у подошвы горъ лежитъ армянское селеніе Мусунъ, окруженное ветхою глиняною стѣпою. Въ верстѣ отъ насъ на южной покатости стояли уже въ готовности, предувѣдомленные убѣжавшими изъ нашей татарской деревни всадниками, около 15-ти человекъ баши-бузуковъ. Въ Мусунѣ находилась передовая часть турецкой кавалеріи, наблюдавшая эту дорогу.

Происшествіе 11-го мая повторилось. Всадники поста удалились отъ границы на большее разстояніе, производя сигнальные выстрѣлы; въ Мусунѣ мы видѣли, въ зрительную трубу, бѣготню и тревогу; люди суетились, сѣдлали лошадей, укладывали вещи; прошло полчаса пока оттуда начали выѣзжать отдѣльныя толпы, и спѣшили къ намъ навстрѣчу; мы насчитали всего до 200 человекъ. Они остановились въ верстѣ отъ насъ безпорядочнымъ строемъ и наблюдали за нами, производя джигитовку. Мы превосходили числомъ стоявшаго противъ насъ непріятеля; онъ не могъ получить скоро подкрѣпленій, потому-что край былъ видимъ намъ на значительное разстояніе, и мы знали, что главныя силы Турокъ стояли между Баязетомъ и Карабулахомъ: намъ предстоялъ превосходный случай спуститься въ Турцію и погнать Турокъ за Мусунъ; если бы мы шли не останавливаясь, то могли бы застать ихъ въ этомъ селеніи почти въ располхъ и кое что захватить. Но песчи-

тая себя въ правѣ переходить въ Турцію, полковникъ Хрещатицкій рѣшился завлечь баши-бузуковъ въ наши предѣлы и здѣсь напасть на нихъ. Для этого, когда люди и лошади отдохнули, мы спустились съ хребта назадъ въ котловину и сотни построились въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ перевала, въ совершенной готовности, ружья на-голо. Не прошло 5-ти минутъ, какъ Турки, рассчитывавшіе вѣроятно на наше отступление, показались вдругъ всѣ на хребтѣ по обѣимъ сторонамъ дороги. Говоръ и крики раздались въ нихъ нестройной толпѣ; они на мгновение остановились, будто въ нерѣшимости, потомъ открыли огонь, и когда полковникъ Хрещатицкій велѣлъ отступать, спустились за нами. Казацкая цѣпь была вызвана, частая перестрѣлка завязалась. Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ баши-бузуковъ въ дѣлѣ. Они наступали дерзко, производили непрерывный огонь. Разстояніе между ними и казаками уменьшалось; наконецъ казаки съ крикомъ «ура» ударили въ пики; по баши-бузуки не дождались, быстро повертели и скрылись за переваломъ. Неговоря уже о запрещеніи переходить границу, я полагаю, что баши-бузуковъ трудно было бы догнать на короткомъ разстояніи, потому-что здѣшнія лошади, преимущественно куртинской породы, чрезвычайно легки и привычны къ скачкѣ по горамъ. Донская лошадь хотя и способна къ большимъ и продолжительнымъ переходамъ, но отстанетъ скоро отъ здѣшней лошади на горной мѣстности. Чтобы сдѣлать что либо болѣе, баши-бузуковъ надо было бы преслѣдовать по меньшей мѣрѣ до Мусуна.

Казаковъ отозвали и построили опять въ лоцинѣ. Черезъ нѣсколько времени баши-бузуки опять показались на перевалѣ и еще съ болѣею дерзостью стали къ намъ спускаться, производя учащенный огонь. Полковникъ Хрещатицкій, вызвавъ снова цѣпь, приказалъ отступать, что еще болѣе одушевило баши-бузуковъ; многіе изъ нихъ подска-

квали къ нашей цѣпи шаговъ на 20, дѣлали выстрѣлъ и отъѣзжали. Впереди всѣхъ отличался ихъ барабанщикъ, который барабанилъ въ небольшіе литавры, привязанные къ сѣдлу съ обѣихъ сторонъ; онъ повидимому управлялъ движеніями баши-бузукъ и одушевлялъ ихъ трескотнею своихъ инструментовъ. Когда баши-бузуки спустились достаточно съ перевала, казаки, по сигналу, неожиданно поворотили и съ гикомъ ударили вторично въ пики, баши-бузуки повернули и ускакали опять за перевалъ; но для передовыхъ, бывшихъ ближе къ казакамъ, увлеченныхъ скачкою и неуспѣвшихъ во-время поворотить лошадей, было поздно; пять чловѣкъ изъ нихъ были заколоты на мѣстѣ, одинъ взятъ живымъ. Между убитыми находился барабанщикъ; на немъ нашли, кромѣ литавръ, небольшой серебряный топорикъ, вѣроятно знакъ его должности и степени въ рядахъ баши-бузукъ. Лошади убитыхъ остались въ нашихъ рукахъ. Замѣчательно, что въ продолженіи всей довольно живой перестрѣлки, когда безсомнѣнія выпустили съ обѣихъ сторонъ нѣсколько тысячъ пуль, у насъ не было ни одного убитаго; пуля попала въ лобъ только одному казаку, ранила его до крови, но безвредно и безъ всякихъ послѣдствій. Это была совершенно напрасная трата пороху, — одно изъ многихъ доказательствъ бесполезности кавалерійской стрѣльбы, производимой во время скачки, для нанесенія дѣйствительнаго урона, и только полезной развѣ для того, чтобы познакомить между собою враговъ и сдѣлать ихъ нестрашными другъ для друга, въ ожиданіи рѣшительнаго дѣла и для приученія мало обстрѣленныхъ людей къ свисту пуль и военнымъ опасностямъ. Баши-бузуки остановились на южной покатости въ  $1\frac{1}{2}$  верстахъ отъ перевала и не наступали болѣе. Мы сдѣлали со скачкою, до 30-ти верстъ и намъ оставалось столько же до почлега, который предполагали сдѣлать по осмотру Таускунской

позиціи. Колонна пошла назадъ по дорогѣ къ сторонѣ Караванъ-сарая и сдѣлала еще небольшой привалъ въ 5-ти верстахъ отъ границы. Баши-бузуки не слѣдили за нами.

Впродолженіи привала, какая-то партія въ 30 всадниковъ показала на отдаленныхъ высотахъ, верстахъ въ 5-ти или 6-ти отъ насъ, влѣво отъ дороги, по направленію къ Орговскому перевалу. Ихъ трудно было разглядѣть; но въ той сторонѣ въ горахъ неоставалось жителей, и надо было предполагать, что это непріятель. Для разузнанія послали находившихся съ нами эриванскихъ Курдовъ. Вѣроятно замѣченная нами партія приняла насъ за Турокъ; высланные къ ней на встрѣчу Курды вовлекли ее еще болѣе въ заблужденіе. Мы видѣли, какъ въ разстояніи отъ насъ 3-хъ или 4-хъ верстъ обѣ толпы сблизились и остановились; отъ непріятельской партіи отдѣлился одинъ всадникъ и выѣхалъ впередъ; тогда наши Курды бросились и окружили его. Для непріятели дѣло разъяснилось; остальные разсѣялись въ разныя стороны, преслѣдуемые Курдами. Потомъ мы видѣли дымокъ нѣсколькихъ выстрѣловъ; преслѣдуемые всадники показались, убѣгая, на отдаленныхъ высотахъ, и наконецъ скрылись изъ виду. Плѣннаго привели къ намъ; оказалось, что онъ былъ атаманъ шайки разбойниковъ, поселившейся въ нашихъ горахъ и грабившей вмѣстѣ съ Турками жителей Эриванской губерніи. Многие беки узнали его и объявили, что онъ русскій подданный, житель Эриванской губерніи, сдѣлалъ нѣсколько убійствъ и много грабительствъ еще прежде, и бѣжалъ къ Туркамъ при открытіи военныхъ дѣйствій въ 1853 году. Онъ имѣлъ фізіономію совершенно разбойничью, былъ косъ и глядѣлъ свирѣпо, отрекался отъ улукъ взводимыхъ на него, не хотѣлъ ни на что отвѣчать и покорился своей участи съ безчувственнымъ спокойствіемъ. Здѣсь же мы опросили другаго плѣннаго, взятаго въ стычкѣ. Онъ былъ также жи-

тель Эриванской губернии и бѣжалъ къ Туркамъ недавно. Онъ былъ очень молодъ и хорошъ собою. Полагая, что его убьютъ теперь же, онъ совершенно потерялся, трясся какъ въ лихорадкѣ и съ трудомъ держался на ногахъ, — его колѣни подгибались. Его по возможности успокоили. Вотъ рассказъ его, состоявшій изъ отвѣтовъ на наши вопросы, и рисующій въ нѣкоторой степени край и обстоятельства. Это былъ первый языкъ, добытый въ Эриванскомъ отрядѣ.

«Зовутъ меня Алибкеръ-Гассапъ-Оглы, — говорилъ плѣнный: — Житель селенія Неджеринъ, Зангибасарскаго участка. Отъ роду мнѣ 18 лѣтъ; я секты ши. Назадъ тому два мѣсяца житель нашего селенія Мпрза-Абазъ-Али-Оглы, былъ назначенъ въ милицію, собиравшуюся къ Эриванскому отряду, и получилъ лошадь и оружіе. вмѣсто того, чтобы ѣхать къ русскому войску, онъ рѣшился бѣжать къ Туркамъ, и уговорилъ меня уйти вмѣстѣ съ нимъ. Онъ говорилъ, что тамъ хорошо содержать и даютъ много денегъ. Я согласился. Мы отправились ночью; пріѣхали въ татарское селеніе Али-Кочакъ, Сурмалинскаго участка; отъ него недалеко до границы; жили тамъ трое сутокъ въ домъ Ага-Мамеда. Онъ спрашивалъ насъ: «куда вы ѣдете»? Мы отвѣчали, что ѣдемъ въ Турцію. Онъ сказалъ: — Хорошо дѣлаете; поѣзжайте въ Мусунъ и явитесь къ Мамедъ-беку». Мы отправились и явились; насъ приняли и записали въ баши-бузуки. На другой день, по просьбѣ нашей насъ отпустили въ д. Али-Кочакъ. Мы прожили здѣсь 15 дней; отсюда уѣхали опять въ Турцію въ д. Курунъ, гдѣ я заболѣлъ и пролежалъ съ мѣсяць. По выздоровленіи меня отравили съ прочими баши-бузуками въ с. Мусунъ. Сегодня узнали мы, что ѣдутъ Русскіе; поѣхали впередъ; встрѣтились съ вами, товарищи бѣжали, а меня взяли въ плѣнъ. Слышалъ я, что въ Карабулахъ стоитъ 600 человекъ баши-бузуковъ; въ Мусунъ столько же; большая часть ихъ

партіямъ изъ 10 и 20 человекъ обыкновенно живетъ въ горныхъ русскихъ деревняхъ, гдѣ они продовольствуются у жителей, потому что имъ иначе нечего было бы ѣсть; оттого теперь выѣхало противъ васъ мало; но безсомнѣнія послѣ этого они соберутся. Въ с. Арзапѣ находится три тысячи пѣхоты при двухъ орудіяхъ, близъ Баязета 4 тысячи пѣхоты при шести орудіяхъ и много кавалеріи, но сколько—незнаю; въ самомъ Баязетѣ есть также пѣхота; вообще не отвѣчаю за вѣрность этихъ чиселъ, но видѣлъ что войска много. Говорятъ, изъ Вана идутъ еще три тысячи пѣхоты. Башни-бузуки содержатъ въ горахъ на главныхъ проходахъ въ четырехъ мѣстахъ пикеты. Турки содержатъ свое войско худо; у нихъ много больныхъ.»

Впослѣдствіи, я былъ въ Мусунѣ, населенномъ Армянами, и спрашивалъ у жителей, что дѣлалось у нихъ 22-го мая въ то время, когда мы показались на границѣ и противъ насъ выѣхали башни-бузуки. Они отвѣчали, что во время перестрѣлки, оставшіеся въ Мусунѣ башни-бузуки, всего до 100 человекъ, уложили вещи свои и товарищей и бѣжали въ разныя стороны; они воротились, кто черезъ день, кто черезъ два и три, когда узнали, что опасность миновала.

Всѣ башни-бузуки одѣты въ свое собственное платье, разнообразнаго покроя и цвѣта, и вооружены кто чѣмъ могъ; у всѣхъ есть сабля и кинжалъ, у нѣкоторыхъ ружья и у нѣкоторыхъ только пистолеты. Они не имѣютъ никакого строя и дѣйствуютъ всегда въ разсыпную. Они состоятъ изъ охотниковъ по найму и частію изъ жителей, всякаго рода и званія, по наряду, подобно тому какъ составляется и у насъ мѣстная милиція. Между ними есть Негры, Аравійцы, Татары, Персіяне, Армяне и другіе, жители самой Турціи, Персіи, Россіи и другихъ сосѣднихъ земель. Въ стычкѣ 22-го мая было много Негровъ, которые видѣли Рус-

скихъ безсомнѣніи въ первый разъ и очень бойко наступали на насъ съ другими баши-бузуками. Каждый баши-бузукъ получаетъ отъ казны, или жителей, выставляющихъ его на годъ, условленную сумму денегъ, на которую онъ долженъ имѣть коня, оружіе и содержать себя пищею и фуражомъ. Поэтому-то между ними нѣтъ почти никакой дисциплины и они бѣльшею частію кормятся на счетъ жителей, добровольнымъ подаяніемъ или грабежомъ, не только въ чужой землѣ, но и въ своей. При набѣгахъ на чужую землю, какъ напримѣръ въ 1853 году на Эриванскую губернію, дикость привычекъ и чувствъ азіатца и нелюбовь музульманина къ христіанину, выражаются въ баши-бузукахъ обыкновенно страшными неистовствами: они грабятъ жителей, — убиваютъ, если встрѣчаютъ сопротивленіе, и подвергаютъ пыткамъ и истязаніямъ въ надеждѣ вымучить сознаніе о спрятанномъ имуществѣ и деньгахъ. Это остатокъ старинныхъ грозныхъ турецкихъ полчищъ, наполнявшихъ страхомъ Азію и Европу. У народовъ Азіи, раздробленныхъ на многія мелкія національности и соединенныхъ въ государства завоеваніемъ, давно потерялась идея отечества, а у бѣльшей части никогда и не существовала, и они охотно присоединяются къ всякому завоевателю, или правительству, которое обѣщаетъ имъ безопасность дома, усадебъ и добычу въ чужой землѣ. Къ баши-бузукамъ слѣдуетъ причислить, — по роду дѣйствія и вооруженію, — ополченія составляемыя изъ Курдовъ. Въ Баязетскомъ корпусѣ теперь ихъ было мало и они находились въ рядахъ баши-бузуковъ, извѣстныхъ собственно подъ этимъ именемъ; но впоследствии, они были собраны въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ съ прилежащихъ областей Курдистана, подъ начальствомъ своихъ старшинъ или родоначальниковъ, т. е. главъ племени, — составляли особую массу и участвовали въ Чингильскомъ сраженіи. Турецкая пѣхота, низамъ, и



артиллерія, продовольствуются на счетъ казны, и о нихъ заботятся болѣе, чѣмъ о регулярной кавалеріи; люди получали исправно пищу, но постоянно неисправно жалованье, имѣли однообразную одежду и исправное вооруженіе; всѣ ружья были европейскихъ фабрикъ. Было уже извѣстно изъ первыхъ встрѣчъ съ Турками въ эту войну, что у нихъ пѣхота и артиллерія обучены хорошо стрѣльбѣ и строю, и штуцерами вооружено даже значительно-болѣе людей, чѣмъ у насъ.

Съ привала мы отправились къ Абазь-гѣльскому перевалу, вдоль границы съ нашей стороны. Въ этомъ горномъ краѣ, отдаленномъ отъ расположенія войскъ, разъѣзды наши въ настоящую войну не ходили еще ни разу, и партіи баша-бузуковъ, какъ было извѣстно, жили именно здѣсь въ совершенной безопасности. Мы ѣхали узкою горною тропинкой, — единственнымъ сообщеніемъ вдоль хребта, — безпрестанно спускались въ глубокіе овраги и подымались на значительныя высоты; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на подъемахъ и спускахъ, тропа проходитъ по высокімъ скалистымъ ступенямъ, такъ-что люди должны были спѣшиваться, спускаться или влѣзть прежде сами, и потомъ сводить или подымать за собою въ поводу лошадь. На дорогѣ мы нашли два небольшихъ татарскихъ селенія; жители вынесли казакамъ чурекки (мѣстный хлѣбъ, спеченный большими тонкими листами) и объявили, что квартировавшіе у нихъ баша-бузуки только-что бѣжали. Къ вечеру мы пріѣхали къ Таускуну, небольшой татарской деревнѣ, разоренной въ прошедшемъ году и брошенной жителями. Въ 1½ верстѣ отъ нея, выше, находится въ широкой ложщинѣ д. Абазь-гѣль, также разоренная и брошенная, и между этими-то деревнями предполагалось поставить отрядъ на лѣто. Мѣста дѣйствительно хороши для стоянки войскъ. Горныя покатости и окрестныя долины, лежація между

боковыми отраслями хребта, покрыты лугами; рѣчка, на которой находятся деревни, имѣетъ быстрое теченіе и избыточна чистою здоровою водою впродолженіе всего лѣта; въ покинутыхъ деревняхъ было оставлено жителями много кизяку, здѣшняго обыкновеннаго топлива. Изъ Таускуна мы спустились по хорошей дорогѣ, идущей отсюда въ долину Аракса, къ с. Гюлюджи, отстоящему отъ границы около 10-ти верстѣ, и остановились для ночлега въ садахъ окружающихъ это селеніе. Гюлюджи была населена до войны Армянами, которые были ограблены въ 1853 году башки-бузуками и ушли за Араксъ, а дома ихъ заняли Татары изъ Абазь-гѣля и Таускуна; здѣсь Татары эти были въ бѣльшей безопасности отъ притѣсненій башки-бузуковъ, не всегда щадившихъ даже своихъ единовѣрцевъ, особенно когда дѣло шло о баранахъ, хлѣбѣ и ячменѣ, и когда не было по близости Армянъ, отъ которыхъ можно бы добыть эти предметы.

Уже совершенно стемнѣло, когда мы расположились бивуакомъ. Казаки и беки живо устроили коновязи и достали у жителей барановъ и сѣна. Костры мгновенно занялись; офицерскіе чайники и казацкіе котелки закипѣли. Беки жарили на вертелахъ, сдѣланныхъ изъ длинныхъ прутьевъ, свой любимый шашлыкъ, небольшіе кусочки баранины. Отдѣльные кружки людей, сидѣвшихъ у костровъ, или убиравшихъ лошадей, составляли живописную картину, окаймленную великолѣпною рамкою ярко — зеленѣвшихъ деревьевъ, освѣщенныхъ пламенемъ костровъ и отчетливо рисовавшихся на черной глубинѣ ночи. Веселый говоръ и иногда тихая пѣснь оживляли еще болѣе эту картину. Временные жители Гюлюджи объявили, что у нихъ нѣтъ ячменя, который употребляется здѣсь въ кормъ лошадямъ вмѣсто овса; вѣроятно они опасались, что у нихъ возьмутъ его даромъ, къ чему приучили ихъ башки-бузуки;

по казаки имѣютъ особое чутье на розыски спрятанныхъ вещей, лучше баши-бузуковъ, и ячмень нашли въ неожиданномъ изобиліи. Прежніе жители Гюлюджи, Армяне, переселяясь за Араксъ, не успѣли и не могли забрать весь свой ячмень, который обыкновенно хранится въ глубокихъ ямахъ, вырытыхъ или по срединѣ селенія на улицахъ, или въ сторонѣ отъ саклей и покрытыхъ толстыми слоемъ земли, совершенно незамѣтно, такъ что яма не имѣетъ ни какихъ наружныхъ признаковъ и сверху ее вздять безопасно. За все взятое у жителей имъ заплатили, чего они не ожидали. На другой день мы воротились въ Кюлюкь. Дорога отъ Гюлюджи до подошвы горъ идетъ по открытой и каменистой покатоности и хороша какъ натуральное шоссе.

Между-тѣмъ, около 20-го числа мая, Эриванскій отрядъ окончательно сосредоточился на правой сторонѣ Аракса кругомъ с. Амарата и расположился лагеремъ: два баталіона Ширванскаго полка, переправившіеся черезъ рѣку по устроенной наконецъ паромной переправѣ, 5-й баталіонъ Мингрельскаго егерскаго полка и всѣ 12 орудій у самаго с. Амарата, 1-й баталіонъ Мингрельскаго егерскаго полка у д. Казанчи въ 4-хъ верстахъ къ западу отъ Амарата по караванъ-сарайской дорогѣ, и 5-й баталіонъ Тифлискаго егерскаго полка въ д. Алетлю въ 2-хъ верстахъ впереди Амарата по Орговской дорогѣ. Кавалерія располагалась на прежнихъ мѣстахъ, передовыя сотни въ с. Игдырѣ и д. Кюлюкѣ, для наблюденія путей ведущихъ изъ Турціи, а остальные по близости и восточнѣе расположенія пѣхоты. Начальникъ отряда и его штабъ переѣхали изъ Эривани въ с. Амаратъ. Около того же времени въ составъ Эриванскаго отряда поступила сотня Армянъ-охотниковъ, сформированная на собственный счетъ г. Теръ-Грекуровымъ, жителемъ Нахичеванскаго уѣзда. Всадники этой

сотни нанялись на шесть мѣсяцевъ, получили отъ г. Теръ-Грекурова каждый по 100 руб. сереб. на покупку оружія и лошади; содержаніе же ихъ провіантомъ и фуражомъ въ продолженіи ихъ службы, приняла на себя казна. Въ расположеніи этомъ, войска соблюдали всѣ военныя предосторожности,—пѣхота выставляла на ночь пѣль, кавалерія дѣлала дневные и ночные разъѣзды къ сторонѣ границы. Въ концѣ мая бродъ у д. Агавера и Ахмамета сдѣлался совершенно удобнымъ и, кромѣ-того, у Амарата ходили два парома, одинъ прежній и другой недавно доставленный съ низовьевъ Аракса. Сообщение обоихъ береговъ было хотя медленно, но безопасно.

Погода стояла превосходная; май здѣсь лучшее время года. Небо постоянно безоблачно. Солдатскія и офицерскія палатки были поставлены въ обширныхъ фруктовыхъ садахъ, окружающихъ здѣсь почти всѣ селенія, и защищены тѣнью деревъ отъ полуденнаго зноя. Войска наслаждались роскошью южной природы—спокойно и безопасно; о Туркахъ не было и слуха; солдаты отдыхали кучками, разлегшись на травѣ подъ тѣнью деревъ и творили кейфъ въ лѣнивомъ бездѣйствіи и утомленіи полуденнаго зноя, по подобію музульманъ, своихъ хозяевъ. Только небольшія команды ходили съ повозками, впередъ за саманомъ (мятая солома, употребляемая въ кормъ лошадямъ) и кизякомъ (высушенный навозъ, употребляемый здѣсь въ топливо) въ селенія оставленные жителями, и за ѣнжею—особый родъ травы, которую сѣютъ въ поляхъ—въ разныя деревни, преимущественно на лѣвый берегъ Аракса. По вечерамъ обыкновенно пѣли пѣсенники. Офицеры проводили время какъ могли: прогуливались, охотились и ѣздили другъ къ другу въ гости въ сосѣдніе баталіоны. Хотя лихорадки, простуды и поносы случались, но болѣзненность въ войскахъ была вообще не велика.

Всѣ условія климата и края требовали постоянного, бдительнаго вниманія начальниковъ отдѣльныхъ частей за соблюденіемъ солдатами разныхъ предосторожностей,— чѣмъ наши солдаты вообще не могутъ похвалиться. Быстрый переходъ съ захожденіемъ солнца отъ зноя къ вечерней прохладѣ, дурная, мутная и теплая вода въ канавахъ, текущая очень тихо и имѣющая запахъ навоза, который она получаетъ проходя по полямъ и отъ скота купающагося въ канавахъ, и холодная вода въ Араксѣ, требуютъ присмотра, чтобы солдаты не ходили вечеромъ послѣ захожденія солнца въ одной рубашкѣ, не купались въ Араксѣ около полудня и послѣ ужина и пили бы воду преимущественно изъ Аракса, а гдѣ этого нельзя, то воду изъ канавъ очищали бы пропуская чрезъ мѣшки наполненные пескомъ и углемъ. По мнѣнію жителей,—вѣрность котораго мы впрочемъ узнали на опытѣ,—употребленіе въ пищу рыбы также очень вредно, особенно въ самые жаркіе мѣсяцы и на низменной равнинѣ. Положеніе наше пока было не дурно; но мысль, что это счастливое время, т. е. хорошая погода, скоро пройдетъ, и что въ іюль или августъ наступятъ невыносимые жары, а съ ними убійственныя лихорадки, поносы и горячки, и что мы можемъ остаться здѣсь въ бездѣйствіи все лѣто,—пугала всѣхъ.

#### IV. Перестрѣлка у Орговскаго поста. Внутренніе безпорядки.

При расположеніи войскъ близъ Амарата, провіантъ привозился для нихъ изъ Эривани, на арбахъ или выюкахъ, выставляемыхъ жителями какъ обыкновенная или особая повинность; точно также излишніе и трудно-больные отвозились изъ баталіонныхъ лазаретовъ въ Эривань въ военный госпиталь, а патроны и заряды въ пополненіе по-

ломанныхъ и истраченныхъ, привозились изъ эриванскаго артиллерійскаго гарнизона къ войскамъ на житеьскихъ арбахъ или самими войсками. На случай возможности военныхъ наступательныхъ дѣйствій и даже движеній при оборонѣ, необходимо было имѣть постоянно при отрядѣ, какъ собственную его принадлежность, всегда двигающуюся съ нимъ, независимую отъ края, который могъ придти въ безпорядокъ при открытіи военныхъ дѣйствій: подвижной провіантскій магазинъ— для возки провіанта на определенное число дней, кромѣ 10-ти дневнаго запаса состоящаго при войскахъ въ ранцахъ и провіантскихъ телѣгахъ, и потомъ для постепенной подвозки провіанта изъ Эривани по мѣрѣ израсходованія его войсками; подвижной госпиталь— для поднятія медикаментовъ, госпитальнаго бѣлья и посуды, для поданія первоначальной помощи заболѣвающимъ и раненымъ, а также для возки больныхъ и раненыхъ и отвоза ихъ изъ отряда въ эриванскій военный госпиталь,— и, наконецъ, подвижной артиллерійскій паркъ для возки втораго комплекта артиллерійскихъ запасовъ, т. е. такого же количества патроновъ, зарядовъ, пороха и свинца (милиціи выдается обыкновенно порохъ и свинецъ, а не патроны), какое состоитъ въ войскахъ на людяхъ и въ патронныхъ и зарядныхъ ящикахъ, а также для подвоза этихъ запасовъ изъ Эривани по мѣрѣ израсходованія ихъ войсками. Если бы намъ посчастливилось перейти въ Турцію, то мы вѣроятно не нашли бы тамъ ни продовольствія, ни удобныхъ помѣщеній для больныхъ, особенно въ началѣ войны, — надо было имѣть все свое, съ собою. Для поднятія всѣхъ этихъ запасовъ и тяжестей, въ отрядѣ не было организованныхъ казенныхъ транспортовъ и потому надо было устроить перевозочныя средства наймомъ у жителей, на что представлялась возможность, и что было для казны выгоднѣе, чѣмъ содержаніе казенныхъ транс-

портовъ, особенно при такихъ дѣйствіяхъ, когда войска почти не удаляются отъ своихъ предѣловъ.

Въ здѣшнемъ краѣ жители возятъ тяжести вьюками, на лошадяхъ, ослахъ, верблюдахъ и катерахъ, и на двуконныхъ арбахъ запряженныхъ волами или буйволами. Вьючныя лошади, извѣстныя подъ именемъ черводарскихъ, и другія вьючныя животныя, находились въ краѣ большими караванами; черводары, хозяева ихъ, нанимаются перевозить тяжести и занимаются этимъ промысломъ какъ наши извозчики и ящики; всѣ предметы торговли, какъ въ Эриванской губерніи, такъ въ Турціи и Персіи, перевозятся на дальнія разстоянія вьюками, и въ наймѣ черводаровъ не можетъ встрѣтиться затрудненія до нѣкоторыхъ предѣловъ. Для движеній и дѣйствій въ Азій, гдѣ нѣтъ хорошихъ дорогъ, и вообще въ горахъ—вьюки очень удобны: съ ними отрядъ будетъ легокъ и подвиженъ и пройдетъ по всѣмъ дорогамъ; но каждая лошадь можетъ поднять вьюкомъ только около 6-ти пудовъ и на каждомъ привалѣ и ночлегѣ нужно ее развьючивать и сбрасывать тяжесть на землю. Провіантъ и отчасти артиллерійскіе припасы удобно возить вьюками; для поднятія же большихъ, госпитальной посуды и зарядовъ, удобнѣе колесныя повозки. Арбы запряженныя волами или буйволами, двигаются медленно и задерживаютъ войска въ походѣ. Буйволы не могутъ выносить сильной жары; уставъ, они ложатся въ первой попавшейся лужѣ или канавѣ, къ которой сворачиваютъ сами, и тогда ихъ нельзя поднять и заставить идти никакими средствами. **Арбная** упряжь неудобна; въ гору волы тянуть хорошо, но при спускахъ съ горъ не могутъ удержать повозку, и она катится, увлекаемая своею тяжестью и часто опрокидывается, или сваливается въ овраги и пропасти. На арбу запряженную парюю воловъ или буйволовъ, можно положить отъ

•

30-ти до 40-ка чудовъ; слѣдовательно въ колесномъ обозѣ будетъ менѣе животныхъ и онъ удобнѣе тамъ, гдѣ есть хорошія дороги и можетъ предвидѣться недостатокъ въ фуражѣ. Въ горахъ сѣверной части Эриванской губерніи, южнѣе и западнѣе озера Гохчи, живутъ въ нѣсколькихъ деревняхъ русскіе раскольники, малаканы, субботники, духоборцы и другіе; у нихъ можно бы нанять обыкновенныя наши четырехколесныя телѣги, но раскольники не хотѣли наниматься, имѣя возможность зарабатывать деньги въ самомъ краѣ разными промыслами, не подвергаясь опасности, которую они предвидѣли на войнѣ; кромѣ-того, они не могли бы выставить скоро того числа повозокъ, какое намъ было нужно. Сообразно съ числительностію Эриванскаго отряда, среднею возможностью для него наступательныхъ дѣйствій и удаленія отъ Эривани, и болѣзненностію въ здѣшнихъ мѣстахъ, отряду было необходимо для поднятія: провіанта на 15 дней около 650 вьючныхъ лошадей, — втораго комплекта артиллерійскаго парка 88 двухколесныхъ арбъ, — и подвижнаго госпиталя, на 150 человекъ больныхъ, 77 такихъ же арбъ. Для доставленія войскамъ большихъ удобствъ полезно имѣть болѣе обоза, но обозъ стѣсняетъ дѣйствія отряда и утомляетъ войска, особенно въ горахъ; ктому же мы могли имѣть въ виду возможность, въ случаѣ надобности усилить эти постоянныя перевозочныя средства временными средствами, выставленными отъ края, что впоследствии и дѣлалось. Трудно-больныхъ и раненыхъ должно было отвозить на повозкахъ; легко-больные могли быть отправляемы изъ отряда на порожнихъ черводарскихъ лошадяхъ, которыя пойдутъ за провіантомъ въ постоянныя склады. Въ подвижномъ госпиталѣ можно было обойтись вещами на 150 человекъ, потому-что при каждомъ баталіонѣ былъ лазаретъ на 28 человекъ.



Въ донесеніи отъ 9-го іюня, начальникъ Эриванскаго отряда, представляя на благоусмотрѣніе командующаго корпусомъ князя Бебутова, положеніе края, взволнованнаго и требующаго успокоенія, значительное протяженіе границы, чрезъ которую въ разныхъ пунктахъ могутъ прорываться отдѣльныя партіи Турокъ и невозможность защищать ее на всѣхъ проходахъ малочисленнымъ отрядомъ, оставаясь въ оборонительномъ положеніи, а также свойство климата, котораго убійственное вліяніе можетъ произвести гибельныя послѣдствія, — испрашивалъ разрѣшенія дѣйствовать по усмотрѣнію своему наступательно, какъ единственное средство дававшее возможность существенно защитить Эриванскую губернію, и, — въ случаѣ успѣха и перехода отряда въ Баязетскій санджакъ, болѣе возвышенный, — спасавшее войска отъ вліянія климата долины Аракса. При этомъ сообщались князю Бебутову послѣднія свѣдѣнія о силѣ и составѣ турецкаго Баязетскаго корпуса и присовокуплялось, что несмотря на численное превосходство Турокъ надъ нами, успѣхъ для насъ болѣе вѣроятенъ теперь, когда отрядъ не ослабъ еще отъ болѣзней, чѣмъ послѣ, когда численность его безсомнѣнія уменьшится: непріятель можетъ этимъ воспользоваться, и перейдя въ наступленіе, заставитъ насъ испытать неизбѣжно тѣ неудачи, которыхъ можно опасаться съ мѣньшею вѣроятностію при немедленныхъ наступательныхъ нашихъ дѣйствіяхъ. Въ тотъ же день было донесено князю Бебутову о необходимости немедленнаго сформированія при отрядѣ подвижныхъ провіантскаго magazина, артиллерійскаго парка и госпиталя, въ вышеозначенномъ числѣ вьючныхъ лошадей и арбъ; испрашивалось поэтому разрѣшеніе дѣйствовать на мѣстѣ по собственному усмотрѣнію, не входя о всемъ съ представленіями, не ожидая и не испрашивая разрѣшеній; а эриванскому

военному губернатору было предписано немедленно вызывать охотниковъ на поставку означенныхъ перевозочныхъ средствъ на все лѣто и осень, произвести торги законнымъ порядкомъ, заключить контракты, сформировать транспорты, наложить на нихъ провіантъ, патроны, заряды, медикаменты и госпитальныя вещи, и двинуть въ отрядъ безъ малѣйшаго замедленія, по возможности скорѣе; также назначить въ отрядъ медиковъ, провіантскихъ, коммиссаріатскихъ и артиллерійскихъ чиновниковъ, для заведыванія всѣмъ этимъ.

Въ то же время были приняты мѣры къ учрежденію въ с. Амаратѣ, какъ болѣе передовомъ опорномъ пунктѣ для дальнѣйшихъ дѣйствій отряда: постоянныхъ складовъ провіанта и артиллерійскихъ запасовъ и постоянной мостовой укрѣпленной переправы чрезъ Араксъ. У насъ было два парома, — ихъ употребили какъ плашкоты; съ одного парома на другой и съ паромовъ на берегъ перебросили длинные широкіе щиты, которые въ случаѣ надобности могли сниматься и мостъ могъ разводиться. Къ 17-му іюня былъ совершенно готовъ прочный мостъ, «какого здѣсь не бывало съ сотворенія міра» — какъ говорили жители. Для прикрытія моста построили на каждомъ берегу Аракса по одному блокгаузу, наподобіе здѣшнихъ саклей; стѣны были выведены изъ глины и въ нихъ продѣланы бойницы.

Пока принимались мѣры для устройства Эриванскаго отряда, вдругъ вечеромъ 15-го іюня получено отъ Командующаго дѣйствующимъ корпусомъ предписаніе, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что 15-го іюня онъ съ Александропольскимъ отрядомъ начинаетъ наступательныя дѣйствія и переходитъ за Арпачай, составляющій границу Россіи и Турціи противъ крѣпости Александрополя, и потому, чтобы извлечь изъ этого наступленія наибольшую пользу, пред-

писывалъ произвести Эриванскимъ отрядомъ наступленіе до с. Игдыря или даже до Орговскаго поста, маневрировать, показывая видъ что хотимъ перейти границу, — но самую границу не переходить <sup>1)</sup>).

Движеніе Эриванскаго отряда должно было происходить въ нашихъ предѣлахъ; отъ Амарата до Игдыря 14 верстѣ, до Орговскаго поста около 30-ти верстѣ, а отъ поста этого до турецкой границы оставалось еще 9 верстѣ. Слѣдовательно, если Турки будутъ беззаботны, то могутъ вовсе не узнать о нашемъ наступленіи. Для приведенія отряда въ большую подвижность, для сбора нѣкоторыхъ перевозочныхъ средствъ, сдачи и отправленія больныхъ и проч. понадобился одинъ день, и потому выступленіе отряда къ Игдырю было назначено 17-го іюня послѣ обѣда, такъ-какъ переходъ былъ не великъ.

Но Турки были предприимчивѣе насъ и показали, что можно вторгаться въ непріятельскую землю не предпринимая даже общихъ наступательныхъ дѣйствій. Знали ли въ Баязетскомъ корпусѣ о переходѣ Александропольскаго отряда черезъ Арпачай и желали ли узнать, что предпринимаетъ Эриванскій отрядъ, но 17-го іюня передъ полуднемъ турецкая кавалерія въ числѣ болѣе 1000 человекъ скрытно перешла горы, спустилась по лощинамъ и оврагамъ, вдругъ развернулась на равнинѣ лежащей передъ Игдыремъ, и напала на казачій передовой постъ, состоявшій изъ 20-ти человекъ, выставленный въ 3-хъ верстахъ впереди Игдыря у разрушеннаго строенія бывшаго Мучинскаго поста. Двѣ сотни, стоявшія въ Игдырѣ, поскакали на встрѣчу непріятеля и на выручку своихъ. Тревога распространилась по всей линіи

---

<sup>1)</sup> 6-го іюня я былъ назначенъ Завѣдывающимъ Штабомъ Эриванскаго отряда, — должность Начальника Штаба въ небольшихъ отрядахъ; съ этихъ поръ всѣ распоряженія и переписка дѣлаются мнѣ близко знакомы.

пашего расположенія. Донскія сотни находившіяся въ с. с. Евджиляръ и Кюлюкѣ, конно — музульманскій полкъ и бекская дружина, готовые уже къ выступленію, спѣшили рысью къ Игдырю на соединеніе съ атакованными частями. Пѣхота была также готова, — и весь Эриванскій отрядъ пришелъ въ движеніе и тронулся по назначеннымъ направлениамъ, которыя случились кстати съ направлениами къ мѣсту тревоги. Я также поскакалъ туда. На всей дорогѣ отъ Амарата до Игдыря встрѣчались толпы Армянъ, которые прежде возвратились въ селенія занятыя нашими войсками и даже нѣсколько семействъ въ Игдырь, для обработки полей, и теперь опять бѣжали; нѣкоторые гнали свою скотину, другіе несли разное имущество; женщины несли и вели дѣтей; многія плакали и въ ужасѣ часто оглядывались, не гонятся ли уже за ними Турки; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ валялись на дорогѣ арбы, сломавшіяся въ безпорядкѣ бѣгства. У встрѣчавшихся я спрашивалъ: «Что тамъ дѣлается?» — и мнѣ всегда отвѣчали: «казаковъ бьютъ!».. Недоѣзжая до Игдыря, я встрѣтилъ нѣсколькихъ раненыхъ казаковъ, одни могли ѣхать сами, другихъ поддерживали; запекшаяся кровь не была еще обмыта, головы и груди перевязаны на-скоро чѣмъ спало. Судя потому, что Турки пришли къ намъ и напали на насъ, а не мы на нихъ, бѣжавшіе Армяне имѣли право сказать, что «казаковъ бьютъ»; но къ-счастію этого не было.

Турки спустились и отошли отъ своей границы на 23 версты храбро; но дѣйствовали нерѣшительно. Казачій постъ отступилъ къ Игдырю преслѣдуемый баши-бузуками, потерявъ нѣсколько раненыхъ, которые однако же успѣли уѣхать; двѣ сотни выѣхавшія изъ Игдыря бросились въ пики на наиболѣе выдвинувшихся Турокъ, и они остановились. Завязалась перестрѣлка и джигитовка. Замѣтивъ пыль поднявшуюся и быстро подвигавшуюся къ Игдырю

по разнымъ дорогамъ со всѣхъ сторонъ, Турки начали отступать. Двѣ сотни казаковъ преслѣдовали ихъ до подошвы горъ и остановились; здѣсь соединилась съ ними осталшая наша кавалерія; но Турки были уже далеко и гнаться за ними въ гору было бы бесполезнымъ утомленіемъ лошадей. Въ этой стычкѣ ранено 10 казаковъ, въ томъ числѣ 2 тяжело; у непріятели, — по рассказамъ казаковъ, — ранено до 15-ти человекъ. Въ нашихъ рукахъ осталось нѣсколько потерянныхъ куртинскихъ пикъ и пистолетовъ. Всѣ Курды вооружены пиками сдѣланными изъ длинной бамбуковой трости, на концѣ которой насаженъ кинжалъ; подъ кинжаломъ кругомъ трости подвязанъ, въ видѣ шара, пукъ строусовыхъ перьевъ; пику эту Курды иногда бросаетъ въ непріятели на всемъ скаку, на значительное разстояніе, и отъ этого часто теряютъ ихъ. Главная потеря Турокъ, о которой они жалѣли болѣе чѣмъ о потерѣ людей, состояла, какъ я узналъ впоследствии, въ превосходной арабской лошади, раненой пулею и издохшей на дорогѣ. Съ 17-го на 18-е іюня нашъ сосредоточенный отрядъ ночевалъ бивуакомъ, съ 18-го числа расположился лагеремъ у Игдыря, кавалерія впереди, а пѣхота позади его. Здѣсь мы простояли нѣсколько дней.

У Игдыря отрядъ увеличился 125-ью человекъ Курдовъ Эриванской губерніи, сформированныхъ въ особую сотню, подъ команду своего старшины, или родоначальника, Джафаръ-Аги, и тремя сотнями Донскаго казачьяго № 4-го полка, присланными собственно по случаю нѣкоторыхъ небольшихъ безпорядковъ въ Эриванской губерніи, о которыхъ я буду говорить ниже. Отрядъ состоялъ теперь изъ пяти неполныхъ баталіоновъ пѣхоты, 12-ти орудій и 18-ти сотенъ нерегулярной кавалеріи, въ томъ числѣ 9-ть сотенъ Донскихъ казаковъ и 9-ть сотенъ мѣстной милиціи. Контракты на поставку перевозочныхъ

средствъ для отряда были уже заключены; 88-ть арбъ для артиллерійскаго парка были выставлены въ Эривани къ 20-му іюня, и согласно сдѣланному начальникомъ отряда предварительно распоряженію, 22-го іюня прибыли въ с. Амаратъ съ третьєю частью подвижнаго артиллерійскаго парка, четвертою частью комплекта медикаментовъ и вещей подвижнаго госпиталя и провіантомъ на пять дней. Черводарскія лошади для подвижнаго провіантскаго магазина и остальные арбы для подвижнаго госпиталя могли прибыть въ отрядъ не ранѣе 15-го іюля. Но и съ тѣми запасами, которые подвезли, можно было предпринять наступленіе, имѣя даже въ виду, что оно можетъ затянуться. Провіантъ, а въ случаѣ надобности и часть вещей парка и госпиталя могли быть сложены въ Амаратъ или Игдырѣ, и арбы, часть или всѣ, употреблены для перевозки больныхъ и раненыхъ. На войнѣ осторожность вѣрнѣе риска; благоразуміе требуетъ принять всѣ мѣры на всѣ случаи; но и смѣлыя, повидимому неосторожныя, предпріятія, когда они необходимы, должны быть извиняемы, потому-что и они имѣютъ успѣхъ, и часто даже болѣе блестящія послѣдствія, чѣмъ математически рассчитанныя дѣйствія. Войска имѣли съ собою полный комплектъ патроновъ и зарядовъ, и провіанта на 10-ть дней, а послѣдствія показали, что съ этими патронами и зарядами можно было менѣе чѣмъ въ 10 дней разбить и разсѣять турецкій корпусъ, пройти далеко въ непріятельскую землю и захватить у Турокъ много провіанта, артиллерійскихъ и другихъ запасовъ. Я говорю это вообще; въ настоящемъ случаѣ, въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ Эриванскаго отряда можетъ-быть не было надобности, по расчетамъ командовавшаго корпусомъ князя Бебутова; потому-что и главный Александропольскій отрядъ, предпринявъ наступленіе, отошелъ очень недалеко отъ нашей границы

и остановился; а начальник Эриванскаго отряда имѣлъ положительное предписаніе не переходить границу, и, слѣдовательно, не могъ предпринять ничего важнаго.

Хотя движеніемъ къ Игдырю исполнялось уже послѣднее приказаніе командующаго корпусомъ, но начальник отряда желалъ, собственно для буквальнаго исполненія его, сдѣлать движеніе даже до Орговскаго поста и внушить Туркамъ болѣе сильное убѣжденіе въ намѣреніи нашемъ вторгнуться въ ихъ предѣлы, и потому по прибытіи части транспортовъ въ Амарать, выступилъ въ тотъ же день 22-го іюня изъ Игдыря къ Орговскому посту съ частию отряда, на-легкѣ, безъ обозовъ и палатокъ, имѣя въ виду возвратиться къ Игдырю на другой день.

Мы выступили вечеромъ, когда начало уже смеркаться и съ высотъ горъ, гдѣ стояли наблюдательные посты Турокъ, нельзя уже было видѣть глубину долины Аракса, покрывающуюся въ это время пеленою пыли и тумана. Пошли 1-й баталіонъ Ширванскаго, 5-й баталіонъ Тифлискаго и 1-й баталіонъ Мингрельскаго полковъ, вся легкая № 7-го батарея и 10-ть сотень кавалеріи, казаковъ, бекковъ, конно-музультманскаго полка и Курдовъ. Остальныя части остались на своихъ мѣстахъ; палатки выступившихъ войскъ не были сняты. Чтобы скрыть нашъ ночлеги у Орговскаго поста и для того неразводить огней, въ походъ взяли по фунту вареной говядины на человѣка; взяли также сухарей на два дня и на каждый баталіонъ по одному патронному и на каждое орудіе по одному зарядному ящику. Впереди слѣдовала кавалерія, въ двухъ верстахъ за нею пѣхота съ артиллерією, по-дивизионно между баталіонами. Уже стемнѣло, когда мы стали подыматься въ гору. Ночь была лунная, наше движеніе не встрѣтило никакой остановки и около полуночи мы пришли къ Орговскому посту. Пѣхота стала бивуакомъ возлѣ

самого поста, кавалерія какъ шла— $1\frac{1}{2}$  или двѣ версты впереди. Люди улеглись кое-какъ между камнями и проспали спокойно до слѣдующаго утра, однакожь со всѣми военными предосторожностями. Турки не замѣтили и потому не беспокоили насъ. Утро 23-го іюня было ясно, небо безоблачно, горы открыты; ни одного Турка не было на высотахъ, на которыхъ всегда стояли наблюдательные посты ихъ. Было сдѣлано уже распоряженіе для направленія къ границѣ всей кавалеріи и одного баталіона съ двумя орудіями версты на три отъ Орговскаго поста, когда въ отдаленіи на одной изъ трехъ отдѣльныхъ вершинъ, стоящихъ у перевала, показались четыре всадника турецкаго развѣзда и легкій дымокъ отъ четырехъ сигнальныхъ выстрѣловъ, извѣщавшихъ о нашемъ присутствіи въ горахъ. Мы тронулись; турецкій развѣздъ скрылся; у Орговскаго поста на мѣстѣ бивуака остались два баталіона съ шестью орудіями. Кавалерія, поднявшись на гору, была остановлена въ 1-й или  $1\frac{1}{2}$ -ре верстахъ отъ перевала, а двѣ сотни казаковъ и по одной сотнѣ бековъ и конно-музульманскаго полка вышли на самый перевалъ. Поднявшись на хребетъ, мы увидѣли менѣе чѣмъ въ 1000 шагахъ подъ собою до 500 человекъ башн-бузуковъ, которые подымались къ нашей сторонѣ также со всѣми военными предосторожностями; въ глубинѣ у Карабулаха чернѣлись стояшіе неподвижно три баталіона пѣхоты. Съ нашей стороны были сдѣланы нѣсколько выстрѣловъ, людьми имѣвшими штуцера, по толпѣ башн-бузуковъ: человекъ три или четыре свалилось съ лошадей; башн-бузуки остановились, открыли ружейный огонь, и потомъ отступили внѣ выстрѣла.

Въ такомъ положеніи мы простояли часъ или два; башн-бузуки и баталіоны у Карабулаха также не трогались съ мѣста: очевидно, они неимѣли намѣренія наступать, а толь-



ко ожидали нашего наступленія. Безполезно было бы оставаться здѣсь долѣе, и потому начальникъ отряда приказалъ отступить. Турки не преслѣдовали насъ; наша кавалерія была уже въ трехъ верстахъ отъ границы, когда баши-бузуки показали на перевалѣ. Весь отрядъ собрался къ Орговскому посту около полудня и расположился на привалѣ, собственно для кавалеріи, сдѣлавшей до границы и обратно около 20-ти верстъ. Пока мы отдыхали, башибузуки мало-по-малу всё спустились съ хребта и заняли, въ 4-хъ верстахъ отъ насъ, бугоръ, отдѣльно стоящій посерединѣ долины, по которой идетъ Орговская дорога. Около 2-хъ часовъ по полудни, прискакалъ къ начальнику отряда казакъ отъ поста выставленнаго влѣво на востокъ отъ Орговской дороги, противъ такъ называемаго Хараба-бажарскаго ущелья, образуемаго массою Арарата и горами въ которыхъ мы находились, съ извѣстіемъ, что до 1000 человекъ Турокъ двигаются по этому ущелью и обходятъ насъ. Извѣстіе было сомнительно и нисколько неопасно. Казаки любятъ преувеличивать силы непріятеля и опредѣленіе ими числа: «видимо-невидимо!» извѣстно въ арміи. Для разъясненія дѣла послали сотню казаковъ по отлогостямъ горъ. Извѣстіе дѣйствительно оказалось ложнымъ; 50-ть человекъ башибузуковъ, шедшихъ по Хараба-бажарскому ущелью, замѣтивъ сотню казаковъ бѣжали и скрылись.

Около 3-хъ часовъ по полудни отрядъ тронулся обратно къ Игдырю; впереди пошла пѣхота съ артиллеріею, за ними должна была слѣдовать кавалерія. Но только-что голова колонны начала движеніе, башибузуки стоявшіе на бугрѣ стали спускаться, и пѣхота неуспѣла отойти на  $\frac{1}{2}$  версты отъ Орговскаго поста, а кавалерія нетронулась еще съ мѣста, какъ они были уже передъ нею и завязали перестрѣлку. Вся наша кавалерія построилась впереди Орговска-

го поста на правой сторонѣ оврага и ручья текущаго по дну ущелья, сотни лавами, казаки на правомъ и милиція на лѣвомъ флангѣ; мѣстность здѣсь довольно ровная, удобная для скачекъ, хотя не очень широка, стѣсненная горами, образующими Орговскую лощину; пѣхота была остановлена, какъ шла на лѣвой сторонѣ того же оврага, не принимала участія въ перестрѣлкѣ и была только зрительницею происшедшаго здѣсь кавалерійскаго, совершенно въ азіятскомъ вкусѣ, дѣла. Густая цѣпь казаковъ и милиціонеровъ была вызвана и перестрѣливалась съ башибузуками; разстояніе между ними было около 400 шаговъ. Всадники съ обѣихъ сторонъ выскочивали шаговъ 50 впередъ, дѣлали выстрѣлъ и возвращались въ цѣпь заряжая ружье; нѣсколько башибузуковъ спустились въ оврагъ, гдѣ бѣжалъ источникъ, противъ праваго фланга нашей кавалеріи и оттуда стрѣляли вдоль ея фронта; отъ нихъ также отстрѣливались. Потомъ наши милиціонеры съ гикомъ и крикомъ «ура» бросались впередъ въ пашки, и проскакавъ шаговъ сто останавливались и возвращались: пока они скакали впередъ башибузуки обращались въ бѣгство, потомъ останавливались, поворачивали, бросались въ свою очередь на нашихъ съ гикомъ, и проскакавъ также около 100 шаговъ останавливались и стрѣляли; эти атаки повторялись нѣсколько разъ; но разстояніе между нашими и башибузуками не уменьшалось, атаки и перестрѣлка производилась издали. Здѣшніе азіатцы всякое дѣло дѣлаютъ съ необыкновеннымъ шумомъ и крикомъ; и у насъ и у Турокъ слышались со всѣхъ сторонъ гиканье, возгласы и неизбѣжныя ругательства; выстрѣлы гремѣли безумолку, пули свистѣли кругомъ, пыль и дымъ смѣшались; можно было подумать, что дерутся сто тысячъ чертей съ неимовернымъ ожесточеніемъ. Но на землѣ не валялось ни одного убитаго, не было видно ни одного раненаго; кровь

текла однако же съ нѣсколькихъ легко раненыхъ лошадей, которыя могли продолжать скачку. Перестрѣлка эта могла бы продолжаться долго. Полковникъ Хрещатицкій наконецъ командовалъ казакамъ въ пики; сотни тронулись лавами и поскакали на баши-бузуковъ, которые тотчасъ же повертели, обратились въ бѣгство, разсѣялись частью по окрестнымъ покатосямъ, частью на дорогѣ и остановились когда были уже далеко отъ нашихъ. Кавалеріи велѣно было продолжать отступленіе, и пѣхота опять тронулась. Но когда наша кавалерія начала движеніе и поровнялась съ Орговскимъ постомъ, баши-бузуки опять быстро спустились къ ней и насѣли на хвостъ ея колонны; она должна была остановиться, и перестрѣлка опять загорѣлась. Баши-бузуки не отвязывались отъ насъ. Время подходило уже къ сумеркамъ. Чтобы отдѣлаться отъ нихъ, начальникъ отряда выдвинулъ на край оврага ближе къ правому флангу нашей кавалеріи два орудія. Выстрѣлъ загремѣлъ между горами; граната лопнула между баши-бузуками; они какъ стая птицъ разсѣялись въ разныя стороны. Потомъ раздался другой и третій выстрѣлъ; та же суматоха между баши-бузуками повторилась; ружейный огонь замолкъ; кавалерія наша отступила отъ Орговскаго поста не преслѣдуемая болѣе ими, и весь отрядъ возвратился на свои мѣста къ Игдырю, когда уже стемнѣло. Когда мы отошли отъ Орговскаго поста версты двѣ, баши-бузуки бросились въ оврагъ къ водѣ; они и лошади ихъ несли почти цѣлый день.

Надо отдать полную справедливость баши-бузукамъ. Не дѣлая особенныхъ подвиговъ, всегда готовые разсѣяться при малѣйшемъ рѣшительномъ наступленіи нашемъ, они однако же дѣйствовали молодцами. Теперь ихъ было не болѣе 500 человекъ противъ нашего отряда, въ которомъ находилось 1000 человекъ одной кавалеріи; они ото-

или отъ границы 9 верстъ, неимѣли никакихъ подкрѣпленій, неимѣли даже возможности напоить своихъ лошадей, утомленныхъ движеніемъ въ горахъ въ знойный день, потому-что источникъ воды былъ въ нашей власти, — и рѣшились атаковать насъ, не отставали отъ насъ до возможности, съ примѣрною настойчивостію. Они не опасались и не рассчитывали, что у насъ одной кавалеріи было вдвое болѣе чѣмъ у нихъ; что наши лошади отдохнули и были напоены и что мы могли бы гнать ихъ 9 верстъ и могли, вѣроятно, догнать и изрубить хотя часть. Можетъ-быть скажутъ, что это было съ ихъ стороны неблагоразуміе; однако же оно достойно похвалы. Баши-бузуки сдѣлали все, что слѣдовало и что могли сдѣлать, и имѣли право гордиться своими дѣйствіями 23-го іюня. Я видѣлъ баша-бузуковъ въ схваткахъ нѣсколько разъ и послѣ, участвовалъ также на войнѣ съ горцами Кавказа, имѣющими военную репутацію гораздо выше чѣмъ баша-бузуки, — и рѣшаюсь при этомъ сказать, что, по моему мнѣнію, въ сущности нѣтъ большой разницы между кавказскими горцами и турецкими баша-бузуками, хотя первые нѣсколько превосходятъ послѣднихъ. И тѣ и другіе вообще очень-малогодины, какъ войско, храбры только при отступленіи отъ нихъ, одинаково животолюбивы, нейдутъ на открытую опасность, неимѣютъ дисциплины и неспособны атаковать пѣхоту готовую встрѣтить ихъ. Разница между ними та, что горцы вооружены гораздо лучше и всѣ имѣютъ хорошія ружья; они имѣли прежде положительное преимущество надъ нами — въ вѣрности стрѣльбы и дальности полета пуль, и дѣйствуютъ въ странѣ знакомой имъ какъ родина, гористой и покрытой густымъ лѣсомъ, гдѣ для нихъ встрѣчаются прикрытія на каждомъ шагѣ и возможность паносить уронъ нечаянными нападеніями, самыми опасными на войнѣ. Выхода изъ

своихъ домовъ на близкое отъ нихъ разстояніе, горцы одѣты легко и могутъ настойчиво, неутомимо дѣйствовать и преслѣдовать непріятеля, пѣшіе и конные, смотря по надобности. Вооруженіе, образъ дѣйствій и главное — мѣстность, дѣлали ихъ гораздо опаснѣе для насъ, чѣмъ были баши-бузуки, а вооруженіе нашей пѣхоты на Кавказѣ до 1857 года, можно сказать, однимъ холоднымъ оружіемъ, позволяло имъ выказывать не опасное геройство и подѣзжать смѣло на десятки шаговъ къ фронту баталіоновъ. До 1857 года они дѣйствовали противъ насъ, насѣдали на насъ, такъ же какъ теперь баши-бузуки, постоянно во время нашихъ отступленій, которыя были неизбѣжны при тогдашнихъ нашихъ дѣйствіяхъ, не какъ отступленія отъ непріятеля, а какъ возвращеніе изъ экспедицій и набѣговъ на мѣста прежней стоянки. При преслѣдованіи отступающаго непріятеля и трусъ дѣлается храбрымъ. Въ наступленіи духъ войска растетъ и увеличивается какъ снѣжный шаръ, или какъ водяной потокъ; обыкновенное наступленіе иногда по силѣ увлеченія невольно превращается въ отчаянную атаку, — отступленіе въ кажущееся или невольное бѣгство. Преслѣдующій съ боемъ можетъ считать свои силы вдвое увеличенными, отступающій вдвое уменьшенными; хорошее отступленіе самое трудное дѣло на войнѣ. Безсомнѣнія, какъ горцы Кавказа, такъ и народы Азіи, изъ которыхъ собираютъ баши-бузуковъ, могутъ имѣть и имѣли въ своей жизни эпохи особаго фанатизма, дѣлавшаго ихъ героями; я не говорю объ этихъ исключительныхъ положеніяхъ. Кавказскіе горцы защищаютъ свою родину, что должно бы одушевлять ихъ болѣе баши-бузуковъ и отклонить всякую мысль и возможность сравненія ихъ съ баши-бузуками; во сходство, т. е. одинаковая малодность ихъ какъ войска, существуетъ даже и въ этомъ настоящемъ положеніи.

Наша милиція была очень довольна этимъ дѣломъ; пѣ-

хота, состоявшая изъ кавказскихъ боевыхъ баталіоновъ, напротивъ, недовольна. Не входя ни въ какія разсужденія, что намъ безъ возможности переходить границу, было совершенно напрасно трудиться и тратить время и порохъ на скачку и перестрѣлку съ баши-бузуками и что надобно было наконецъ воротиться почевать въ Игдырь, и не зная общихъ распоряженій о дѣйствіяхъ отряда, пѣхотинцы говорили, что стыдно отступать отъ этой сволочи, какъ они называли баши-бузуковъ, и что надобно было бы прочувствовать ихъ. Несмотря на это, кромѣ пользы обстрѣливанія войскъ и приученія ихъ къ пулямъ и военнымъ опасностямъ, — выгода общая намъ и непріятелю, — дѣло 23-го іюня и возвращеніе наше къ Игдырю были очень полезны, собственно для Эриванскаго отряда, въ другомъ отношеніи, какъ мы увидимъ послѣ. Не знаю, принесли ли эти движенія какую-нибудь пользу для наступательныхъ дѣйствій Александропольскаго отряда. Я полагаю что въ эту войну вообще выказалось здѣсь большое уваженіе къ маневрамъ и убѣжденіе въ пользѣ движеній и дѣйствій безъ боя и въ возможности достигнуть ими какой-либо цѣли. У Турокъ эта система была развита еще болѣе. Они, какъ мы увидимъ, въ продолженія войны очень часто употребляли угрожающія движенія, распространеніе пугающихъ слуховъ и другія угрозы издали, безъ рѣшительныхъ сраженій. Можетъ-быть и мы и они дѣйствительно достигали, въ нѣкоторой степени, своихъ цѣлей.

Турки безсомнѣнія были довольны 23-мъ іюнемъ еще болѣе чѣмъ наша милиція и имѣли полное право быть довольными. Командиръ Баязетскаго корпуса вѣроятно донесъ если не о блестящей побѣдѣ одержанной имъ надъ Эриванскимъ отрядомъ, то по-крайней мѣрѣ о храбрыхъ дѣйствіяхъ, которыми онъ отрезилъ этотъ отрядъ, намѣревавшійся проникнуть въ Турцію, и заставилъ

его возвратиться въ свои предѣлы. На другой день утромъ, въ разныхъ мѣстахъ Эриванской губерніи, лежащихъ ближе къ границѣ, слышали пушечные выстрѣлы въ Баязетѣ и насчитали ихъ около 100. Лазутчики вскорѣ объявили намъ, что стрѣляли въ радость побѣды одержанной надъ нами, и въ честь прибывшихъ изъ г. Вана 4-хъ тысячъ пѣхоты на усиленіе Баязетскаго корпуса.

Послѣ этого дѣла мы стояли у Игдыря до половины іюля въ бездѣйствіи. Баши-бузуки показывались нѣсколько разъ въ горахъ на пространствѣ между с. с. Кюлюкомъ и Кульпамъ, въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ нашего отряда, не много пограбили и захватили нѣсколько Армянъ. Одна шайка переправилась даже чрезъ Араксъ въ Сардаръ-Абадскій участокъ. Для преслѣдованія ихъ послали около двухъ сотенъ казаковъ и милиціонеровъ; часть успѣли догнать и захватили двухъ человѣкъ; остальные спаслись. Оди только внутренніе безпорядки тревожили насъ. Спокойствіе въ краѣ поддерживалось по близости войскъ, но въ отдаленіи, въ разныхъ мѣстахъ Эриванской губерніи, происходили случаи, — продолжавшіеся непрерывно еще съ прошлогоднихъ осеннихъ безпорядковъ послѣ вторженія Турокъ, — хотя неважныя, но показывавшіе сомнительное положеніе края и возможность волненій, особенно если бы наши дѣйствія были неудачны и дурны.

Въ настоящемъ положеніи, во время войны, когда страсти разгораются, малѣйшее неудовольствіе находило много средствъ для выраженія и широкое поле для разгула. Недовольные, если не могли найти поддержку въ турецкихъ войскахъ, то всегда могли бѣжать къ нимъ. Здѣсь было труднѣе, чѣмъ въ внутреннихъ русскихъ губерніяхъ, сохранить безукоризненное справедливое управленіе. У азіатцевъ нравственность, понятія о чести и долгѣ, далеко ниже европейскихъ. Русскому и въ голову не придетъ

•

того, что азіатець считаетъ дозволеннымъ и не безчестнымъ. Здѣсь грабежъ и разбой считаются молодецествомъ; убійство врага—правомъ; совѣсть не укоряетъ убійцу въ сдѣланномъ имъ преступленіи. Здѣшніе христіане, находясь въ подданствѣ у музульманъ, усвоили отчасти многіе ихъ обычаи. Жители не отвыкли еще отъ древнихъ правилъ турецкаго и персидскаго правительствъ, когда жизнь и собственность ихъ зависѣли отъ произвола нашей и сардарей; наклонные къ ушпенію, они сами развращаютъ своихъ начальниковъ. При отсутствіи сознанія своего долга, каждый хочетъ откупиться отъ исполненія обыкновенныхъ гражданскихъ обязанностей и повинностей. Обычай, приходя къ начальнику и вообще ко всякому старшему съ просьбою—принести подарокъ, бешкешъ, считается приличіемъ, долгомъ, самымъ обязательнымъ правиломъ. Не взять подарка, значитъ обидѣть даящаго. Незнаніе русскаго языка, русскихъ законовъ и обычаевъ, становить жителей еще въ бѣольшую зависимость отъ ближайшихъ къ нимъ чиновниковъ,—которые также почти всѣ здѣшніе уроженцы, преимущественно Армяне и Грузины, выучившіеся по-русски,—и можетъ предоставить тысячи мелкихъ случаевъ для непримѣтныхъ злоупотребленій. Войска въ сношеніяхъ съ жителями должны были обращаться во всемъ къ посредству участковаго начальника; безъ него ничего нельзя было купить. До прихода войскъ жители вовсе не продавали многія вещи и не зная цѣнности имъ въ деньгахъ, дѣйствовали робко, опасались быть обманутыми, или вовсе не получить плату. Торговли въ краѣ почти не было. Чтобы купить курицу, яйца, сѣно, ячмень, рогатый скотъ и пр., деньги обыкновенно отдавали чиновнику, по его назначенію; онъ доставлялъ все въ исправности, а расплачивался какъ зналъ. Войска старались входить въ ближайшія прямые сношенія съ жителями



и впоследствии мало-по-малу приучили ихъ продавать свои произведенія прямо себѣ, безъ посредства чиновниковъ. Высшіе начальники, которые изъ Русскихъ, не зная здѣшняго языка, при всемъ желаніи открыть зло, встрѣчаютъ въ этомъ большія затрудненія, но одной недобросовѣстности переводчиковъ, которые переводя, иногда лгутъ съ неимовѣрною наглостію. Отъ Персіянина и Армянина трудно допытаться правды; онъ желаетъ прежде всего угодить вамъ, и на сдѣланный ему вопросъ отвѣчаетъ вѣжливо и смиренно вопросомъ: — Какъ прикажете отвѣчать? Иногда начальникъ знаетъ вѣрно, что такой-то далъ взятку такому-то и за то-то; призываетъ перваго, уговариваетъ сознаться, общаетъ ему, что онъ за это не отвѣтитъ; объясняетъ, что онъ далъ взятку напрасно, что его дѣло справедливо и рѣшено уже давно въ его пользу. Персіянинъ почитательно кланяется, приложивъ руку къ сердцу, и божится, что онъ взятки не давалъ; но въ его глазахъ видно смиренно-насмѣшливое подозрѣніе, которое говоритъ: — «знаемъ тебя! не обманешь!» Я упоминалъ прежде, что много музульманъ перебѣжало въ Турцію; всѣ охотно доставляли туда тайно продовольствіе. Во многихъ мѣстахъ вспыхивали беспорядки, которые къ-счастію ограничивались одиночными случаями, и прекращались. И этими беспорядками мелкіе чиновники иногда играли какъ огнемъ дѣти. Эриванская губернія была на военномъ положеніи и въ этомъ отношеніи зависѣла отъ начальника Эриванскаго отряда. Генералъ баронъ фонъ-Врангель иногда получалъ отъ уѣздныхъ и участковыхъ начальниковъ донесенія, что случился такой-то беспорядокъ: Татары или Курды ограбили домъ въ такомъ-то селеніи; что доносившій тотчасъ принялъ энергическія мѣры, вооружилъ команду и прекратилъ беспорядокъ. Иногда оказывалось, что беспорядка вовсе не было, или онъ представленъ

совершенно въ ложномъ видѣ и ему ошибочно или умышленно приданъ политическій характеръ. Эти происшествія приводили насъ въ негодованіе и пугали. Мы имѣли передъ собою Турокъ, противъ которыхъ хотѣли дѣйствовать, и должны были ожидать, что въ тылу у насъ, въ самомъ край вспыхнутъ возмущенія, которыя поставятъ насъ въ самое неприятное положеніе. Для примѣра приведу одинъ случай, надѣлавшій наиболѣе шума.

Гражданское начальство получило донесеніе, что Турки опять распространяютъ между народомъ Эриванской губерніи прокламаціи, которыми приглашаютъ музюльманъ къ возстанію и что прокламаціи эти ходятъ въ Нахичеванскомъ уѣздѣ. Нельзя отвергать, чтобы Турки не употребляли способа прокламацій для волненія нашего края, но никто изъ жителей не былъ уличенъ въ распространеніи ихъ, и многіе были убѣждены и говорили, что все дѣло о прокламаціяхъ—ложь и выдумка. Для разслѣдованія о нихъ былъ однакожъ командированъ въ концѣ іюня или началѣ іюля 1854 года одинъ чиновникъ изъ Армянъ. Въ послѣдствіи генераль баронъ Врангель послалъ въ Нахичеванскій уѣздъ служившаго въ отрядѣ офицера изъ мѣстныхъ почетныхъ жителей, человека добросовѣстнаго и хорошо воспитаннаго, для тайнаго разузнанія этого дѣла, и отъ него мы узнали, что оно произошло слѣдующимъ образомъ. Доставленные имъ свѣдѣнія впрочемъ подтверждались и другими. Гражданскій чиновникъ, командированный на слѣдствіе, приѣхалъ въ Нахичеванскій уѣздъ къ коротко-знакомому своему Ширинъ-Султану, одному изъ почетныхъ и зажиточныхъ жителей уѣзда; Ширинъ-Султанъ принялъ и угостилъ его. За бутылкой вина чиновникъ откровенно признался зачѣмъ онъ приѣхалъ; объявилъ, что многихъ жителей подозрѣваютъ въ принятіи и распространеніи турецкихъ прокламацій, назвалъ по именамъ наиболѣе богатыхъ и просилъ Ширинъ-

Султана содѣйствовать ему въ разьясненіи дѣла. Ширинъ-Султанъ отвѣчалъ, что слухъ о прокламаціяхъ ложень, и отказалъ на отрѣзъ. Оба были на-весель; между ними завязался споръ, кончившійся дракой. Ширинъ-Султанъ избилъ чиновника, который вырвавшись изъ его сакли, бѣжалъ въ сосѣднюю деревню, оставивъ свою шапку, лошадь и весь багажъ и тотчасъ донесъ, что Ширинъ-Султанъ, при требованіи показать прокламаціи Турокъ, хотѣлъ убить его, отнялъ у него лошадь и все вещи, и самъ онъ едва успѣлъ спастись. Послали команду солдатъ схватить Ширинъ-Султана; но онъ, сознавая свою вину въ дракѣ съ чиновникомъ, бѣжалъ въ горы, взявъ съ собою все свое семейство. Къ нему бѣжали нѣсколько человекъ, преимущественно его родственниковъ. Сформировали еще другую команду изъ вооруженныхъ жителей и казаковъ, до 250-ти человекъ, и противъ Ширинъ-Султана открылись дѣйствія, чтобы его поймать и разсѣять его шайку. Начальнику Эриванскаго отряда донесли объ этомъ происшествіи какъ о бунтѣ и просили о высылкѣ казаковъ. Генералъ баронъ фонъ-Врагелъ, донося о немъ князю Бебутову просилъ также о присылкѣ подкрѣпленій, для того чтобы усилить вѣранный ему отрядъ для дѣйствій противъ Турокъ и не ослаблять отдѣленіемъ частей для прекращенія безпорядковъ, возникшихъ въ краѣ. Князь Бебутовъ отвѣчалъ, что не можетъ выслать изъ Александропольскаго отряда ни одного солдата; но командировалъ въ составъ Эриванскаго отряда изъ другихъ мѣстъ двѣ сотни Донскаго № 4-го полка, о прибытіи которыхъ упоминалось выше, и разрѣшилъ взять изъ Эриванской крѣпости одну роту линейнаго баталіона, содержавшаго тамъ караулы и занимавшагося приготовленіемъ для насъ сухарей. Не ожидая прибытія этихъ частей, начальникъ отряда командировалъ въ распоряженіе мѣстнаго начальства для поимки Ширинъ-Султана одну сотню

казаковъ, которые вмѣстѣ съ собранными прежде 250-ью всадниками и солдатами высланными изъ Эриванской крѣпости, гонялись за нимъ нѣсколько дней по горамъ. Въ родственныхники Ширинъ-Султана явились къ начальству, просили прощенья и объявили, что они вовсе нехотѣли противодѣйствовать правительству, а обѣжали изъ страха быть арестованными вмѣстѣ съ Ширинъ-Султаномъ. Ширинъ-Султана не понимали: онъ куда-то скрылся, а потомъ бѣжалъ въ Персию: шаики его наконецъ не существовало.

Было очевидно, что нѣкоторыя такъ называемыя политическія преступленія жителей, вовсе неважны, какъ ихъ представляли, и имѣютъ другой характеръ. Почти все безпорядки происходили отъ племенной неприязни и отъ дикихъ привычекъ и наклонностей къ грабежу и насилию самихъ жителей: но въ нѣкоторыхъ было виновато отчасти ближашее начальство. Генераль баронъ фонъ-Врангель просилъ эриванскаго губернатора взыскать строго съ чиновника виновнаго въ дѣлѣ Ширинъ-Султана, и внушить всемъ прочимъ быть осторожными и строго-справедливыми въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ-какъ безпорядки обыкновенные въ мирное время, теперь могутъ принять опасные размѣры, и прекращеніе ихъ отвлекаетъ войска отъ прямой ихъ цѣли — дѣйствія противъ турецкихъ войскъ, и вмѣстѣ съ этимъ предписалъ прекратить все розыски и преслѣдованія политическихъ преступленій до болѣе удобнаго времени. Нельзя было оставить ихъ вовсе, потому-что подъ названіемъ политическихъ преступленій были обыкновенныя насилія и убійства. Къ жителямъ сдѣлано воззваніе, въ которомъ обѣщалось забвеніе всехъ прошедшихъ политическихъ преступленій и прощеніе тѣмъ изъ обѣжавшихъ въ Турцію, которые не сдѣлали убійства, или грабежа, если они возвратятся въ свои мѣста. Нѣкоторые чиновники были смѣнены. Жители увидѣли, что они находятъ покровъ

вителей въ военномъ начальствѣ: въ нихъ явилось къ намъ довѣріе и они толпами приходили въ отрядный штабъ съ жалобами на чиновниковъ или по своимъ частнымъ дѣламъ. Азіатцы любятъ, чтобы дѣло рѣшалось немедленно на мѣстѣ: ихъ невозможности и несправедливости удовлетворяли. Многія жалобы оказывались ложны и свидѣтельствовали только о неприязни другъ къ другу Армянъ, Персіанъ, Татаръ и Курдовъ. Вместе съ тѣмъ дѣйствительно виновные наказывались строго. Край успокоивался. Воззвание было услышано. Многіе изъ бѣжавшихъ явились съ повинною головою; а впоследствии, когда наши дѣйствія приняли другой, наступательный характеръ, и надежды мусульманъ стали оказываться несбыточными, — они возвратились почти все.

Подобное смутное положеніе края во время войны неизбежно, даже въ болѣе благоустроенныхъ обществахъ, и надо удивляться, что здѣсь оно не приняло болѣшихъ размѣровъ. Вездѣ есть страсти личности, корысть и желаніе поживиться; все это скрыто и молчитъ, пока есть порядокъ; съ началомъ войны и разрушеніемъ существовавшей власти на какомъ-либо пространствѣ края; все въ немъ подымается и дѣйствуетъ не встрѣчая узды преступленіямъ. Здѣшніе разноплеменные народы еще такъ дики, что и теперь готовы грабить другъ друга; а прошедшіе вѣка накопили между ними много неотплаченныхъ взаимныхъ оскорбленій и насилій. Черкѣзцы, Татары, Курды, Турки и другіе были въ разное время въ положеніи побѣдителей и потомъ побѣжденныхъ, или усмиренныхъ, и не любили другъ друга. Армяне готовы были употребить ложь и клевету, чтобы сдѣлать зло мусульманамъ, и пользуясь русскою властію мстить имъ за ихъ прошедшія насилія и возратить хотя кое-что изъ потеряннаго и отнятаго у нихъ прежде; магометане считали себя

вполнѣ правыми давить, при всякомъ удобномъ случаѣ, эти возмущенія побѣжденнаго ими прежде народа. Въ подобномъ положеніи, средства не разбирались, и для такой вражды не было границъ законныхъ правилъ. Только одна посторонняя власть, одна наша сила могли помирить и держать въ страхъ эти непріязненныя національности, а очевидное желаніе наше быть справедливыми, успокоивало ихъ. Справедливость и строгость, лучшія средства управленія массою, были необходимы, и какъ вездѣ и всегда принесли пользу. Было бы несправедливо укорять въ этихъ безпорядкахъ собственно русское начальство, — безъ насъ ихъ было бы гораздо болѣе; они возникали изъ самаго свойства мѣстныхъ отношеній и состоянія края. Злоупотребленія собственно русскихъ чиновниковъ, какъ случаи, ничего не доказываютъ и не могутъ вредить общей системѣ нашихъ дѣйствій и причинамъ нашего вліянія. Высказать это представится еще не одинъ случай. Сколько могу судить о бывшихъ здѣсь безпорядкахъ, — я убѣжденъ, что они были неповиновеніе или, лучше сказать, выраженіе неудовольствія собственно противъ вліянія Армянъ и Грузинъ, — случайное обстоятельство мѣстнаго управленія, а не противъ русской власти. — и обыкновенныя хищничества, взаимныя грабежи другъ друга враждующихъ и полудикихъ народовъ.

#### V. Сраженіе на Чингильскихъ высотахъ.

Наконецъ въ началѣ іюля былъ полученъ отвѣтъ на представленіе 9-го іюня о необходимости наступательныхъ дѣйствій. Князь Бебутовъ писалъ, что если генералъ баронъ фонъ-Врангель находитъ возможнымъ дѣйствовать наступательно съ небольшимъ ввѣреннымъ ему Эриванскимъ отрядомъ, то онъ въ этомъ не иреняетствуетъ, но

надѣется, что Эриванская губернія не останется безъ защиты.

Въ это время начинались уже самыя сильныя жары; зной былъ и днемъ и ночью нестерпимъ; комары и мошки не давали спать ни днемъ, ни ночью; вода въ канавѣ возлѣ Игдыря, которою пользовался весь отрядъ, была тепла, густа и вонюча; болѣзненность въ войскахъ видимо распространялась; цифра вновь заболѣвающихъ каждый день увеличивалась значительно; не было почти ни одного человѣка, который нечувствовалъ бы на себѣ вреднаго вліянія климата. Въ припадкѣ здѣшнихъ лихорадокъ, на человѣка находить иногда спячка, и онъ умираетъ въ ней. Войска доставали уже съ трудомъ фуражъ и топливо; край кругомъ и по близости насъ, разоренный Турками въ 1853 году, истощался все болѣе-и-болѣе. Къ 10-му іюля въ отрядъ прибыли съ остальными госпитальными вещами арбы, подряженные для подвижнаго госпиталя, и рота Кавказскаго линейнаго баталіона изъ Эривани, а 15 іюля все черводарскія лошади для подвижнаго провіантскаго магазина. Чиновники и медики съѣхались. Отрядъ сформировался и былъ готовъ къ дѣйствіямъ.

Свѣдѣнія о неприятелѣ были чрезвычайно разнорѣчивы. Намъ трудно было имѣть хорошихъ лазутчиковъ;—Армяне робки и не рѣшались ходить въ Турцію; музульмане обманывали насъ. Въ этомъ отношеніи неприятель имѣлъ надъ нами преимущество и могъ знать все что у насъ дѣлается. Башни-бузуки могли всегда переѣзжать границу къ нашимъ музульманамъ и получать отъ нихъ желаемыя свѣдѣнія, а каждый музульманинъ Эриванской губерніи считалъ за хорошее и пріятное Аллаху дѣло передавать о насъ все что зналъ. Мы стояли между музульманскимъ населеніемъ; жители толпами пріѣзжали въ отрядъ по своимъ дѣламъ и для продажи своихъ произведеній. Для

Турка было удобно приѣхать вмѣстѣ съ другими въ нашъ лагерь и пересчитать число баталіоновъ, орудій и даже палатокъ. При этомъ надо замѣтить, что доставляя намъ свѣдѣнія о турецкихъ войскахъ, магометане всегда увеличивали, а Армяне уменьшали число ихъ. Первые желали имъ добра, пугали насъ многочисленностью ихъ и старались отклонить отъ рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій; послѣдніе желали, чтобы мы шли впередъ и побии Турокъ, и отчасти были увѣрены заранѣе въ нашей побѣдѣ. Баши-бузуки при вторженіи сюда въ 1853 году сдѣлали столько зла, убійствъ и насилій, что Армяне дышали мщеніемъ,—и оно даже мѣшало имъ разсуждать вѣрно. Мнѣ часто случалось слышать отъ Армянъ:—«Идите, идите! Вы непременно разобьете Турокъ! Баязетъ будетъ вашъ!» Но этого нельзя принимать за пророчество; они также обнадеживали въ успѣхъ штурма Карса въ 1855 году. Однако же, изъ разныхъ показаній можно было приблизительно заключить, что въ турецкомъ Баязетскомъ корпусѣ въ это время состояло: двѣнадцать баталіоновъ пѣхоты, каждый около 500 человекъ, 2000 иррегулярной пѣхоты, въ которой между прочимъ были Негры и Аравитяне, 8 орудій, 5000 баши-бузуковъ и до 5000 Курдовъ. Баязетскій пашалыкъ лежитъ въ Маломъ Курдиставѣ и Курды кочевали не въ дальнемъ разстояніи отъ Баязетскаго корпуса; и потому число ихъ могло скоро увеличиваться и уменьшаться. Корпусомъ командовалъ Селимъ-наша.

Генераль-лейтенантъ баронъ фонъ-Врангель назначилъ днемъ выступленія 16-е іюля. Хотя этого никому не говорили, но пѣкоторые предварительныя распоряженія, необходимыя приготовленія въ войскахъ къ походу, электрическою искрою разлились въ отрядѣ убѣжденіемъ предстоящихъ дѣлъ. 15-го іюля начальникъ отряда собралъ



старшихъ частныхъ начальниковъ, сообщилъ имъ подъ секретомъ о принятомъ намѣреніи перейти въ наступленіе и велѣлъ приготовляться къ походу. Всѣ были довольны.

Разосланною войскамъ, въ полдень 16-го іюля, диспозиціею, назначалось выступить въ этотъ день въ 8-мь часовъ вечера, когда начинается смеркаться, для того чтобы скрыть движеніе, перепочевать у Орговскаго поста bivуакомъ не разводя огней и выступить отъ него къ границѣ слѣдующимъ утромъ ранѣе, чтобы имѣть возможность при движеніи въ гору сохранить свои силы на случай встрѣчи съ непріателемъ на перевалѣ. До Орговскаго поста должна была идти впереди, подъ командою полковника Хрещатицкаго, бѣльшая часть кавалеріи, именно шесть сотенъ Донскаго казачьяго № 23-го, одна сотня Донскаго № 4-го, четыре сотни конно-музльманскаго № 5-го полковъ, двѣ сотни бекской дружины и сотня Курдовъ; въ двухъ верстахъ за нею пѣхота и между баталіонами артиллерія, за пѣхотою обозы, и за ними, въ прикрытіи, одна сотня Донскаго № 4-го полка и сотня Армянъ Теръ-Грекурова. Для прикрытія движенія съ фланговъ, выдвигались одновременно съ выступленіемъ авангарда, вправо противъ Мучинскаго ущелья одна сотня конно-музльманскаго № 5-го полка, и влѣво противъ Харабабжарскаго ущелья одна сотня Донскаго № 4-го полка; имъ велѣно почевать въ горахъ отдѣльно отъ отряда. По выступленіи 17-го іюля отъ Орговскаго поста, кавалерія должна была не доходя границы раздѣлиться на три колонны, которымъ слѣдовать въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи: правой—изъ трехъ сотенъ Донскаго № 23-го полка и сотни Курдовъ подъ командою есаула Стенюкина по колесной Орговской дорогѣ, въ самое ущелье, которымъ эта дорога проходитъ на перевалѣ; средней—изъ трехъ со-

тень Донскаго № 23-го полка, двухъ сотень бековъ и двухъ сотень конно-музультманскаго № 5-го полка, подъ командою полковника Хрещатицкаго, лѣвѣ и возлѣ Орговской дороги, по отлогому подъему, отходящему отъ трехъ отдѣльныхъ вершинъ, которыя стоятъ на хребтѣ восточнѣе, т.-е. лѣвѣ главной Орговской дороги; и третьей—изъ одной сотни Донскаго № 4-го и двухъ сотень конно-музультманскаго № 5-го полковъ, подъ командою войсковаго старшины Чернова, лѣвѣ средней колонны, по горной тропинкѣ, отходящей въ  $1\frac{1}{2}$ -ра верстахъ недоходя перевала отъ колесной Орговской дороги къ востоку, по небольшой ложинѣ, и поднимающейся на перевалѣ лѣвѣ трехъ вышеозначенныхъ вершинъ. Сотня конно-музультманскаго № 5-го полка, направленная наканунѣ вдоль Мучинскаго ущелья, должна была по приближеніи 17-го іюля къ границѣ, слѣдовать по западному склону, ограничивающему Орговское ущелье, и не доходя нѣсколько до перевала присоединиться къ колоннѣ есаула Стенюкина, такъ-какъ верховья Мучинскаго ущелья сближались съ Орговскимъ ущельемъ и на самой границѣ могли быть наблюдаемы съ Орговской дороги. При распредѣленіи частей кавалеріи въ колонны, имѣлось въ виду, чтобы въ каждой колоннѣ были смѣшаны сотни казаковъ и сотни мѣстной милиціи, малонадежной не только-что для дѣйствія, но даже для исполненія первоначальныхъ распоряженій къ движенію. Кавалерія направлялась впередъ пѣхоты потому, что для насъ было полезно занять всѣ высоты перевала одновременно, прежде Турокъ; подъемъ въ гору былъ труденъ и башкибузки успѣли бы занять ихъ прежде нашей пѣхоты, какъ бы она рано ни выступила. Такимъ-образомъ кавалерія, подъ общею командою полковника Хрещатицкаго, подойдя съ трехъ сторонъ къ тремъ отдѣльнымъ вершинамъ, стоящимъ на перевалѣ, командующимъ Орговскою

дорогою и составляющимъ ключъ позиціи, должна была занять ихъ рано утромъ и удерживаться на нихъ до прибытія пѣхоты, если бы и Турки старались занять ихъ, но за переваль не переходить. Можно было надѣяться, что и со стороны Турокъ поспѣютъ къ перевалу прежде одни башни-бузукы, которыхъ могла легко удержать одна наша кавалерія. Мѣстность здѣсь была уже хорошо намъ знакома, осмотрѣнная подробно въ рекогносцировку 11-го мая. Пѣхота должна была выступить 17-го іюля также рано, слѣдовать въ общей походной колоннѣ прежнимъ порядкомъ, и въ случаѣ встрѣчи съ непріателемъ построиться для боя: въ первой линіи, подѣ командою полковника Цумифорта, на правомъ флангѣ 5-й баталіонъ Мингрельскаго и на лѣвомъ флангѣ 5-й баталіонъ Тифлискаго егерскихъ полковъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, каждый баталіонъ въ ротныхъ колоннахъ, впереди двѣ роты и позади одна; между баталіонами дивизионъ или вся легкая № 7-го батарея, смотря по надобности; во второй линіи, подѣ командою полковника Шликевича, около 200 шаговъ за первую линією, на правомъ флангѣ 1-й баталіонъ Мингрельскаго егерскаго, а на лѣвомъ 1-й баталіонъ Ширванскаго пѣхотнаго полковъ, въ баталіонныхъ колоннахъ; и въ резервѣ, около 300 шаговъ за 2-ю линією подѣ командою полковника Алтухова, 2-й баталіонъ Ширванскаго полка съ остальными орудіями. Обозъ долженъ былъ построиться около 800 шаговъ за резервомъ или гдѣ окажется удобнѣе, въ каре, подѣ прикрытіемъ шедшихъ въ резервѣ двухъ сотень кавалеріи. Если бы встрѣча произошла за переваломъ, то кавалерія должна была построиться на флангахъ пѣхоты, на уровнѣ 2-й линіи или резерва, гдѣ позволитъ мѣстность: на правомъ флангѣ—колонна есаула Стенюкина и на лѣвомъ средняя и лѣвая колонны подѣ командою полковника Хрещатицкаго. Если

бы встреча произошла на самомъ перевалѣ, то войсковому старшинѣ Чернову было приказано угрожать и по возможности дѣйствовать непріятелю обходомъ въ тылъ, чему мѣстность способствовала, потому-что главная колесная дорога, по которой слѣдовала пѣхота съ артиллеріею, пройдя чрезъ перевалъ и ущелье къ южному склону, новорачиваетъ круто на востокъ, налѣво, огибаетъ съ юга часть хребта, въ которой стоятъ три отдѣльныя вершины, и поравнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ на хребтѣ стоялъ Черновъ, полорачиваетъ круто опять направо, на югъ, и начинаетъ спускаться по южному склону горъ; на углу послѣдняго поворота съ ней соединяется тропинка, по которой шла колонна Чернова, такъ-что тропинка эта была прямѣе и короче колесной дороги, хотя круче и труднѣе ее, а войсковой старшина Черновъ, оставаясь на самомъ перевалѣ, могъ удобно дѣйствовать въ тылъ непріятелю, когда онъ пройдетъ къ нашей сторонѣ за означенный изломъ дороги. Но кавалерія должна была по возможности не начинать дѣла до прибытія пѣхоты, не утомлять скачкою лошадей, и если бы нельзя было ей одной удержать высоты, то отойти на фланги пѣхоты, какъ выше назначено; бой должна была выдержать пѣхота и артиллерія, а кавалерія сберегать свои силы до рѣшительной атаки всею массою, когда будетъ дано приказаніе, а главное, — для преслѣдованія. Нельзя разсчитывать, чтобы нерегулярная кавалерія могла атаковать баталіоны, оставаясь въ массѣ и порядкѣ, она была полезна даже для одного вида; при преслѣдованіи же несомнѣнно могла нанести непріятелю такой же вредъ, какъ регулярная кавалерія и довершить окончательно его пораженіе. Войска взяли провіанта на 4 дня, всѣ патронные и зарядные ящики и казенныя повозки: послѣднія болѣе для больныхъ и раненыхъ, по 5-ти палатокъ на каждый баталіонъ, также

для больныхъ и раненыхъ, по одной артельной повозкѣ на роту, маркитантскія арбы и телѣги, порціоннаго скота на 4 или 5 дней, вьюки съ офицерскими вещами и нѣсколькodesятковъ вьюковъ изъ транспортовъ съ патронами и картечью. Изъ этого видно, что отрядъ выступилъ на-легкѣ; малое количество обоза было полезно по трудности движенія въ горахъ, въ виду столкновенія съ непріателемъ. Остальной обозъ войскъ и подвижные провантскій магазинъ, артиллерійскій паркъ и госпиталь оставались возлѣ с. Игдыря; повозки должны были построиться въ каре, внутри котораго на ночь, а въ случаѣ надобности и днемъ, могли помѣщаться волы и лошади. Для прикрытія этого обоза оставили одну роту 1-го баталіона Ширванскаго пѣхотнаго полка и линейную роту взятую изъ Эривани. Сотнѣ Донскаго № 4-го полка, выдвинутой къ Харабабajarскому ущелью было приказано, при движеніи отряда 17-го іюля къ границѣ оставаться на мѣстѣ, наблюдать какъ это ущелье, такъ и главную Орговскую дорогу, противодѣйствовать по возможности шайкамъ Турокъ, если бы они показались въ нашихъ предѣлахъ; въ случаѣ же появленія большой партіи отступить къ вагенбургу у Игдыря и присоединиться къ ротамъ оставленнымъ для его прикрытія. Хотя двухъ ротъ и одной сотни казалось много для защиты обозовъ оставленныхъ въ нашихъ предѣлахъ въ 26-ти верстахъ отъ границы; но нужно имѣть въ виду, что баши-бузуки и кочевавшіе въ Турціи Курды любятъ болѣе грабить, чѣмъ драться, и во время боя могли броситься въ Эриванскую губернію на наши обозы. Диспозиція эта во многихъ чертахъ была исполнена, въ нѣкоторыхъ по необходимости измѣнилась.

Предъ выступленіемъ отслужили молебень. Съ самаго начала движенія стали встрѣчаться остановки, измѣнившія

первоначальные расчеты. Милиція опоздала. Передовыя части отряда тронулись въ 9 часовъ вечера. Погода днемъ была превосходная, небо ясно; но когда стемнѣло, тучи заволокли все небо, вдали послышались громовые раскаты, пошелъ мелкій дождикъ, который вскорѣ усилился и потомъ не переставалъ всю ночь. Ночь была безлунная; отъ тучъ потемнѣло такъ, что шлп ощупью и безпрестанно сбивались съ дороги. Всѣ участвовавшіе въ этомъ движеніи безсомнѣнія помнятъ особенный случай дѣйствія электричества. Когда мы стали подыматься въ гору, на всѣхъ штыкахъ и пикахъ показались огоньки, которые горѣли какъ свѣчи или раскаленные угли; движущаяся по дорогѣ колонна въ темнотѣ казалась текущею рѣкою искръ. Солдаты говорили, что это предсказываетъ большое сраженіе. Отъ дождя дорога сдѣлалась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грязна; орудія и повозки часто задѣвали за камни, торчавшіе по бокамъ; повозки ломались, упряжь рвалась; остановки случались безпрерывно. Противъ всякаго ожиданія движеніе производилось чрезвычайно медленно. Кавалерія пришла къ Орговскому посту около полночи, голова нѣхоты только съ разсвѣтомъ, а хвостъ съ восходомъ солнца. Пѣхота могла отдохнуть не болѣе трехъ часовъ; но отдыхъ былъ необходимъ: иногда лучше драться на дурной позиціи, имѣя свѣжія войска, чѣмъ на хорошей—утомленные. Теперь было уже менѣе вѣроятно, что мы займемъ перевалъ прежде Турокъ; кавалерія также не могла выступить слишкомъ рано. Судя по дѣйствіямъ непріятели 23-го іюня, мы могли ожидать, что если онъ не рѣшится выдти на границу всѣмъ корпусомъ, то все-таки постарается занять перевалъ прежде насъ, хотя баши-бузуками и иррегулярною пѣхотою.

17-го іюля съ мѣста ночлега выступили—кавалерія въ 6, пѣхота въ 8 часовъ утра. Только-что тронулась голова

колонны, какъ мы увидѣли на самомъ хребтѣ перевала, на западной отдѣльной вершинѣ, ближайшей къ Орговской дорогѣ, до 10-ти всадниковъ и дымокъ отъ сигнальныхъ ихъ выстрѣловъ; по мѣрѣ того какъ мы подвигались, число ихъ постепенно увеличивалось. Наше движеніе было открыто. Впослѣдствіи мы узнали вѣрно, что Турки знали отъ музульманъ Эриванской губерніи о нашихъ приготовленіяхъ и выступленіи,—и даже слышали, что будто за нѣсколько дней до нашего выступленія, командующій Баязетскимъ корпусомъ, Селимъ-паша, получилъ отъ главнокомандующаго Анатолійскою арміею, Зарифъ-Мустафы-пашы, приказаніе дѣйствовать противъ насъ наступательно. Послѣдній слухъ если не вѣренъ, то вѣроятенъ, судя по наступленію Турокъ осенью 1853 года; теперь они были сильнѣе, а Эриванскій отрядъ остался почти въ прежней численности. Безсомнѣнія эти дѣйствія были бы также нерѣшительны, какъ и предъидущія, и ограничились бы такими же демонстраціями, какія мы дѣлали въ іюнѣ 1854 года, развѣ только-что Турки рѣшились бы перейти границу. Какъ бы то ни было, но Баязетскій корпусъ къ 15-му іюля сосредоточился и расположился лагеремъ ближе къ границѣ; четыре баталіона пѣхоты, четыре орудія, вся иррегулярная пѣхота и часть иррегулярной кавалеріи стали въ 5-ти верстахъ отъ нее у д. Карабулаха, а остальные, пѣхота, артиллерія и кавалерія, у с. Арзапа, лежащаго у подошвы Агри-дага между Орговскою и Каравагъ-сарайскою дорогами. Въ с. Мусунѣ для наблюденія за послѣднею дорогою осталось только 300 баши-бузуковъ, а въ г. Баязетѣ какая-то часть пѣхоты для содержанія карауловъ при военныхъ складахъ, сосредоточенныхъ въ этомъ городѣ для всего корпуса.

Орговское ущелье на протяженіи нѣсколькихъ верстъ не

\*

доходя гребня хребта имѣетъ около  $1\frac{1}{2}$ -ры версты ширины, а на самомъ хребтѣ и перевалѣ дѣлается очень узко, — и этимъ-то узкимъ ущельемъ, по дну котораго пролетаетъ колесная дорога, намъ нужно было войти въ предѣлы Турціи, и его-то вѣроятно Турки будутъ защищать, потому-что позиція здѣсь для нихъ крѣпка и они могли основательно надѣяться остановить и отразить насъ. Это послѣднее ущелье имѣетъ около 400 шаговъ ширины и около одной версты длины; дно его ровно и незначительно склоняется отъ юга къ сѣверу; крутыя и высокія горы образующія его съ правой, западной, стороны, лежатъ обширнымъ полукружіемъ; а восточный бокъ ущелья образуется горою съ отдѣльною вершиною, одною изъ трехъ вершинъ, о которыхъ упоминалось выше и которыя лежатъ близко другъ отъ друга въ гребнѣ хребта, восточнѣе описываемаго ущелья. Эта лѣвая гора отъ вершины до дна ущелья скалиста, обрывиста, усѣяна камнями, изъ которыхъ удобно сдѣлать завалы, и трудно-доступна для атаки; — на ней-то засѣли уже баши-бузуки, какъ въ самомъ крѣпкомъ мѣстѣ позиціи, командуящемъ ущельемъ и дорогою. Дно ущелья идетъ криво, изгибаясь отъ насъ налѣво, т. е. на востокъ, обойдя лѣвую гору выходитъ къ южному склону Агридага, и останавливается на уступѣ, съ котораго открывается долина Баязетскаго саиджака. На лѣвѣ и на срединѣ протяженія ущелья лежитъ небольшое озеро, заросшее по краямъ камышомъ; въ это время вода въ немъ была еще годна въ пищу. Озеро называется по-турецки, или по-татарски, Джанъ-гѣль, что значитъ: «озеро дупъ»; Курды выговариваютъ это слово: Чинъ-гиль. Отъ озера названіе перешло и на окружающія его горы. У этого-то озера и въ этомъ ущельи произошло между нами и Турками кровопролитное по числу бывшихъ въ строю сраженіе, названное «чингильскимъ». Не знаю почему дано озеру



названіе озера—душъ; но если здѣсь прежде не было сраженія, то оно дано пророчески—кстати. Въ воображеніи и разсказахъ кочующихъ здѣсь Курдовъ, какъ въ пѣсняхъ Оссіана, послѣ 17-го іюля много душъ, павшихъ въ битвѣ, носится и стонетъ въ туманѣ и облакахъ, которыя ходятъ надъ здѣшними горами \*).

Когда я, съ тремя сотнями есаула Стенюкина, въѣхалъ въ ущелье, то лѣвая гора была уже занята нѣсколькими сотнями баши—бузуковъ, которые устроивали завалы, что показывало намѣреніе ихъ защищаться; къ намъ присоединилась вскорѣ сотня музульманъ, ѣхавшая по Мучинскому ущелью. У озера было нѣсколько десятковъ баши—бузуковъ, которые по приближеніи нашемъ скрылись за гору и присоединились къ бывшимъ на вершинѣ. Турки открыли по насъ огонь, но мы держались болѣе праваго бока ущелья, а отъ вершины горы до этого мѣста разстояніе велико и пули были мало—дѣйствительны. Очевидно, что мы не могли уже занять гору; выбивать Турокъ изъ ихъ заваловъ кавалеріею было бы напраснымъ пролитіемъ крови. По этому кавалерія полковника Хрещатницкаго подойдя къ подошвѣ горы, остановилась, потомъ взяла вправо, вышла на колесную дорогу и соединилась съ колонною есаула Стенюкина. Намъ полезно было владѣть хотя озеромъ; какъ наши, такъ и Турки, подымаясь нѣсколько верстъ въ крутую гору, будутъ томимы жаждою, и озеро принесетъ величайшую пользу тому, кто имъ владѣетъ. По этому, вся собравшаяся въ ущелье наша кавалерія была поставлена ближе къ правому его боку, вѣ выстрѣловъ съ лѣвой горы, снѣжена, и часть казаковъ разсыпана пѣхотною цѣпью стрѣлковъ

---

\*) Всѣ собственныя имена, вообще, въ этихъ «Запискахъ» написаны такъ, какъ они произносятся на мѣстѣ жителями: Курдами, Татарами и Армянами.

ближе къ озеру, къ которому она такимъ образомъ недопускала Турокъ до прибытія нашей пѣхоты. Трава была подъ ногами; кавалерія успѣла отдохнуть, накормить и напоить лошадей.

Было только 8 часовъ утра. Я взялъ нѣсколько казаковъ и Курдовъ и отправился съ ними далѣе до того мѣста, откуда могъ уже видѣть южный склонъ горъ, долину Баязетскаго санджака и нѣсколько движеніе турецкихъ войскъ; я держался также правой стороны ущелья, и потому былъ въ безопасности отъ сидѣвшихъ на лѣвой горѣ башибузуковъ, которые не смѣли спускаться на дно ущелья, удерживаемые выстрѣлами снѣженныхъ казаковъ. Я увидѣлъ нѣсколько отдѣльныхъ массъ турецкой кавалеріи подымавшихся въ гору. Около 300 башибузуковъ подходили къ самой границѣ, къ тому углу дороги, съ которымъ соединяется тропинка по которой шелъ Черновъ, занявшій уже переваль восточнѣе трехъ вершинъ, найденный имъ свободнымъ. Небольшое число ихъ вѣроятно внушило войсковому старшинѣ Чернову мысль атаковать ихъ. Я былъ отъ него въ верстѣ и видѣлъ какъ онъ быстро спустился съ своими тремя сотнями по южной покатости, атаковалъ башибузуковъ, опрокинулъ ихъ, положилъ нѣсколько на мѣстѣ и нѣсколько человекъ взялъ въ плѣнъ. Но онъ, служа въ Кавказскомъ линейномъ войскѣ и привыкнувъ предпринимать съ казаками смѣлыя дѣйствія, забылъ, что теперь подъ его командой состоитъ здѣшняя милиція. Увлеченный успѣхомъ, онъ сталъ преслѣдовать башибузуковъ далѣе, и въ верстѣ отъ перевала вдругъ наткнулся на другую партію состоявшую до 500 или болѣе человекъ и подымающуюся изъ-за горныхъ уступовъ въ томъ же направленіи. Башибузуки атаковали его въ свою очередь, бросились въ сабли и пики, человекъ 25 казаковъ и милиціонеровъ положили на мѣстѣ,

человѣкъ 40 Армянъ и музульманъ отрѣзали и взяли въ плѣнъ. Взятые милиціонеры не защищались; ихъ тутъ же обобрали и погнали къ Карабулаху; убитымъ и раненымъ оставшимся на мѣстѣ отрѣзали головы,—и нѣсколько человекъ поскакали съ ними къ Карабулаху, какъ съ трофеями побѣды. Войсковой старшина Черновъ былъ совершенно опрокинутъ; многіе милиціонеры, состоявшіе подъ его командою, бѣжали и потомъ Харабабахарскимъ ущельемъ ушли домой въ Эриванскую губернію, распространяя по дорогѣ слухъ о нашемъ пораженіи. Башни-бузуки преслѣдовали Чернова до перевала, но тутъ остановили ихъ крики людей сидѣвшихъ на горѣ, вѣроятно предупреждавшіе о присутствіи съ другой стороны нашей кавалеріи; они поворотили въ гору и соединились на ней съ прежде бывшею здѣсь толпою. Новые отряды башни-бузуковъ прибывали одни за другими, и я долженъ былъ уѣхать къ своей кавалеріи. Войсковой старшина Черновъ послѣ этого дѣла занялъ, съ оставшимися съ нимъ сотнею казаковъ и нѣсколькими десятками милиціонеровъ, третью, восточную вершину, рядомъ съ Турками, перестрѣливался съ ними издали, но не могъ уже съ разстроенными и утомленными своими людьми принять участія въ послѣдовавшемъ боѣ, и спустился съ горъ только впослѣдствіи, для преслѣдованія Турокъ вмѣстѣ съ остальною кавалеріею. Дѣйствія его были ошибка и нарушеніе распорядженій диспозиціи; въ самомъ началѣ дѣла у насъ уже почти не было трехъ сотенъ кавалеріи. Взятые въ плѣнъ наши милиціонеры бѣжали и возвратились въ нашъ отрядъ въ тотъ же, или на другой день. Они рассказали намъ подробности сценъ, послѣдовавшихъ за этою стычкою. Ихъ привезли верхомъ въ Арзапъ къ командиру Баязетскаго корпуса Селимъ-пашѣ. На дорогѣ они встрѣтили за Карабулахомъ, и недалеко уже отъ него, баталіоны и артил-

лерію двигавшіеся отъ Арзана, но самъ Селимъ не вытѣжалъ еще изъ этого селенія, гдѣ была его главная квартира, жена и гаремъ. вмѣстѣ съ плѣнными принесли и отрѣзанныя головы. Башни-бузуки хвастали и разсказывали, что они разбили Русскихъ и прогнали ихъ за границу: въ числѣ плѣнныхъ находились четыре казака. Разсказъ башни-бузуковъ одушевилъ нашу. Онъ хвалилъ ихъ храбрость и заплатилъ имъ за отрѣзанныя головы: за красивыя давалъ болѣе, за безобразныя менѣе, за самую красивую заплатилъ 700 курушей (монета въ 5 копѣекъ серебромъ). Въ пылу восторга онъ воскликнулъ: «Всѣмъ идти и гнать Русскихъ до Эривани!» Распоряженіе къ движенію пѣхоты и артиллеріи вверхъ на гору было отъ дано только теперь.

Между-тѣмъ турецкая кавалерія постоянно увеличивалась; къ ней начала подходить и иррегулярная пѣхота. Вся лѣвая гора густо покрылась людьми; толпы конныхъ и пѣшихъ стали наконецъ наполнять ущелье и покрывать вершины горъ съ правой нашей стороны, и помѣръ увеличенія ихъ здѣсь, постепенно подвигаться по этимъ горамъ ближе къ намъ, такъ-что и съ правой стороны они наконецъ поровнялись съ нами и потомъ стали обходить насъ. Весь горизонтъ передъ нами покрывался мало-помалу густыми массаами, какъ тучами, и тутъ уже приходила мысль, что Баязетскій корпусъ сильнѣе чѣмъ показывали свѣдѣнія. Но было видно, что это только иррегулярныя части Баязетскаго корпуса; беспорядочность расположенія ихъ нестройными толпами показывала ихъ еще многочисленнѣе. Безирерывный крикъ, возгласы: «Аллахъ» и другіе, переливались съ горы на гору, по всему протяженію неприятельскихъ войскъ. Съ постепеннымъ увеличеніемъ ихъ, башни-бузуки дѣлались смѣлѣе, спускались внизъ по покатостямъ ближе къ намъ, залегали за камни, устраивали

изъ ихъ завалы и открывали огонь. Неумолкаемая перестрѣлка горѣла по всему ихъ фронту. У насъ были уже раненные и убитые, но къ озеру Турокъ не подпускали. Смѣльчаки пытались было подъѣзжать къ водѣ, но охотники изъ казаковъ, вызванные съ лучшими ружьями и винтовками, держались у озера унорно и отговяли ихъ своими выстрѣлами, ранивъ нѣсколько человекъ. Позади нашей кавалеріи былъ выставленъ на правыхъ высотахъ казачій постъ собственно для наблюденія, что дѣлается у Турокъ; съ высоты онъ могъ видѣть лучше чѣмъ мы—находившіеся на днѣ ущелья. Одиночные казаки безпрестанно приѣзжали къ намъ съ этого поста и передавали о прибытіи каждой новой партіи Турокъ, въ 500 или 1000 человекъ; но регулярной нѣхоты и орудій не видѣли; они еще не прибывали.

Наша нѣхота выступила отъ Орговскаго поста въ 8 часовъ. Хотя погода весь день 17-го іюля была ясная, но отъ шедшаго всю предыдущую ночь дождя, дорога испортилась, сдѣлалась грязна; на крутыхъ подъемахъ орудія ввозили съ немовѣрными усиліями, часто на людяхъ; лошади уставали и загорались; надобно было останавливаться и отдыхать на каждой полуверстѣ. Мы не могли бы оставить свою артиллерію, такъ-какъ артиллерійскій огонь былъ тогда единственный надежный огонь въ нашемъ войскѣ. Съ 10-ти часовъ сдѣлалось жарко; люди выпили всю воду, взятую въ манеркахъ,—въ горахъ не находили еѣ и томилась жаждою. Это было первое большое движеніе изъ низменной долины Аракса, гдѣ многіе люди переболѣли уже лихорадками, ослабѣли и носили въ себѣ зародышъ болѣзни. Отсталыхъ было очень много; они выходили изъ фронта и ложились въ сторонѣ дороги, не имѣя силъ идти далѣе. Это зрѣлище способно было внушить опасеніе въ успѣхъ; но къ-счастію нашему вѣроятнo Тур-

ки испытывали неменѣе трудности съ своими орудіями на подъемѣ въ гору, который съ юга былъ хотя короче, но еще круче чѣмъ съ сѣвера. Голова передняго нашего баталіона прибыла въ ущелье перевала въ 11<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часовъ, а всѣ четыре баталіона и восемь орудій легкой № 7 батареи собралась окончательно къ Джанъ-гѣлу въ 12-ть часовъ полудня; слѣдовательно пѣхота шла 4 часа 9-ть верстъ отъ Орговскаго поста до границы. Начальникъ отряда, видя утомленіе войскъ, чтобы имѣть опору въ случаѣ надобности отступить, оставилъ въ 2-хъ верстахъ недоходя границы и ущелья, на удобномъ мѣстѣ, шедшій позади 2-й баталіонъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, четыре орудія батареейной № 4-го батареи, двѣ сотни кавалеріи и весь обозъ, подъ командою полковника Алтухова, такъ-что на перевалѣ собралось нашихъ войскъ для боя съ Турками только четыре баталіона пѣхоты, изъ нихъ три трехъ ротныхъ и одинъ четырехъ ротный, восемь орудій и двѣнадцать сотенъ кавалеріи, т. е. до 1700 чел. пѣхоты и 1200 человекъ кавалеріи; по причинѣ болѣзненности, роты были слабы. слѣдовательно, если силы Баязетскаго корпуса простирались до 20-ти тысячъ и онъ могъ собраться на перевалѣ весь, то онъ превосходилъ бы насъ численностію въ семь разъ; что кажется и было на самомъ дѣлѣ. Турецкой артиллеріи очевидно еще не было; иначе она встрѣтила бы наши колонны ядрами; мы все-таки прибыли прежде Турковъ. Но теперь являлось опасеніе, рѣшатся ли они вывести на перевалъ свою пѣхоту и артиллерию. Судя по огромнымъ массамъ иррегулярныхъ войскъ, покрывавшихъ горы, надо было полагать, что они намѣрены защищать переходъ черезъ границу.

Баталіоны были введены въ ущелье и стали въ двѣ линіи въ колоннахъ, согласно диспозиціи, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ озера и ближе къ правымъ горамъ, гдѣ они

были болѣе въ безопасности отъ выстрѣловъ съ лѣвой горы, откуда производился самый сильный и близкій къ намъ огонь. Пѣхотѣ нужно было прежде всего отдохнуть, — такъ она утомилась, и потому начальникъ отряда велѣлъ составить ружья въ козлы, снять ранцы и выслать команды съ манерками за водою къ озеру. Солдаты напились, закусили сухарями, легли и заснули; сильный храпъ поднялся кругомъ баталіоновъ и безсомнѣнія удивилъ бы Турокъ, если бы они могли слышать его въ громъ неумолкавшаго ружейнаго огня, который производился по пѣхотѣ со всѣхъ сторонъ густыми ихъ толпами, съ величайшимъ ожесточеніемъ. Нѣкоторые изъ заснувшихъ вскакивали раненые пулями, или оставались неподвижными на мѣстѣ. На огонь этотъ съ нашей стороны отвѣчала, вызванная къ самому озеру и влѣво противъ горы, цѣнь штуцерныхъ, смѣнившая свѣшенныхъ казаковъ. Кавалерія отошла за пѣхоту и стала за правымъ ея флангомъ. Одинъ дивизионъ артиллеріи поставили за баталіонами, а другой выдвинули вправо на уровень съ казаками, на отлогое возвышеніе, отходившее отъ правыхъ горъ, гдѣ онъ былъ на одномъ уровнѣ съ позиціею Турокъ стоявшихъ на днѣ ущелья по другую сторону озера. Изъ этого послѣдняго дивизиона сдѣлали два выстрѣла по густымъ толпамъ выдвинувшимся ближе къ Джанъ-гѣлу. Перекаты эха въ окружавшихъ насъ горахъ удесятерили громъ выстрѣла; общій крикъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ Турокъ, видимыхъ и невидимыхъ, на горахъ и въ ущельѣ, былъ имъ отвѣтомъ, какъ-будто они хотѣли показать намъ свою многочисленность. Потомъ въ нашей артиллеріи распрягли лошадей, по очереди дивизионами, немного поводили ихъ, напоили въ озерѣ и опять вирагли. Каждая лишняя минута отдыха возстановляла наши силы; отсталые постепенно подходили и присоединялись къ своимъ ротамъ. Недостатокъ воды въ горахъ,

въ здѣшнемъ жаркомъ климатѣ, представляетъ одно изъ главныхъ затрудненій въ военныхъ дѣйствіяхъ и требуетъ какихъ-либо особыхъ мѣръ; въ послѣдствіи мы брали воду въ бурдюкахъ выюками. Солдатъ, напившись, воскресалъ; озеро Джанъ-гѣль оказало намъ большую услугу.

Прибытіе каждой новой своей части Турки привѣтствовали всеобщимъ возгласомъ. Передъ толпами стоявшими противъ насъ на днѣ ущелья стали разбѣзжать начальники съ свитами, которыхъ встрѣчали и провожали громкими привѣтствіями. Это были крики торжества. Видя насъ лежащими молчаливо на днѣ ущелья небольшою кучкою, окруженною почти со всѣхъ сторонъ густыми ихъ толпами, Турки вѣроятно считали насъ пропавшими. Пальба густѣла; число раненыхъ и убитыхъ у насъ увеличивалось. Наконецъ въ исходѣ перваго часа общій огромный крикъ Турокъ возвѣстилъ намъ, что случилось, что-то особенное, и вслѣдъ затѣмъ съ наблюдательнаго поста прискакалъ къ начальнику отряда казакъ и доложилъ, что къ Туркамъ пришла пѣхота съ орудіемъ; новые гонцы съ поста давали знать, одинъ за другимъ, о прибытіи другихъ баталіоновъ и орудій, безостановочно. Вѣроятно турецкая пѣхота подойдя къ перевалу стянулася, выстроилась подъ послѣднимъ уступомъ и выходила на позицію въ порядкѣ. Вскорѣ мы увидѣли жерла четырехъ орудій и за ними блескъ штыковъ; турецкая пѣхота съ артиллеріею строилась противъ насъ, на днѣ ущелья и поперекъ его, по другую сторону Джанъ-гѣла; между нами было около 300-тъ сажень разстоянія. Вслѣдъ затѣмъ раздался первый выстрѣлъ съ ихъ стороны, который толпы стоявшія на горахъ привѣтствовали опять громкимъ крикомъ; ядро перелетѣло черезъ наши баталіоны и ударило въ казаковъ, стоявшихъ за правымъ флангомъ, потомъ другой, третій выстрѣлъ и затѣмъ орудійная пальба не прерывалась. Съ нашей сто-



роны отвѣчалъ дивизионъ поставленный правѣе пѣхоты. Изъ этого видно, что Турки, сравнительно, болѣе насъ употребили времени для слѣдованія отъ Арзапа до Карабулаха и оттуда для подъема въ гору; ихъ артиллерійскія лошади были мельче и слабѣе нашихъ и вѣроятно останавливали безпрестанно движеніе пѣхоты. Наши пѣхотные милиціонеры, взятые въ стычкѣ изъ сотенъ войскового старшины Чернова, встрѣтили турецкую пѣхоту у Карабулаха около 9-ти часовъ; послѣ этого было отдано Селимъ-пашею приказаніе идти всѣмъ на границу. Если пѣхота выступила изъ Карабулаха въ 10-ть часовъ, то она шла въ гору 5-ть верстъ три часа, слѣдовательно медленнѣе нашего.

Такимъ образомъ, центръ турецкаго корпуса, состоявшій изъ регулярныхъ войскъ, пѣхоты и артиллеріи, то есть, самая лучшая часть его, находился противъ насъ въ глубинѣ ущелья, какъ и мы—построенный поперегъ его; дно ущелья отъ озера Джанъ-гѣла постепенно возвышается къ сторонѣ фронта Турокъ, но незначительною покато-стію, удобною для движенія строимъ въ атаку. Фланги Турокъ, многочисленнѣйшіе центра, состоявшіе изъ нерегулярныхъ войскъ, были расположены подъ прямымъ угломъ къ линіи центра и выдвигались слишкомъ впередъ, охватывая насъ и достигая концами до нашего тыла. Чтобы дойти до центра Турокъ и атаковать его, намъ надо было пройти болѣе полверсты по узкому дефиле, котораго бока были покрыты войсками фланговъ. Центръ Турокъ казался недоступенъ для атаки. Прежде всего представлялась необходимость, и объ этомъ былъ разговоръ на мѣстѣ, сбить прежде какой-нибудь флангъ непріятеля и занять высоту; особенно казалось трудно миновать лѣвую гору, ключъ всей позиціи, потому-что дорога идетъ у самой ея подошвы, между нею и озеромъ: занявъ эту

гору, мы командовали бы надъ центромъ. Но эта выгода не привела бы насъ къ рѣшительнымъ результатамъ. Гора была сильно занята Турками; ее надо было штурмовать, лѣзть по едва доступной крутизнѣ, на которой встрѣчались скалистые уступы; засѣвшіе въ завалахъ и за камнями Турки, имѣя позади себя въ полной цѣлости силы центра, безсомнѣнія защищались бы упорно; Турки за прикрытіемъ защищаются всегда лучше чѣмъ въ открыгомъ полѣ; мы сами во время этого штурма могли быть атакованы въ правый флангъ, и если бы заняли наконецъ гору, сбили бы съ нее Турокъ, то вѣроятно отъ этого успѣха понесли бы большую потерю и все-таки достигли бы небольшой выгоды. Центръ, т. е. пѣхота непріятеля имѣла мѣсто отодвинуться назадъ и стать внѣ нашихъ выстрѣловъ съ горы; но вѣроятно она отступила бы въ порядкѣ; ло-крайней-мѣрѣ не атакованная еще, она могла сохранить порядокъ при своемъ отступленіи. Мы и это назвали бы побѣдою, и дѣйствительно она была бы побѣда; но Баязетскій корпусъ былъ бы цѣлъ и собралъ бы своихъ разсѣянныхъ башки-бузуковъ на низменной равнинѣ. По этому начальникъ отряда рѣшилъ: не обращая вниманія на боковыя высоты фланговъ, пройти между ними по дну ущелья ближайшимъ направленіемъ, и сосредоточенными силами всего отряда атаковать пѣхоту непріятеля. Такое дѣйствіе представляло ту выгоду, что центръ—вся основа Баязетскаго корпуса, при атакѣ его немогъ быть существенно поддержанъ черезъ-чуръ растянутыми по отдаленнымъ вершинамъ флангами, и мы имѣли бы дѣло съ нимъ однимъ. Опасность движенія подъ выстрѣлами фланговъ также въ сущности была не такъ велика, какъ казалась, по крайней-мѣрѣ не была непреодолимою, потому-что иррегулярныя войска Турокъ вооружены дурными ружьями, малогодность которыхъ мы испытали уже два раза, и огонь

фланговъ немогъ быть слишкомъ убійственъ. Опрокинувъ центръ, мы становились этимъ движеніемъ въ тылу лѣвой горы, т. е. отрѣзывали отступленіе засѣвшему на ней правому флангу непріятеля, и могли взять его въ плѣнъ. Атака центра по такому трудному ущелью была во всякомъ случаѣ отчаяннымъ дѣйствіемъ,—потому—что пройдя по немъ полверсты и оставивъ позади себя массу фланговъ непріятеля, нашъ атакующій отрядъ имѣлъ бы трудное отступленіе, если бы невыдержалъ огня и былъ опрокинутъ; но зато побѣда надъ центромъ была окончательнымъ рѣшеніемъ боя въ нашу пользу. Въ виду возможности отбитія нашей атаки, я полагаю, что баталіонъ и 4-ре орудія, оставленные въ 2-хъ верстахъ позади, были бы полезнѣе, если бъ были оставлены, для опоры, при входѣ въ ущелье, около того мѣста, съ котораго наша артиллерія открыла первый огонь.

Былъ часъ пополудни, когда турецкая артиллерія начала стрѣлять. Мы уже отдохнули; надо было дѣйствовать немедленно, чтобы не дать времени отдохнуть и турецкой пѣхотѣ. Генералъ—лейтенантъ баронъ фонъ—Враугель, тотчасъ послѣ первыхъ выстрѣловъ непріятельскихъ орудій, сдѣлалъ распоряженія къ наступленію и отдалъ приказаніе: баталіонамъ построиться по диспозиціи, выслатъ штуцерныхъ и застрѣльщиковъ первой линіи передъ фронтъ, а второй линіи на лѣвый флангъ, ранцы оставить на мѣстѣ и начать движеніе по дорогѣ. Баталіоны тронулись подъ прикрытіемъ учащеннаго огня цѣпи стрѣлковъ и дивизиона артиллеріи, стоявшаго на возвышенности за правымъ флангомъ. Такъ-какъ мы могли пройти только узкою колонною между озеромъ и подошвою лѣвой горы, то впереди слѣдовалъ 5-й баталіонъ Тифлискаго егерскаго полка, который пройдя за озеро развернулся влѣво отъ дороги, двѣ ротныя колонны впереди и третья около 50-ти ша-

говъ позади, за интерваломъ между передними; за нимъ дивизионъ легкой № 7-го батареи, который пройдя за озеро быстро развернулся вправо и немедленно открылъ огонь; за дивизиономъ артиллеріи, 5-й баталіонъ Мингрельскаго егерскаго полка, который пройдя за озеро развернулся также вправо отъ предъидущаго дивизиона артиллеріи и построился также какъ предъидущій баталіонъ; потомъ слѣдовали баталіоны 2-й линіи и строились за первою линіею. Пока баталіоны шли въ узкомъ пространствѣ возлѣ озера, дивизионъ артиллеріи, прежде расположенный за правымъ флангомъ, оставался на мѣстѣ и продолжалъ стрѣлять учащенно; а когда другой дивизионъ выстроился за озеромъ и открылъ огонь, тогда предъидущій дивизионъ прекратилъ огонь, рысью догнавъ баталіоны, потомъ въѣхалъ въ первую линію, присоединился къ находившемуся уже въ ней дивизиону, и батарея, подъ командою капитана Грищенко, продолжала наступать по дивизионно, производя самый частый огонь, сначала ядрами, потомъ гранатами и, наконецъ, картечью. Одновременно съ слѣдованіемъ головнаго баталіона лѣвѣ озера, пять сотень есаула Стенюкина рысью обогнули озеро съ правой его стороны и стали сначала на правый флангъ первой линіи, а потомъ слѣдовали на уровнѣ второй линіи; а когда по дорогѣ прошли и выстроились за озеромъ всѣ баталіоны, тогда и главная часть кавалеріи, подъ командою полковника Хрещатицкаго, проскакала по дорогѣ подъ огнемъ Турокъ съ лѣвой горы и выстроилась лавами на лѣвомъ флангѣ второй линіи пѣхоты.

Сначала, когда войска послѣ отдыха стали строиться, то Турки полагали, какъ мы узнали впоследствии, что мы намерены отступать, и громкій крикъ опять поднялся изъ рядовъ ихъ; но когда движеніе наше обозначилось впередъ, то наступило на короткое время молчаніе; потомъ вдругъ

открылся опять страшный батальный ружейный и пушечный огонь съ высотъ и изъ центра ихъ; кругомъ насъ будто загорѣлось. Турки, занимавшіе высоты фланговъ, нескрывались болѣе за камнями, спускались ближе къ намъ и поражали насъ навѣсно, особенно съ лѣвой горы; отъ послѣднихъ отдѣлывались и удерживали ихъ стрѣлки второй линіи, которые прикрывали насъ сначала съ лѣваго фланга, а потомъ съ тыла, но мѣръ того какъ мы двигались впередъ и оставляли эту гору за собою; но Турки не рѣшались спуститься съ высотъ на самое дно ущелья и броситься въ сабли. Наше наступленіе производилось быстро, ускореннымъ шагомъ. Мы сходились съ непріателемъ производя также непрерывный огонь артиллерією и цѣпью. Пальба съ обѣихъ сторонъ была оглушительная, слившаяся въ одинъ безпрерывный гулъ. Ядра и гранаты бороздили землю; картечь свистѣла какъ порывы вѣтра. Люди падали и оставались на мѣстѣ; колонны шли далѣе, шагая черезъ убитыхъ. Начальникъ отряда, имѣя въ виду что насъ мало и отбоска раненыхъ на перевязочный пунктъ отняла бы много рукъ изъ баталіоновъ, отдалъ приказаніе не подымать раненыхъ; — нѣсколько лишнихъ десятковъ умершихъ отъ поздняго поданія помощи ничего незначили въ общемъ итогѣ потери, когда каждый удачный непріятельскій выстрѣлъ вырывалъ изъ фронта такіе же десятки, и раненые могли быть убитыми. Самый сильный огонь принялъ на себя 5-й баталіонъ Тифлискаго егерскаго полка, шедшій въ головѣ, когда отрядъ двигался еще колонною, и потомъ на лѣвомъ флангѣ 1-й линіи. Ряды его сильно рѣдѣли. Однимъ картечьнымъ выстрѣломъ свалило командира этого баталіона, подполковника Сакена и ѣхавшихъ за нимъ баталіонныхъ адъютанта и горниста; всѣ думали что онъ убитъ; но оказалось что съ него сорвало только фуражку и убило подъ нимъ лошадь; самъ онъ остался цѣлъ

вылѣзъ изъ-подъ лошади, догналъ свой баталіонъ и продолжалъ идти впереди его. Болѣе всѣхъ потерпѣла шедшая впереди, а потомъ на лѣвомъ флангѣ, рота поручика Жукова; изъ нее болѣе половины людей легло на мѣстѣ. Когда мы сблизились съ непріятелемъ на 200 шаговъ, намъ открылся весь фронтъ его. Средніе баталіоны первой линіи стояли развернутымъ фронтомъ, фланговые въ колоннахъ; въ интервалахъ между баталіонами и немного впереди ихъ, четыре орудія; за первую линіею, немного на покатости обращенной къ югу, стояла пѣхота второй линіи, и кажется кавалерія, что трудно было разсмотрѣть за дымомъ. По мѣрѣ того какъ мы сблизались съ непріятелемъ, ротныя колонны каждаго баталіона первой линіи какъ бы по чувству осторожности и самосохраненія, сами сблизались между собою, интервалы между ними уменьшались; заднія роты вошли въ первую линію, и когда мы подошли къ непріятелю близко, то они почти совсѣмъ сомкнулись для согласнаго удара. Артиллерія наша наступала наравнѣ съ пѣхотою между баталіонами 1-й линіи въ упоръ съ непріятелемъ. Минута атаки въ штыки наступила. Раздался бой барабановъ, потомъ команда: «на руку!» Штыки склонились. Раздалось «ура», — и три тысячи голосовъ подхватили этотъ кличъ нашего рукопашнаго боя; громадный потрясающій звукъ удесят�рпяся эхомъ; перестрѣлка мгновенно прекратилась, и послѣдніе картечныя выстрѣлы турецкихъ орудій были заглушены ударомъ штыковъ и стѣномъ умирающихъ. Казаки подъ командою полковника Хрепятицкаго и есаула Стенюкина выскакали во весь карьеръ на фланги пѣхоты первой линіи и въ одно время съ нею бросились въ штыки на орудія и на непріятельскіе баталіоны. Рукопашный бой былъ дѣломъ одного мгновенія; артиллеристы и передніе люди турецкихъ баталіоновъ, не успѣвши бѣжать, легли подъ штыками и пи-

нами; но вся масса, всё задние люди и вся вторая линия не выдержали, не дождалась удара и обратились въ бѣгство. Напрасно нѣкоторые турецкіе офицеры хотѣли остановить бѣгущихъ и махали саблями; ужасъ овладѣлъ всѣми, и ни что не могло остановить ихъ. Многіе бросали ружья, бѣжали какъ сумасшедшіе поднимая руки кверху, не видя куда они бѣгутъ, и падали съ крутизнами изрытаго оврагами южнаго склона. Въ недалекомъ разстояніи за тыломъ турецкаго центра былъ глубокій оврагъ; колесная дорога шла отъ расположенія ихъ пѣхоты къ востоку, огибала вершину этого оврага и поворачивала опять на югъ по довольно крутой покатости. На дорогу попала часть пѣхоты и кавалерія второй линіи; остальные были всё опрокинуты въ оврагъ, до котораго преслѣдовали и кололи ихъ наши баталіоны первой линіи. Здѣсь начальникъ отряда остановилъ преслѣдованіе и воротилъ пѣхоту къ своимъ орудіямъ, которыя съ высотъ занятыхъ ими продолжали стрѣлять вследъ бѣгущихъ. Часть Турокъ бросилась по дну оврага и разсѣялась вправо, часть поднялась на лѣвую его сторону и бѣжала по склону, по которому спускается дорога къ Баязету; здѣсь ихъ преслѣдовала одна наша кавалерія, подъ командою полковника Хрещатицкаго, преимущественно казаки Донскаго № 23-го полка и беки, къ которымъ присоединился и войсковой старшина Черновъ, спустившійся съ остатками своихъ сотенъ съ перевала, гдѣ онъ оставался зрителемъ битвы до-тѣхъ-поръ, пока баталіоны взяли на-руку. Вся южная покатость горъ покрылась густыми толпами бѣгущихъ, которыхъ гнали и кололи казаки; наши сотни исчезали въ массѣ разсѣяннаго непріятеля. Преслѣдованіе продолжалось версты три; потомъ начальникъ отряда воротилъ и кавалерію на гору. Четыре турецкихъ орудія съ зарядными ящиками, стоявшія на позиціи, остались въ нашихъ рукахъ. Остальные четыре орудія,

\*

дившіяся въ Баязетскомъ корпусѣ, вѣроятно по причинѣ утомленія лошадей, были оставлены Селимъ-пашею въ началѣ подъема отъ Карабулаха подѣ прикрытіемъ какой-то части. Можетъ-быть паша хотѣлъ также имѣть въ нихъ опорный пунктъ въ случаѣ разбитія главныхъ силъ; но когда эта оставленная часть увидѣла центръ бѣгущимъ, то бѣжала сама, не дожидаясь насъ, и разсѣялась; орудія однако же были увезены. Наша 2-я линія не успѣла принять участія въ атакѣ штыками; баталіоны ея оставались въ сомкнутыхъ колоннахъ, шли за баталіонами первой линіи, и были остановлены на самой позиціи Турокъ, гдѣ стояли ихъ орудія и остановились наши.

Опрокинувъ центръ, мы находились уже въ тылу фланговъ турецкаго корпуса. Люди лѣваго фланга должны были бы спускаться къ Карабулаху правѣ насъ подѣ нашимъ выстрѣлами, и потому они бросились бѣжать горами къ западу, по направленію къ Караванъ-сарайскому перевалу, и потомъ спускались въ низменную долину Баязетскаго санджака, гдѣ находили удобнѣе. Но лѣвая отъ насъ гора, бывшій, или казавшійся ключъ турецкой позиціи, занятая правымъ ихъ флангомъ, была уже въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ позади насъ; сидѣвшіе на ней Турки были совершенно отрѣзаны и могли бѣжать только въ одну свободную сторону, въ Эриванскую губернію. Однакожъ часть людей, бывшая на южной покатости горы, бросилась къ сторонѣ Баязета, несмотря на то, что впереди ихъ гнали уже Турокъ казаки и что они должны были бѣжать мимо нашей пѣхоты. Чтобы остановить ихъ, были выдвинуты влѣво два орудія съ стрѣлками; часть бѣгущихъ была перебита, нѣкоторые успѣли пробѣжать и потомъ частію спаслись, или наткнулись на возвращавшихся казаковъ; остальные воротились на гору. Когда первая линія была собрана къ своей артиллеріи и было сдѣлано распоряженіе



о возвращеніи нашей кавалеріи, генераль баронъ фонъ-Врангель направилъ для атаки этой горы изъ второй линіи три роты 1-го баталіона Ширванскаго пѣхотнаго полка и одну роту 1-го баталіона Мингрельскаго егерскаго полка, отдѣльными ротными колоннами, такъ чтобы охватить гору съ трехъ сторонъ отъ турецкой границы. Первыя три роты ползли съ южной и восточной, послѣдняя съ западной стороны; впереди ихъ разсыпали стрѣлковъ. Подъемъ былъ очень крутъ, особенно съ запада. По мѣрѣ того, какъ роты подымались, Турки разсѣянные по покатоности горы отступали кверху, надѣясь пайти спасеніе на вершинѣ; вся толпа эта видимо не думала уже защищаться; но нѣкоторые, бѣльшіе фанатики или одурѣвшіе со страха, спрятавшіеся за камнями, стрѣляли въ нашихъ подымавшихся стрѣлковъ въ упоръ; это ожесточало солдатъ стрѣчавшихся за камнями и бѣжавшихъ догоняли и кололи штыками, или подстрѣливали. Наконецъ вся толпа бывшая на горѣ собралась на вершинѣ, куда за послѣдними людьми взлѣзли изъ-за послѣднихъ уступовъ и наши солдаты. Турки бросили оружіе, подымали руки къ небу и просили пощады. Я отправился съ этими ротами именно съ цѣлю—по возможности спасти Турокъ, опасаясь, что ихъ всѣхъ переколятъ, или разгонятъ по горамъ Эриванской губерніи, гдѣ было бы трудно преслѣдовать ихъ. Намъ надо было побольше плѣнныхъ, какъ болѣе фактическое доказательство побѣды, и вособенности для того, чтобы показать ихъ жителямъ Эриванской губерніи. Я кричалъ солдатамъ:—Не бить больше! Довольно! Берите въ плѣнъ! Намъ надо больше плѣнныхъ! — и въхалъ въ толпу Турокъ. Солдаты остановились. Ближайшіе ко мнѣ Турки, видя, что я распоряжаюсь въ ихъ пользу, бросились подъ мою защиту, сбились около меня густою толпою, кричали прося пощады, кто могъ схватился за поводъ и стремена,

за гриву и хвостъ моей лошади, за мои руки и ноги, за все за что можно было уцѣпиться, надѣясь вѣроятно, что ихъ не оторвутъ отъ меня. На всѣхъ лицахъ окружавшихъ меня выражался ужасъ; глаза бѣгали какъ у помѣшанныхъ; многіе плакали и тряслись какъ въ лихорадкѣ. Одинъ только дервишъ, какъ послѣ узналъ я о его званіи, сѣлъ на землю, опустилъ голову и ожидалъ спокойно своей участи. Всѣхъ ихъ собрали, обезоружили и повели внизъ къ отряду.

Когда мы подымались еще на эту гору, я видѣлъ, что нѣсколько десятковъ конныхъ Турокъ, съ тремя значками, бросились отсюда къ сѣверо-востоку, въ Эриванскую губернію. Въ той сторонѣ, на третьей вершинѣ горы, мы видѣли другую большую толпу; это были всадники конно-мульманскаго полка, Армяне и Татары изъ сотень войсковаго старшины Чернова, которые послѣ стычки его съ Турками въ началѣ дня оставались на перевалѣ, не хотѣли болѣе принимать ни въ чемъ участія, и когда Черновъ бросился съ нѣкоторою частію своихъ людей для преслѣдованія Турокъ вмѣстѣ съ остальною нашею кавалерію, то остались на мѣстѣ, отговариваясь, что лошади ихъ устали и немогутъ тронуться съ мѣста. Къ нимъ присоединились отставшіе милиціонеры и отъ другихъ частей, а также конные жители Эриванской губерніи, которые слѣдовали за отрядомъ издали, чтобы посмотрѣть съ окрестныхъ горъ на сраженіе. Вся эта толпа безсомнѣнія бѣжала бы, еслибъ счастье осталось на сторонѣ непріятеля. Толпа башн-бузуковъ съ тремя значками, спасавшаяся отъ нашихъ ротъ, бросилась къ этой толпѣ милиціонеровъ, надѣясь найти въ своихъ единовѣрцахъ, если не спасеніе, то пощаду жизни. Милиціонеры дѣйствительно не били ихъ, но обобрали совершенно. Подымаясь на гору мы видѣли, какъ они обирали башн-бузуковъ, снимали оружіе и платье, шарили въ карманахъ, раз-

дѣвали почти до-гола, если рубашка была хороша и привлекла ихъ жадность. Обобравъ совершенно и взявъ три значка, они погнали баши-бузуковъ въ противоположную отъ насъ сторону, по направленію къ Арарату. Не знаю что они хотѣли съ ними сдѣлать; вѣроятно они послѣ отпустили бы ихъ. Я поскакалъ за ними съ нѣсколькими бывшими со мной казаками, догналъ въ 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> или 2-хъ верстахъ, побранилъ милиціонеровъ и воротилъ ихъ вмѣстѣ съ плѣнными въ отрядъ.

Сраженіе началось въ часъ, рѣшительная битва продолжалась не болѣе  $\frac{1}{2}$  часа и кончилась совершенно въ три часа по полудни. Мы одержали полную побѣду. Въ нашихъ рукахъ остались 4 орудія, 23 знамени и значка, 400 человекъ плѣнныхъ, множество ружей, пистолетовъ, барабановъ, патроновъ и лошадей. Поле сраженія, гдѣ произошла атака турецкаго центра, южная покатость, по которой преслѣдовали Турокъ на протяженіи трехъ верстъ къ Карабулаху, всѣ окрестныя возвышенности и овраги, особенно лѣвая гора, были усыяны трупами убитыхъ и ранеными Турками; посланные офицеры съ командами для поднятія раненыхъ, насчитали убитыхъ и раненыхъ Турокъ около 2000, и это число судя на глазъ по массѣ лежавшихъ казалось вѣрно. Но главная, болѣе блестящая сторона побѣды состояла въ томъ, что неприятельскій корпусъ не только-что былъ разбитъ, но совершенно разсыянъ. Мы видѣли, что его люди разбѣжались во всѣ четыре стороны, и не осталось ни одной сомкнутой части; корпусъ не существовалъ совершенно въ прежней силѣ и значеніи, а въ уменьшенномъ числѣ долго не могъ быть собранъ. Нравственная выгода побѣды превышала матеріальную; Балзетскій санджакъ и за нимъ другія турецкія области открывались намъ на значительное пространство, а Эриванская губернія обезпечивалась отъ всякой внутренней и внешней опасности.

Потеря съ нашей стороны была значительна, пропорціо-  
нально численности отряда, и состояла изъ 430 убитыхъ  
и раненыхъ, и 300 человекъ выбывшихъ изъ строя;—послед-  
ними были преимущественно милиціонеры, разбѣжавшіеся  
впродолженіи дѣла въ разныя стороны по Эриванской  
губерніи и взятые въ плѣнъ въ стычкѣ Чернова; слѣдова-  
тельно вся потеря составляла  $\frac{1}{2}$  часть людей участвовав-  
шихъ въ сраженіи. Существенную потерю понесла пѣхота  
и въ ней болѣе всѣхъ 5-й баталіонъ Тифлискаго егер-  
скаго полка. Но потеря эта не была опасна и нисколько не  
ослабляла силу отряда. Баталіоны были такіе же какъ преж-  
де и отрядъ могъ бы выдержать еще не одно такое сра-  
женіе. Убыль милиціонеровъ не составляла большой важно-  
сти и могла быть скоро пополнена. Легко раненые казаки  
и пѣхотинцы не хотѣли оставлять рядовъ и ихъ перевы-  
зывали въ баталіонахъ и сотняхъ. Побѣда возвышаетъ  
духъ. Всѣ предвидѣли дальнѣйшія движенія, нехотѣли от-  
ставать и желали быть участниками хотя нравственныхъ  
удовольствій, которыя должна была предоставить намъ вы-  
игранная битва. Въ нашемъ положеніи одно уже свободное  
вторженіе въ непріятельскую землю была награда побѣди-  
телей, потому—что въ этомъ каждый солдатъ видѣлъ свое  
достоинство и наше превосходство: «попирать землю врага,  
какъ говорится, есть наслажденіе!» Начальникъ отряда ге-  
гераль-лейтенантъ баронъ фонъ-Врангель,—которому при-  
надлежитъ вся честь побѣды, потому—что дѣйствія про-  
изводилась не по приказанію старшаго начальника, а по его  
собственному убѣжденію и рѣшимости, и потому—что пред-  
примчивость и рѣшимость на битву, при такой огромной  
несоразмѣрности силъ какая была между нами и Турками,  
составляетъ, какъ великій трудъ души, одно изъ важнѣй-  
шихъ достоинствъ военнаго и всякаго другаго званія чело-

вѣка, — былъ также раненъ въ ногу, но не хотѣлъ оставлять отряда.

Мнѣ случилось послѣ слышать рассказы Турокъ, бывшихъ въ этомъ сраженіи, и объясненія ими причинъ нашей побѣды. Они говорили, что мы лѣзли впередъ какъ сумасшедшіе; другіе полагали, что мы навели на нихъ какое-то колдовство, очарованіе, отъ котораго они обезпамятали и ничего не видѣли. Нѣкоторые изъ пробѣгавшихъ въ ночь съ 17-го на 18-е юля, или на другой день сраженія утромъ, мимо армянскаго монастыря Сурбъ-Оганеса, находящагося въ Турціи, въ 60-ти верстахъ отъ поля сраженія, рассказывали монахамъ, что когда загремѣло между горами наше «ура!» и они вдругъ увидѣли близко отъ себя чертовскія, какъ они выражались, рожи русскихъ солдатъ, то послѣ этого ни чего уже не помнятъ чтò было, не знали чтò дѣлаютъ и куда бѣгутъ, и опомнились только къ вечеру, далеко, когда убѣдились, что Русскіе за ними негонятся. Наше спокойствіе цѣлый часъ подъ пулями, когда мы отдыхали, потомъ молчаливо-упорное наступленіе подъ градомъ пуль, ядеръ и картечи чрезъ узкое ущелье, изъ котораго мы вышли какъ изъ жерла пламени и дыму, и потомъ громкое «ура!» передъ самымъ ударомъ въ штыки, возбѣщавшее рѣшимость на смертельный, невозвратный бой, — все это навело на Турокъ очарованіе ужаса. Войсковой старшина Черновъ и другіе находившіеся съ казаками и милиціонерами на третьей вершинѣ, влѣво отъ ущелья, были зрителями нашей атаки центра, и всего поля сраженія, которое было подъ ними какъ на ладони, и рассказывали намъ послѣ свои впечатлѣнія. По словамъ ихъ, съ этою сценою не можетъ сравниться ни одно зрѣлище оперы съ самыми великолѣпными декораціями. Мы выдвинулись изъ ущелья, за южныя покатости горы, окруженныя кольцомъ дыма и огня нашихъ застрѣльщиковъ

и орудій и охваченные еще болѣе широкимъ кругомъ густаго дыма турецкаго огня, въ которомъ какъ въ облакѣ горѣла непрерывно молнія выстрѣловъ. У зрителей замирало сердце и захватывало духъ, когда непріятельская картечь или ядро раздвигали нашу маленькую ротную колонну и въ ней видѣлся промежутокъ; но колонна смыкалась и шла. Потомъ раздалось «ура!» все смѣшалось и покрылось облакомъ дыма и пыли; ничего не было видно. Минута сомнѣнія и ожиданія была страшная. Наконецъ вдругъ раздался между нашими милиціонерами, смотрѣвшими также съ этой горы на сраженіе, общій крикъ: «Османъ бѣжитъ! Османъ бѣжитъ!» Черныя массы непріятеля рухнули какъ горный обвалъ, и разсыпались въ бѣгствѣ по южному склону.

Вспомнивая прошедшее, я убѣжденъ, что если бы не было дѣла 23-го іюля и тогдашняго возвращенія нашего къ Игдырю, которое могло казаться отступленіемъ и одушевило башни-бузуковъ, и потомъ, главное, если бы не было успѣха ихъ надъ сотнями Чернова утромъ 17-го іюля, когда видъ взятыхъ въ плѣнъ людей и отрѣзанныхъ головъ одушевилъ Селимъ-пашу и заставилъ его рѣшиться идти со всѣмъ отрядомъ на границу, то вѣроятно, даже вѣрно небыло бы и сраженія 17-го іюля, особенно въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ оно произошло. Всѣ трудности и неудачи передъ сраженіемъ, даже то, что мы опоздали къ перевалу и наша кавалерія немогла занять его прежде башни-бузуковъ, — обратилось въ нашу пользу. Безъ нихъ Селимъ-паша нерѣшился бы вывести въ бой свой корпусъ: остался бы съ пѣхотою и артиллеріею внизу на равнинѣ: наша встрѣча на перевалѣ ограничилась бы однимъ дѣломъ съ башни-бузуками и даже побѣдою надъ ними, Селимъ-паша отступилъ бы съ пѣхотою въ порядкѣ къ Баязету, и я незнаю, что были бы тогда наши дѣйствія и

чѣмъ бы они кончились. Сосредоточеніе всего турецкаго корпуса на границѣ, дало намъ возможность разбить его весь наголову и рѣшить всѣ эти вопросы однимъ ударомъ. Вотъ отъ чего иногда зависитъ сцѣпленіе событій и участь воюющихъ сторонъ. Если бы Селимъ-паша отступилъ къ Баязету, имѣющему укрѣпленный замокъ, то мы безсомнѣнія не рѣшились бы брать его; такія дѣйствія, какъ видно, вовсе не входили въ планъ войны князя Бибубова; нашъ отрядъ имѣлъ назначеніе охранять Эриванскую губернію и былъ малъ, чтобы раздѣлиться: одну часть оставить для защиты нашихъ границъ, а съ другою идти къ Баязету; потому-что двигаясь къ этому городу мы отдалялись отъ нашихъ предѣловъ и открывали ихъ Курдамъ и башни-бузукамъ. Если бы мы успѣли даже отбѣснить однимъ маневромъ Баязетскій корпусъ отъ г. Баязета, то это все-таки не привело бы ни къ чему важному, потому-что мы немогли бы уйти за нимъ далеко и на продолжительное время отъ Эриванской губерніи. Нравственное состояніе войскъ и положеніе дѣлъ неизмѣнились бы: непріятель сохранилъ бы присутствіе духа и дѣйствовалъ бы смѣлѣе; мы должны были бы дѣйствовать осторожнѣе и даже не могли бы воспользоваться спокойною стоянкою въ Баязетскомъ санджакѣ. Безъ двухъ случаевъ, отступленія 23-го іюня и разбитія башни-бузуками Чернова 17-го іюля, только одинъ способъ могъ приковать разсчитанными дѣйствіями счастье и побѣду къ нашимъ знаменамъ въ такой же степени какъ Чингильская битва, т. е. совершенное уничтоженіе непріятеля и обезпеченіе себя,—это если бы мы перенли гдѣ нибудь границу, стороною, не по главной, а по боковой дорогѣ, скрытно, безъ обозовъ, и напали на турецкую пѣхоту у Карабулаха или Арзапа, такъ чтобы не дать ей времени отступить въ порядокъ, а разбить и разсѣять ее. Мнѣ кажется это предпріятіе не

было быть опаснымъ и рискованнымъ; вся трудность заключалась скрыть свое движеніе, а напавъ неожиданно, мы разбили бы Турокъ еще вѣрнѣе чѣмъ въ сраженіи 17-го іюля. Если бы мы были открыты и пѣхота непріятеля успѣла бы отступить въ порядкѣ, то мы отъ этого ни чего не потеряли бы; баши-бузуки насъ не съѣли бы, какъ говорится, и мы возвратились бы опять въ Эриванскую губернію. Повторяю, дѣйствія Чернова были ошибка и нарушеніе диспозиціи; но безъ этой ошибки не было бы Чингильской битвы и ея послѣдствій, и потому не только извиняешь се, но и невольно подумаешь, что въ ошибкахъ храбрости все-таки бываетъ какая-нибудь польза.

#### VI. Завятіе Баязета и возвращеніе въ наши предѣлы.

Когда бѣгущіе Турки исчезли изъ нашихъ глазъ за Карабулахомъ и на полѣ сраженія все было кончено, войска расположились бивуакомъ; пѣхота и артиллерія стали на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ стояла турецкая пѣхота и артиллерія во время боя, и откуда была видна долина Баязета, а кавалерія и перевязочный пунктъ позади пѣхоты, возлѣ озера Джанъ-гѣла. Послали за баталіономъ и обозами, оставленными въ 2-хъ верстахъ, и въ вагенбургъ къ Шдырю съ извѣстіемъ о побѣдѣ и съ приказаніемъ прислать необходимые предметы, патроны, заряды, провіантъ и прочее, и орожнія арбы подвижнаго госпиталя для отвоза въ Эриванъ раненыхъ. Баталіонъ и остальные съ нимъ части вскорѣ прибыли и присоединились — пѣхота къ пѣхотѣ, кавалерія къ кавалеріи, а повозки къ своимъ частямъ. Въ то же время были посланы команды для поднятія раненыхъ на полѣ сраженія и перенесенія ихъ на



перевозочный пунктъ, для отысканія разбросанныхъ ружей, пистолетовъ, барабановъ и прочаго. Всѣ проголодались. Войска занялись приготовленіемъ пищи и приведеніемъ въ порядокъ всего разстроеннаго сраженіемъ. Ряды повѣряли, людей пересчитывали и перекликали, оружіе осматривали. Вездѣ были движеніе и жизнь. Кругомъ лежали убитые; часто слышались стоны раненыхъ и умирающихъ; но звуки жизни и радости вырывались изъ рядовъ и кучекъ солдатъ и казаковъ; вездѣ слышался говоръ, какъ ликование побѣды. Всѣ поздравляли другъ друга; всѣ обращались другъ къ другу съ вопросомъ:—«Ты раненъ»?—«Нѣтъ». «А ты»?—«Немного». «Такой-то убить, такой-то раненъ». Всѣ рассказывали другъ другу разные случаи сраженія и схватокъ, удачство свое и чужое, подвиги и опасности; рассматривали сломанные или согнутые о вражью грудь штыки, разбитые о турецкія головы приклады и иззубренные шашки. Всѣ были счастливы. Послѣ опасности сраженія и возможности смерти, послѣ принесенныхъ жертвъ самоотверженія, душевной борьбы, нравственныхъ усилій и готовности пасть, жизнь будто вновь возвращается, всѣ ея мелочи выказываются съ ихъ лучшей стороны и получаютъ большую цѣну и прелесть; каждый сознаетъ, что онъ исполнилъ свой долгъ хорошо и чувствуетъ свое достоинство, а это есть награда, удовольствіе и счастье. Кромѣ-того, надо замѣтить, что русскій человекъ любитъ подраться, и бой имѣетъ для него обаятельную прелесть самъ по себѣ, безъ всякаго другаго побужденія.

На полѣ сраженія осталось много ружей и пистолетовъ; а у нѣкоторыхъ убитыхъ деньги. Этой добычей поживались милиціонеры и еще болѣе жители Эриванской губерніи, Татары и Армяне, слѣдовавшіе за нашимъ отрядомъ, какъ шакалы. Они всѣ были верхами, вначалѣ сраженія оставались вдали, вѣ выстрѣловъ, въ оврагахъ и боко-

рыхъ ущельяхъ, и не были видны; при неудачѣ нашей они ускакали бы, а Татары можетъ-быть присоединились бы къ Туркамъ. Но когда непріятель обратился въ бѣгство, всѣ они бросились на поле сраженія; и пока мы преслѣдовали Турокъ, они подбирали позади насъ оружіе и патроны, обирали убитыхъ и раненыхъ, своихъ и чужихъ, и со всею добычею послѣпно уѣзжали въ Эриванскую губернію. Когда кончилось преслѣдованіе, то многіе изъ милиціонеровъ и жителей выѣхали впередъ войска, на покатоности къ сторонѣ Карабулаха, и тамъ павьючивали ружьями и другими вещами своихъ лошадей. Во время сраженія намъ нѣкогда было слѣдить за полицейскимъ порядкомъ; но окончаніи его послали команды, чтобы возвратить и перехватить эти выюки съ добычею и прогнать толпы жителей. Даже пропало много напихъ штуцеровъ, ружей и пистолетовъ. Въ числѣ выбывшихъ изъ строя милиціонеровъ, часть ихъ бѣжала домой, чтобы отвезти награбленное ими оружіе; впоследствии они мало-по-малу возвращались.

При этомъ кстати сказать о дѣйствіи вообще нашей милиціи въ бывшемъ сраженіи. Она вела себя пехорно. Когда началось движеніе послѣ отдыха и есауль Стенюкинъ поскакалъ съ своими сотнями подъ сильнѣйшимъ огнемъ съ правыхъ высотъ, между ними и озеромъ Джанъ-геломъ, чтобы слѣдовать на правомъ флангѣ нѣхоты, то бывшая подъ его командою сотня музульманъ № 5-го полка и сотня Курдовъ, сначала поѣхали, потомъ отстали за исключеніемъ своихъ начальниковъ, и отошли назадъ за изгибъ покатоностей, скрывавшій ихъ отъ выстрѣловъ. У солдатъ и казаковъ было убѣжденіе, основанное на наблюденіи и фактахъ, что музульмане-милиціонеры щадили Турокъ и иногда стрѣляли кверху и холостыми зарядами. Когда башн-бузукъ спасался отъ казака или солдата,

то бѣжалъ подѣ покровительство милиціонера-музюльманина, котораго можно отличить по одеждѣ и виду отъ Армянина. У Армянъ, при всемъ желаніи ихъ бить магометанъ, не доставало духу идти на явную смерть. Безсмыслия, вездѣ есть исключеніе. Многіе беки и всѣ имѣвшіе офицерскій чинъ исполняли дѣло хорошо. Начальникъ бекской дружины Кельбали-ханъ, также Изманлъ-ханъ и ихъ нукера, бросались впередъ вмѣстѣ съ казаками и рубили Турокъ. Кельбали-ханъ бросился одинъ изъ первыхъ на правое фланговое непріятельское орудіе, и получилъ за него офицерскій крестъ св. Георгія.

Близи перевязочнаго пункта, возлѣ озера, собрали всѣхъ пленныхъ. Съ многихъ изъ нихъ была снята одежда и они оставались почти голые. Ихъ кое какъ одѣли въ купленные у солдатъ и казаковъ старыя рубашки и подштанники. Къ вечеру для нихъ собрали отъ солдатъ же сухарей, которые они, несмотря на непривычку къ черному хлѣбу, проголодавшись, ѣли съ жадностію. Раненые, наши и Турки, лежали пока на землѣ; ихъ перевязывали, обмывали кровь, зашивали штыковыя раны въ животъ и проч. Слышались стоны и мольбы; раненые безпрестанно просили пить. Многіе умирали тутъ же во время перевязки; но операціи еще не дѣлали. Раненые Турки не ожидали, что о нихъ будутъ заботиться также какъ и о нашихъ, и я видѣлъ какъ нѣкоторые изъ нихъ дѣловали руки медикамъ подававшимъ имъ первоначальное пособіе. Вскорѣ разбили палатки, и въ нихъ помѣстили раненыхъ на накошечной травѣ. На другой день, когда прибыли арбы подвижнаго госпиталя подѣ прикрытіемъ роты и сотни казаковъ, всѣхъ раненыхъ, уже перевязанныхъ, и нѣкоторыхъ съ отрѣзанными членами, отправили въ эриванскій военный госпиталь.

Въ то время когда мы дрались на границѣ, въ баген-

бургѣ остававшемся у с. Игдыря, все было хаосъ и волненіе. Передъ полуднемъ туда прискакали нѣсколько нашихъ милиціонеровъ, бѣжавшихъ изъ утренней стычки войсковаго старшины Чернова и распространили слухъ, что Турки бьютъ насъ и преслѣдуютъ въ Эриванскую губернію; побитые сами и спасаясь безъ оглядки, они были убѣждены въ этомъ. Молва о пораженіи нашемъ распространилась вмѣстѣ съ ними по всей Эриванской губерніи. Въ вагенбургѣ приготовились къ оборонѣ; двѣ роты стали въ ружье и заняли назначенныя имъ мѣста. Армяне, бывшіе въ Игдырѣ и другихъ ближайшихъ селеніяхъ, сбѣжались къ вагенбургу и всѣ хотѣли укрыться въ середину карѣ, составленнаго изъ повозокъ; ихъ впустили туда. Женщины плакали, дѣти кричали. Вновь приѣзжавшіе милиціонеры, бѣжавшіе впродолженіи разныхъ моментовъ и случаевъ боя, подтверждали первое извѣстіе о нашемъ пораженіи и скакали далѣе распространять молву эту; имъ казалось невѣроятнымъ, чтобы мы разбили многочисленный корпусъ, который они видѣли. Къ вечеру дошелъ слухъ, что мы разбили Турокъ; но этому ни кто не хотѣлъ вѣрить до тѣхъ поръ, пока казакъ привезъ отъ меня къ начальнику вагенбурга записку съ извѣстіемъ о побѣдѣ и приказаніе направить арбы подвижнаго госпиталя. Армяне вполнѣ убѣдились въ нашей побѣдѣ тогда только, когда на другой и слѣдующіе дни своими глазами увидѣли турецкія орудія, знамена и плѣнныхъ. Ихъ страхъ перешелъ въ неописанный восторгъ. Женщины плакали теперь отъ радости; всѣ цѣловали руки у офицеровъ и солдатъ, цѣловали взятыя орудія и знамена. Всѣхъ раненыхъ нашихъ накормили и напоили и донесли на рукахъ до Эривани, смѣняясь въ каждомъ селеніи новыми толпами, приходившими съобрѣть наши трофеи. Это было триумфальное шествіе до

самой Эривани, откуда также все народонаселение вышло къ нему навстрѣчу.

Утромъ 8-го іюля только-что мы проснулись, толпы конныхъ совершенно неожиданно показались на вершинѣ правыхъ горъ ущелья. По значительной высотѣ трудно было разсмотрѣть, что это за люди. Они не стрѣляли, а оставались и смотрѣли въ глубину на нашу отрядъ. Можно было подозрѣвать, что это турецкіе Курды, которые, можетъ-быть, послѣ пораженія Баязетскаго корпуса пожелали вступить съ нами въ дружескія сношенія. Для разъясненія дѣла послали нѣсколько сотень казаковъ и нашихъ Курдовъ; но они не успѣли доѣхать до полуската возвышенности, какъ показавшіеся люди скрылись, и когда наши въѣхали на вершину, — они были уже далеко и убѣгали во всю скачь по хребту къ сторонѣ Мусуна и Караванъ-сарайскаго перевала. Впослѣдствіи мы узнали, что это были баши-бузуки, стоявшіе въ Мусунѣ и наблюдавшіе за Караванъ-сарайскою дорогою. Селимъ-паша, рѣшившись выступить противъ насъ со всеѣмъ отрядомъ, послалъ къ нимъ приказаніе слѣдовать также къ Орговской дорогѣ горами и нападать на насъ съ тыла. Вѣроятно приказаніе пришло уже поздно, баши-бузуки шли медленно, болѣе сѣвернымъ склономъ, заглядывая въ Эриванскую губернію; дорога въ 25-ть верстъ длиною, чрезъ овраги, была трудная; баши-бузуки не знали о случившемся, почевали гдѣ-то скрыто въ горахъ, прибыли къ Орговскому перевалу только раннимъ утромъ 18-го іюля, и увидѣвъ съ горъ нашу отрядъ и турецкіе значки и знамена, воткнутыя въ землю, поняли дѣло и бѣжали. Можно бы предполагать, что они, даже зная о пораженіи Баязетскаго корпуса, рассчитывали поживиться какою-нибудь оплошностію въ тылу у насъ, когда мы послѣ побѣды уйдемъ впередъ; но судя вообще по дѣйствіямъ баши-бузуковъ и по страху внушенному по-

раженіемъ Турокъ, я не ожидаю отъ нихъ такой предприимчивости и вѣрю приведенному выше показанію жителей и самихъ башн-бузуковъ и Курдовъ, съ которыми мы встрѣчались.

Послѣ этой тревоги, всѣхъ нашихъ убитыхъ похоронили у подошвы правыхъ горъ на небольшомъ бугрѣ, недалеко отъ Джанъ-гёла. Потомъ весь отрядъ построился въ каре, по срединѣ его поставили походный алтарь, и священникъ отслужилъ панихиду по убитыхъ и благодарственный молебенъ за даровавшую намъ побѣду.

Одиночные казаки, скакавшіе 17-го іюля впереди и преслѣдовавшіе Турокъ почти до самаго Карабулаха, положительно говорили, что непріятель не останавливался въ Карабулахъ и бѣжалъ далѣе въ такомъ же безпорядкѣ, какъ и въ началѣ его бѣгства съ поля сраженія. Впрочемъ мы всѣ видѣли, что Турецкій корпусъ весь разсѣялся и бѣбшая часть его побѣжала не по дорогѣ въ Карабулахъ а въ разныя стороны, направо и палѣво, горами и оврагами, гдѣ было труднѣе преслѣдовать. Карабулахскій лагерь стоялъ подѣ нами въ глубокой долинѣ Баязета, и мы ясно видѣли, въ зрительную трубу, что онъ пусть и въ немъ нѣтъ никакого движенія. Для разъясненія положенія дѣлъ, начальникъ отряда послалъ въ рекогносцировку 10-ть сотенъ кавалеріи подѣ командою полковника Хрещатицкаго, и для поддержанія ея два баталіона съ четырьмя орудіями; пѣхота должна была дойти до Карабулаха, а кавалерія далѣе, по мѣрѣ возможности, и воротиться къ ночи. Я былъ посланъ также съ этими войсками. Генераль баронъ фонъ-Врангель, которому рана мѣшала ѣздить верхомъ и удерживала на мѣстѣ, немогъ отправиться самъ съ войсками. Мы выступили тотчасъ послѣ благодарственного молебна, на-легкѣ, безъ всякихъ обозовъ. Дорога отъ самой границы на протяженіи  $4\frac{1}{2}$  верстъ спу-

скается частыми изломами по уступамъ южной стороны хребта, а потомъ выходитъ на совершенно плоскую равнину, простирающуюся поперегъ, на 20-ть верстъ, до противоположнаго хребта горъ Алла-дага. Проѣзжая по покатости, по которой преслѣдовали бѣгущихъ, я сворачивалъ съ дороги, забѣжалъ въ углубленія и овраги; вездѣ валялись убитые, а въ болѣе скрытыхъ мѣстахъ раненые еще живые Туркп, сабли, ружья, вьюки, убитыя лошади, одежда, небольшие ящики съ патронами, и разсыпанные по землѣ патроны. Это была картина разрушенія и истребленія. Нѣкоторые раненые еще дышали и лежали безъ движенія; другіе могли еще говорить и просили пить; жажда мучила ихъ. Было сдѣлано тотчасъ распоряженіе снести раненыхъ на дорогу; въ отрядъ на гору дали знать о нихъ, и оттуда пришли команды съ посылками, и отнесли всѣхъ на перевязочный пунктъ. Еще при выступленіи нашемъ на рекогносцировку, въ отрядѣ было сдѣлано распоряженіе послать команды изъ остававшихся баталіоновъ закопать всѣхъ убитыхъ Турокъ въ большія могилы; это было необходимо; непріятель бѣжалъ оставивъ намъ обязанность похоронить своихъ убитыхъ. Ихъ закапывали весь день 18 и 19-го іюля, и хотя по близости дороги наконецъ небыло видно ни одного тѣла, но вѣроятно ихъ осталось много въ отдаленіи, въ оврагахъ и травѣ, потому-что въ продолженіи болѣе мѣсяца нельзя было проѣхать по окрестнымъ горамъ отъ невыносимаго смрада. При послѣдовавшихъ движеніяхъ отряда, трудно было исполнить дѣло это съ полною точностію. Безчисленныя стаи орловъ и другихъ хищныхъ птицъ слетѣлись со всѣхъ сторонъ и постоянно вились надъ мѣстомъ боя; вой волковъ, шакаловъ и гіепъ долго слышался по ночамъ; стада ихъ докончили дѣло разрушенія. Проѣзжая, казаки замѣчали, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежало уже менѣе убитыхъ,

\*

чѣмъ было вчера. Вѣроятно, нѣкоторые раненые отдохнули и ушли ночью; но несомнѣнно, что многіе пѣшіе Турки, во время преслѣдованія ихъ, невидя возможности уйти, падаютъ на землю и притворяются убитыми очень искусно. Они остаются неподвижны, руки разметаны въ стороны, глаза и ротъ раскрыты, зрачки безъ движенія. Случалось, что такой мнимо-убитый, видя подъѣзжающаго офицера, которому онъ довѣрялъ болѣе чѣмъ солдату и казаку, вскакивалъ и отдавался подъ его защиту; преслѣдовавшимъ казаку и солдату нѣкогда брать въ плѣнъ одиночныхъ людей. И потому также вѣроятно, что были притворившіеся убитыми, которые съ наступленіемъ ночи бѣжали.

Въ Карабулахѣ стояло нѣсколько сотъ пустыхъ палатокъ турецкаго лагеря. Кругомъ совершенное молчаніе. Много вещей было разбросано кругомъ и въ палаткахъ; все что было лучше досталось казакамъ и солдатамъ. Хотя можно было опасаться, что у Турокъ существовалъ тифъ и другія заразительныя болѣзни, и было бы полезно не брать вещей ихъ; но запрещеніе не пришло бы никакой пользы. Зараза, если бы она существовала, перешла бы къ намъ и прежде отъ вещей которыя взяли съ убитыхъ и раненыхъ; и вообще большой массѣ людей напрасно отдавать нѣкоторыя мелкія распоряженія, за исполненіемъ которыхъ невозможно наблюдать. Къ-счастью, никакой заразы не было. Въ Карабулахѣ течетъ изъ скалъ ключъ холодной воды, впадающій тутъ же въ большое озеро заросшее камышомъ, и разливающееся на нѣсколько верстъ къ сторонѣ Баязета и къ востоку. У ключа и вдоль берега лежало много умершихъ Турокъ, которые, раненые, имѣли еще силы добѣжать до воды, чтобы напиться,—и возлѣ нее умерли. Нѣкоторые умерли прислонясь къ камнямъ въ сидячемъ положеніи, нѣкоторые лежа надъ водою, которую



пили, а нѣкоторые забѣжали въ болото, чтобы скрыться въ камышахъ и погибли тамъ. Мы впоследствии встрѣчали еще много и далеко отъ поля сраженія на дорогахъ и въ сторонѣ ихъ, преимущественно возлѣ воды, гниющіе трупы людей, умершихъ отъ источенія и потери крови во время своего бѣгства. Въ палаткахъ карабулахскаго лагеря нашли только одного живаго и больнаго негра, который въ сильной степени лихорадочнаго припадка, или другой бо-лѣзни, немогъ бѣжать съ другими. Его успокоили, дали ему водки, и велѣли идти въ Баязетъ. Онъ съ успіемъ всталъ и прошелъ за нами нѣсколько шаговъ; потомъ мы вдругъ услышали позади себѣ выстрѣлъ, и узнали, что какой-то армянинъ, житель Эриванской губерніи, не принадлежавшій къ милиціи, но слѣдовавшій за нами, застрѣлил негра. Мы остановились; Армянина привели къ намъ. Это былъ старикъ лѣтъ подъ 70-ть. Его спросили: за что онъ убилъ негра?

— Арабы, — отвѣчалъ онъ, — въ прошедшемъ году разорили домъ мой и убили двухъ сыновей моихъ. Мнѣ хотѣлось отомстить и убить хотя одного Араба.

— Но ты убилъ безоружнаго, плѣннаго и больнаго. Это называется просто убійство!

— Все равно, — отвѣчалъ Армянинъ, смотря на насъ съ удивленіемъ: — Я имѣлъ право мстить всѣмъ Арабамъ. Моихъ двухъ сыновей убили.

Хотя въ подобныхъ обстоятельствахъ, когда люди истребляютъ другъ друга тысячами и жизнь человѣческая въ глазахъ всѣхъ кажется такъ же малоцѣнна, какъ жизнь мухи, трудно было судить Армянина по всей строгости законовъ, какъ за убійство въ обыкновенное время; но съ нами были магометане, наши милиціонеры, и Курды, которые могли объяснять поступокъ Армянина религіозною или племенною ненавистью, въ которой мы были посред-

никами, и мы не могли знать, дѣйствительно ли у Армянина убили двухъ дѣтей; приличіе и справедливость требовли наказать его; но нельзя было обижать и Армянъ, находившихся съ нами и служившихъ въ нашемъ войскѣ. На походѣ судъ и расправа недолги; казаки наказали его нагайками и отпустили. Всѣ остались довольны.

Въ 5-ти верстахъ за Карабулахомъ дорога раздвояется; одна идетъ прямо въ Баязетъ, другая направо у подошвы южныхъ покатоостей къ армянскому селенію Арзапу. На перекресткѣ дорогъ насъ встрѣтила толпа жителей этого селенія. Они поздравляли насъ съ побѣдою, выказывали большую радость что мы побили Турокъ и освободили ихъ отъ притѣснителей, и объявили, что близъ Арзапа стоитъ пустой турецкій лагерь, главный, гораздо бѣльшій чѣмъ у Карабулаха. Отъ нихъ мы узнали, что Турки бѣжали изъ Баязета вчера же, и что нѣтъ ни одного турецкаго солдата на далекомъ разстояніи. Вскорѣ мы замѣтили другую конную толпу, ѣхавшую по дорогѣ изъ Баязета. Это были почетные баязетскіе жители, музульмане и Армяне, въ томъ числѣ армянскій священникъ, пріѣхавшіе депутаціею отъ города изъявить покорность Русскимъ, и просить начальника занять Баязетъ нашими войсками. Они подтвердили показаніе арзапскихъ Армянъ, что Турки бѣжали изъ Баязета еще вчера и бросили тамъ всѣ военные и продовольственные запасы; что толпы ихъ бѣжавшія съ поля сраженія не заходили въ городъ, и теперь вѣроятно очень далеко. Мы дали депутаціи казачій конвой, отправили ее къ начальнику отряда, а сами отправились къ Арзапу, до котораго оставалось еще около 5-ти верствъ. Когда мы подъѣзжали къ Арзапу, женщины вышли къ намъ на встрѣчу и, кланяясь, били себя въ грудь и кричали: «Аманъ! аманъ!»—Они боялись, что мы будемъ грабить. Арзапъ окруженъ, какъ и многія другія армян-

скія селенія въ Турціи, глиняною высокою стѣною; дома устроены изъ камней, врыты до половины въ землю, нѣкоторыя обмазаны глиною, и со стороны улицы выбѣлены; рядомъ съ жилою половиною находятся, также врытыя въ землю, буйлатники, то есть конюшни и хлѣва, въ которые загоняють зимою буйволовъ и прочую домашнюю скотину. Небольшая армянская церковь, довольно старинной и лучшей чѣмъ дома постройки. Турецкій лагерь стоялъ по другую сторону селенія, на берегу горной рѣки. Все въ немъ показывало поспѣшность бѣгства. Бѣольшая часть палатокъ стояли на своихъ мѣстахъ, нѣкоторыя были снаты, свернуты и брошены; вездѣ валялись патронные ящики, рапцы, манерки, аммуниція, одежда, мѣшки, посуда, бѣлые сухари выпеченные маленькими круглыми булками, ячмень, мука и проч. Арзапъ былъ также заваленъ складами сухарей, ячменя, пшеницы, ружей и мѣдной посуды, которую почти всю, ненужную намъ, подарили впослѣдствіи жителямъ; но они впрочемъ еще до нашего прихода достаточно поживились въ турецкомъ лагерѣ. Турецкія палатки гораздо удобнѣе нашихъ; онѣ имѣють видъ островерхаго конуса, сшиты изъ бѣлой бязи, плотной бумажной матеріи, и нѣкоторыя выкрашены зеленою краскою; такъ какъ бока ихъ круты и бязь плотная, то въ нихъ люди гораздо лучше защищены отъ дождя, и хотя бязь бумажная, но гораздо крѣпче нашего равендука и фламскаго полотна; многія турецкія палатки потомъ служили у насъ два года, оставаясь постоянно разбитыми на открытомъ воздухѣ, не пришли въ ветхость и можетъ-быть служили бы еще долго. Палатки начальниковъ имѣли значительную величину и разную форму, круглую или продолговатую; нѣкоторыя, вѣроятно палатки паша, подбиты шелковою матеріею. Вообще почти весь лагерь былъ новый; его роздали послѣ всѣмъ войскамъ, преимущественно кавалеріи, которая не-

имѣла своего лагеря. Пока мы осматривали его, Армяне рассказывали намъ подробности суматохи 17-го іюля. Бѣольшая часть людей Баязетскаго корпуса съ поля сраженія бѣжала къ сторонѣ г. Вана, не заходя ни въ Баязеть, ни въ Арзапъ. Во время боя, въ лагерѣ оставались разнаго званія люди и прислуга. Когда распространился слухъ, что Турки разбиты, они стали-было снимать палатки и убирать вещи; но безпрестанно повторявшіеся крики: «Московъ идетъ! Московъ идетъ!» заставили ихъ все бросить; они захватили только болѣе цѣнное, что попало подъ руки, не разбирая своего и чужаго: пользуясь тревогою, грабили и бѣжали. Въ Арзапѣ находились жена и гаремъ Селимъ-паши; онъ прискакалъ туда съ нѣсколькими другими начальниками, или прислугою, забралъ женъ и часть имущества, и ускакали всѣ верхами. Тутъ же бросили и прежде взятыхъ въ плѣнъ нашихъ милиціонеровъ. На улицахъ и въ домахъ селенія мы нашли 120 человекъ раненыхъ Турокъ, успѣвшихъ добѣжать до Арзана, но немогшихъ идти далѣе. Они, какъ плѣнные и больные, только затруднили бы насъ, и потому ихъ здали на попеченіе жителямъ, которымъ при томъ приказали, отыскивать раненыхъ по полямъ и дорогамъ, пользоваться ихъ у себя мѣстными средствами, а наиболѣе трудныхъ привезти въ нашъ госпиталь, когда мы перейдемъ къ Баязету. Приказавъ арзапскому старшинѣ смотрѣть за цѣлостію лагеря и другихъ вещей, оставленныхъ Турками, мы вечеромъ воротились къ нашимъ двумъ баталіонамъ, стоявшимъ у Карабулаха, гдѣ встрѣтили отъ начальника отряда приказаніе, мнѣ—воротиться къ Джанъ-гѣлу, а войскамъ ходившимъ на рекогносцировку остаться почевать у Карабулаха, для слѣдованія завтра 19-го іюля къ Баязету; къ нимъ послали артельные и другія повозки, офицерскіе вьюки и маркитантовъ.

19-го іюля отрядъ выступилъ къ Баязету, войска расположенныя у Карабулаха рано утромъ, а остальные отъ Джанъ-гёла около 9-ти или 10-ти часовъ, и ночевали первыя у самаго Баязета, который заняли караулами, а послѣднія, недоходя его 6-ти верстъ, на р. Гернаукъ. Утромъ 20-го іюля весь отрядъ соединился подъ Баязетомъ. Депутация жителей, все армянское духовенство съ пѣніемъ, хоругвами и иконами, и все народонаселеніе города встрѣтили начальника отряда и поднесли ему ключи отъ баязетскихъ замковъ.

Баязеть лежитъ, какъ выше было сказано, на сѣверныхъ покатостяхъ хребта Алла-дага. Дома его разбросаны, мѣстами густо, мѣстами рѣже, между глубокими оврагами на уступахъ и скалахъ, и лѣплятся одни надъ другими амфитеатромъ. Дорога снизу къ городу и изъ него вверхъ на гору, а также и въ самыхъ улицахъ очень крута; по улицамъ можно ѣздить только верхомъ и ходить пѣшкомъ; на другой день мы съ большимъ трудомъ разработали дорогу съ низменной долины къ главному замку и сдѣлали ее нѣсколько удобною для повозокъ. Дома построены изъ стараго плитняка и имѣютъ плоскія крыши. Деревьевъ ни въ городѣ, ни кругомъ города нѣтъ; вездѣ одни скалы и глина. Горы окружаютъ городъ полукружіемъ; изломанные и изрытые бока ихъ, отъ свойства глины имѣютъ цвѣтъ красноватый и зеленый. Вершины съ лѣвой стороны обрѣзаны гребнемъ отвѣсныхъ скалъ, которыя окружаютъ городъ какъ стѣны. Къ подошвѣ этихъ скалъ прильлены, какъ гнѣзда ласточекъ, каменные длинныя стѣны стараго замка, а подпирающіе ихъ столбы будто падаютъ въ пропасть. Посрединѣ этой чаши горъ и среди города стоитъ на уступѣ, главная красота Баязета, бѣлый огромный замокъ, болѣе повѣйшей постройки чѣмъ первый, съ разноцвѣтными окнами, съ столбиками, башен-

ками, съ широкимъ куполомъ мечети и тонкимъ высокимъ минаретомъ, сложеннымъ горизонтальными полосами изъ бѣлаго и краснаго камня. Замокъ чрезвычайно хорошъ, какъ снаружи, такъ и внутри; его постройка изящна и всѣ украшенія смѣсь разныхъ архитектуръ, преимущественно мавританской и персидской. Весь онъ составляетъ одно сплошное зданіе, имѣетъ три этажа и внутри три двора, вымощенные гладкими плитами. Въ первомъ дворѣ, гдѣ устроены конюшни и комнаты для прислуги, бѣжитъ изъ стѣны въ каменный бассейнъ струя холодной воды; въ другомъ, противъ мечети, находящейся внутри самаго замка, стоитъ гробница, въ видѣ часовни, съ двумя остроко-нечными башенками окруженная рѣзною каменною рѣшеткою; внутри часовни, въ глубокомъ склепѣ, въ трехъ могилахъ покоится прахъ основателей этого замка, бывшихъ родовыхъ владѣтелей Баязета,—паши, его жены и сына; мраморныя доски покрываютъ могилы и кромѣ-того стоятъ у каждой въ головѣ и у ногъ; свѣтъ проникаетъ внутрь часовни сверху. Третій дворъ меньше; въ немъ ходили только женщины гарема, помѣщавшагося въ этой части зданія. Каменные косяки высокихъ дверей, поднимающихся снизу до верху въ высоту всѣхъ трехъ этажей, косяки оконъ, ограда гробницы, гробница, выдавшійся изъ стѣны балконъ, отдѣльные башенки и столбики, вѣнчающіе стѣны, самыя стѣны, все игривой, изящной рѣзбы и испещрено арабесками. Глазъ не можетъ оторваться отъ красоты общаго и частныхъ, и не устаешь любоваться. Въ каждомъ этажѣ устроенъ общій корридоръ, изъ котораго ведутъ двери въ каждую комнату особо, какъ у насъ въ гостинницахъ. Всѣ комнаты оштукатурены. Нѣкоторыя очень велики, и бѣлая часть неимѣетъ никакихъ украшеній, грязны и закоптѣлы. Только пріемныя комнаты паши и спальни его женъ отдѣланы превосходно; въ

нихъ стѣны имѣютъ выпуклыя украшенія мелкой лѣпной работы, позолоченныя и раскрашенныя яркими красками, самаго прихотливаго и мелкаго узора; между выпуклостями вставлены небольшія зеркала, разной формы. Потолокъ весь зеркальный, изъ четырехугольныхъ или другихъ формъ большихъ кусковъ, вставленныхъ въ позолоченныя рамы. Окна изъ разноцвѣтныхъ мелкихъ стеколъ, расположенныхъ красивымъ узоромъ, въ персидскомъ вкусѣ. Изъ комнатъ висятъ надъ пропастями, снаружи зданія, широкіе балконы, закрытые такими же стекольными рамами. Въ комнатахъ нѣтъ никакой мебели; жители Востока сидятъ, поджавъ ноги, на персидскихъ коврахъ и шелковыхъ подушкахъ, разостланныхъ на полу. Внутренность мечети проста, но изящна; стѣны бѣлы; у одной стѣны устроена на камешныхъ тонкихъ столбахъ каеэдра; съ широкаго купола спускаются на желѣзныхъ цѣпяхъ болѣе 20-ти хрустальныхъ люстръ. Замокъ худо поддерживался; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ штукатурка со стѣнъ отвалилась, нѣсколько зубцовъ обрушилось.

Когда мы вошли въ него и обходили его многочисленныя комнаты, — вездѣ была пустота и беспорядокъ; по дворамъ и комнатамъ разбросаны оружіе, патроны, заряды, одежда, рассыпаны порохъ, ячмень и пшеница; по каменному полу было опасно ходить; отъ удара сапожнаго гвоздя могла произойти искра и взрывъ, и потому солдатамъ, которые входили въ замокъ, приказывали снимать сапоги. Здѣсь былъ главный складъ военныхъ запасовъ всего Баязетскаго корпуса. Въ поспѣшномъ бѣгствѣ, успѣли увезти болѣе легкія и цѣнныя вещи, — и хотя жители Баязета, какъ мы узнали послѣ, успѣли уже вытаскать изъ замка много хорошихъ вещей, но оставалось еще много нагроможденнаго въ подвалахъ и комнатахъ. Мы нашли въ глубокомъ погребѣ до 300 боченковъ отличнаго

авгліійскаго пороху; въ мечети и сосѣднихъ комнатахъ около 2½ миллионѣвъ патроновъ сложенныхъ въ хорошо укупоренныхъ ящикахъ; пропасть картечи; нѣсколько тысячъ ружей, въ томъ числѣ въ 35-ти большихъ ящикахъ совершенно новыя французскія ружья, не бывшія еще въ употребленіи; множество сабель; цѣлыя комнаты заваленныя тюками одежды, казакиновъ, шароваръ, сапоговъ и красныхъ фесокъ, запасы колесъ, осей, желѣза, сбруи и прочаго, для артиллеріи, и аптеку, въ которой хотя нарочно разбросали травы и разлили лекарства, но въ 10-ти запертыхъ и запечатанныхъ ящикахъ, помѣщенныхъ въ особой запертой комнатѣ, о которой вѣроятно забыли, находились въ полной цѣлости нѣкоторые медицинскіе инструменты, бандажы и лекарства изъ аптекъ Лондона и Парижа. Запасы, наша добыча, были очень значительны и стоили большихъ денегъ. Между прочимъ нашли много пустыхъ бутылокъ, доказывавшихъ, что правовѣрные паши употребляли запрященный виноградный напитокъ; бутылки съ виномъ, еще не выпитыя, были взяты жителями Баязета передъ нашимъ приходомъ.

Въ нижнемъ этажѣ третьяго двора помѣщался госпиталь. Тюфяки и подушки лежали на полу. Больныхъ бросили и забыли, и тѣ которые не въ состояніи были встать, лежали въ изнеможеніи, томимые голодомъ и жаждою, съ 17-го іюля; между живыми находились и мертвые. Всѣхъ ихъ вынесли, живымъ оказали пособіе и отдали на попеченіе жителей.

Вообще въ Баязетѣ собралось очень много раненыхъ въ сраженіи 17-го іюля. Нѣкоторыя болѣе значительныя лица помѣщались въ домахъ, большая часть валялась десятками на дворахъ и сотнями на улицахъ безъ всякаго призрѣнія; много было уже умершихъ; нѣкоторыхъ, мѣшавшихъ проѣзду, только сбрасывали съ улицъ въ бли-



жайшіе овраги, гдѣ они оставались на жертву собакамъ. Баязетъ имѣлъ видъ города взятаго штурмомъ и отдапнаго на истребленіе. Видя это, мы сами удивлялись кровопролитію пораженія нанесеннаго Туркамъ. Являлось извнненіе и мысль, что энергическое преслѣдованіе разбитаго непріятелиа до самаго Баязета и далѣе было бы напрасное истребленіе людей. Существенная польза и нравственное вліаніе были достигнуты вполне. Жители Баязета были непростительно равнодушны къ своимъ раненымъ и умершимъ солдатамъ. На замѣчаніе имъ по этому предмету, они отвѣчали:— «пустъ валяются какъ собаки». Равнодушіе и даже презрѣніе это, объясняется разноплеменностію народовъ, столпившихся въ турецкомъ войскѣ и въ г. Баязетѣ. Османлы, Татары, Курды, Аравійцы, Армяне, Негры и другіе, или презирають, или ненавидять другъ друга. Сколько разъ мнѣ случалось послѣ частию видѣть, а болѣе слышать о этой нелюбви и презрѣніи. Напримѣръ, Курды и Аравійцы сирійскихъ пустынь не могутъ равнодушно видѣть другъ друга. Надо удивляться, какъ они могутъ жить вмѣстѣ въ турецкомъ войскѣ. Однако же, по приказанію начальника отряда, жители Баязета приняли нѣкоторыя полицейскія мѣры; раненыхъ роздали по домамъ; умершихъ закопали.

По серединѣ города, у подошвы уступа на которомъ стоитъ главный замокъ, находится базаръ въ улицѣ не много пошире другихъ тѣсныхъ улицъ. Съ приходомъ нашимъ, лавки заперли; но мало-по-малу довѣренность водворилась; жители увидѣли, что у насъ въ войскахъ соблюдается строгій порядокъ, что мы не намѣрены грабить, а платимъ за все чистыми деньгами, золотомъ и серебромъ; на другой день лавки открылись и мы безъ сомнѣнія много оживили здѣшнюю торговлю; каждый изъ насъ хотѣлъ что-нибудь купить для одного воспоминанія о Бая-

зетъ. Базаръ не великъ и не богатъ; впрочемъ много сплошныхъ рядовъ невысокихъ лавокъ находится также въ боковыхъ тѣсныхъ улицахъ и переулкахъ. Базаръ имѣетъ менѣе восточный характеръ чѣмъ въ Эривани, гдѣ шьютъ, ткнутъ, варятъ кушанья, ѣдятъ и пьютъ на открытомъ воздухѣ, или въ открытыхъ лавкахъ. Баязетъ, видимо, городъ не производящій, а только торговый, какъ пограничный, между Турціею, Персіею и Россіею. Товары бѣльшею частію англійскаго или персидскаго произведенія и посредственнаго достоинства. Жители Баязета, по своему положенію, занимаются преимущественно контрабандою. На базарной улицѣ устроенъ фонтанъ, имѣющій отличную холодную воду. Здѣсь же находятся двѣ кофейни. Всѣ мы хотѣли побывать въ турецкихъ кофейняхъ, о которыхъ и слышали, и читали. Здѣшнія кофейни помѣщаются въ простыхъ грязныхъ комнатахъ; полъ глиняный; вдоль стѣнъ стоятъ высокія и широкія лавки, устланныя простыми коврами или сукномъ; музульмане сидятъ на нихъ поджавъ ноги. Въ кофейняхъ можно имѣть кофе съ трубкою или кальяномъ, чай, фрукты, орѣхи, разныя сласти, и даже варенныя яйца; здѣсь же брѣютъ. Хозяева были проворные, ласковые и услужливые. Здѣсь кофе подаютъ въ маленькихъ чашечкахъ, съ гущей, обыкновенно безъ сахара, но довольно вкусный; по требованію даютъ и сахаръ. Въ кофейняхъ обыкновенно встрѣчаются здѣшніе музыканты — импровизаторы; они играютъ на инструментѣ, что-то среднее между балалайкой и гитарой, съ металлическими струнами, и поютъ, или старыя пѣсни о подвигахъ Рустама и другихъ героевъ, о любви и прочемъ, или новыя, собственнаго вдохновенія, импровизируемая на настоящій случай. Для насъ воспѣли наши подвиги, побѣду на Чингильскихъ высотахъ и постыдное бѣгство Турокъ. Эти пѣвцы, какъ и всѣ жители, бываютъ разныхъ племенъ, и готовы

служить и льстить всѣмъ властямъ, какія пошлетъ имъ Аглахъ. Голосъ пѣвцовъ и звуки инструмента крикливы и пронзительны; но туземцы находятъ эту музыку превосходною.

Въ Баязетѣ считается жителей около 500 семействъ, половина Армянъ и половина музульманъ, въ числѣ которыхъ находятся болѣею частію осѣдлые Курды, менѣе Татары, и смѣсь между ними. Многія изъ музульманскихъ семействъ бѣжали вмѣстѣ съ турецкими войсками, но впоследствии, успокоенные нашимъ обращеніемъ съ городомъ, все воротились. Для управленія Баязетомъ и Баязетскимъ санджакомъ (уѣздомъ) былъ учрежденъ нами диванъ изъ четырехъ членовъ, почетнѣйшихъ жителей города, — изъ нихъ два музульманина и два Армянина, подъ предсѣдательствомъ одного изъ этихъ членовъ, Ахметъ-Аги, осѣдлаго Курда, занимавшагося торговлею и пользовавшагося общимъ уваженіемъ. Диванъ долженъ былъ управлять по существовавшимъ обычаямъ и законамъ. Во все время пребыванія нашего въ Азіятской Турціи, мы требовали отъ Баязета только, чтобы жители не собирали податей и не посылали ихъ турецкому правительству, подъ опасеніемъ строгаго наказанія. Хотя турецкое правительство лишалось не многихъ доходовъ, но жители были очень довольны своимъ положеніемъ; въ продолженіи двухъ лѣтъ Баязетъ управлялся самъ собою, почти какъ вольный городъ, разбогатѣлъ и безсомнѣнія будетъ долго вспоминать о русской власти съ благодарностію. Первый примѣръ и первое впечатлѣніе хорошаго обращенія нашего съ Баязетомъ имѣли вліяніе на жителей Турціи и пригодились намъ впоследствии.

Предсѣдатель дивана, Ахметъ-Ага, былъ главнымъ подрядчикомъ продовольствія для войскъ Баязетскаго корпуса. Онъ жаловался, что турецкое правительство оста-

лось должнымъ ему большія суммы, и полагалъ, что долгъ этотъ пропадетъ. Отъ него мы узнали, что въ Баязетскомъ корпусѣ состояло на казенномъ продовольствіи 15 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ 12 баталіоновъ пѣхоты; изъ нихъ въ сраженіи 17-го іюля участвовало 13 тысячъ, а остальные 2 тысячи находились въ командировкахъ, въ караулахъ при складахъ и въ госпиталяхъ. Слѣдовательно, въ сраженіи 17-го іюля было по меньшей мѣрѣ 20 тысячъ Турокъ, потому-что кромѣ баши-бузуковъ одинъ Курды ближайшихъ пашалыковъ могли выставить нѣсколько тысячъ всадниковъ, а ихъ въ сраженіи было много.

Изъ Баязета наши казачьи разъѣзды ходили по Арзерумской и Ванской дорогамъ и встрѣчали вездѣ одни слѣды бѣгства,— мертвыхъ людей, дохлыхъ лошадей и растеряныя вещи. Всѣ музальманскія селенія были пусты. Отъ лазутчиковъ и жителей Баязета мы узнали, что во время бѣгства, сами турецкіе Курды разграбили на Ванской дорогѣ имущество Селимъ-пашы, а Курды ближайшихъ пограничныхъ областей Персіи захватили часть обозовъ и скота, которые Турки гнали изъ Баязета. Въ д. Бергеры, лежащей на Ванской дорогѣ, близъ Ванскаго озера и въ 90 верстахъ отъ Баязета, Селимъ-паша успѣлъ собрать изъ остатковъ Баязетскаго корпуса около одной тысячи человѣкъ, къ которымъ вскорѣ присоединили одну тысячу солдатъ изъ г. Вана; остальные разсѣялись по домамъ. Но если бы успѣли собрать изъ разбитаго корпуса и болѣе людей,—и вѣроятно ихъ впоследствии собрали болѣе изъ мѣсть жительства,—то эти остатки, по мнѣнію какъ жителей Баязета, такъ и нашихъ милиціонеровъ Эриванской губерніи, будутъ никуда негодны въ продолженіи значительнаго времени, потому-что, по общимъ свѣдѣніямъ, были поражены болѣзнию страха. Это особенное явленіе между здѣшними жителями, вособенности низменныхъ и жар-

кихъ долинъ, непонятное для насъ жителей сѣвера. И у насъ человѣкъ можетъ струсить во время боя; панический страхъ овладѣваетъ даже массами войскъ, по это пройдетъ и человѣкъ черезъ нѣсколько времени, черезъ часъ, черезъ день, или болѣе, опять готовъ драться, или по-крайней-мѣрѣ остается здоровъ. Здѣсь страхъ имѣеть гораздо большія и продолжительныя послѣдствія; вся организація человека поражается ужасомъ и ослабѣваетъ; онъ теряетъ силы, впадаетъ въ болѣзнь и лежитъ въ постели нѣсколько мѣсяцевъ. У Персіянъ, и вѣроятно у другихъ живущихъ рядомъ съ ними въ жаркихъ мѣстахъ, чувство ужаса выражается еще другимъ особеннымъ явленіемъ:—лопается нижняя губа и изъ нее течетъ кровь, такъ-что ее трудно остановить. Я невидѣлъ этого и не вѣрилъ; но многіе Персіяне и Татары увѣрили въ томъ сами, какъ въ фактъ неподлежащемъ никакому сомнѣнію, и говорили, что подобные случаи бывали и у нашихъ милиціонеровъ, жителей низменной долины Аракса, во время неожиданныхъ нападений Турокъ, даже неожиданныхъ распоряженій нашего начальства идти впередъ, чтобы драться, и вообще въ разныхъ обстоятельствахъ боя, когда опасность казалась смертью неожиданно близкою. Внутреннія волненія бываютъ у всѣхъ и вездѣ, но безсомнѣнія жаркій климатъ увеличиваетъ дѣйствіе внутренняго жара, а жители юга, можетъ быть, подвержены по своей организаціи большымъ волненіямъ и сильнѣйшимъ впечатлѣніямъ и имѣють болѣе чѣмъ мы горячую кровь и даже нѣжную кожу. Однимъ словомъ, здѣсь всѣ знаютъ, что есть болѣзнь страха, признаки которой: лопочающаяся губа, поносъ и общій упадокъ силъ, дѣлающіе человека неспособнымъ ни къ какому физическому труду иногда въ продолженіи полугода. Впрочемъ я не слышалъ, чтобы отъ страха болѣли Курды, которые въ жаркое время всегда кочуютъ на вы-

сотахъ гдѣ прохладно. Этою болѣзнію были больны бѣльшая часть людей Баязетскаго корпуса, участвовавшихъ въ сраженіи 17-го іюля. Недаромъ нѣкоторые историки, изъ столкновений разныхъ народовъ вывели заключеніе, что жители сѣвера храбрѣе жителей юга и всегда побѣждали ихъ.

Курды Баязетскаго пашалыка послѣ сраженія откочевали на южную сторону хребта Алла-дага, ближе къ Ванскому озеру. Монахи, пріѣхавшіе къ намъ въ Баязетъ изъ армянскаго монастыря Сурбъ-Оганеса (св. Іоанна крестителя), лежащаго на р. Евфратѣ и на дорогѣ въ Арзерумъ, въ 60-ти верстахъ отъ Баязета, объявили, что до города Топрахъ-Кале нѣтъ ни одного человѣка изъ турецкаго войска, ни Курдовъ, ни жителей Діадина и другихъ музальманскихъ селеній,—все бѣжали; остались только Армяне. Въ Топрахъ-Кале находилось 100 человѣкъ конныхъ, наблюдавшихъ за сборомъ продовольствія, и за этимъ городомъ до самой дороги изъ Карса въ Арзерумъ опять никого не было. Монахи, опасавшіеся, что въ обществѣ безпорядкѣ Курды разграбятъ ихъ монастырь, просили насъ придти туда, или прислать часть войска. Мы знали, что въ Ванѣ также ждали насъ каждый день и потому читали въ иностранныхъ газетахъ, что въ Арзерумѣ богатѣйшіе жители и консулы приготовились уже оставить этотъ городъ. Вліяніе побѣды вскорѣ отозвалось благотѣльно и позади насъ. Граница Эриванской губерніи обезопасилась; жители этой губерніи успокоились и возвратились въ оставленные ими жилища; вездѣ могли ѣздить безопасно, по одиночкѣ и безъ оружія. Весь музальманскій край нашъ отъ предѣловъ Турціи до Каспійскаго моря присмирѣлъ и затихъ; разбои прекратились; новыя слѣдственныя дѣла не возникали; мѣстныя власти встрѣчали вездѣ повиновеніе и покорность,—это былъ фактъ, подтвержденный тогдаш-

нимъ начальствомъ Эриванской губерніи. Въ день прибытія въ Баязетъ, начальникъ отряда получилъ отъ одного изъ хавовъ, правителей пограничныхъ персидскихъ областей, письмо, въ которомъ онъ поздравлялъ съ одержанною побѣдою. Если положеніе къ намъ Персіи было сомнительно, то вѣроятно чингильская побѣда имѣла на нее вліяніе въ нашу пользу. Эриванскій отрядъ стоялъ возлѣ ея границъ, неимѣлъ болѣе непріятеля и особаго назначенія, и если бы его усилить еще тремя или четырьмя баталіонами, то можно было полагать, что онъ могъ бы дойти до Тавриза, такъ же какъ въ 1826 году.

Монахи Сурбъ-Оганеса безпрестанно говорили намъ:— «идите далѣе,— все побѣжитъ передъ вами». Но это не входило въ планъ военныхъ дѣйствій; удалившись даже къ Сурбъ-Оганесу, мы заходили уже немного въ тылъ Анатолійской арміи, стоявшей въ полной цѣлости противъ нашего главнаго Александропольскаго отряда, а наше назначеніе было только охраненіе Эриванской губерніи. Генераль-лейтенантъ баронъ фонъ-Врангель, сообразно съ существовавшими распоряженіями, и имѣя въ виду, что онъ по причинѣ своей раны долженъ будетъ скоро сдать отрядъ и уѣхать лечиться, о чемъ онъ просилъ уже командовавшаго корпусомъ генераль-лейтенанта князя Бебутова, сдѣлалъ распоряженіе отойти съ отрядомъ въ предѣлы, или къ границамъ Эриванской губерніи.

Въ Баязетѣ, кромѣ найденнаго въ замкѣ, мы нашли еще въ разныхъ мѣстахъ спрятанными, или въ складахъ учрежденныхъ въ домахъ: три орудія, одинъ значокъ, нѣсколько тысячъ четвертей пшеницы, муки, ячменя, рису, полбенной крупы, соли и 300 бурдюковъ коровьяго масла. Запасы были значительные; цѣлые дома завалены ими сверху до низу. Вся добыча наша простиралась вѣроятно болѣе чѣмъ на миллионъ рублей. Орудія и значокъ отправили въ Эривань;

\*

ружья, патроны, сабли, разную одежду роздали войскамъ,— и такъ-какъ они не могли поднять и десятой части всего, то отдавали прибывшимъ сюда жителямъ Эриванской губерши, въ вознагражденіе потерь понесенныхъ ими въ 1853-мъ году. Патроны приходились къ нашимъ ружьямъ; пѣхота и кавалерія взяли ихъ нѣсколько сотъ тысячъ въ пополненіе истраченнаго въ сраженіи и нагрузили ими всѣ повозки, такъ что они ломались во время слѣдованія. Впродолженіи двухъ дней пока мы стояли у Баязета, солдаты, казаки и милиціонеры по нѣскольку разъ въ день ѣли кашу и пловъ съ масломъ. Лошадей кормили ячменемъ сколько хотѣли. Всѣ брали сколько могли съѣсть и поднять, — по запасы неистощались. Мы не вмѣли съ собою особыхъ перевозочныхъ средствъ, чтобы отправить порохъ, патроны, свинець и прочее, болѣе цѣнное, въ Эриванскую губершию, въ которой оставались наши перевозочныя средства, а потому, чтобы они не достались опять непріятелю, начальникъ отряда приказалъ истребить ихъ. Для этого былъ назначенъ цѣлый баталіонъ, который почти два дня сваливалъ порохъ въ рѣку и ближайшіе къ замку овраги и ломалъ патроны, сабли и ружья, неразобранныя нашими войсками. Часть пшеницы и другихъ запасовъ разбросали по землѣ, часть отдали нѣкоторымъ жителямъ Баязета, въ вознагражденіе за потоптанныя нами поля, часть осталась въ складахъ, такъ что, несмотря на расхищеніе продолжавшееся жителями послѣ нашего ухода, мы чрезъ мѣсяць или болѣе нашли еще запасы пшеницы. Вмѣстѣ съ этимъ генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Врангель приказалъ сдѣлать баязетскій замокъ нежилымъ и для того выломить въ немъ окна и лѣстницы. Найденныя въ Арзапѣ склады ячменя и пшеницы частью разбросали, частью отдали жителямъ на сохраненіе; остатки эти намъ пригодились. Было жаль, что военныя сооб-



раженія заставили истребить такіе запасы. Истребленіе иногда необходимо; но въ настоящемъ случаѣ, я полагаю, онъ было напрасно. Матеріальныя пріобрѣтенія часто бывають вѣрше и выгоднѣе сомнительныхъ будущихъ дѣйствій.

22-го іюля отрядъ, нагруженный добычею, выступилъ изъ Баязета, съ которымъ всѣ разставались съ сожалѣніемъ. Хотя городъ немѣлъ ничего особенно привлекательнаго, но все-таки въ немъ были жители, нѣкоторая торговля и кое какія удобства и развлечения. Отрядъ направился къ Абазъ-гѣльскому перевалу, на восхваляемую Таускунскую позицію, о которой говорили и писали еще прежде, гдѣ былъ превосходный горный климатъ, не обходимый въ здѣшніе лѣтніе жары, и пзобиліе воды, подножнаго корма, топлива и даже рыбы, которой водилось много по близости въ озерѣ Балыхъ-гѣль (т. е. рыбное озеро). Дорога отъ Баязета къ Абазъ-гѣльскому перевалу идетъ у подошвы южныхъ покатостей Агри-дага чрезъ армянскія селенія Арзанъ, Курунъ и Мусунъ. Последнія два похожи на первое, и также какъ оно окружено глиняною стѣною. Жители не бѣдны; большое количество земли, которой много остается пустопорожнею, позволяетъ имъ имѣть обширное хлѣбопашество и скотоводство. Церкви были обращены Турками въ конюшни; при насъ только-что вынесли изъ нихъ навозъ, вычистили и освятили; мы первые велѣли отслужить молебенъ. Армяне встрѣчали насъ какъ спасителей. Противъ Мусуна, въ 5-ти верстахъ, находится Караванъ-сарайскій перевалъ. Отъ этого селенія дорога къ Абазъ-гѣльскому перевалу, по турецкой землѣ, начинается постепенно подыматься на протяженіи около 20-ти верстъ по отлогому ущелью вдоль рѣки Балыхъ-чая, текущей параллельно нашей границѣ. На рѣкѣ лежатъ одни куртнскіе зимовники, то есть зимнія жили-

ща Курдовъ. Въ нихъ дома простыя землянки, выложенныя внутри камнемъ безъ всякой связи, простой, небрежной постройки, грязныя и безъ всякихъ удобствъ; здѣсь человѣкъ живетъ вмѣстѣ съ скотомъ еще ближе и болѣе чѣмъ въ татарскихъ и армянскихъ сакляхъ. Зимовники были пусты. Курды остаются въ нихъ только зимою, а лѣтомъ выкочевываютъ съ своими стадами и табунами на возвышенныя мѣста окрестныхъ горъ, гдѣ прохладно; но теперь они бѣжали, какъ выше сказано, за Алла-дагъ. Вся узкая долина Балыхъ-чая и входящія въ него ущелья покрыты превосходною травой. Балыхъ-чай (рыбная рѣка) вытекаетъ изъ обширнаго озера Балыхъ-гѣля, лежащаго на значительной высотѣ, между горными вершинами и скалами, противъ Абазъ-гѣльскаго перевала; мѣстоположеніе живописно, но пустынно; окружающія озеро, горы и скалы безлѣсны, селеній нѣтъ; кругомъ царствуетъ молчаніе; только стаи водяныхъ птицъ плаваютъ на поверхности. Въ озерѣ водится въ изобиліи хорошая форель. Отъ озера начинается крутой подъемъ на Абазъ-гѣльскій перевалъ, куда наши обозы и артиллерія поднялись съ большимъ затрудненіемъ. Отъ перевала крутой спускъ идетъ уже въ нашихъ предѣлахъ около 4-хъ верстъ до брошенной татарской деревни Абазъ-гѣля, лежащей въ просторной долинѣ, между высокими горами; въ долинѣ течетъ обильный водою ручей. Такъ-какъ здѣсь были всѣ удобства стоянки, прохлада, вода, трава и топливо, то отрядъ не пошелъ далѣе къ Таускуну, а остановился 25-го іюля лагеремъ между границею и деревнею Абазъ-гѣлемъ. Этого же числа присоединились къ отряду всѣ его обозы, подвижные провіантскій магазинъ, артиллерійскій паркъ и госпиталь, направленные изъ Индыря внутренними дорогами по Эриванской губерніи.

Хотя это положеніе отряда было выгодно въ хозяйствен-

номъ отношеніи и совершенно безопасно, но не вполне удобно въ военномъ, какъ я говорилъ уже прежде. Здѣсь отрядъ былъ запертъ между горами. Отъ Турціи насъ отдѣлялъ трудный перевалъ черезъ горы; отъ жилыхъ мѣстъ Эриванской губерніи и отъ ведущихъ въ нихъ изъ Турціи прямыхъ дорогъ, Каравацъ-сарайской и Орговской, мы были далеко. Этими неудобствами можно было пожертвовать для хозяйственныхъ выгодъ только послѣ нашей побѣды, когда нельзя было опасаться, чтобы даже мелкія хищническія партіи баши-бузуковъ и Курдовъ осмѣлились показаться по близости нашихъ границъ. Движеніе наше къ Абазъ-гѣлю принесло однакожь можетъ-быть и нѣкоторую пользу. На другой день по прибытіи нашемъ сюда, до насъ дошли слухи о большомъ сраженіи между Анатолийскою арміею и Александропольскимъ отрядомъ; а вскорѣ получено офціальное увѣдомленіе о побѣдѣ одержанной княземъ Бебутовымъ у д. Кюрюкь-дара, и свѣдѣніе о отступленіи турецкой арміи къ Карсу. Сраженіе произошло 24-го іюля въ то время, когда Эриванскій отрядъ находился близъ оз. Балыхъ-гѣля у подошвы Абазъ-гѣльскаго перевала. Впослѣдствіи, въ 1854 и 1855 годахъ мнѣ случалось говорить о военныхъ дѣйствіяхъ 1854 года съ жителями и нѣкоторыми лицами служившими въ турецкомъ войскѣ и въ мѣстныхъ управленіяхъ. По ихъ рассказамъ и мнѣнію, основанному можетъ-быть на однихъ слухахъ, а можетъ-быть и на вѣрныхъ свѣдѣніяхъ,—когда въ Анатолийской арміи узнали о пораженіи и разсѣяннн Баязетскаго корпуса и еслѣдъ за тѣмъ о движеніи отряда изъ Баязета, а другихъ войскъ (наши обозы съ прикрытіемъ) по Эриванской губерніи къ Абазъ-гѣлю, то увидѣли возможность опасности для себя отъ соединенія Эриванскаго отряда съ Александропольскимъ, или отъ дѣйствій Эриванскаго отряда въ тылъ и на сообщенія Анатолийской арміи съ Кар-

сомъ и Арзерумомъ. Прямая горная дорога изъ Баязета на д. Хаджи-вали, гдѣ до сраженія стояла Анатолийская армія, или на Александрополь, идетъ мимо озера Балыхъ-гёля чрезъ с. Кульшы и турецкій городъ Кагызманъ, именно, та, по которой мы слѣдовали. Отъ Балыхъ-гёля можно пройти къ Кагызману и горамъ. Отъ нашей границы со стороны Кульпъ до Кагызмана около 25-ти верстъ, а отъ Кагызмана до дороги ведущей отъ хадживалинскаго лагеря Анатолийской арміи въ Карсъ около 35-ти верстъ. Хотя эта дорога совершенно неудобна для движенія обозовъ и артиллеріи, но она могла быть исправлена, и Турки могли во всякомъ случаѣ, послѣ Чингильской битвы, ожидать отъ Эриванскаго отряда дѣйствій отчаянныхъ и должны были не пренебрегать имъ, по-крайней-мѣрѣ могли опасаться возможности попытокъ нашихъ безыноктъ тылъ и сообщенія ихъ съ Карсомъ набѣгами и дѣйствіями кавалеріи, поддержанной пѣхотою на легкѣ. Эта возможность была извѣстна въ Эриванскомъ отрядѣ, и по прибытіи къ Абазъ-гёлю даже было сдѣлано распоряженіе о направленіи кавалеріи къ сторонѣ Кагызмана; но распоряженіе это почему-то было отмѣнено. Опасности болѣею частію преувеличиваются. Поэтому-то, говорятъ, въ советѣ главнокомандующаго Анатолийскою арміею было рѣшено предупредить опасность и атаковать немедленно нашъ Александропольскій отрядъ; съ этою цѣлію Анатолийская армія выступила изъ своего лагеря, когда Эриванскій отрядъ былъ, какъ выше сказано, у Абазъ-гёльскаго перевала. Князь Бобутовъ, какъ видно изъ его дописанія, узналъ наканунѣ о суматохѣ и о приготовленіяхъ въ хадживалинскомъ лагерѣ къ какому-то движенію, впередъ или назадъ, что и заставило его выступить утромъ 24-го іюля, для встрѣчи, или преслѣдованія Турокъ. Я не ручаюсь за вѣрность этихъ мнѣній и разсказовъ; ихъ могутъ разъяснить только свѣ-

дѣнія почерпнутыя изъ турецкихъ источниковъ. Но все это возможно, какъ случайная связь бѣльшей части военныхъ событій. Вообще, едвали князь Бебутовъ рѣшился бы вывести изъ Эриванской губерніи нашъ небольшой отрядъ; а если бы рѣшились извлечь изъ него пользу для дальнѣйшихъ дѣйствій и успѣховъ войны, то эту пользу могли извлечь разными способами. На сообщенія турецкой арміи мы могли дѣйствовать не только горною дорогою чрезъ Кагызманъ, но и колесною торговою Арзерумскою дорогою чрезъ Топрахъ-кале къ верхнему-Араксу, собственно на сообщеніе Карса съ Арзерумомъ, гдѣ вѣроятно двигались постоянно всѣ военные запасы, потому-что Арзерумъ былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ, и какъ мы дѣйствовали въ 1855 году, хотя впрочемъ въ 1855 году мы находились въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ теперь. При дѣйствіяхъ къ сторонѣ Арзерума мы и въ 1854 году были бы прикрыты отъ Анатолийской арміи непроходимымъ для артиллеріи на этомъ пространствѣ хребтомъ Агридага, а Эриванская губернія прикрывалась одними уже наступательными дѣйствіями нашего главнаго Александропольскаго отряда, если бы онъ могъ дѣйствовать. Отъ Баязета до обѣихъ этихъ сообщеній тыла Анатолийской арміи, какъ чрезъ Кагызманъ, такъ и чрезъ Топрахъ-кале, отстоитъ одинаково около 180-ти верстъ. Кроме-того дѣйствія наши на торговой Арзерумской дорогѣ должны были встревожить Англичанъ и отвлечь отъ Карса часть турецкихъ войскъ въ 1854 году болѣе, чѣмъ въ 1855 году, но неразъясненному еще общему положенію дѣль, а для Александропольскаго отряда было тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ далѣе отъ Карса отвлекались турецкія войска; потому-что этимъ отстранялось удобство скорого соединенія ихъ послѣ раздѣленія. Но вмѣсто этихъ сомнительныхъ и отдаленныхъ дѣйствій на сообщенія, могшихъ только пугать, а

не существенно вредить, изъ Эриванскаго отряда, не отвлекая его отъ прямого прикрытія Эриванской губерніи, можно бы извлечь гораздо большую пользу дѣйствіями на внутреннія области Азіатской Турціи, лежація между Арзерумомъ и персидскою границею, гдѣ нашему воображенію представлялся широкій, соблазнительно-блестящій кругъ дѣйствій, чтѣ впоследствии мы увидимъ еще болѣе.

Стоянка у Абазъ-гѣля однакожь не спасла насъ отъ болѣзней: здѣсь онѣ начались и продолжались все лѣто въ болѣе чѣмъ прежде степени. Въмѣсто 4-хъ, 5-ти человекъ за болѣвавшихъ въ долині Баязетскаго санджака ежедневно изъ всего отряда, число больныхъ увеличилось здѣсь вдругъ до 20-ти человекъ въ сутки. Причина заключалась, какъ надо полагать, въ быстромъ переходѣ войскъ изъ жаровъ низменныхъ мѣстъ въ холодъ возвышенностей Абазъ-гѣля, гдѣ на сѣверныхъ бокахъ горъ лежалъ еще снѣгъ и послѣ захожденія солнца дѣлалось вдругъ замѣтно прохладно. Медики полагали, что мы всѣ принесли зародышъ болѣзней изъ Игдыря, а здѣсь они развились и выказались. Впрочемъ, въ здѣшнихъ мѣстахъ болѣзненность увеличивается всегда въ продолженіи іюля, августа и сентября мѣсяцевъ, и мы вѣроятно неизбѣжали бы ее, въ болѣе или меньшей степени, гдѣ бы ни стояли. Настоящая болѣзненность въ отрядѣ была невелика, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ она была и бываетъ въ Эривани и на Араксѣ. Въмѣстѣ съ этимъ, подножный кормъ и топливо истощились въ продолженіи недѣли; за травою и князкомъ стали ѣздить далеко въ глубину Эриванской губерніи. Эти причины заставили начальника отряда перейти опять въ предѣлы Турціи и стать противъ Караванъ-сарайскаго перевала, гдѣ были поблизости великолѣпныя травы долины Балыхъ-чая, топливо въ брошенныхъ Курдами зимовникахъ и безопасность сообщенія съ Эриванскою гу-

бернією по самому низкому и удобному изъ всѣхъ переваловъ чрезъ Агри-дагъ. Находясь впереди Караванъ-сарайскаго перевала, отрядъ былъ ближе чѣмъ у Абазь-гёля къ Орговской дорогѣ, къ Баязету и къ Амарату, откуда мы получали продовольствіе, и могъ лучше защищать границы Эриванской губерніи съ Турцією, находясь посреди ихъ протяженія. Это безсомнѣнія была лучшая позиція для того, чтобы только прикрывать наши границы. Всѣ были довольны перемѣщеніемъ; всѣмъ казалось какъ-то лучше стоять въ Турціи, чѣмъ въ своихъ предѣлахъ. Для перехода обратно чрезъ Абазь-гёльскій переваль разработали превосходную, стоившую порядочнаго труда, дорогу, какой въ Турціи, особенно въ этихъ мѣстахъ, никогда не бывало. Отрядъ выступилъ отъ Абазь-гёля 2-го сентября, слѣдовалъ по той же дорогѣ, по которой шель изъ Баязета, и 3-го числа остановился лагеремъ на р. Балыхъ-чаѣ противъ куртинскаго зимовника Дутага, въ 4-хъ верстахъ не доходя Мусуна и въ столькихъ же отъ Караванъ-сарайскаго перевала. Для наблюденія за дорогою изъ Кагызмана къ Кульпамъ, была оставлена въ с. Гюллюджи одна сотня Донскаго № 4-го полка, усиленная вскорѣ командою изъ 100 человекъ вооруженныхъ жителей. Въ Кульпахъ предполагалось открыть опять разработку соли, приостановленную вторженіемъ Турокъ въ 1853 году, и одной казачьей сотни было достаточно для прикрытія Кульпъ со стороны Кагызмана, потому-что движеніе части войскъ нашихъ изъ Александропольскаго отряда къ Кагызману могло отрѣзать непріятеля, который рѣшился бы двинуться отъ Кагызмана къ Кульпамъ. Послѣ побѣдъ при Кюрюкь-дарѣ и на Чингильскихъ высотахъ, можно было безопасно открыть кульпинскіе соляные промыслы. Стоянка у Дутага правилась всѣмъ. Мѣсто лагеря было довольно возвышенно

и жары довольно сносны. Наши маркитанты и милиционеры ездили безопасно въ Баязетъ и оттуда подвозили кое-какіе продукты; сообщенія съ Амаратомъ и Эриванью были часты и удобны; отрядъ ни въ чемъ не нуждался. Дрова на варку пищи добывали изъ брошенныхъ куртинскихъ зимовниковъ, которые разбирали, такъ-какъ Кудры жившіе здѣсь бѣжали за Алла-дагъ, можно было полагать, изъ преданности къ турецкому правительству, а вѣроятнѣе изъ боязни насъ. Для топлива употребляли еще особое невысокое, смолистое и иглистое растеніе, похожее по наружности болѣе на траву чѣмъ на дерево, росшее въ изобиліи по окрестнымъ, преимущественно сѣвернымъ покатосямъ горъ, и названное солдатами колючкой. Команды нижнихъ чиновъ ходили за нею каждый день и набирали ее понемногу къ ротнымъ кухнямъ большими копнами.

До сихъ поръ больные отряда пользовались преимущественно въ баталіонныхъ лазаретахъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ отправляли въ Эриванскій военный госпиталь; но число ихъ постепенно увеличивалось. Болѣли преимущественно лихорадками и поносами, впрочемъ неопасными; смертности не было. Отрядъ стоялъ отъ Эривани въ 80-ти верстахъ; переѣздъ на такое большое разстояніе чрезъ низменную долину Аракса во время сильнѣйшихъ жаровъ, для многихъ больныхъ могъ быть губельнымъ, и потому въ отрядъ открыли, у Дутага, подвижной госпиталь, но не для того чтобы, на основаніи положеній, подавать только первоначальное пособіе и перевозить въ Эривань, а чтобы лечить окончательно до выздоровленія. Дѣйствительно, здѣсь солдаты, въ лучшемъ климатѣ и на открытомъ воздухѣ, въ палаткахъ, выздоравливали скорѣе и, главное, по выздоровленіи тотчасъ поступали въ свои части, такъ-что численность отряда не ослабѣвала;



обстоятельство первостатейной важности, потому—что рассылая больных по отдаленнымъ госпиталямъ, обыкновенно не скоро соберешь ихъ въ свои части, отъ разныхъ остановокъ пересылки и другихъ случайностей, и войска мало-по-малу, къ концу осени, могли ослабѣть значительно въ своей численности. Совершенное спокойствіе царствовавшее кругомъ насъ, отсутствіе турецкаго войска и бездѣйствіе нашего, позволяли неопасаться большаго числа больныхъ, которые затруднили бы отрядъ въ случаѣ движеній и военныхъ дѣйствій. Въ подвижныхъ госпиталяхъ больные получаютъ говядины вдвое менѣе чѣмъ въ постоянныхъ; это неудобство было отстранено. Командовавшій отрядомъ послѣ генераль-лейтенанта барона фонъ-Врангеля, полковникъ Цумпфортъ, разрѣшилъ выдавать больнымъ мяса по положенію постоянныхъ госпиталей, и высшее начальство хотя не утвердило этой мѣры вообще, но въ уваженіе особеннаго положенія отряда, отдаленности его отъ Эривани и преимущества климата стоянки нашей передъ климатомъ Эривани, разрѣшило принять на счетъ казны излишне издержанныя на говядину деньги. Число больныхъ въ подвижномъ госпиталѣ никогда и послѣ не превышало 300 человекъ, а это число людей мы могли бы отправить въ Эривань, если бы обстоятельства измѣнились и отряду предстояли военныя дѣйствія и опасности.

Впродолженіи стоянки у Дутага отрядъ разработалъ подъемъ и спускъ Караванъ-сарайскаго перевала и проложилъ здѣсь въ горахъ превосходную дорогу.

VII. Курды. — Евфратъ. — Армянскій монастырь Сурбъ-Оганесъ.

При расположеніи отряда у Дутага мы вошли въ болѣе близкія сношенія съ Курдами, которыхъ, — какъ народъ хищный воинственный, могшій беспокоить насъ, имѣющій нѣкоторую самостоятельность и постоянно враждовавшій противъ турецкаго правительства, — князь Бебутовъ старался привлечь еще съ конца 1853 года, по примѣру предъидущей войны съ Турціею. Иностранные европейскіе журналы упрекали Русскихъ въ желаніи сѣять раздоры въ турецкихъ областяхъ; но не думаю, чтобы эти упреки стоили вниманія. Кто же изъ воюющихъ сторонъ не употребляетъ всѣ средства вредить непріятелю; средства неодобрыя общественной нравственностію въ частной жизни, гораздо болѣе чѣмъ старанія наши привлечь къ себѣ жителей непріятельскаго края, — и не обязаны ли войска употреблять всѣ мѣры, чтобы привлечь ихъ и возможности сдѣлать для себя безвредными, особенно если они вооружены? Было бы странно руководствоваться другими правилами; это было бы похоже на нравственное допихотство и безтолковое самоотверженіе. Не обязаны ли вторгающіяся войска сближаться съ жителями, если находятъ въ нихъ сочувствіе къ себѣ? Странно было бы отталкивать ихъ отъ себя. Если наше появленіе производитъ безпорядки въ непріятельской землѣ, то должны ли мы отречься отъ вторженія въ эту землю, т. е. отъ продолженія войны, изъ опасенія произвести въ ней волненія? Мы встрѣчали въ Турціи разрозненность племенъ и интересовъ, взаимную нелюбовь жителей, притѣсенія и существующій уже безнорядокъ, который должны были для собственной пользы не увеличивать, а прекращать; но ведя войну съ Турціею должны ли мы водворять порядокъ въ ея областяхъ не для себя, а для нее? Вторгаясь въ Турцію, мы

тотчасъ находилась въ необходимости не только приписать полицейскія мѣры, но защищать цѣлыя племена одни отъ другихъ, притѣсненныхъ отъ притѣснителей, и это расширяетъ кругъ нашего вліянія и обязанностей и придаетъ имъ совершенно другой смыслъ и другое значеніе, чѣмъ роль простыхъ возмутителей, какую хотятъ приписать намъ; и неужели мы, для этихъ мелкихъ мнѣній, должны отказаться отъ своего призванія, которое въ сущности есть великое? Надо выбирать что-нибудь изъ двухъ, войну, или невойну, и дѣйствовать искренно. Иностранцы проповѣдуютъ другъ другу правила нравственности, которыя выгодны для нихъ у сосѣдей ихъ, по которымъ они сами не слѣдуютъ никогда; а насъ они называютъ Скифоами, немнѣющими еще твердыхъ понятій о нравственности, незнающими какъ надобно держать себя и способными отречься отъ своихъ выгодъ, чтобы заслужить ихъ благосклонное одобреніе. Я полагаю, мы дѣлали гораздо менѣе того, что намъ слѣдовало дѣлать для привлеченія жителей — собственно какъ одна изъ мѣръ успѣшнаго веденія войны и скорѣйшаго лишенія непріятели средствъ продолжать ее, не говоря уже о болѣе высокихъ цѣляхъ общей пользы. Война есть война, — и можно сдѣлать большую ошибку, упуская изъ виду свою отдаленную пользу и избѣгая употреблять для дѣйствія противъ непріятели нѣкоторыя средства, болѣе или менѣе неодобряемыя нѣжными чувствами и щекотливою нравственностію, въ такое время, когда слѣпой ходъ военныхъ событій, безъ цѣли, давитъ въ сраженіяхъ тысячи, истребляетъ цѣлыя села и города, моритъ голодомъ цѣлыя населенія, и когда непріятель не стѣсняется употреблять всѣ мѣры вредить намъ. Мы не употребляли подлыхъ средствъ, отвергаемыхъ военною честью, чувствомъ собственнаго достоинства и логическою нравственностію войны, ни измѣны, ни корыстнаго

обмана, ни яда, ни истребленія людей внѣ боя, ни насилія и проч.; эти средства даже бесполезны для насъ и ниже нашей силы и нашего достоинства. Сами обстоятельства даютъ намъ здѣсь и дѣлаютъ для насъ болѣе полезными и необходимыми совершенно другія средства. Мы даже умѣряли преданность къ намъ жителей Турціи изъ опасенія поставить ихъ напрасно въ ложное положеніе къ турецкому правительству. Я говорю это потому, что впродолженіи двухъ лѣтъ войны по кругу своей должности находился въ постоянныхъ личныхъ сношеніяхъ съ жителями, особенно съ Курдами, а въ эту войну Эриванскій отрядъ имѣлъ самый обширный кругъ дѣйствій, по пространству областей Турціи, въ которыхъ онъ проходилъ и останавливался среди населенія, въ постоянныхъ, преимущественно-дружескихъ сношеніяхъ съ нимъ. Мы дѣйствовали въ Курдистанѣ и прямыя сношенія съ Курдами могли происходить только чрезъ насъ.

Курды составляютъ особый народъ, говорящій особымъ языкомъ, непохожимъ на языки Османовъ, Татаръ, Аравитянъ, Персіянъ и другихъ сосѣднихъ съ ними народовъ, и живутъ въ гористомъ пространствѣ, лежащемъ въ Россіи, Персіи и Турціи, начиная отъ хребта Агри-дага до песчаныхъ равнинъ нижняго-Тигра и Евфрата, и потому есть турецкіе, персидскіе и русскіе Курды. Самые многочисленные изъ нихъ первые, самые малочисленные—последніе. Они занимаются преимущественно скотоводствомъ и очень мало хлѣбопашествомъ; ихъ зимнія жилища устраиваются очень просто и скоро; они ведутъ полукочевой образъ жизни, и съ ранней весны до поздней осени, а если обстоятельства заставятъ, то и всю зиму живутъ въ теплыхъ, большихъ палаткахъ, по здѣшнему чадрахъ, въ родѣ кпргизскихъ кибитокъ. Палатки эти велики, такъ что въ одной помѣщается цѣлое семейство съ имуществомъ;

впрочемъ богатые люди имѣютъ не одну чадру. Крыша чадры сдѣлана изъ толстаго темно-коричневаго сукна, а бока отъ нижнихъ краевъ крыши до земли заставляются сквозными рѣшетчатыми циновками изъ камыша или тонкихъ палокъ и завѣшиваются на ночь или въ холодное время войлоками, коврами и снаружи такимъ же сукномъ, изъ какого сдѣлана крыша. При передвиженіи съ одного кочевья на другое, палатки и имущество перевозятся бѣльшею частию вьюками на лошадяхъ; употребляются и арбы, но обходятся и безъ нихъ. Поэтому Курды имѣютъ возможность перекочевывать въ упомянутыхъ трехъ государствахъ, изъ одного въ другое, смотря потому, гдѣ имъ выгоднѣе, и часто пользуются этимъ; если за ними накопилось много недоимокъ въ Турціи, или если они за что-либо недовольны турецкими начальствами и правительствомъ, то бѣгутъ въ Персію, гдѣ правители пограничныхъ областей принимаютъ ихъ, чтобы заселить пустыя пространства земель и собирать съ нихъ хотя небольшую подать; иногда бѣгутъ въ Россію, напримѣръ во время войны, но рѣдко, потому-что въ Россіи, по сосѣдству, народонаселеніе гуще и свободныхъ земель мало. Слабость правительствъ Персіи и Турціи не позволяетъ имъ учредить строгій полицейскій порядокъ въ пограничныхъ областяхъ и вообще надзоръ надъ Курдами, а личные виды и интересы правителей этихъ областей заставляютъ ихъ покровительствовать и скрывать переселеніе Курдовъ. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ во время войны, правительства прощаютъ имъ прежнія недоимки и преступленія и стараются снова привлечь къ себѣ, почти какъ союзниковъ, и такимъ-образомъ Курды находятъ возможность сохранять нѣкоторую независимость отъ властей и уклоняться отъ исполненія повинностей; если же этого нельзя достигнуть переселеніемъ, то они часто при-

бѣгаютъ къ открытому бунту. Такъ—какъ большее число Курдовъ, весь Большой Курдистанъ, находятся въ Турціи, то чаще всего они бунтуютъ противъ Турокъ, поднимаютъ оружіе, собираются въ большія полчища, дерутся съ турецкими регулярными войсками и иногда бьютъ ихъ. Вособенности въ настоящее время своей слабости, турецкое правительство находится въ необходимости прощать имъ многое и ласкать ихъ. Курды всё горцы и любятъ прохладныя возвышенныя мѣста; неприступные хребты и ущелья, обитаемыя ими, даютъ имъ еще болѣе возможности отстаивать свою самостоятельность.

Курды подраздѣляются на многія отдѣльныя общества или роды, говорящіе всё однимъ языкомъ и управляющіеся независимо другъ отъ друга старшими въ родѣ, или родоначальниками. У нихъ нѣтъ никакой централизаціи и единства собственной власти; всё родоначальники независимы другъ отъ друга, или могутъ быть независимы,— и это даетъ турецкому правительству возможность сѣять между ними раздоры и легче справляться съ ними. Если бы кто изъ родоначальниковъ пріобрѣлъ знаменитость и власть въ своемъ народѣ, то стараются отравить, подорвать и уничтожить его; иногда дѣлаютъ его пашею, осѣнаютъ мп.лостями, вызываютъ въ Константинополь, даютъ ему гаремъ, и онъ исчезаетъ въ роскоши, нѣгѣ и забвеніи; если бы онъ не удовольствовался этимъ, то употребляютъ болѣе крутыя мѣры. Самыя сплыныя и многочисленныя племена, или общества Курдовъ, живутъ въ Большомъ Курдистанѣ: Мокатцы, Гэкары, Бахтанъ, Изэды, подраздѣляющіеся на Рошанлы, Будыки и Баравы, и многія другія. Но мы не доходили до Большаго Курдистана и не имѣли прямыхъ сношеній съ его жителями. По мнѣнію Курдовъ Баязетскаго пашалыка, въ Большомъ Курдистанѣ находится менѣе 500,000 семействъ, изъ которыхъ каж-

дое можетъ выставить по меньшей мѣрѣ одного всадника. Главныя племена Малаго Курдистана, съ которыми мы имѣли близкія сношенія, и ходили по ихъ кочевьямъ, то есть всего Баязетскаго пашалыка, съверныхъ частей Вацскаго и Мушскаго и южной части Карскаго пашалыковъ, южной части Эриванской губерніи и персидскихъ провинцій—ханства Макинскаго и округа Аваджинскаго, ведутъ свой родъ отъ трехъ братьевъ: Махмута, Гейдера и Зеяпа, и называются Джелали, Гейдеранлы и Зеяпы. Эти племена подраздѣляются еще: Джелалинцы, на общества: Халыканлы, Саканлы, Гасанъ-анлы, Али-анлы, Быльхиканлы, Радыки и др.; Гейдералинцы, на Зорованлы и Адаманлы, а эти два послѣднія на: Мукайли, Шамсиканлы, Касиканлы, Бадялилы, Хамдыканлы, Башпманлы, Атасанакки, Малаянлы, Гамдыканлы, Шейхъ-Гасанлы, Лачакили, Акуби, Халисанлы, Торуцъ; и Зеяпы, на Маманлы, Барзанлы и другія,—подраздѣляющіяся вообще всѣ на болѣе мелкія общества, изъ которыхъ нѣкоторыя управляются отдѣльно своими старшинами. Въ этихъ обществахъ состояло въ Турціи до 4,000 семействъ, и у нихъ до 400,000 барановъ, до 100,000 рогатаго скота и до 20,000 лошадей; въ Персіи до 2000 семействъ и въ Россіи до 300 семействъ съ пропорціональнымъ числомъ разнаго скота. Кромѣ-того, въ Баязетскомъ пашалыкѣ кочевало еще до 100 семействъ Иззды, выходцевъ изъ Большаго Курдистана и до 120-ти семействъ тѣхъ же Изздовъ, принявшихъ магометанскую вѣру, ведущихъ свой родъ отъ Писіана и называющихся Писіанлы, но болѣе пзвѣстныхъ подъ именемъ Сепики или Сепиканлы,—и осѣдлыхъ Курдовъ разныхъ обществъ находилось, въ г. Баязетѣ до 150 семействъ, въ г. Діадинѣ до 70 семействъ, въ Караклисскомъ санджакѣ (или Нагія) до 100 семействъ, въ Алашкертскомъ санджакѣ до 300 семействъ, въ округѣ Халиазъ и Антабъ до 200 семействъ,

\*

въ Патносскомъ санджакѣ до 100 семействъ, и въ Мелезгирдскомъ санджакѣ до 200 семействъ. Осѣдлые Курды занимаются, нѣкоторые торговлею, нѣкоторые хлѣбопашествомъ, но имѣютъ барановъ, рогатаго скота и лошадей пропорціонально не менѣе кочующихъ Курдовъ. Вышеприведенныя числа составлены изъ свѣдѣній, собранныхъ отъ нѣкоторыхъ куртинскихъ старшинъ, знакомыхъ съ своимъ народомъ, и хотя не могутъ быть точны, но могутъ дать нѣкоторое понятіе о тѣхъ племенахъ и обществахъ, которыя живутъ ближе къ нашимъ предѣламъ и съ которыми мы прежде всего должны имѣть сношенія и столкновенія.

Всѣ Курды, за исключеніемъ Изэдовъ, магометанскаго исповѣданія, секты Омаровой, и хотя одной религіи съ Туркамн, т.-е. Османлы, но раздѣленные отъ нихъ языкомъ, происхожденіемъ и интересами, не преданы турецкому правительству, а напротивъ, враждебны, какъ правительству вышедшему изъ другаго, господствующаго, завоевательнаго племени Османовъ, основавшаго Турецкую монархію. Говорятъ, что Изэды были несторіане, а теперь забыли свою религію; одноплеменники ихъ, магометанскіе Курды, укоряютъ ихъ, что они не имѣютъ никакой религіи, оказываютъ наружное почтеніе всѣмъ и даже поклоняются чорту. Я разговаривалъ съ нѣкоторыми Изэдами о вѣрѣ ихъ и убѣдился, по-крайней-мѣрѣ по тѣмъ, которыхъ видѣлъ, что религіозныя понятія ихъ дѣйствительно очень неопредѣленны. У нихъ нѣтъ духовенства, богослуженія, церковныхъ книгъ, ни чего что составляетъ Церковь; они почитаютъ одинаково христіанскіе храмы, святыя мѣста и святыхъ угодниковъ, если узнаютъ о нихъ; магометанскія мечети и магометанскихъ святыхъ, и посѣщаютъ какъ церкви, такъ и мечети; они не сознаются въ поклоненіи чорту, и безсомнѣнія у нихъ нѣтъ на это никакихъ обрядовъ, также какъ вообще никакихъ обрядовъ для поклоненія



почитаемымъ имъ святынямъ другихъ религій, но вѣроятно они оказываютъ почтеніе и чорту. Они употребляютъ спиртуозные напитки, чѣмъ по наружности существенно отличаются отъ магометанъ. Очевидно, что забытые христианами, они въ продолженіи вѣковъ и въ своихъ пустыняхъ забыли свою религію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько можно судить по разнымъ случаямъ сношеній нашихъ съ ними, на нихъ осталось вліяніе христіанскихъ правилъ, смягчающихъ нравы: Изэды самые честные и миролюбивые изъ всѣхъ Курдовъ, занимаются болѣе другихъ хлѣбопашествомъ, никогда не были замѣчены нами въ грабежахъ и воровствѣ, и оказывали Русскимъ наибольшую преданность и вѣрность; на свѣдѣнія сообщаемыя ими о турецкомъ войскѣ безъ всякихъ подкуповъ и платы, какъ лазутчикамъ, а добровольно по собственному побужденію, можно было положиться болѣе чѣмъ на показанія другихъ Курдовъ и даже Армянъ. Остальные Курды имѣютъ всѣ дурныя качества полудикаго и полукочеваго народа, и похожи на цыганъ: грабежъ, воровство, жадность, обманъ и попрошайство, отличительныя черты ихъ, выражающіяся открыто. Образованность между ними не распространяется; читать и писать умѣютъ только шейхи, или сенды, т.-е. лица духовнаго званія, переходящаго въ родъ, —немногіе старшины, и нѣсколько человекъ ведущихъ осѣдлую жизнь и занимающихся торговлею; и безсомнѣнія, ихъ чтеніе не выходитъ изъ тѣснаго круга магометанской литературы. Старшины обществъ, родоначальники, пользуются уваженіемъ низшаго класса, но небольшимъ вліяніемъ, и не имѣютъ никакихъ особенныхъ правъ, утвержденныхъ закономъ, такъ-какъ вся власть, судъ и расправа, находятся въ рукахъ мѣстнаго начальства, поставленнаго турецкимъ правительствомъ. Можно было видѣть на мѣстѣ, что Курды по малѣйшему неудо-

вольствію, или расчету, оставляли своего родоначальника и присоединялись къ другому обществу. Вся власть старшинъ основана на обычаяхъ, преданіяхъ, доброй волѣ, родствѣ и древности рода и на взаимности выгодъ общаго кочеванія, или грабежей, и состоитъ въ правѣ на очередную охрану принадлежащихъ имъ стадъ простыми Курдами, небольшой легкой службѣ при этомъ, и въ домашнемъ судѣ, когда поссорившіеся не хотятъ обращаться къ турецкимъ властямъ. Курды по преимуществу всадники; ихъ рѣдко увидишь пѣшкомъ и никогда безъ оружія. Они вооружены длинною пикою, парюю или болѣе пистолетовъ, заткнутыхъ за широкой поясъ изъ яркихъ цвѣтныхъ шалей, кривою саблею и небольшимъ круглымъ щитомъ, сдѣланнымъ изъ толстой кожи, натянутой на металлическомъ кругѣ и обитой снаружи мѣдными, серебряными и даже золотыми бляхами; щитъ носятъ на лѣвой рукѣ, ниже локтя, къ которой онъ прикрѣпляется ремнемъ. Ружей никто не имѣетъ. Одѣты въ куртку изъ краснаго, или другихъ яркихъ цвѣтовъ сукна, съ разрѣзными рукавами, вышитую золотыми или шелковыми шнурками, въ такія же вышитыя шаровары, высокую чалму, обернутую разноцвѣтными шалами и платками, и въ сафьянные красные или другаго цвѣта сапоги. Старшины носятъ сверху куртки, длинные, широкіе, суконные плащи яркаго цвѣта. Бѣдные одѣваются проще. Жители Большаго Курдистана занимаются болѣе хлѣбопашествомъ, чѣмъ мелкія общества, кочующія по краямъ его, и это даетъ турецкому правительству болѣе средствъ требовать отъ первыхъ исполненія повинностей, отчего Большой Курдистанъ бунтуетъ и дерется съ турецкими войсками чаще, чѣмъ мелкія кочующія общества. Курдовъ берутъ на службу въ регулярныя турецкія войска, куда они идутъ неохотно, и откуда стараются бѣжать, но болѣе собираютъ ихъ во время самой войны въ конныя ополче-

ніа на положеніи башп-бузуковъ, куда они привлекаются надеждою грабежа и добычи. Въ этихъ ополченіяхъ они также не надежны, и при бездѣйствіи, или неудачѣ, расходятся по домамъ.

Курды имѣють репутацію самаго воинственнаго племени Центральной Азіи, или по-крайней-мѣрѣ Малой Азіи; но Русскіе, часто сталкивавшіеся съ ними, имѣли о нихъ понятіе какъ о трусахъ. Они никогда не сходились съ нашими въ рукопашный бой, несмотря на то, что оружіе ихъ годно только для этого; вообще, дѣйствуютъ въ-разсыпную и нападаютъ только на жителей, на отдѣльныя небольшія команды, на одпочныхъ людей и преимущественно на обозы, гдѣ не представляется большой опасности, а предвидится болѣе добычи. Малѣйшее движеніе впередъ одной сотни казаковъ, показывавшее намѣреніе драться, обращало въ бѣгство цѣлую тысячу; одинъ картечный выстрѣлъ разсѣвалъ толпы ихъ. Я полагаю, въ настоящемъ состояніи, русскія регулярныя войска въ минуту боя не должны считать числа ихъ, а дѣйствовать. Можетъ-быть они дерутся съ нами неохотно не отъ одной боязни, но отчасти и оттого, что имъ нѣтъ разсчета поддерживать турецкое правительство, съ которымъ они сами враждуютъ очень часто. Ведя суровый, полукочевой образъ жизни въ горахъ, Курды дики и склонны къ хищничеству. Въковой безпорядокъ окружающихъ ихъ земель, доставлялъ имъ всегда легкое средство живиться грабежами у своихъ слабыхъ сосѣдей, и тѣмъ поддерживалъ эти склонности и варварское состояніе края. Они готовы грабить одинаково: Турокъ, Русскихъ, Персіянъ, Татаръ и Армянъ, христіанъ и магометанъ; для нихъ всѣ равны. При вторженіи Турокъ въ Эриванскую губернію, наши Курды вмѣстѣ съ турецкими грабили пашихъ Армянъ и Татаръ; послѣ бѣгства Баязетскаго корпуса изъ Баязетскаго на-

шалыка, турецкіе и наши Курды, вмѣстѣ, стали грабить армянскія и татарскія селенія, лежащія въ Турціи; всѣ жители постоянно призывали насъ собственно для защиты отъ грабежей Курдовъ. Они опасны намъ не какъ войско, но какъ кочующій народъ, который можетъ вредить одиночными убійствами и грабежами, дѣйствіями на нашихъ сообщеніяхъ и вторженіями въ нашъ предѣлы, когда они открыты, и притомъ долгое время безнаказанно, потому что имѣя все свое имущество на спинѣ своихъ лошадей, могутъ откочевывать въ глубину края и спастись отъ преслѣдованія и наказанія.

Въ настоящемъ полудикомъ состояніи, Курды очевидно опасны и могутъ быть современемъ еще опаснѣе для всякаго, граничащаго съ ними болѣе благоустроеннаго и образованнаго народа; теперь они — истинный бичъ для своихъ сосѣдей, вособенности для Айсоровъ (остатокъ Ассирійскаго государства) и Армянъ, кроткихъ и наклонныхъ къ спокойной гражданской жизни. Надо полагать, что въ прежнія времена, также какъ и теперь, Курды наполняли полчища безразлично всѣхъ завоевателей, явившихся въ Азію, которые доставляли имъ средства грабежа и добычи. Даже персидская и турецкая власти, при всей своей малогодности, могли бы быть полезны для нихъ, пріучая ихъ хотя къ осѣдлой жизни и хлѣбопашеству, если бы сами понимали истинную пользу этого и были въ состояніи что нибудь сдѣлать. Но Турки и Персіяне сами находятся на низкой степені просвѣщенія; власть ихъ слаба и основана также на завоеваніи и насилии; вліяніе ихъ на Курдовъ не можетъ быть благотѣльно; они неспособны и безсильны не только что распространять просвѣщеніе, но и принять его сами. Въ сущности, это есть бореиіе двухъ золъ, изъ которыхъ турецкое зло господствуетъ пока падъ куртинскимъ. При видѣ состоянія здѣшняго края невольно рождается вопросъ: — Неуже-

ли Курды и другіе полудикіе сосѣди ихъ Азіатской Турціи и Персіи, останутся такими же еще тысячелѣтія, подѣ властію настоящихъ правительствъ, какими они оставались подѣ властію ихъ и имъ подобныхъ около двухъ тысячъ лѣтъ современъ Ксенофонта, Красса и Юліана-отступника? Въ двѣ тысячи лѣтъ они не подвинулись ни на шагъ. Просвѣщающая сила пужна имъ для общаго блага; но европейское вліяніе здѣсь очень слабо. Западное христіанское духовенство не проникаетъ до глубины опасныхъ кочевыхъ обществъ, занимается только своими старыми междуусобіями, стараясь обращать православныхъ и Армянъ-григоріанцевъ въ католицизмъ, и вообще едва ли можетъ успѣть что-нибудь сдѣлать у магометанъ, потому-что магометане привыкли прѣзирать гяуровъ и у себя дома видѣть христіанъ только рабами. Христіанскую пропаганду здѣсь встрѣтятъ какъ стараго знакомаго врага, съ которымъ часто боролись и котораго прежде побѣждали. Европейская торговля только собираетъ по краямъ Курдистана півавокъ, кожи и деньги, сбывая свои шелка, сукна, ситцы, порохъ, оружіе, и способна болѣе снабдить эти варварскіе народы ружьями новѣйшаго изобрѣтенія, для доставленія имъ новыхъ средствъ разрушенія и истребленія своихъ смиренныхъ сосѣдей. Народная нравственность есть наука, которая распространяется силою, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Дикаря пужно прежде укротить, а потомъ выучить, чтобы сдѣлать способнымъ быть гражданиномъ благоустроеннаго государства. Безъ прямаго властительнаго вліянія Европейцевъ, какъ хозяевъ края, а не какъ купцовъ и путешественниковъ, Курды вѣроятно останутся еще долго такими же, какими есть и были.

Своими хищническими качествами Курды были полезны турецкому правительству въ началѣ войны 1853 года и опасны для насъ, пока мы еще не приготовились. От-

дѣльныя толпы ихъ вторглись, какъ мы видѣли, въ наши пограничныя области, разорили многія селенія, и разошлись по домамъ съ захваченною добычею. Желаніе отвлечь ихъ отъ турецкаго войска, побудило князя Бебутова вступить съ ними въ сношенія. Переговоры начались еще въ 1853 году; но не имѣли никакого успѣха по той простой причинѣ, что Курдамъ не было разчета, было бы неблагоразумно и неосторожно передаваться на нашу сторону, когда наши войска почти не переходили еще границу, исходъ войны былъ еще неизвѣстенъ и сомнителенъ, турецкія войска оставались въ полной цѣлости, куртинскія имущества и семейства находились въ Турціи подъ ближайшимъ вліяніемъ турецкаго войска, и Курдамъ было выгодно и возможно грабить еще наши, а не турецкія земли. Послѣ побѣдъ при Кюрюкь-Дарѣ и на Чингильскихъ высотахъ, и главное послѣ движеній нашихъ впередъ, хотя и незначительныхъ, немедленно выказывалась готовность вступить съ нами въ дружескія сношенія, тѣхъ, съ кочевьями которыхъ мы сближались. Дѣйствовали не убѣжденія и подарки, а страхъ нашихъ войскъ и равнодушіе къ турецкому правительству. Что значили ласки и подарки маловліятельному старшинѣ куртинскаго общества, сравнительно съ боязнію всего племени потерять свои безчисленныя стада, стоящія сотни тысячъ? Хотя Курды могли перекочевывать и удаляться отъ нашихъ войскъ, но эта возможность имѣла свои предѣлы. Съ движеніемъ нашимъ впередъ, они уходя отъ насъ стѣснялись все болѣе, лишались пастбищныхъ пространствъ, не могли прокормить своихъ стадъ и должны были изъявить намъ покорность для того только, чтобы воротиться на свои старыя кочевья,—что собственно и было выгодно для насъ, доставляя намъ средства продовольствія и обезоруживая болѣе чѣмъ безпокойнаго непріятеля,—безпокойныхъ жи-

телей. Безсомнѣнія, дружескія сношенія съ жителями необходимы одинаково съ Курдами, Татарами и Армянами, для успокоенія и привлеченія ихъ, особенно когда мы вносимъ въ ихъ землю оружіе и они по своимъ обычаямъ и понятіямъ могутъ опасаться, что мы будемъ грабить. Но я не думаю, чтобы для насъ были полезны и приличны старанія привлечь Курдовъ одними ласками. На нихъ болѣе подѣйствуетъ и дѣйствовалъ страхъ наказанія оружіемъ. Кочующіе Курды, какъ всякій грабитель по привычкѣ и натурѣ, желаютъ не ласки и справедливости, а ищутъ поживы и приобрѣтеній путемъ насилія,—и потому мѣры кротости не только недостаточны, но совершенно несообразны съ ихъ положеніемъ и качествами. Намъ нѣтъ надобности непременно покорять ихъ оружіемъ, — но еще менѣе надобно привлекать ихъ подарками; чтобы дѣйствовать противъ нихъ успѣшно, нужны одновременно страхъ нашей силы и выгоды нашей власти и справедливости. Мы не должны слишкомъ опасаться ихъ и дорожить ими, потому что можемъ легко дѣйствовать противъ ихъ войною,—край открытъ и не можетъ представить большихъ препятствій; не должны запскивать въ нихъ потому, что это внушаетъ имъ ложное понятіе о своей важности и о нашей слабости. Будущіе случаи встрѣчъ нашихъ съ Курдами въ 1854 и 1855 годахъ покажутъ справедливость этого мнѣнія. Первые пзъявившіе намъ покорность, явились тотчасъ по прибытіи нашемъ въ Баязетъ, и были двое или трое старшинъ Желалинцевъ, кочевавшихъ прежде у Карабулаха, а теперь у Баязета; впоследствии, по мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, намъ покорялись тѣ общества, съ кочевьями которыхъ мы сближались; отдаленныя не вступали съ нами въ сношенія. Въ самый день прибытія нашего къ Дутагу, къ начальнику отряда явились Сарганкъ и Юзъ-баша, старшины обществъ, кочевья

которыхъ находились по близости, и изъявили покорность, заключавшуюся пока въ томъ, что эти общества перешли на свои прежнія мѣста, ближе къ намъ, и обязались не грабить ни въ нашихъ, ни въ турецкихъ предѣлахъ. По восточному обычаю, покорившіеся или просто пріѣзжавшіе для выраженія своего почтенія начальнику отряда, старшины и почетные Курды обыкновенно привозили начальнику отряда въ бешкешъ, т. е. въ подарокъ, одного или двухъ барашковъ, а начальникъ отряда дѣлалъ имъ подарки, заключавшіеся, смотря по степени и важности рода старшины и обширности подчиненнаго ему общества, въ золотыхъ или серебряныхъ часахъ, перстняхъ, пистолетахъ, сабляхъ и кускахъ краснаго или другихъ яркихъ цвѣтовъ сукна и шелковой матеріи, въ три или четыре аршина длиною; нѣкоторымъ давали деньги, по одному или нѣсколько червонцевъ или полуимперіаловъ. Хотя это восточный обычай, по полагаю, совершенно напрасная трата денегъ. Изъ Дутага были посланы отъ начальника отряда къ старшинамъ обществъ, кочевавшихъ въ Діадинскомъ, Алашкертскомъ и Хамурскомъ саиджакахъ, письма, которыми старались успокоить ихъ, приглашали жить мирно и воротиться на свои кочевья. Но саиджаки эти были далеки отъ насъ, и письма не произвели никакого дѣйствія. Курды хотя оставались спокойны, но не сближались съ нами.

Въ лагерь подъ Дутагомъ вторично пріѣхали монахи Сурбъ-Оганеса и убѣдительно просили начальника отряда перейти къ этому монастырю, или хотя прислать небольшую часть войска, чтобы защищать его и окрестныхъ Армянъ отъ Курдовъ, которые грабили ихъ, угоняли скотъ и собирались ограбить самый монастырь. Бѣдные монахи были въ большомъ страхѣ. Послѣ Чингильскаго сраженія, турецкія власти бѣжали изъ Баязетскаго пашалыка, и не-



осталось никого, кто могъ бы смотрѣть за порядкомъ. Часть людей разбитаго Баязетскаго корпуса бѣжала мимо Сурбъ-Оганеса; Курды обобрали ихъ, пустили въ однихъ шароварахъ, но чтобы на всякій случай отстранить отъ себя отвѣтственность передъ турецкимъ правительствомъ, написали, или говорили турецкимъ пашамъ, что солдаты ограбили Армяне, — чему трудно однакожь повѣрить, — и будто въ отмщеніе за это, стали грабить Армянъ. Они обогались бы и безъ этого предлога, и во всякомъ случаѣ грабили и тѣхъ и другихъ. Въ то же время жители Алашкертскаго санджака безпрестанно прѣзжали и звали насъ туда. Въ г. Алашкертъ или Топрахъ-кале, главномъ мѣстѣ Алашкертскаго санджака, турецкихъ властей также не было, но остались около одной или двухъ сотень баши-бузуковъ, пли регулярной кавалеріи, для окопчательнаго сбора пшеницы и ячменя заготовлявшихся для Анатолійской арміи. Часть этихъ предметовъ слѣдовала въ податъ; но собирали гораздо болѣе, забирали все что могли. Незнаю, отпускались ли турецкимъ правительствомъ деньги на покупку провіанта; но жители говорили, что имъ ничего не платятъ, забираютъ пшеницу, ячмень и все, что найдутъ — даромъ, берутъ лошадей, воловъ и арбы для перевозки этихъ предметовъ въ Карсъ, откуда ничего уже не возвращается. Чтобы отдѣлаться отъ этихъ сборщиковъ податей, жители часто распространяли слухъ, что идутъ Русскіе; тогда баши-бузуки спасались и бѣжали; но потомъ оглядѣвшись возвращались опять. Изъ Арзерума и Карса присылали новыхъ сборщиковъ съ новыми командами, которыя торопились забирать все, чтобы ничего не оставить намъ, безпрестанно ожидая нашего прибытія, и вмѣстѣ съ этимъ кормились сами на счетъ жителей, опустошая край какъ чужой. Армяне прятали что могли, или увозили къ сторонѣ Сурбъ-Оганеса, куда Турки не ходили опасаясь близости

нашихъ войскъ. Успокоеніе края было необходимо. Намъ лежалъ долгъ, оставленный намъ бѣжавшими властями,—не только привлечь Курдовъ, но защищать отъ нихъ Армянъ и водворить порядокъ въ странѣ доставшейся намъ силою оружія. Дальнѣйшее движеніе и занятіе земли, эти первые шаги завоснаній, становились нашею обязанностию. Какъ для успокоенія жителей, такъ и для сближенія съ куртинскими кочевьями, начальникъ отряда послалъ къ Сурбъ-Оганесу небольшую часть войскъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы она не оставалась тамъ постоянно, а возвратилась скорѣе къ отряду.

Для этого была назначена небольшая колонна изъ одного баталіона Ширванскаго пѣхотнаго полка, двухъ орудій и шести сотенъ казаковъ и милиціи, преимущественно армянской. Я поѣхалъ съ нею для переговоровъ съ Курдами. Мы выступили 5-го августа на г. Діадинъ. Намъ провожали трое монаховъ. Эти почтенные старикки, въ черныхъ рясахъ и клобукахъ, скакали вмѣстѣ съ нами верхомъ и будто одушевились воинственнымъ жаромъ. Смотри на нашу маленькую колонну, слѣдовавшую быстро и въ порядкѣ, они утѣряли насъ и были убѣждены сами, что мы разобьемъ десять тысячъ Турокъ, пуговаривали идти прямо на Ванъ. «Мы пойдемъ съ вами,—говорили они:—Турки разбѣгутся и гсродъ будетъ вашъ!»

Дорога отъ Караванъ-сарайскаго перевала въ долину Евфрата и къ Діадину идетъ возлѣ Дутага, отъ него на юго-западъ, сначала на протяженіи четырехъ верстъ чрезъ боковую отрасль горъ, отдѣляющуюся отъ хребта Агри-дага, но довольно крутымъ подъемамъ и спускамъ, потомъ выходитъ на Баязетскую равнину, чрезъ нѣсколько верстъ подымается на поперечный, отлогій и невысокій хребетъ, соединяющій громадныя хребты Алма-дагъ и Агри-Дагъ и раздѣляющій воды, которыя текутъ въ Араксъ и въ Ев-

фратъ, то есть въ Каспійское море и въ Персидскій заливъ, и спускается въ долину р. Евфрата, составляющую, въ сущности, прямое продолженіе долины Баязетскаго санджака, хотя воды, раздѣленные означеннымъ небольшимъ поперечнымъ хребтомъ, текутъ по этой долинѣ въ разныя стороны, на востокъ и на западъ,—воды Баязетскаго санджака въ Каспійское море, а воды Діадинскаго санджака, р. Евфратъ, въ Персидскій заливъ. Эта обширная долина на всемъ протяженіи отъ Персіи мимо Баязета и Топрахъ-кале, ограничивается хребтами: съ юга Алла-дагомъ и Клычъ-Гядукомъ и съ сѣвера Агри-дагомъ, отдаленныя вершины которыхъ тянутся по обѣимъ ея сторонамъ. Край совершенно безлѣсенъ; покатоги и отрасли Алла-дага и Агри-дага спускаются къ долинѣ не слишкомъ крутыми террасами и покрыты лугами, на которыхъ жители въ обыкновенное время пасутъ свои стада. Но теперь кругомъ насъ была совершенная пустыня; на всей дорогѣ отъ лагерьа до Діадина на протяженіи 30-ти верствъ не встрѣтилось даже брошеннаго куртинскаго зимовника. На половинѣ нашего пути до Діадина, мы пересѣкли большую торговую караванную дорогу, идущую изъ Трапезонта на Арзерумъ, Топрахъ-кале, Сурбъ-Оганесъ, мимо Баязета въ Тавризъ и далѣе, въ центральную Азію.

Городъ Діадинъ, мѣсто санджаковаго управленія, лежитъ на правомъ берегу рѣки Евфрата, въ обширной котловинѣ, образуемой въ сѣверныхъ отрасляхъ Алла-дага—теченіемъ Верхняго-Евфрата и его притоковъ, берущихъ здѣсь свое начало, — и составляющей боковое продолженіе къ югу большой вышеупомянутой равнины, идущей мимо Баязета и Топрахъ-кале. Въ Діадинѣ есть полуразвалившійся замокъ, съ двумя или тремя жилыми комнатами, мечеть и до 100 домовъ, простыхъ грязныхъ саклей, сложенныхъ изъ плитняка и булыжника. Замокъ стоитъ не много въ

сторонѣ селенія и окруженъ глиняною, а мѣстами каменною полуразвалившеюся стѣною, въ которой время, а можетъ-быть и люди, сдѣлали широкія бреши. Замокъ и городъ были совершенно пусты. Хотя къ жителямъ Діадина и другихъ селеній мы писали, чтобы они не боялись насъ и возвратились, но они не возвращались. Только забытыя голодныя кошки сидѣли на плоскихъ кровляхъ домовъ, на улицахъ стояли арбы, въ домахъ валялась посуда, кадушки и проч. Болѣе всего привлекалъ наше вниманіе Евфратъ, колыбель человѣческаго рода, мѣсто земнаго рая. Когда войска установились бивуакомъ для ночлега, наблюдательныя посты стали на мѣстахъ, кавалерійскіе разъѣзды поѣхали по разнымъ направленіямъ и всѣ служебныя дѣла были кончены, всѣ спѣшили на Евфратъ посмотрѣть на него, напиться его святой воды, а потомъ и выкупаться въ немъ. Евфратъ беретъ свое начало въ сѣверныхъ покатосяхъ Алла-дага, верстъ 20-ть выше и южнѣ Діадина, и здѣсь еще только неширокая горная рѣчка, почти вездѣ проходима въ бродъ. На протяженіи около 6-ти верстъ выше и ниже Діадина разливы рѣки прорыли, между окружающими ее покатосями, ущелье, шириною около 100 саженей. Скалистые бока этого ущелья имѣютъ около 15-ти саженей высоты, совершенно отвѣсны и какъ двѣ черныя гигантскія стѣны открытой галлерей извиваются прихотливыми изломами и теряются въ отдаленіи. На днищѣ ущелья зеленѣютъ, какъ роскошный бархатный коверъ, прибрежныя лужайки, и по нимъ бѣжитъ, искрится и вьется серебряная лента Евфрата. Это живописное мѣсто имѣло всю прелесть ветхозавѣтной поэзіи, и, любуясь имъ, хотѣлось населить его призраками, найти въ уединенныхъ, тайныхъ изгибахъ его,— не ходятъ ли еще и теперь здѣсь наши прародители и не растутъ ли гдѣ запрещенныя плоды. Отрывки исторіи первыхъ временъ человѣческаго рода

встрѣчаются здѣсь у разныхъ народовъ въ мѣстныхъ преданіяхъ. Курды и Персіяне говорятъ, что Ноевъ ковчегъ остановился не на Араратѣ, а на горѣ близъ Урмійскаго озера, не помню какого названія. Точно также Армяне присвоиваютъ честь владѣнія земнымъ раемъ своему отечеству, и увѣряютъ, что по ихъ преданіямъ онъ былъ не при слияніи Евфрата съ Тигромъ, а на Евфратѣ, въ 30-ти верстахъ ниже Сурбъ-Оганеса, при слияніи пяти рѣчекъ. Я былъ потомъ и въ этомъ мѣстѣ, но оно менѣе живописно, чѣмъ окрестности Діадина. Вообще, для красоты здѣшнихъ мѣстъ недостаетъ однихъ лѣсовъ.

Въ день прибытія нашего въ Діадинъ, къ намъ пріѣхали настоятель Сурбъ-Оганеса и нѣсколько старшинъ окрестныхъ армянскихъ селеній съ приглашеніемъ къ себѣ, но узнавъ что мы будемъ у нихъ, отправились обратно, чтобы приготовиться, какъ говорилъ настоятель, прилично встрѣтить насъ. Наша колонна выступила изъ Діадина утромъ 6-го августа и скоро, неостанавливаясь, прошла 12-ть верстъ до Сурбъ-Оганеса по хорошей ровной дорогѣ, внизъ по правому берегу Евфрата. Не доходя 2-хъ верстъ вдругъ показывается изъ-загорной покатости у подошвы послѣднихъ уступовъ Алла-дага, на лѣвомъ берегу Евфрата, большая гранитная церковь, около которой тѣсняются небольшіе домики, окруженные глиняною монастырскою стѣною и кучами деревьевъ, зелень которыхъ видна съ удовольствіемъ, какъ рѣдкость. Это — Сурбъ-Оганесъ.

Монастырь основанъ Григоріемъ — просвѣтителемъ Арменін въ 312 году по Р. Х., двумя годами прежде монастыря Эчміадзина. Св. Григорій видѣлъ здѣсь три огненные столпа, сошедшіе съ неба, и на мѣстахъ гдѣ они упали въ землю построилъ три церкви, въ разстояніи одна отъ другой около 5-ти верстъ. Поэтому, вся эта мѣст-

ность известна здѣсь подъ названіемъ Учъ-Килису, что по татарски значитъ—три церкви. Двѣ церкви совершенно разрушились; осталась одна въ Сурбъ-Оганесѣ. Въ монастырѣ до сихъ поръ хранится половина мощей Іоанна Крестителя, перенесенныхъ сюда изъ Кесаріи. Монастырь былъ когда-то богатъ и его строенія обширны. Противъ него, на правой сторонѣ Евфрата, находился большой армянскій городъ Пакванъ, имѣвшій 8,000 домовъ и до 60,000 жителей. Во время нашествія Тамерлана городъ и монастырь были разорены совершенно, строенія разрушены, жители истреблены или разбѣжались. Монахи успѣли спасти только мощи святыхъ и хранили ихъ въ продолженіи столѣтій; изъ всѣхъ строеній уцѣлѣла одна главная церковь, построенная изъ большихъ гранитныхъ камней, сопротивлявшихся усиліямъ разрушителей. Страна сдѣлалась пустынею, гдѣ бродили кочевые народы; брошенная церковь служила пріютомъ стадамъ въ непогоду, а когда прошла по краю торговая караванная дорога, то изъ нее сдѣлали караванъ-сарай; и теперь еще на стѣнахъ, внутри храма, висятъ желѣзные кольца, къ которымъ привязывали лошадей и верблюдовъ. Наконецъ чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, армянское духовенство выпросило или купило у турецкаго правительства разрѣшеніе возстановить монастырь; церковь очистили, перенесли въ нее мощи святыхъ, поконившихся здѣсь прежде, и построили кельи; но монастырь, по мнѣнію монаховъ, неимѣетъ и тысячной доли своего прежняго величія и богатства. Отъ города Паквана не осталось и слѣдовъ; только обширное кладбище, бугры и ямы почти сглаженные съ поверхностью земли, свидѣтельствуютъ о бывшемъ здѣсь населеніи. Намъ нѣкогда было записаться историческими розысканіямъ,— а такихъ печальныхъ остатковъ разрушеннаго Армянскаго царства можно бы отыскать очень много. Мы

видѣли здѣсь только развалины древности и совершенную дикость настоящаго времени; бывшее просвѣщеніе поглощенное варварствомъ, царствующимъ надъ его развалинами безпрепятственно цѣлыя тысячелѣтія.

Когда мы подъѣзжали къ монастырю, насъ встрѣтило духовенство, вышедшее изъ его ограды въ торжественномъ шествіи, съ пѣніемъ, хоругвями, образами, и въ полномъ облаченіи, похожемъ, какъ ризы такъ и митры съ загнутыми внутрь верхними остроконечіями, на одѣяніе ветхозавѣтныхъ патріарховъ. Монахи,—ихъ было шесть,—были всѣ почтенные сѣдые старики. Послѣ пройденной нами пустыни, зрѣлище это было для насъ глубоко чувствомъ. Мы будто видѣли древность и христіанство, воскресшія и вышедшія изъ катакомбъ и развалинъ, покрывающихъ ихъ на Востокъ, вызванныя изъ могилъ своихъ давнѣе ожидаемымъ прибытіемъ избавителей. Въ церкви намъ отслужили молебенъ; офицеры и солдаты толпами спѣшили туда помолиться Богу и приложиться къ святымъ мощамъ; всѣ дѣлали вклады, сколько кто могъ, — что было для монаховъ также ново, потому-что они привыкли не къ жертвамъ, а къ насиліямъ турецкихъ войскъ и Курдовъ, которые, случалось, приходили въ монастырь только съ требованіями пищи и денегъ, и когда бывали недовольны, то били монаховъ. Здѣшніе Армяне остаются въ церкви въ чадмѣ, и снимаютъ ее тогда только, когда прикладываются къ мощамъ и во время совершенія самаго богослуженія. Церковь очень обширна и высока, болѣе Эчмиадзинской, и построена крестомъ какъ бѣольшая часть нашихъ церквей. Стѣны очень толсты; надъ серединою лежитъ невысокій, но довольно широкій куполь, крытый каменными плитами; внутренность можетъ-быть имѣла украшенія, но теперь видѣнъ только голый гранитъ, гладко и правильно обдѣланный и скрѣпленный цементомъ. Пост-

\*

ройка очень прочна; видно, что зданіе никогда не чинилось и не поддерживалось, но общаетъ еще многіе вѣка существованія. Полъ, лѣстницы, ступени — каменные и носятъ на себѣ глубокіе слѣды проходившихъ здѣсь поколѣній. Небольшое число образовъ, находящихся только въ алтарѣ, дурной и недавней живописи. Алтарь открытъ, какъ у католиковъ, но болѣе обширенъ, возвышенъ надъ помостомъ церкви, и отдѣляется отъ нее, во время совершенія таинствъ, широкою завѣсью. На нижней ступени его кладутся въ нѣкоторые дни, въ праздники, или въ особенныхъ случаяхъ, какъ былъ нашъ приходъ, старинные чудотворные образа и мощи святыхъ, въ томъ числѣ рука Іоанна Крестителя, положенная въ серебряную раку, имѣющую форму руки.

Колонна наша расположилась бивуакомъ возлѣ монастыря, на берегу Евфрата, а мнѣ дали въ монастырѣ лучшую келью, простую бѣдную саклю, стѣны которой слѣплены изъ глины, полъ глиняный и потолокъ изъ камыша обмазаннаго сверху глиной; на полу были постланы ковры и подушки. Вдоль стѣпъ пѣтъ даже широкихъ лавокъ, какъ это дѣлается у Армянъ и музульманъ Эриванской губерніи. Монахи приняли насъ съ полнымъ искреннимъ радушіемъ и угостили чѣмъ могли. Войскамъ роздали пять воловъ, а мнѣ и бывшимъ со мной въ монастырѣ офицерамъ принесли кислаго молока арьяну (простокваша разбавленная водою), сушеныхъ сливокъ, приготавливаемыхъ тонкими лепешками, и яичницу. Курды и Турки подозреваютъ, что у монаховъ есть деньги и сокровища сохранные ими съ древнихъ временъ и спрятанные гдѣ-то подъ землею,—что и возбуждаетъ ихъ жадность и привлекаетъ къ монастырю; по наружности не видно этого; напротивъ, монастырь кажется очень бѣденъ, а по печальнымъ судьбамъ Армянскаго царства и по несчастіямъ



преслѣдующимъ Армянъ такъ долго, едва ли они могли сохранить много. Кромъ серебряныхъ ракъ мощей, нѣсколькихъ серебряныхъ ризъ на образахъ, подсвѣчникѡвъ. церковной утвари, имѣющихъ небольшую цѣнность, и настоящихъ доходовъ, обезпечивающихъ ежедневное существованіе монаховъ, вѣроятно у нихъ нѣтъ ничего. На землѣ, принадлежащей монастырю, поселены три небольшія армянскія деревни, жители которыхъ платятъ ему подать своими произведеніями и исполняютъ службу монастырскаго хозяйства.

Въ это время въ монастырѣ была ужасная тѣснота отъ собравшихся здѣсь жителей нѣсколькихъ армянскихъ селеній, которые спасались сюда съ своимъ имуществомъ отъ грабежей и насилій Курдовъ. Каждый жилой уголокъ былъ биткомъ набитъ дѣтьми и женщинами; возлѣ домовъ и церкви стояли арбы съ вещами; подъ навѣсами лежало разное имущество, а на ночь въ монастырскія стѣны загоняли весь скоть. Монахи и армянскіе старшины пріѣхавшіе для свиданія съ нами изъ Алашкертскаго санджака, употребляли все краснорѣчіе, чтобы убѣдить насъ остаться въ здѣшнихъ мѣстахъ и даже перейти всему отряду въ Алашкертскій санджакъ, который имѣетъ 11, а Нагія 7 армянскихъ селеній, и въ нихъ до 800 семействъ, тогда-какъ въ Баязетскомъ санджакѣ только 3 селенія и въ Діадинскомъ три деревни; увѣряли, впрочемъ справедливо, что Алашкертскій санджакъ гораздо плодороднѣе Баязетскаго и Діадинскаго, и можетъ прокормить цѣлый годъ 12 тысячъ солдатъ и 10,000 лошадей, и что мы найдемъ въ немъ въ изобиліи сѣно, ячмень и пшеницу. Они опасались, что съ нашимъ уходомъ положеніе ихъ сдѣлается еще тягостнѣе; Турки будутъ мстить имъ и подговорятъ Курдовъ грабить ихъ, даже для того только, чтобы опустошить край до занятія его Русскими, а грабежъ

можетъ кончиться рѣзней. Они объявили притомъ, что если мы не можемъ остаться, то они готовы переселиться въ предѣлы Россіи, только чтобы мы покровительствовали переселенію; что точно также желаютъ переселиться къ намъ всѣ Армяне Ванскаго, Баязетскаго и Мушскаго пашалыковъ, и остаются на своихъ мѣстахъ единственно потому, что безъ пособія нашихъ войскъ опасаются быть ограбленными на дорогѣ во время переселенія. Я старался успокоить ихъ возможностью нашей близкой и скорой помощи и надеждою на покорность ближайшихъ куртинскихъ обществъ.

Въ день прибытія нашего къ Діадину, ближайшія общества Курдовъ откочевали съ своими стадами и кибитками еще далѣе; но люди, посланные отъ монаховъ Сурбъ-Оганеса, успокоили ихъ и дали отъ меня обѣщаніе, что мы не тронемъ ихъ и не сдѣлаемъ имъ никакого зла, если они будутъ жить смирно, — и притомъ посоветовали, чтобы старшины пріѣхали ко мнѣ сами. Вечеромъ въ день прибытія нашего къ Сурбъ-Оганесу, пріѣхали депутаты и нѣкоторые старшины отъ ближайшихъ обществъ, а на другой день утромъ и отъ болѣе отдаленныхъ. Я объявилъ имъ приказаніе — не обижать Армянъ и Татаръ, жить спокойно, отстать отъ турецкаго войска и не принимать участія въ войнѣ; что въ такомъ случаѣ они могутъ быть увѣрены въ нашей снисходительности и дружбѣ, потому что мы воюемъ только съ Турками, деремся съ войскомъ, а жителей покровительствуемъ и защищаемъ, — и что неприязнь ихъ къ намъ была бы несправедлива, напрасна и для нихъ гибельна; потому — что собственно для нашего войска выгодно драться съ ними и отбивать у нихъ даромъ имущество и стада, а не платить за все деньгами, какъ мы дѣлаемъ теперь. Курды отвѣчали, что для нихъ также нѣтъ причинъ драться съ Русскими и что старшины явятъ

ся вскорѣ въ отрядъ для изъявленія покорности русскому падишаху, а теперь обѣщаютъ жить спокойно.

Несмотря на это, когда 7-го августа колонна наша тронулась обратно къ отряду, около 60-ти семействъ Армянъ ближайшихъ къ Сурбъ-Оганесу селеній и 100 семействъ Татаръ, деревень Али-кора и Гюллясора, лежащихъ недалеко отъ этого монастыря, бросили свои жилища и поля застынныя хлѣбомъ и пошли за нами съ семействами, стадами и имуществомъ, наложеннымъ на арбы, а потомъ переправились чрезъ Агри-дагъ въ Эриванскую губернію, гдѣ и поселились. Они торопились воспользоваться близкимъ присутствіемъ нашихъ войскъ; если бы мы подвинулись далѣе, то переселеніе приняло бы бѣльшіе размѣры. Бѣгство Татаръ доказываетъ, что и мусульмане не совсѣмъ довольны турецкимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что жители Гюллясора и Али-кора знали что дѣлали; они прежде жили въ Эриванской области и изъ фанатизма бѣжали оттуда, когда она, послѣ персидской войны, была присоединена къ Россіи. Изъ Сурбъ-Оганеса отправили съ нами, подъ надзоромъ двухъ монаховъ, всѣ мощи и драгоценности монастыря, которыя оставались потомъ все лѣто въ Мусунѣ, а зимою при выходѣ нашемъ изъ Турціи были отвезены для храненія въ Эчміадзинъ; въ монастырѣ остались только настоятель и три монаха, которые говорили, что они обязаны быть хранителями и даже жертвами святыни мѣста, и потому рѣшились умерѣть здѣсь, если бы на то была воля Божія. Могутъ подозрѣвать, что мы способствовали этому переселенію; но напротивъ, мы уговаривали и монаховъ и жителей остаться въ своихъ домахъ; мы имѣли въ виду возможность расквартированія нашихъ войскъ на зиму въ этомъ краѣ и для насъ было выгодноѣе, чтобы онъ оставался населеннымъ, а не пустымъ.

Вообще участь Армянъ, какъ и другихъ христіанъ Турціи, достойна сожалѣнія. Они неимѣютъ права носить оружія, тогда какъ всѣ музульмане постоянно вооружены, и потому послѣдніе обижаютъ ихъ почти безнаказанно. Я видѣлъ нѣскольکو Армянъ съ отрѣзанными ушами и носами, что было сдѣлано не по суду, а по произволу и насилію какого-нибудь богатаго и вліятельнаго старшины, можетъ-быть члена мѣстнаго дивана. Они постоянно находятся въ тревожномъ состояніи, имѣютъ напуганный видъ и похожи на зайцевъ, всегда ожидающихъ и выглядывающихъ нападенія хищнаго звѣря. Какъ народъ подавленный морально, они смиренны, покорны, терпѣливы-безотвѣтно, но иногда коварны, и намъ также не слѣдуетъ слишкомъ довѣряться имъ; мы не одинъ разъ убѣждались, что Армяне, искренно радуясь нашему приходу, все-таки на всякій случай доставляли о насъ свѣдѣнія Туркамъ, что впрочемъ было бы несправедливо ставить имъ въ упоръ въ ихъ несчастномъ и сомнительномъ положеніи, когда они не знаютъ какую помощь встрѣтить въ насъ и какой исходъ будетъ имѣть война. Мы не должны надѣяться встрѣтить въ нихъ поддержку, какъ въ самостоятельномъ народѣ, способномъ защищаться; были случаи, что Армяне, которыхъ мы вооружали, перѣшались драться десяткомъ противъ двухъ Курдовъ и позволяли имъ обезоруживать себя. Но они видятъ въ насъ единственное спасеніе, понимая, что существенно пособить имъ можемъ только одни мы, а не другіе европейцы, дѣйствующіе здѣсь не войскомъ, а торговыми консулами,—постоянно выказываютъ намъ преданность и съ благоговѣніемъ провозносятъ имя нашего Государя; и нельзя не пожалѣть, что мы не можемъ принять болѣе широкія и постоянныя мѣры въ ихъ пользу. Ведя здѣсь войну, мы всегда можемъ надѣяться встрѣтить въ нихъ дружелюбное населеніе, кото-

рое не бѣжитъ отъ насъ и окажетъ намъ нѣкоторое пособіе, за деньги, скотомъ и провіантомъ.

Турецкіе Армяне одѣваются какъ Курды: высокая чалма, куртка и широкія шаровары; зимою и въ дождь, сверху куртки надѣваютъ пальто особаго покроя, съ очень широкими рукавами. Платье сшито изъ грубаго мѣстнаго сукна, ихъ собственнаго произведенія, преимущественно темно-коричневаго цвѣта; но почти всегда грязное и въ лохмотьяхъ. Они имѣютъ много скота и хлѣба и ѣдятъ сыто, но живутъ и одѣваются бѣдно, очевидно изъ опасенія показаться богатыми и привлечь хищничество своихъ сосѣдей и господъ. Разсчетъ казаться бѣднымъ держитъ ихъ въ жалкомъ состояніи и не позволяетъ развѣстаться потребностямъ удобствъ жизни, а тѣмъ болѣе роскоши, искусствъ и просвѣщенія. Жилнща ихъ грязны, болѣе похожи на землянки, чѣмъ на дома, и несравненно хуже жилницъ одноплеменниковъ ихъ Эриванской губерніи, хотя по изобилію земли и скота пельзя полагать, чтобы первые были бѣднѣ послѣднихъ. Разница свободнаго развитія потребностей и улучшенія удобствъ жизни, т. е. благосостояніе обонхъ краевъ, бросается въ глаза и свидѣтельствуетъ о лучшемъ положеніи русскыхъ подданныхъ, хотя и послѣднимъ можно пожелать еще многого.

Вскорѣ по возвращеніи нашемъ къ Дутагу мы узнали изъ единоголосныхъ показаній жителей и лазутчиковъ, Армянъ и Курдовъ, что при движеніи нашихъ разъѣздовъ изъ Діадна къ хребту Алла-дага по дорогѣ къ д. Бергеры и изъ Сурбъ-Оганеса по Арзерумской дорогѣ, распространилась въ обѣ стороны вѣсть, что идутъ Русскіе, и находившіеся въ Бергерахъ и Топрахъ-кале турецкія войска бѣжали. Первыхъ собрали у Вана; потомъ когда убѣдились, что слухъ ложень, выдвинули опять къ Бергерамъ и продолжали формировать Ванскій корпусъ.

Съ 9-го августа начали съѣзжаться въ нашъ лагерь старшины и депутаты куртинскихъ обществъ, кочевавшихъ ближе къ намъ въ Діадинскомъ, Алашкертскомъ и Кагызманскомъ санджакахъ. Несомнѣнно, на рѣшимость ихъ имѣли вліяніе переходъ отряда къ Дутагу и движеніе къ Сурбь-Оганесу, показывавшія, что мы можемъ имѣть намѣренія и возможность двигаться и дойти до нихъ. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ были, пріѣзжавшіи уже прежде Сарганкъ-Наби-Ага-Оглы, бывший мудыремъ въ Турціи Джафаръ-Ага-Расуль-Ага-Оглы; Джеламинецъ Юзь-Башп-Гассанъ-Ага-Оглы; Изэды одного общества, Ампръ-Али-Ага-Оглы и другаго — Тампръ-Ага-Гассанъ-Оглы, Кадыкараиъ Ахметъ-Ханъ-Оглы, Шихъ-Абдала, Абди-Ага, и другіе, отъ обществъ Радыки, Халыканлы, Гасанъ-анлы, Али-анлы, Мукайли и другихъ. Но нѣкоторые изъ числа пріѣзжавшихъ, или присылавшихъ депутатовъ, когда мы были въ Сурбь-Оганесъ, не пріѣхали, между прочимъ Мамедъ-бекъ, кочевавшій съ своимъ обществомъ близъ Топрахъ-кале, и впоследствіи служившій въ турецкомъ войскѣ въ продолженіи всей войны. Только близость русскаго или турецкаго войска и страхъ существенныхъ потерь, заставляли ихъ рѣшаться на открытое объявленіе себя на той или другой сторонѣ. Пріѣхавшіе старшины объявили покорность, и всѣхъ ихъ около 14-го августа отправили въ Александропольскій отрядъ къ князю Бебутову, которому они подтвердили свое желаніе вступить въ подданство Россіи. Впоследствіи когда наши войска подвигались впередъ и могла быть опасность новыхъ битвъ, всѣ эти покорившіяся общества мало-по-малу переселились въ Эриванскую губернію, гдѣ они были размѣщены на зиму въ куртинскихъ зимовникахъ, въ армянскихъ и татарскихъ селеніяхъ, жители которыхъ по-дѣлились съ ними своими домами. Но изъявили покорность, и тѣмъ болѣе переселились къ намъ, очень немного Кур-

довъ. Почти всѣ общества Джелали, кочевавшіе прежде въ Баязетскомъ и Діадискомъ санджакахъ, оставались на южной сторонѣ Алла-дага, на кочевьяхъ Гейдеранлы, которые подѣлились съ ними на зиму своими зимовниками, точно также какъ Курды Эриванской губерніи подѣлились съ переселившимся къ намъ.

Покорности и переселенію Курдовъ въ наши предѣлы придавали большое значеніе; но я не думаю, чтобы и то и другое имѣло какую-нибудь важность и привело къ какой-нибудь определенной цѣли. Покорность Курдовъ въ самой Турціи, на время войны, не имѣетъ никакого особаго смысла, пока она существуетъ только на словахъ, а не на дѣлѣ, и въ землѣ ихъ остаются турецкія власти; а переселеніе въ наши предѣлы, сотнею семействъ болѣе или меньше, не можетъ принести намъ никакой выгоды. Полезно имѣть небольшое число ихъ въ Россіи, то которое находится теперь, для удобнѣйшаго вліянія чрезъ нихъ на турецкихъ Курдовъ, когда будетъ надобно; но переселеніе въ обширныхъ размѣрахъ бесполезно и непримѣнимо. Всѣхъ Курдовъ нельзя переселить—Курдистанъ великъ. И для чего они намъ въ нашихъ предѣлахъ? Милиція изъ нихъ такъ же негодна, какъ и другая собранная на мѣстѣ; у насъ можетъ случиться надобность поступать съ ними строго за ихъ безпокойства и грабежи, когда ихъ будетъ много; тѣмъ павлечь ихъ неудовольствіе и испортить хорошее о насъ мнѣніе у турецкихъ Курдовъ. При раздробленіи ихъ въ трехъ государствахъ и возможности уходить изъ одного въ другое,—въ нашихъ предѣлахъ они будутъ вредны намъ безпорядкамъ, и очень трудно имѣть твердое вліяніе и власть надъ ними. Непріобрѣтя надъ ними прочнаго господства, мы только немного выучимъ ихъ и сдѣлаемъ опаснѣе. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ, пусть они лучше остаются въ Турціи, какъ одинъ изъ элементовъ ея

слабости и разрушенія; они пока намъ годны только для этого. Если бы мы могли переселить ихъ къ себѣ всѣхъ, то излечили бы Турцію отъ одной изъ ея язвъ. Въ самой Турціи, мы не можемъ рассчитывать на преданность ихъ намъ; они будутъ дѣлать то, чтѣмъ выгодыѣ: брать подарки и съ насъ и съ Турокъ, грабить и тѣхъ и другихъ, когда представится возможность, пособлять и тѣмъ и другимъ, тому кто будетъ для нихъ опаснѣе. Насъ они боятся болѣе, потому—что мы очевидно сильнѣе, даже любятъ болѣе потому—что съ Турками у нихъ встрѣчаются одни неудовольствія и ссоры, а мы пока только привлекали ихъ; вѣроятно, они вообще могутъ быть довольны нами болѣе, потому—что наша власть просвѣщеннѣе, справедливѣе и сильнѣе, а сила полезна для нихъ собственно для прекращенія ихъ внутреннихъ раздоровъ. По всему этому, при успѣхѣ нашемъ, мы найдемъ въ нихъ союзниковъ противъ Турокъ, и для турецкаго правительства они будутъ очень опасны, какъ внутренніе враги поддерживающіе непріятельскую армію продовольствіемъ и оружіемъ. Но для всего этого они намъ полезнѣе, когда остаются въ предѣлахъ Турціи.

### VIII. Караваны.

Еще во время пребыванія нашего въ Баязетѣ мы узнали, что мимо него проходятъ часто большіе караваны, эти баснословные караваны Востока, которые перевозятъ богатства Азіи и Европы изъ одного государства въ другое. Въ Абазѣ—гѣлѣ генералъ баронъ фонъ-Врангель получилъ распоряженіе, которымъ обращали его вниманіе на караванную Арзерумскую дорогу, гдѣ мы можемъ пресѣчь сношенія англійскихъ и турецкихъ агентовъ въ Персіи съ Лондокомъ и Константинополемъ и повредить тор-



говлѣ враждебнымъ намъ государствамъ. По переходѣ къ Дутагу, на караваны было обращено большое вниманіе. Когда мы ходили къ Сурбъ-Оганесу, казаки рыскали далеко въ надеждѣ найти гдѣ-нибудь, въ ущельѣ, спрятавшийся караванъ, но ничего невидѣли. Караванная торговая дорога идетъ изъ Транезонта, чрезъ Арзерумъ, Топрахъ-калэ, Сурбъ-Оганесъ; не доходя 6-ти верстъ до Баязета поворачиваетъ на югъ и огибая Баязетъ съ юга, принимаетъ направленіе на юго-востокъ и входитъ въ Персію. Нашъ отрядъ у Дутага находился отъ нее въ 15-ти верстахъ; но она заслонялась отъ насъ небольшою цѣпью горъ, поперегъ которыхъ мы проходили слѣдуя къ Діадину. Скрытые казачьи шикеты выставлялись днемъ на отдаленныхъ вершинахъ, съ которыхъ могли видѣть Арзерумскую дорогу на далекое разстояніе, а ночью ближе къ ней, чтобы слышать звонъ и шумъ проходящаго каравана. Казаки чуяли добычу и, какъ коршуны, невидимые за камнями и въ оврагахъ, неутомимо слѣдили за ней, днемъ и ночью. На другой день по возвращеніи изъ Сурбъ-Оганеса, т.-е. 8-го августа, одинъ изъ наблюдательныхъ постовъ даль знать около полудня, что кака-то колонна, войско или караванъ, растянувшаяся версты на двѣ, движется по Арзерумской дорогѣ, по направленію отъ Баязета къ Сурбъ-Оганесу. Для захвата каравана, если это окажется караванъ, какъ надо было ожидать, были тотчасъ посланы четыре сотни казаковъ и Курды подъ командою полковника Хрепятицкаго. Караванъ шель быстро, казаки догнали его у Сурбъ-Оганеса, когда черводары начали уже сбрасывать выюки для почлега. У него было прикрытіе изъ 40 Персіянъ подъ начальствомъ сыновей Хальфа-Кули-Хана, правителя персидской пограничной съ Турціею области—Аваджоха. Прикрытіе и черводары бросились—было къ оружію чтобы защищаться; но имъ объявили, что ихъ

всѣхъ перебьютъ, если они сдѣлаютъ ходя одинъ выстрѣлъ;— они покорились необходимости, по приказанію навьючили опять лошадей и верблюдовъ и погнали ихъ къ отряду. Караванъ состоялъ изъ 2,000 лошадей, верблюдовъ и катеровъ. Голова его прибыла въ отрядъ уже къ вечеру, а колокольчики и бубенчики, привѣшенные къ шеямъ вьючнаго скота, звѣтели почти до полночи, пока караванъ прошелъ весь за отрядъ. Вьюки сложили въ одномъ мѣстѣ позади лагеря, поставили въ караулъ къ нимъ роту, окружили ихъ цѣпью часовыхъ, а скотъ выпустили на ближайшіе выгоны. При караванѣ находились два англійскихъ подданныхъ, оба Италіянцы, мальтійскіе уроженцы. Одинъ изъ нихъ, графъ Станіо-ди-Наварра, по показанію его былъ медикъ въ персидскомъ войскѣ, а теперь возвращался совсѣмъ въ свое отечество. Съ нимъ ѣхали 17-ти лѣтняя дочь и два сына; дочь, напуганная случившимся съ ними происшествіемъ и видомъ солдатъ и казаковъ, или приученная къ обычаямъ Персіи, гдѣ она провела бѣольшую часть своей молодости, скрывала свое лице и никому не показывалась. Другой, Рицци, имѣлъ при себѣ четырехъ персидскихъ хорошихъ лошадей, принадлежавшихъ, по показанію черводаровъ, англійскому консулу въ Тавризѣ и отправленныхъ имъ въ Константинополь; Рицци имѣлъ только порученіе доставить ихъ по принадлежности. Пользуясь наступившею темнотою и надѣясь на быстроту лошадей, Рицци въ первый же вечеръ вскочилъ на одну изъ нихъ верхомъ, двухъ взялъ въ поводъ и ускакалъ изъ самой середины лагеря. Въ темнотѣ стрѣлять по немъ было опасно. Нѣсколько казаковъ бросились за нимъ; одинъ догналъ его далеко, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря, и такъ—какъ Рицци вынулъ саблю, висѣвшую у него сбоку, чтобы защищаться, то казакъ ударилъ его шашкою по головѣ и свалилъ съ лошади. Его и лошадей

привели обратно въ лагерь. Отнесенный для пользованія въ госпиталь и лежа на постели, Рицци раскаявался въ своемъ неосторожномъ предпріятіи и утѣшался, что отдѣлался легко; рана оказалась не опасна, и его вскорѣ вылечили. У Станію нашли письмо англійскаго консула въ Тавризѣ, писавшаго ему, что Русскіе отступили отъ Баязета и что теперь караванъ можетъ слѣдовать безопасно далѣе.

О взятіи каравана донесли командующему корпусомъ и спрашивали какъ поступить съ нимъ; а для описи товаровъ, на слѣдующій же день назначили комиссію изъ 15-ти офицеровъ. При нѣкоторыхъ товарахъ находились хозяева, при бѣльшей части только черводары, везшіе ихъ и имѣвшіе отъ хозяевъ порученіе доставить ихъ въ Трапезонтъ, или Арзерумъ. Всѣ они были Персіяне, и показали единогласно, что товары принадлежатъ Персіянамъ и что нѣтъ ни одного выюка, принадлежащаго Англичанамъ, Французамъ или Туркамъ, но не имѣли при себѣ никакихъ письменныхъ видовъ, свидѣтельствующихъ о дѣйствительной принадлежности ихъ. Персіяне вообще большіе клязники; — черводары и хозяева, надѣясь на миръ Россіи съ Персіею, употребляли всѣ ухищренія, чтобы напугать насъ, и высчитывали десятки тысячъ, которыя мы заплатимъ имъ за каждый день промедленія. Они не хотѣли смотрѣть за выюками, слагая пропажу на нашу отвѣтственность; но у тюковъ стояли часовые, и Персіяне, несмотря на свое видимое равнодушіе, не спускали съ нихъ глазъ. Они объявили, что имъ печего ѣсть, что они должны умереть съ голоду и требовали содержанія; имъ отвѣчали, что пускаясь въ дальній путь они вѣроятно имѣютъ запасы и что если хотятъ умирать съ голоду изъ одного упрямства, то въ этомъ ни кто неможетъ помѣшать имъ, и они стали ѣсть; нехотѣли объявлять комиссіи о своихъ товарахъ, но когда

имъ сказали, что будутъ распаривать каждый тюкъ, то объявили всё; для удостовѣренія, нѣкоторые тюки распаривали, и показанія оказывались вѣрны. Наконецъ, они стали дѣлать между собою складчину, для подкупа нашего начальства, чтобы ихъ отпустили; это заставило меня собрать всѣхъ ихъ и объявить, что подкупъ не поможетъ, деньги будутъ заплачены совершенно напрасно какому-нибудь плуту-миллионеру, могшему впустить имъ эту пдею, и караванъ будетъ или отпущенъ, или удержанъ не по нашей волѣ, а по приказанію высшаго начальства. При переговорахъ и опросахъ, Персіяне, особенно кунцы, принадлежавшіе къ болѣе зажиточному сословію, соблюдали всѣ принципія, говорили тихо, вѣжливо, черты лица ихъ оставались неподвижны, на губахъ часто бродила любезная улыбка; но можно было замѣтить, что въ то же время, руки и ноги ихъ дрожали отъ страха. Изъ одного сходства и единства всѣхъ показаній можно было подозрѣвать, что они сговорились въ нихъ заблаговременно и имѣли въ виду доказать намъ, что товары принадлежатъ Персіянамъ. Видя, что дѣлать нечего, они наконецъ покорились необходимости, разбили свои походныя палатки, разостлали ковры, усѣлись и закурили кальяны; потомъ вынули различныя вещи, находившіяся не въ тюкахъ, а въ переметныхъ суммахъ вмѣстѣ съ провизіею, приготовленныя вѣроятно для мелочной продажи на дорогѣ, шали, козры, табакъ и пр., разложили ихъ на коврахъ подъ наметами и стали продавать; у насъ въ лагерь открылся великолѣпный восточный походный базаръ. Мы однако же строго смотрѣли, чтобы не продавали вещей изъ тюковъ, потому-что черводары могли продавать не свои товары и послѣ показать, что они пропали въ русскомъ лагерѣ, и кромѣ-того могли продавать намъ нашу же собственность: мы не знали еще, ка-

кой оборотъ приметъ дѣло: конфискуется ли караванъ, какъ военная добыча, или возвратится Персіянамъ.

Свидѣтельствованіе и перепись тюкамъ продолжались нѣсколько дней. Мы вообще дѣйствовали осторожно и точно, чтобы на насъ не могла пасть ни въ какомъ случаѣ отвѣтственность за пропажу вещей. Въ караванѣ находилось семь верблюжьихъ выюковъ съ деньгами, золотою и серебряною монетою, кашмировыя, кирманскія и барданскія шали, персидскіе ковры, разныя персидскія шелковыя матеріи, хина, хорасанскіе сабельные клинки, персидскій табакъ, рисъ, пшено, желѣзо, и другіе товары, всѣ персидскаго произведенія. На бѣльшей части тюковъ были нарисованы чернилами какіе-то четырехугольные знаки; одинъ изъ состоявшихъ въ комисіи офицеровъ попробовалъ смыть знакъ:—часть его оказалась нарисованною тушью, и смылась; остались одни буквы европейской азбуки, положенныя какъ клейма масляными чернилами.

Наконецъ получили отъ командующаго корпусомъ распоряженіе—отправить товары для храненія въ Эриванскую крѣпость впродъ до распоряженія высшаго начальства, а черводаровъ съ выючнымъ скотомъ, по доставленіи товаровъ въ Эривань, отпустить въ Персію. Караванъ отправили подъ прикрытіемъ двухъ сотъ казаковъ и подъ наблюденіемъ нѣсколькихъ чловѣкъ свидѣтельствовавшей комисіи и сдали по описямъ и акту мѣстному эриванскому начальству.

Только-что отправили его въ Эривань, какъ одинъ изъ нашихъ лазутчиковъ прискакалъ и объявилъ, что другой караванъ въ четыре тысячи выюковъ идетъ отъ Арзерума въ Персію и будетъ почевать съ 17-го на 18-е августа на лугу близъ Сурбъ-Оганеса. Онъ говорилъ, что у каравана до Топрахъ-кале было прикрытіе изъ турецкаго войска, а отъ Топрахъ-кале до персидской границы купцы

вѣроятно наймутъ въ прикрытіе Курдовъ, потому-что будутъ проходить чрезъ ихъ кочевья и должны опасаться ихъ собственныхъ грабителей. Для задержанія каравана отправили 500 человекъ казаковъ, которые прибыли къ Сурбъ-Оганесу рано утромъ 18-го августа и дѣйствительно нашли караванъ на мѣстѣ. 200 человекъ Курдовъ, составлявшихъ прикрытіе, ускакали къ сторонѣ Топрахъ-калэ, и съ ними, какъ мы узнали впоследствии, два Англичанина; за ними гнались, но не догнали. Караванъ направили въ нашъ лагерь, куда голова его прибыла вечеромъ, а хвостъ только утромъ слѣдующаго дня; въ немъ было дѣйствительно четыре тысячи вьюковъ, преимущественно верблюды, нагроможденные огромными тюками, сверхъ которыхъ сидѣли погонщики. Съ этимъ караваномъ поступили какъ съ первымъ. Всѣ товары оказались европейскаго произведенія, преимущественно англійскіе, чай, сахаръ, ромъ, ситцы, сукна, желѣзные и галантерейныя вещи, зеркала, хрустальная, фаянсовая и фарфоровая посуда и многіе другіе; изъ турецкихъ произведеній находился одинъ табакъ. Денегъ не было; они, какъ барышъ и преимущество европейской торговли надъ азійскою, отправляются только съ караванами идущими изъ Персіи въ Трапезонтъ. Хозяевъ не было, вѣроятно потому, что они были Англичане. Было однакоже шесть европейцевъ: Италіянцы, Австрійцы, Пруссаки, которые можетъ быть показывали себя Италіянцами, Нѣмцами и были если не хозяева, то повѣренные торговыхъ домовъ; они объявили, что неимѣютъ ни какихъ отношеній къ товарамъ, а ѣдутъ въ Персію для поступленія тамъ въ военную службу. Четыре изъ нихъ имѣли паспорты и другіе документы, засвидѣтельствованные англійскимъ и французскимъ консулами въ Константинополь; двое неимѣли никакихъ. Всѣ они были люди благовоспитанные; одинъ изъ нихъ италіянскій графъ. Какъ до-

кументы принадлежности товаровъ Персіянамъ, черводары смѣло предъявили письма на персидскомъ языкѣ, въ которыхъ говорилось, что такіе-то предметы отправляются изъ Трапезонта отъ такого-то персидскаго купца къ такому-то персидскому купцу, въ Тавризь, Хой, Тегеранъ или Испагань. Эти черводары были гораздо безпокойнѣе прежнихъ; они дерзко кричали, нехотѣли ни чего дѣлать, собрались всѣ толпою къ моей палаткѣ и шумно требовали, чтобы ихъ отпустили; но когда я объявилъ, что если они въ нашемъ лагерѣ не будутъ повиноваться нашимъ законамъ и производить безпорядки, то я велю наказывать ихъ, а если это не подѣйствуетъ, то пушу на нихъ казаковъ въ шашки и пики, — они присмирѣли и сдѣлались послушны. При караванѣ находилось также человекъ двадцать хаджи, т. е. музульманъ ходившихъ на поклоненіе въ Мекку и теперь возвращавшихся домой; между ними были Персіяне, Татары разныхъ мѣстъ, между прочимъ и нашихъ закавказскихъ провинцій, Бухарцы, Хивинцы и одинъ Китаецъ. Они неимѣли при себѣ ни какихъ товаровъ. Были также люди, бѣлые и черные, которыхъ многіе подозревали, по ихъ поведенію, лицамъ и выпуклой груди, что это женщины, переодѣтыя въ мужское платье. Надо полагать, что это были невольницы, купленные въ Константинополь, или на другихъ турецкихъ рынкахъ, и отправленные въ Персію; но дѣло было сомнительное; они не были военною контрабандою и не могли принадлежать Англичанамъ, которые, какъ извѣстно, вездѣ стараются прекратить торгъ невольниками. Осмотръ могъ быть бесполезнымъ оскорбленіемъ; на нихъ только посматривали издали. По составленіи описей и актовъ, караванъ, какъ и первый, отправили въ Эриванскую крѣпость 25-го августа; европейцевъ также. Послѣднихъ изъ Эривани отправляли въ Тифлисъ. Я не знаю что съ ними сдѣлалось—

\*

вѣроятно ихъ отпустили. Всѣ хаджи были отпущены еще нами безъ задержанія.

Взятіе каравановъ надѣлало большаго шума въ Персіи и Турціи. Мы слышали, что въ Тавризѣ чернь шумѣла подъ окнами нашего консула; вѣроятно возбужденная другими консулами. Послѣ продолжительной переписки, персидское правительство доказало, что всѣ товары взятыхъ каравановъ принадлежали Персіянамъ, а четыре лошади вѣденыя Рицци, какому-то консулу одного изъ европейскихъ государствъ бывшихъ съ нами въ мирѣ. Окончательно, всѣ товары обоихъ каравановъ отдали обратно Персіянамъ. Не знаю, можетъ-быть оказался недостатокъ какихъ-нибудь вещей; можетъ-быть черводары сами продавали ихъ въ Эривани, или на дорогѣ; но я ручаюсь, и въ этомъ ручается подпись шестнадцати нашихъ офицеровъ составлявшихъ актъ и описи вещамъ каравановъ, что все взятое нами тогда же было возвращено сполна. Въ самую минуту взятія втораго каравана, наши Курды успѣли стащить два вьюка какихъ-то вещей. Черводары жаловались, и ихъ немедленно было приказано удовлетворить самими Курдамъ деньгами; они остались довольны и необъявляли болѣе никакихъ претензій. Очень трудно сберечь шесть тысячъ вьюковъ; въ нашемъ отрядѣ были Курды и другіе милиціонеры, въ родѣ турецкихъ башибузуковъ, всегда готовые на грабежъ и расхищеніе; но у насъ былъ порядокъ и никогда не происходило никакого хищничества.

Вскорѣ мы получили приказаніе не задерживать ни одного каравана, а чрезъ нѣсколько времени, — задерживать только военную контрабанду, т. е. вещи могущія служить непріятелю: продовольствіе, оружіе, порохъ и свинецъ. Караваны приостановились на короткое время, но потомъ опять тронулись, и когда мы стояли на самой торговой дорогѣ, мимо насъ и чрезъ нашъ лагерь безпрятствеп-



но и непрерывно проходили безконечныя нити ихъ, одни за другими. Звонъ колокольчиковъ и бубенчиковъ слышался и днемъ и ночью; въ нѣкоторые мѣсяцы Арзерумская караванная дорога походила на торговую улицу, полную народомъ и выюками; здѣсь на мѣстѣ мы убѣдились въ громадности торговли, производимой Англичанами съ центральною Азіею, потому-что караваны шли преимущественно съ запада на востокъ и все съ англійскими произведеніями.

Собственно для нашего отряда эти караваны были очень полезны. Мы покупали въ нихъ дешево чай, сахаръ, ромъ и всевозможныя произведенія Европы и Азіи, что избавляло насъ отъ неудобства доставки нужныхъ намъ предметовъ изъ Эривани, гдѣ они гораздо дороже, чѣмъ въ караванахъ,—но было досадно, что мимо насъ возятъ смѣло свои произведенія Англичане и Французы, воевавшіе съ нами, и наживаются прибыльною торговлею передъ нашими глазами, почти подъ нашимъ покровительствомъ; потому-что караваны въ кругу нашихъ дѣйствій ходили смѣло безъ всякаго прикрытія, въ надеждѣ, что близъ насъ ихъ неосмѣлятся ограбить Курды. Хотя Персіане доказали намъ, что товары обонхъ каравановъ принадлежатъ имъ, но я убѣжденъ, что большая часть товаровъ принадлежала европейцамъ, преимущественно Англичанамъ, въ чемъ, я полагаю, будутъ убѣждены все по одному только предположенію, что вѣроятно Англія промышленнѣе Персіи; вѣроятно англійская торговля охватила болѣе весь свѣтъ, чѣмъ персидская, и вѣроятнѣе англійскіе товары будутъ продавать сами Англичане, а не Персіане. Но на мѣстѣ мы могли имѣть болѣе опредѣленныя убѣжденія. Впослѣдствіи мы постоянно перехватывали письменную почту изъ Трапезонта въ Тавризъ и обратно, которую всегда пересылали не съ караванами, а съ особыми гонцами,

по случаю войны секретно. Въ этой почтѣ обыкновенно находились письма, реестры и прочія свѣдѣнія, относящіяся до товаровъ, отправленныхъ съ караванами, и по этимъ документамъ было видно положительно, что товары отправлялись отъ торговыхъ домовъ Лондона, Марсея и другихъ, на имя иностранныхъ консуловъ и купцовъ въ Тавризмъ или Тегеранъ, или отъ иностранныхъ консуловъ изъ Персіи въ Марсель, Константинополь, Лондонъ и другія мѣста. Предъявленные черводарами взятыхъ нами каравановъ письма отъ персидскихъ купцовъ къ персидскимъ купцамъ, шчего не доказываютъ; товары могли быть отправлены на имя или отъ имени Персіянна, но принадлежать Англичанамъ,—письма эти были очевидно написаны на всякій случай, для утайки дѣйствительной принадлежности, потому что Англичане могли предвидѣть, что ихъ товары могутъ встрѣтиться съ русскими войсками и попасть въ наши руки. Раненый Ридди и черводары говорили положительно, что взятые нами четыре лошади принадлежали англійскому консулу; а намъ доказали, что они принадлежали консулу другаго государства. По тайному показанію многихъ черводаровъ, въ первомъ взятомъ нами караванѣ было 700 вьюковъ, принадлежавшихъ одному англійскому консулу въ Тавризмъ и еще болѣе другимъ европейскимъ торговымъ домамъ. По показанію черводаровъ же и по разговорамъ намъ разными Персіянами о ходѣ ихъ торговли, звонкая монета никогда не отправляется персидскими купцами изъ Персіи, а отправляется только выручка европейскихъ купцовъ. Торговля Персіи находится въ рукахъ Англичанъ, точно такъ же какъ и торговля Турціи. Во всѣхъ турецкихъ городахъ, гдѣ намъ случилось быть, мы находили въ лавкахъ одни англійскія произведенія; сама Турція непроизводитъ ничего;—и все это доставляется сюда караванами. Капиталистовъ здѣсь нѣтъ,

даже между Армянами, которые вообще не занимаются внѣшнею торговлею, а только лавочною продажею на мѣстѣ.

Какъ бы то ни было, но сюда идетъ громадная масса англійскихъ произведеній; мы здѣсь могли бы нанести неисчислимый вредъ сбыту ихъ и даже подвинуть за собою сбытъ русскихъ произведеній, если бы наши торговцы были предприимчивѣе. Здѣсь видно, какъ для Англичанъ должно быть драгоценно существованіе Турціи и какъ полезны, матеріально, великодушныя и просвѣщенныя правила неприкосновенности частной собственности въ торговлѣ во время войны и вообще всѣ проповѣдуемыя ими правила свободной торговли; они даютъ имъ очевидныя барыши. Но наши солдаты и казаки, непонимающіе тайной глубины человѣческой премудрости и политики, запрещающей вредить неприятелю, и зная что караваны нельзя брать отъ того, что они персидскіе, а мы съ Персіею въ мирѣ, рѣшали этотъ вопросъ по своей логикѣ и говорили:—«Эхъ, кабы намъ подбавили еще баталіона два, да поворотили насъ на Персію!» Казаки полагали, что если бы въ такомъ случаѣ караваны перемѣнили дорогу и стали ходить гдѣ-нибудь далѣе, то они отыскали бы ихъ иза 300 верстъ,— и это вѣроятно потому, что корысть возбуждаетъ предприимчивость. Относительно вреда Англичанамъ, миръ съ Персіею едва ли не былъ для насъ болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ.

О правахъ и свободѣ торговли судятъ различно. Въ нашемъ положеніи, во время войны на особомъ театрѣ дѣйствій, было неприятно для самолюбія и стѣснительно для нашего достоинства, что мы не можемъ вредить англійской торговлѣ въ то время, когда Англичане, какъ было видно изъ газетъ, захватывали наши корабли, принадлежавшіе частнымъ людямъ и разоряли приморскія торговыя

мѣста. Полезно уменьшать число золь производимыхъ войною, но трудно отказаться отъ желанія вредить непріятелю такими средствами, которыя гораздо менѣе - варварскія, чѣмъ истребленіе людей въ сраженіяхъ. Гдѣ граница зла, какое можно нанести противнику? Вопросъ о дѣйствіяхъ противъ торговли, приводится къ вопросу: должны ли мы воюя съ какимъ-либо государствомъ, вредить только его правительству, или имѣемъ нравственное право вредить и его подданнымъ, т. е. слѣдуетъ ли отдѣлять правительство отъ подданныхъ, и какъ опредѣлять границу, возможности дѣйствій на источники силы своего врага съ цѣлью ослабить его и заставить кончить войну скорѣе. Вопросъ обширный, и его трудно подвести подъ общія правила. Войдя въ Турцію, мы тотчасъ видѣли разницу между турецкимъ правительствомъ и его подданными, и для собственной выгоды, для успѣха самой войны, раздѣляли правительство отъ народа, дѣйствовали во вредъ перваго и въ пользу послѣдняго. Съ нашей стороны была бы ошибка—обижать Армянъ и Курдовъ, чтобы ослабить этимъ турецкое правительство; напротивъ, мы ослабляли его болѣе, покровительствуя Армянамъ и Курдамъ, овладѣвая вмѣстѣ съ ихъ преданностію богатствомъ края, создавая въ нихъ новыхъ враговъ турецкому правительству, или по меньшей мѣрѣ лишая его нѣкоторыхъ источниковъ его силы. Другая необходимость, противоположная этому крайность, заставляетъ иногда нѣкоторые народы вести съ своими врагами войну истребленія, въ которой нещадятся ни жизни, ни собственность частныхъ людей. Захватъ товаровъ внѣшней торговли есть ни то, ни другое; но развитіе могущества Англіи происходитъ отъ развитія торговли и богатства Англичанъ; ея внѣшняя торговля есть основа, прямое выраженіе и воплощеніе ея внѣшняго могущества, главная побудительная причина, двигатель

всѣхъ виѣшнихъ дѣйствій и вмѣшательствъ англійскаго правительства. Виѣшнюю торговлю Англїи надо считать дѣломъ и интересомъ не частныхъ людей, но интересомъ всей Англїи и ея правительства. Вредя виѣшной торговлѣ, мы не вытаскиваемъ кошелька изъ кармана частнаго человѣка, не грабимъ дома, но вредимъ капиталамъ и богатству, разлагая вредъ на массу всего народа. Товары виѣшной торговли есть не частная, а общая собственность; овладѣвая ими, мы не дѣлаемъ личнаго насилия, а вредимъ непріятелю самымъ мягкимъ изъ всѣхъ средствъ войны, лишая его тѣхъ излишковъ богатства, которые онъ извлекаетъ изъ другихъ народовъ и употребляетъ на борьбу съ нами. Это — мѣра общая, такое же сраженіе съ богатствомъ государства, какъ битва съ выставленнымъ имъ войскомъ. Пока ведутся войны, пока люди нещадятъ свою и чужую жизнь, вопросъ о пощадѣ имущества и частной собственности долженъ быть примѣняемъ и примѣняется условно. Благая мѣра сама по себѣ, она, какъ ученіе, правило и система можетъ быть или утопіею несообразною съ самымъ существованіемъ войнъ, или искусственно произведеннымъ заблужденіемъ тѣмъ кому она полезна, въ тѣхъ кому вредна, или правомъ установленнымъ силою того, кто преобладаетъ и кому она необходима. Существуетъ много правилъ постановленныхъ въ законъ первенствующимъ государствомъ, или сословіемъ, и другіе принимаютъ ихъ за правила нравственности часто по одной необходимости. Побѣдитель можетъ заставить принять какъ совершившееся дѣло, утвержденное событіями, протвѣположныя правила, которыя покажутся такъ же основательны, какъ всякая необходимость. Мысль сдѣлать войну наименѣе вредною обществу, привлекательна какъ всякая великодушная мысль, и надо стараться примѣнять ее. Но примѣненіе ея возможно безсомнѣнія не

въ томъ, чтобы стрѣлять холостыми зарядами, или дѣлать одни безвредные маневры, какъ вели и предлагали вести войну Китайцы. Это только длить войну, не искореняетъ причинъ произведшихъ ее и порождаетъ новыя будущія войны. Война дѣлаетъ наименьшее зло тогда, когда скоро кончается, когда наносимые ею удары рѣшительны и смертельны, и вопросы, производящіе ее, рѣшаются окончательно въ одну или нѣсколько битвъ на многіе годы, а можетъ-быть и навѣки.

**IX. Магометова долина за Алла-дагомъ. — Діадинъ. — Минеральныя воды.**

Начальникъ отряда генераль-лейтенантъ баронъ фонъ-Врангель, получивъ разрѣшеніе отправиться изъ отряда для леченія отъ полученной имъ раны, уѣхалъ 18-го августа. Въмѣсто него вступилъ въ командованіе, старшій по немъ въ отрядѣ, полковникъ Цумпфортъ.

Прошелъ уже мѣсяць послѣ Чингильскаго и Кюрюкь-даринскаго сраженій. Все это время мы оставались въ бездѣйствіи и не отходили отъ своихъ границъ, что мало-помалу внушало смѣлость непріятелю и давало ему средства оправиться нѣсколько отъ нанесенныхъ ему ударовъ. Сначала мы знали, что кругомъ насъ нѣтъ непріятеля болѣе чѣмъ на сто верстъ, и нигдѣ его не видѣли; потомъ стали показываться на отдаленныхъ высотахъ всадники въ небольшомъ числѣ, смотрѣвшіе на нашъ лагерь; наши разъѣзды ходившіе къ Сурбъ-Оганесу и до сѣверныхъ покатоостей Алла-дага, стали видѣть небольшія партіи и разъѣзды баши-бузуковъ, и наконецъ до насъ дошли свѣдѣнія, что Турки составили дерзкое намѣреніе сдѣлать ночное нападеніе на нашъ лагерь баши-бузуками и Курдами, чтобы

произвести хотя тревогу. И въ частной жизни смиренныхъ и кроткихъ обижаютъ, а на войнѣ—тѣмъ болѣе. Изъ показаній жителей и лазутчиковъ можно было видѣть, что Турки не теряютъ напрасно время нашего бездѣйствія, пополняютъ свои разстроенныя войска и формируютъ ихъ для возможнаго противодѣйствія намъ. Всѣ средства края за Алладагомъ и Топрахъ-кале были въ ихъ рукахъ; тамъ всѣ власти, паша, каймакамы, мудиры и другіе чиновники, были на своихъ мѣстахъ и могли дѣйствовать. Намъ покорились пока около 300-тъ семействъ Курдовъ, Зеляны и Джелали, кочевавшихъ теперь частію въ Эриванской губерніи, частію въ Турціи близъ нашего отряда; но бѣльшая часть Джелали и всѣ Гейдеранлы, кочевавшіе прежде въ Баязетскомъ, Діадинскомъ и Алашкертскомъ санджакахъ, ушли за Алладагъ, гдѣ соединились съ остальными Гейдеранлы и раскинули свои кочевья до Ванскаго озера. Тамъ они были подъ прямымъ вліяніемъ ванскаго паша и собиравшихся турецкихъ войскъ, и изъ нихъ набирали солдатъ въ регулярную пѣхоту и формировали баша-бузуковъ. Турецкое правительство безсомнѣнія употребляло всѣ усилія, съ помощію европейскхъ денегъ, чтобы поправить свои дѣла въ Азіи и поднять край на свою защиту.

Мы видѣли, что личный врагъ Эриванскаго отряда былъ формировавшійся Ванскій корпусъ, т. е. со стороны юга, а не съ запада, не со стороны Арзерума и Карса; тамъ хотя находились главныя силы Анатолійской арміи, но отъ насъ до нихъ было далеко. Отъ Карса они едва ли рѣшились бы дѣйствовать на Эриванскую губернію, имѣя съ боку, какъ я замѣтилъ выше, нашъ Александропольскій отрядъ, да и вообще Туркамъ было опасно ослаблять Анатолійскую армію въ виду возможности наступательныхъ дѣйствій этого отряда, чему видимыхъ препятствій не существовало. Ванскимъ корпусомъ командовалъ попреж-

нему Селимъ-паша; онъ всю бѣду своего пораженія на Чингильскихъ высотахъ свалилъ на своего начальника штаба, какого-то ренегата изъ Поляковъ, обвиняя его и оправдываясь тѣмъ, что онъ самъ не хотѣлъ давать сраженія, но начальникъ штаба завязалъ дѣло и вовлекъ въ бой весь корпусъ. Селимъ-пашу оставили на своемъ мѣстѣ, а начальника штаба вызвали въ Константинополь, гдѣ онъ въ свою очередь успѣлъ, какъ рассказывали въ Баязетѣ, оправдаться, по-крайней-мѣрѣ Селимъ-пашу впоследствии, въ концѣ осени, смѣнили и вызвали также въ Константинополь. Ванскій корпусъ собирался по прежнему въ д. Бергеры, возлѣ Ванскаго озера. Вполовинѣ августа въ Бергеры ѣздили нѣсколько человекъ баязетскихъ жителей съ просьбою къ Селимъ-пашѣ возвратитъ имъ 800-тъ воловъ, которыхъ Турки взяли изъ Баязета при бѣгствѣ оттуда для поднятія больныхъ и тяжестей, а частію угнали съ поля. Селимъ-паша отказалъ по той причинѣ, что Баязетъ принадлежитъ теперь Русскимъ, и объявилъ съ гнѣвомъ, что онъ вскорѣ придетъ къ Баязету отмстить Русскимъ за свое пораженіе. По показанію лазутчиковъ, около того же времени прибыли въ составъ Ванскаго корпуса изъ Арзерума двѣ тысячи регулярной пѣхоты при 4-хъ орудіяхъ, изъ-за Вана 6-тъ тысячъ иррегулярной пѣхоты подѣ начальствомъ Эданшпра, родоначальника самага многочисленнаго и сильнаго племени большаго Курдистапа, Гэкары, и самага старшаго родомъ изъ всѣхъ куртинскихъ родоначальниковъ; изъ окрестныхъ отряду мѣстѣ 700 всадниковъ подѣ командою Али-Аги, родоначальника общества Торунъ, одного изъ старшихъ и почетнѣйшихъ родоначальниковъ Гейдеранлы,—и кромѣ-того ждутъ изъ Багдата 4-ре тысячи низама (регулярной пѣхоты) подѣ командою Мустафы-паши; такъ-что, по слухамъ, Ванскій корпусъ долженъ былъ вскорѣ усилиться до 17-ти тысячъ при 20-ти ору-



дiяхъ. Безсомнiя, числа эти были преувеличены; но во всякомъ случаѣ Ванскiй корпусъ формировался и усиливался. Около 20-го августа распространился слухъ, что онъ даже двинулся къ Баязету; но оказался ложнымъ.

Эриванскiй отрядъ, какъ и прежде, имѣлъ назначенiе только прикрывать Эриванскую губернiю; другихъ распоряженiй не было; въ виду неимѣлось никакихъ дальнихъ предпрiятiй. Слѣдовательно, мы не могли уйти далеко отъ нашихъ границъ; но могли отходить хотя нѣсколько подалѣе. Дѣятельность полезна, и какъ бы ни были малы наши предпрiятiя, они могли тревожить непрiятеля, кое-что у него разстроить, и могло что-нибудь случиться. Чѣмъ далѣе мы заходили, тѣмъ болѣе расширялся кругъ нашего влiянiя и средствъ, и тѣмъ болѣе лишался ихъ непрiятель. Какъ монахи Сурбъ-Оганеса, такъ и жители Баязета, очень часто сообщали намъ свои опасенiя быть ограбленными Курдами, кочующими за Алла-дагомъ. Прежде всего представлялась польза владѣть Баязетомъ. Сближаясь съ нимъ, мы защищали его, сближались съ Ванскимъ корпусомъ, оставались въ прежнемъ разстоянiи отъ Сурбъ-Оганеса, становились на торговой Арзерумской дорогѣ и, главное, могли имѣть нѣкоторое влiянiе на дальнихъ Курдовъ, составившихъ важнѣйшую опору Ванскаго корпуса. Движенiе за Сурбъ-Оганесъ, къ сторонѣ Топрахъ-кале, было не вполне удобно; уйдя туда мы удалялись отъ главной массы Курдовъ и оставляли сбоку себя Ванскiй корпусъ, который могъ дѣйствовать на наши сообщенiя и грабить Эриванскую губернiю башни-бузуками. Чтобы извлечь изъ Эриванскаго отряда нѣкоторую пользу для дальнѣйшихъ усiлiевъ войны, то есть чтобы употребить его для дѣйствiй противъ Анатолiйской армiи, если бы это имѣли въ виду, — было даже необходимо, чтобы Эриванскiй отрядъ перешелъ прежде Алла-дагъ, разсѣялъ Ванскiй корпусъ, выгналъ

турецкія власти изъ края, пріобрѣлъ вліяніе на Курдовъ, а потомъ безопасно поворотилъ къ сторонѣ Анатолійской арміи; въ такомъ случаѣ, по уходѣ отряда отъ Баязета къ западу, было бы достаточно оставить для охраненія Эриванской губерніи съ юга двѣ сотни казаковъ (въ слѣдующемъ году для этой же надобности была оставлена одна сотня). Мы имѣли полную возможность и всѣ средства для такихъ дѣйствій,—и они ни въ какомъ случаѣ не были бы лишними. Но на это мы не имѣли ни какихъ распоряженій. Для исполненія ихъ было бы нужно, чтобы дѣйствовалъ и Александропольскій отрядъ; одни его движенія держали бы Анатолійскую армію въ бездѣйствіи, позволили бы Эриванскому отряду сходить къ Вану, и сдѣлавъ свое дѣло возвратиться ближе къ Анатолійской арміи. Ограничиваясь пока существовавшею возможностью дѣйствій на тѣсномъ театрѣ войны, предоставленномъ Эриванскому отряду, полковникъ Цумпфортъ донесъ командирующему корпусомъ о пользѣ скораго занятія Баязета, какъ главнаго города пашалыка, пограничнаго съ Персіею, мимо котораго идетъ торговая дорога, и сталъ направлять туда войска, по мѣрѣ того какъ отправленіе каравановъ въ Эривань дѣлало ихъ свободными. Кромѣ всѣхъ приведенныхъ причинъ, была еще необходимость не оставаться на одномъ мѣстѣ, а чаще перемѣнять его, это — имѣть въ изобиліи подножный кормъ, топливо для варки пищи и другія средства края. Продолжительная стоянка на одномъ мѣстѣ истребляла все кругомъ, а частая перемѣна мѣст доставляла отряду во всемъ изобиліе.

24-го августа были переведены въ с. Арзацъ три сотни кавалеріи подъ командою войсковаго старшины Чернова, которому приказано сдѣлать движеніе по Ванской дорогѣ за Баязетъ до хребта Алла-дага, и потомъ изъ Арзапа постоянно наблюдать эту дорогу разъѣздами. Вой-

сковой старшина Черновъ сдѣлалъ поискъ довольно далеко; но никого не встрѣтилъ. 27-го августа были отправлены для занятія Баязета, подѣ командою полковника Шликевича 1-й баталіонъ Мингрельскаго полка, два орудія и три сотни кавалеріи, находившіяся въ Арзапъ; а 29-го августа, когда копчилось отправленіе больныхъ въ Эриванскій госпиталь и расчеты съ караванами, туда тронулся весь отрядъ. Для охраненія нашего праваго фланга, наблюденія за дорогами Караванъ-сарайскою и Сурбъ-оганесскою и возможной защиты монастыря, въ с. Курунъ были оставлены три сотни кавалеріи.

Прямой колесный путь отъ Орговскаго перевала на г. Ванъ идетъ не чрезъ Баязеть, но около 6-ти верстъ правѣе, западнѣе его, чрезъ куртинскую деревню Кизиль-диза, лежащую при входѣ изъ Баязетской равнины въ широкое боковое ущелье, образуемое сѣверными отраслями Алла-дага и начинающееся южнѣе Баязета; у д. Кизиль-диза этотъ путь соединяется съ караванною дорогою идущею изъ Сурбъ-Оганеса въ Тавризь, отъ этой деревни слѣдуетъ ея по упомянутому ущелью до подъема на Алла-дагъ, подымается на хребетъ и раздѣляется на немъ съ торговою дорогою: эта послѣдняя идетъ на юго-востокъ, а дорога на Ванъ, на юго-западъ. Отъ этого прямого пути, не доходя съ сѣвера до Кизиль-дизы, отдѣляется къ Баязету влѣво, по переправѣ чрезъ р. Гернаукъ, хорошая арбная дорога, по которой слѣдовалъ нашъ отрядъ послѣ Чингильскаго сраженія; а изъ Баязета на Ванъ идутъ двѣ дороги, обѣ соединяющіяся съ описанною уже колесною торговою дорогою: одна на югъ, кратчайшая горная тропинка, неудобная для движенія обозовъ, выходитъ на колесную дорогу у самаго начала подъема на хребетъ Алла-дага, и другая на западъ, колесная, пролегающая у сѣверной подошвы этого хребта, въ д. Кизиль-диза. Эриван-

ваускій отрядъ расположился лагеремъ на равнинѣ вдоль р. Гернаука, на углѣ раздвоенія дорогъ, направляющихся одна на Баязеть, а другая на Кизиль-дизу, кавалерія противъ этой деревни на правомъ, а пѣхота на лѣвомъ флангѣ. Однимъ этимъ расположеніемъ мы прикрывали и обезпечивали Баязеть отъ занятія Турками лучше, чѣмъ если бы заняли самый городъ; потому-что если бы непріятель рѣшился идти мимо насъ на Баязеть горною дорогою, отходящею, какъ выше сказано, отъ спуска съ главнаго хребта Алла-дага, то мы могли бы дѣйствовать отъ Кизиль-диза по колесной дорогѣ въ тылъ ему и отрѣзать отступление, запереть и захватить его растянутымъ по горной узкой дорогѣ. Если бы непріятель пошелъ на насъ прямо, что было для него выгоднѣе движенія на Баязеть, то мы встрѣчали его на пути нашего дѣйствія и отступления. Я вхожу въ эти подробности потому, что эта мѣстность была уже и прежде театромъ военныхъ дѣйствій. Въ 1828 году ваускій паша также дѣйствовалъ съ особымъ корпусомъ изъ Вапа на Баязеть, и русскій отрядъ находившійся на этомъ пространствѣ, вѣроятно нерѣшавшійся дѣйствовать наступательно, или встрѣтить Турокъ въ полѣ, для противодѣйствія имъ расположился для боя въ самомъ городѣ Баязеть, куда даже ввезена была артиллерія. Ваускій паша подошелъ съ юга горною дорогою, занялъ высоты командующія городомъ,—и здѣсь произошло сраженіе. Положеніе обѣихъ сторонъ было таково, что они могли только стрѣлять другъ въ друга издали, при чемъ вся выгода была на сторонѣ Турокъ, стрѣлявшихъ сверху внизъ; но Турки не могли спуститься съ крутыхъ трудно доступныхъ обрывовъ, и вѣроятно не рѣшились бы на это, чтобы взять городъ штурмомъ; а Русскіе, запершись въ Баязеть, не могли не только перейти въ наступленіе и подняться на скалы, командующія Баязетомъ, но даже стрѣлять въ Ту-

рокъ взъ орудій, потому-что невозможно дать орудіямъ надлежащаго возвышенія, чтобы ядро долетѣло до вы-сотъ, — и я, зная хорошо эту мѣстность, не могу понять, какимъ образомъ могло происходить здѣсь сраженіе. Какъ извѣстно, только стрѣляли другъ въ друга издали; причемъ Турки могли перебить у насъ болѣе людей, чѣмъ мы у нихъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что ванскій паша послѣ стрѣльбы цѣлаго дня, ушелъ опять къ Вану, и вѣроятно допесъ, что онъ побилъ Русскихъ въ Баязетѣ, а мы, что отбили его отъ Баязета. Если бы Турки имѣли средство и духъ дѣй-ствовать, то могли спуститься на Баязетскую долину чрезъ Кизиль-дизу и отрѣзать совершенно нашъ отрядъ отъ Эриванской губерніи, не теряя свои сообщенія съ Ваномъ и даже могли занять нижніе кварталы Баязета, если бы нашъ отрядъ не рѣшился перейти въ наступленіе; потому-что нашимъ орудіямъ, расположеннымъ въ Баязетѣ по ли-ніи замковъ, нельзя дать надлежащаго склоненія для стрѣль-бы внизъ въ глубину долины, точно также какъ нельзя дать возвышенія для стрѣльбы по горамъ. Чтобы защи-щать Баязетъ въ самомъ городѣ, достаточно одного на-дежнаго баталіона, расположеннаго въ главномъ замкѣ, от-куда онъ можетъ стрѣлять по нѣкоторымъ кварталамъ города и гдѣ защищенъ достаточно стѣнами и крышею отъ неудобной стрѣльбы сверху и снизу. Осматривая мѣ-ста, трудно понять, какимъ-образомъ могли даже втащить орудія, Русскіе въ городъ, а Турки на командующія имъ высоты; вѣроятно это стоило большаго труда. Въ сущно-сти оба отряда были въ совершенной безопасности потер-пѣть рѣшительное пораженіе и одержать рѣшительную побѣду, потому-что между ними были неприступныя кру-тизны. Но для нашего Эриванскаго отряда, имѣвшаго въ виду дѣйствовать наступательно въ полѣ, гдѣ всѣ вы-годы на нашей сторонѣ и результаты рѣшительнѣе,—за-

пиратъ въ Баязетѣ даже часть войскъ, было бы напрасно. Отъ праваго фланга нашего расположенія шла по низменной Баязетской долинѣ до монастыря Сурбъ-Оганеса пре-восходная колесная торговая Арзерумская дорога, такъ-что нашъ лагерь, прикрывая Баязетъ, вмѣстѣ съ этимъ былъ возлѣ торговой дороги и могъ имѣть ее подѣ наблюденіемъ. 1-й баталіонъ Мингрельскаго егерскаго полка, прибывшій къ Баязету прежде остальнаго отряда, оставался у этого города нѣкоторое время болѣе для того, чтобы отрядъ имѣлъ свободное сообщеніе съ городомъ,— а потомъ былъ присоединенъ къ отряду на Гернаукъ.

По вторичномъ занятіи Баязета, въ немъ хотѣли-было помѣстить нашъ госпиталь, въ замкѣ или въ обывательскихъ домахъ. Ночные холода становились чувствительнѣе, и надо было предвидѣть, что съ усиленіемъ ихъ, помѣщеніе больныхъ въ палаткахъ сдѣлается неудобно. Но медики, осмотрѣвъ замокъ нашли, что онъ совершенно неудобенъ для помѣщенія больныхъ, какъ оттого, что въ немъ лежали больные Баязетскаго корпуса, въ которомъ кажется былъ тифъ, такъ и по неудобству помѣщенія. Когда мы увидѣли вторично замокъ, то не вѣрили своимъ глазамъ; мы не узнали его. Разрушеніе начатое нами истребленіемъ лѣстницъ и оконъ, продолжалось Курдами и самими жителями,—которые сваливали все на Курдовъ,—самымъ безжалостнымъ образомъ. Великолѣпное зданіе было совершенно обезображено. Всѣ зеркала и рѣзные украшения въ комнатахъ были выковыряны, желѣзо, составлявшее главную и самую цѣнную приманку грабителей, было во многихъ мѣстахъ выпуто, и для того чтобы добыть его, стали разрушать стѣны. Желѣза выбрали большое количество и возили выюками продавать въ Персію и Эриванскую губернію. Когда членамъ дивана сдѣлали замѣчаніе за дурное смотрѣніе ими за замкомъ и укоряли

ихъ, что они позволили привести въ такое состояніе самое лучшее украшеніе Баязета, то они отговаривались безсиліемъ своимъ остановить Курдовъ, которые могли ограбить ихъ самихъ. Кромѣ замка во всемъ городѣ медики не нашли и другихъ строеній, удобныхъ для помѣщенія госпиталя, и потому часть больныхъ продолжали оставлять въ отрядѣ, въ лазаретныхъ палаткахъ, а часть, требовавшихъ продолжительнаго леченія, отправляли въ Эривань.

Лагерь на р. Гернаукъ имѣлъ всѣ удобства хорошей стоянки. Хотя по показанію жителей вода въ этой рѣкѣ несовсѣмъ здорова для пищи, но по ихъ показанію вода бѣльшей части рѣкѣ Баязетскаго санджака такъ же нехороша, за исключеніемъ воды въ Баязетѣ, с. Арзанѣ и нѣкоторыхъ горныхъ источниковъ, гдѣ небыло возможности и расчета располагать отрядъ. Дѣйствительно, при расположеніи на Гернаукъ, люди продолжали болѣть поносомъ какъ и прежде, что впрочемъ вскорѣ прошло, или оттого что къ водѣ привыкли, или оттого что наступало прохладное время, когда болѣзненность прекращается. На Гернаукъ, выше нашего лагеря, находились куртинскіе зимовники, и это доказывало, что вода небыла положительно вредна; лучший признакъ годности воды есть тотъ, что на ней поселились мѣстные жители. Впродолженіи жаркаго времени намъ случалось останавливаться и стоять на разныхъ рѣчкахъ и на горныхъ ручьяхъ, въ которыхъ вода превосходна; но люди все-таки болѣли поносомъ, и медики пришли наконецъ къ заключенію, что на болѣзненность имѣетъ вліяніе не одно дурное свойство воды, но еще болѣе то, что въ здѣшнихъ горныхъ рѣчкахъ вода холодна, и люди напившись ее на походѣ, въ жаркій день, или послѣ горячей пищи, простуживали желудки. Избѣжать этого невозможно. Позади и съ лѣвой стороны лагеря находились обширные

\*

луга, доставлявшіе намъ подножный кормъ. Въ Баязетѣ мы нашли часть заготовленныхъ Турками и брошенныхъ нами ячменя и пшеницы, и могли покупать нѣкоторыя вещи и предметы продовольствія, даже огородныя овощи, которыя воздѣлываются во всемъ Баязетскомъ пашалыкѣ только въ Баязетѣ и Топрахъ-кале; въ другихъ мѣстахъ ихъ вовсе нѣтъ. Изъ Персіи намъ доставляли, какъ контрабанду, ячмень по сходной цѣнѣ. Курды, видя что мы обходимся съ ними хорошо и что намъ можно выгодно продавать свои произведенія, сблизались съ нами всё болѣе-и-болѣе, стали смѣло пріѣзжать въ нашъ лагерь и пригонять на продажу скоть, даже изъ-за Алла-дага. Впослѣдствіи, до самаго ухода нашего изъ Баязетскаго санджака, толпы ихъ постоянно наполняли нашъ лагерь; мы ни въ чемъ не нуждались, имѣли въ изобиліи продовольственные предметы, и въ лагерьъ былъ постоянный базаръ. Неудобство свободного доступа въ лагерьъ всѣхъ жителей, доставлявшаго неприятелю средства узнать о нашей численности, было неизбежно; предосторожности скрыть свое число въ неприятельскомъ краѣ вообще напрасны, а для насъ не было въ томъ ни какой цѣли. Въ свободное время мы ѣздили въ гости къ почетнымъ жителямъ Баязета, заходили въ лавки и кофейни, гдѣ пили турецкій кофе и слушали мѣстныхъ пѣвцовъ импровизаторовъ, — и это доставляло нѣкоторое развлеченіе. Самое мѣстоположеніе окружавшее лагерьъ было живописно. Передъ нами были разноцвѣтныя Баязетскія горы, правѣе и позади — торчащія изъ земли дикія скалы, съ зубчатою, какъ громадная пила, вершиною, будто выдвинутая изъ пренеподней одна изъ декораций ада, а лѣвѣе и позади, масса Большаго Арарата, видимая во всемъ величій отъ подошвы до вѣчно-спящей вершины, и за нею, еще лѣвѣе, конусообразная вершина Малаго Арарата. Правѣе Баязета по направленію на



Кизиль-дизу, въ хребтѣ Алла-дага, стояла вершина когда-то огнедышащей горы, которая давно, вѣроятно болѣе тысячъ лѣтъ тому назадъ, залила свои бока черною лавою и засыпала ея кусками на далекое разстояніе всѣ окрестности долины Баязета, остающіяся до сихъ поръ безплодными; на грунтѣ лавы не растетъ ни одной былинки. Окружавшія насъ горы такъ высоки, что широкая низменная долина Баязета кажется узкою тѣсною; горы будто возлѣ насъ возвышаются надъ нашими головами. Между Араратомъ и Евфратомъ, суровыя картины ветхаго завѣта приходили невольно и часто на память и возникали живыми передъ нашими глазами. Въ минуту южной грозы, когда черныя тучи сходили съ отдаленныхъ вершинъ и капились, будто въ гнѣвъ, внизъ по горнымъ бокамъ широкими волнами, гремя и сверкая молніями, воображеніе ждало чего-то необыкновеннаго.

Вообще Эриванскій отрядъ во все время войны пользовался бѣльшими удобствами, чѣмъ Александропольскій отрядъ, имѣя возможность часто перемѣнять мѣста и отъ этого находить въ краѣ всѣ необходимыя продовольственныя предметы, покупкою у жителей и захватомъ заготовленнаго Турками. Нижніе чины были вполне довольны своимъ положеніемъ; даже содержаніе ночныхъ цѣпей не утомляло ихъ, потому-что мы не выставляли почти никакихъ цѣпей, а ограничивались содержаніемъ отъ пѣхоты нѣсколькихъ парныхъ часовыхъ близъ лагеря, иногда однихъ часовыхъ у ружей, а отъ кавалеріи содержаніемъ трехъ или четырехъ небольшихъ дальнихъ постовъ на всѣхъ главныхъ путяхъ,—и собственно эти-то кавалерійскіе посты охраняли насъ отъ нечаяннаго нападенія. Мы сдѣлались самонадеянны и были убѣждены, что Турки не осмѣлятся напасть на насъ въ распахъ. Если это убѣжденіе не доходитъ до слѣпой хвастливости, то оно имѣетъ

свою выгоду. Осторожность на войнѣ необходима, но сообразная съ надобностью. Война не есть ученье; не расчетъ быть излишне-осторожнымъ, когда нѣтъ опасности, для того только, чтобы приучать людей быть осторожными когда явится опасность. Осторожность является сама собою и поддерживается наблюдениемъ за нею начальниковъ. На войнѣ являются новыя потребности, дѣйствительной настоящей надобности, гораздо важнѣйшія чѣмъ ученье. Настоящая осторожность заключается не въ цѣпяхъ и аванпостной службѣ, а въ общемъ порядкѣ въ отрядѣ и во всегдашней подвижности и готовности его встрѣтить непріятеля,—между прочимъ въ томъ, чтобы люди не расходились изъ лагеря, выходили изъ него далеко въ командахъ и всегда съ ружьями; послѣднее обстоятельство часто упускается изъ виду; если солдатъ непривыкнетъ быть всегда съ ружьемъ, то оно дѣлается ему въ тягость, и онъ пользуется всякимъ предлогомъ, чтобы оставить его въ лагерѣ. Но еще лучше, когда войска, отъ частыхъ встрѣчъ съ непріятелемъ и постоянной опасности, привыкнутъ къ ней и не пугаются никакой нечаянности; нечаянность есть самая дурная сторона даже небольшой опасности. Излишняя несвоевременная служба цѣпей, какъ наружная мѣра осторожности, болѣе вредна чѣмъ полезна, потому—что роняетъ духъ войскъ, внушаетъ уваженіе къ непріятелю, особенно когда его еще невидѣли, заставляетъ предполагать, что врагъ должно быть оленъ, храбръ и опасенъ, когда начальство боится его; но когда убѣдятся, что врагъ вовсе неопасенъ, то излишнія цѣпи роняютъ въ глазахъ нижнихъ чиновъ самихъ начальниковъ, какъ излишне-боязливыхъ, и дѣлаютъ самую службу цѣпей, секретовъ и разъѣздовъ несносною, какъ бесполезную и напрасную, и утомляя совершенно напрасно людей, присоединяютъ къ физическому изнуренію нравст-

венное утомленіе, дѣлающее войну скучною, а людей безъ энергіи, крайне-необходимой для боя. Эта мысль можетъ относиться и ко всѣмъ другимъ распоряженіямъ начальства, дѣлаемымъ еще за долго до рѣшительной встрѣчи съ непріателемъ. Солдатъ если и не знаетъ цѣли распоряженія, не понимаетъ его, то чувствуетъ его ошибочность, потому-что каждое распоряженіе въ мелочахъ исполненія дѣлается разительнѣе и доступнѣе для понятія самаго ничтожнаго въ военной іерархіи человѣка: онъ видитъ на мѣстѣ, на дѣлѣ примѣненія, было ли надобно это распоряженіе и произошла ли отъ него польза; и потому-то нижніе чины, неослѣпленные никакими умными словами и учеными разсужденіями, часто судятъ о своихъ начальникахъ очень вѣрно. Презрѣніе къ непріятелю можетъ быть въ начальникѣ только наружное; мѣры осторожности могутъ быть приняты тайно, отрядъ охраняемъ даже одними вѣрными лазутчиками; но это презрѣніе всегда полезно въ нижнихъ чинахъ и удваиваетъ ихъ численность во время боя.

Для усиленія Эриванскаго отряда, по прежней еще просьбѣ генераль-лейтенанта барона фонъ-Врангеля, съ цѣлію только доставить ему большую возможность лучше охранять наши предѣлы, особенно кульпинскія соляныя копи, гдѣ открыли уже разработку соли, и вмѣстѣ съ тѣмъ занимать Баязетъ, а главное вѣроятно потому, что немѣлось уже въ виду никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій Александропольскаго отряда, князь Бебутовъ направилъ къ намъ оттуда два батальона Ряжскаго пѣхотнаго полка. Изъ нихъ двѣ роты пошли изъ с. Амарата въ с. Кульпы, гдѣ къ нимъ присоединилась сотня казаковъ оставленная нами въ Гюлюджи, а шесть ротъ въ составѣ двухъ трех-ротныхъ батальоновъ соединились съ Эриванскимъ отрядомъ 3-го сентября на р. Гернаукъ. Собственно для оборонительнаго положенія и охраненія Баязета, отрядъ былъ до-

статочно силенъ въ прежней числительности. Увеличеніе его двумя батальонами давало ему несомнѣнно средства дѣйствовать наступательно; но прежнія распоряженія и положеніе не измѣнились.

Отъ Ванскаго корпуса, по мѣрѣ усиленія его, или для однихъ предосторожностейъ противъ насъ, были выдвинуты ближе къ намъ нѣкоторыя части войскъ. 8-го сентября лазутчики сообщили, что изъ д. Бергеры вышли и расположились: 2 тысячи человекъ съ двумя орудіями на дорогѣ къ Баязету, на р. Сауксу, около 50-ти верстъ отъ Баязета, и Али-Ага съ своими 700-ми всадниками племени Гейдеранлы въ урочище Туджи на дорогѣ изъ Бергеры въ Діадинъ. Безпрестанно говорили, что Турки намѣрены дѣйствовать наступательно, что они даже двигаются; но мы не вѣрили этому. Около того же времени, три сотни нашей кавалеріи оставленныя въ Курунѣ, въ одинъ изъ разѣздовъ своихъ къ сторонѣ Діадина замѣтили около 200 Курдовъ, ѣхавшихъ въ нѣкоторомъ порядкѣ. Такъ-какъ собственно съ Курдами не было враждебныхъ дѣйствій, а даже дружескія сношенія, то наши сотни остановились и послали 10-ть человекъ изъ армянской сотни для разузнанія кто такіе эти Курды и куда они ѣдутъ. Курды подпустили Армянъ, начали переговариваться съ ними, потомъ вдругъ открыли огонь изъ пистолетовъ; къ счастью никого не ранили, и когда казачьи сотни бросились на нихъ, то ускакали и скрылись въ ущельяхъ Алла-дага. Этотъ случай показывалъ возможность присутствія Али-Аги въ Туджахъ на дорогѣ изъ Бергеровъ къ Діадину.

Намъ представлялась возможность захватить Турокъ расположенныхъ на р. Сауксу, или по-крайней-мѣрѣ прогнать ихъ оттуда, и потому полковникъ Цумпфортъ съ пятью батальонами, восемью орудіями и четырнадцатью сотнями кавалеріи къ вечеру 9-го сентября выступилъ съ р.

Гернаука черезъ д. Кизиль-дизу по Ванской дорогѣ. Чтобы сдѣлать это движеніе по возможности скрыто, кавалерія подѣ командою полковника Хрещатицкаго выступила въ сумерки, прошла быстро около 25-ти верстѣ по ущелью, заняла секретными постами хребетъ Алла-дага, а сама расположилась на половинѣ подъема на гору, въ четырехъ верстахъ отъ подошвы хребта и четыре версты не доходя перевала, на широкомъ уступѣ Алла-дага, гдѣ образуется довольно широкая площадь, течетъ ручей и находится небольшое озеро, называемое Казы-гѣль; пѣхота остановилась на ночлегъ у подошвы подъема прогнвъ куртинской деревни Тапариса, сдѣлавъ переходъ въ 24-ну версту. Для прикрытія напихъ сообщеній и для охраненія границъ Эриванской губерніи со стороны Топрахъ-Кале и Діадина, были того же числа направлены къ с. Куруну, находящемуся недалеко отъ Караванъ-сарайскаго перевала, подѣ командою полковника Гонецкаго, два батальона Рязскаго пѣхотнаго полка и четыре орудія; къ нимъ присоединились оставленные здѣсь прежде три сотни кавалеріи. Всѣ излишнія тяжести отряда выступившаго по Ванской дорогѣ, а также подвижные госпиталь, артиллерійскій паркъ и провіантскій магазинъ были оставлены въ общемъ вагенбургѣ, подѣ прикрытіемъ роты Грузинскаго линейнаго батальона, между Орговскою дорогою и с. Арзапомъ, гдѣ при наступающихъ холодахъ мѣсто было очень удобно для помѣщенія госпиталя, прикрытое съ сѣвера высокимъ хребтомъ Агри-дага. Отдѣленіе вагенбурга отъ отряда, при совершенной безопасности имѣло и ту пользу, что для войскъ сохранялся долѣ подожный кормъ въ кругу нашихъ дѣйствій.

Дорога по подъему на Алла-дагъ, особенно отъ Казы-гѣла до высшей точки перевала, оказалась совершенно неудобною для слѣдованія артиллеріи и обозовъ, и Турки

во время своего бѣгства изъ Баязета вѣроятно испытали немовѣрныя трудности въ поднятїи орудїи и повозокъ; если бы мы преслѣдовали ихъ до-сихъ-поръ послѣ Чингильскаго сраженїя, то вѣроятно захватили бы всѣ тяжести, взятыя ими изъ Баязета. Раннимъ утромъ слѣдующаго дня, 10-го сентября, были направлены за Алла-дагъ кавалерїя и для поддержанїя ся одинъ баталїонъ, а два баталїона выдвинуты на хребетъ съ шанцевымъ инструментомъ, чтобы разработать дорогу отъ Казы-гѣла до перевала, начиная съ послѣдняго, и въ случаѣ надобности поддержать также кавалерїю за Алла-дагомъ. Кавалерїя перейдя хребетъ спустилась по южнымъ склонамъ его въ глубокую долину, называемую Магометовой, которая отъ южной подошвы хребта тянется до Ванскаго озера, сдѣлала по ней около 30-ти верстъ до р. Сауксу, гдѣ, говорили, находится турецкое войско; но никакого не нашла здѣсь. Были однакожь свѣжія мѣста недавно оставленнаго бивуачнаго расположенїя, небольшїе потухающїе костры, разбросанная солома, немного сѣна и проч. По величинѣ бивуака видно было, что здѣсь стояла одна кавалерїя, не болѣе какъ въ числѣ 500 человекъ. Мы проѣхали немного далѣе и сдѣлали привалъ. Баталїонъ пѣхоты посланный за Алла-дагъ, остановился около 15-ти верстъ позади насъ.

Въ долину Магомета и по склонамъ горъ паслись стада Курдовъ; на вершинахъ видѣлись ихъ черныя палатки. Они оставались на мѣстахъ спокойно, хотя нашъ приходъ засталъ ихъ въ расплохъ. Бывшіе съ нами Курды, изъ числа кочующихъ около Баязета, отправились къ нимъ и успокоили ихъ. Мы старались всѣхъ обласкать и поручили тѣмъ, кого встрѣтили, передать здѣшнимъ Курдамъ, чтобы они насъ не боялись и считали за своихъ друзей, — что они впрочемъ могли знать уже на опытѣ, потому-что мы постоянно обходились съ жителями хорошо, никого не оби-

жали и ничего не брали даромъ. По ихъ показаніямъ, Турки стояли на Сауксу и разъѣзды ихъ еще наканунѣ ходили до вершинъ Алла-дага; но узнавъ настоящимъ утромъ о движеніи нашемъ, они тотчасъ ушли изъ Магометовой долины и скрылись къ сторонѣ Бергеры. Эти Курды полагали, что мы не остановимся, а пойдемъ на Вашъ. Они принесли намъ въ подарокъ барашковъ и сыру, за что ихъ отблагодарили деньгами.

Высокія отрасли отходящія къ югу отъ Алла-дага, образующія Магометову долину, и самые края дна ея зелены были травой, а посрединѣ дна чернѣла пролившаяся когда-то рѣка лавы, спустившаяся изъ погасшаго волкана, который былъ видѣнъ намъ въ хребтѣ Алла-дага изъ лагеря нашего на р. Гернаукъ. Лава прошла отъ вершины волкана по дну долины около 40-ка верстъ длиною и до двухъ верстъ шириною, застыла и остается до сихъ поръ въ первобытномъ состояніи, будто изверженіе было недавно. Ея черная масса разорвана широкими трещинами, края въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стоятъ отвѣсною стѣною, въ другихъ развалились на большія глыбы. Въ самой вершинѣ долины, недалеко отъ подошвы Алла-дага, между лавою возвышается небольшой холмъ, облитый ею со всѣхъ сторонъ, и на вершинѣ холма видѣются развалины какого-то стариннаго укрѣпленія; мы не могли осмотрѣть его, такъ,—какъ, по показанію Курдовъ, доступъ къ нему чрезъ широкія трещины лавы очень труденъ и почти невозможенъ. По преданію, существующему между здѣшними Курдами, которое они рассказали намъ здѣсь же на мѣстѣ, это укрѣпленіе было основано Русскими за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени, когда долина была значительно населена и лава не протекла еще. Изверженіе, залпившее долину лавою и опустошившее окрестный край, было 1500 лѣтъ тому назадъ. Курды были искренно убѣждены, что

мы воевали здѣсь еще двѣ тысячи лѣтъ прежде и покорили этотъ край, а потомъ должны были его оставить, и старались увѣрить насъ въ это. Они не знаютъ исторіи и времени основанія Русскаго государства и не могутъ объяснить отчего явилось у нихъ такое преданіе. Вѣроятно эти древніе завоеватели приходили съ сѣвера изъ-закавказскихъ горъ, откуда пришли и мы. Можетъ быть это были предки наши, Славяне. Можетъ-быть это были ветхозавѣтные Гогъ, Магогъ и Россъ, воевавшіе древне-историческія царства Востока и доходившіе до Египта фараоновъ. Вѣроятно и то, что настоящіе полудикіе народы этихъ мѣстъ, каждый слѣдъ давнишнихъ исчезнувшихъ завоевателей приписываютъ новымъ, о которыхъ они слышатъ со всѣхъ сторонъ и которыхъ видятъ. Это укрѣпленіе, окруженное лавою, безсомнѣнія простоятъ еще нѣсколько сотъ лѣтъ никѣмъ не тронутое, и наши будущіе изыскатели могутъ посмотреть его. Можетъ-быть мы отыщемъ еще кое что изъ растерянныхъ богатствъ нашей древней славы.

Здѣсь же я въ первый разъ услышалъ о существующемъ между Курдами предсказаніи или какой-то темной вѣрѣ, что они рано или поздно будутъ принадлежать Русскимъ. Впослѣдствіи я не одинъ разъ еще слышалъ объ этомъ отъ Курдовъ другихъ мѣстъ.

Мы воротились на Казы-гѣль ночью. Стоянка здѣсь и у д. Тапариса оказалась очень удобна. По горамъ была превосходная трава и въ изобиліи колючка; не далеко отъ насъ въ ущельяхъ находились четыре куртинскія деревни или зимовники, жители которыхъ оставались на мѣстахъ, не бѣжали, или воротились, потому-что мѣстоположеніе ихъ селеній было возвышенно и довольно прохладно. Мы находились съ ними и послѣ въ дружескихъ отношеніяхъ и они продавали намъ ячмень, скоть, молоко, масло и проч. 11-го сентября баталіоны, оставшіеся накануне въ ла-



геръ, продолжали разрабатывать дорогу на подъемъ Алла-дага, такъ-что сдѣлали ее довольно удобною. Обстоятельства, или виды командующаго корпусомъ, могли перемѣниться и дозволить намъ дѣйствовать противъ Ванскаго корпуса наступательно, и дорога эта могла пригодиться намъ. Безсомнѣнія она могла пригодиться и неприятелю; но едва-ли онъ соблазнился бы ею. Впродолженіи разъѣздовъ по Алла-дагу были найдены въ ближайшихъ къ дорогѣ оврагахъ нѣсколько головъ отрѣзанныхъ Турками у нашихъ раненыхъ и убитыхъ въ началѣ дѣла 17-го іюля; они въ бѣгствѣ несли ихъ до сихъ поръ, можетъ-быть не получивъ еще отъ Селима-наши платы, а здѣсь бросили. Казаки и солдаты выкапывали для этихъ головъ небольшія могилки шашками и штыками и хоронили ихъ съ короткой молитвой.

Курды говорили намъ, что вообще всѣ общества ихъ, кочующія за Алла-дагомъ, не желаютъ вовсе драться съ Русскими, а Гейдераплинцы, Шамсиканлы, Каспканлы и Бодоянлы желали бы возвратиться на свои кочевья въ Баязетскій нашалыкъ; также Изэды и Шекаки, кочевавшіе на самомъ сѣверномъ берегу Ванскаго озера, желали бы уйти къ намъ, но за ними смотритъ Али-Ага, родоначальникъ общества Торунъ, котораго Турки покровительствуютъ, ласкаютъ и даютъ ему подарки; Али-Ага продолжалъ собирать всадниковъ и пособлялъ Туркамъ брать Курдовъ въ регулярную пѣхоту. Объ Эзданширѣ слухи прекратились, а послѣ мы узнали, что онъ уѣхалъ домой въ Большой Курдистанъ. Его родъ болѣе всѣхъ враждовалъ съ турецкимъ правительствомъ; намъ было извѣстно, что неудовольствія существуютъ и теперь, и что Эзданширъ, оставшійся главою своего многочисленнаго племени, по смерти дяди своего Бадыръ-хана, наследовалъ и его ненависть къ Туркамъ. Курды вообще отзывались о Ба-

дырь-хапъ и Эзданширъ съ уваженіемъ и говорили, что родъ ихъ древнѣе рода самого турецкаго султана. Изъ Тапариса начальникъ отряда отправилъ нѣсколько экземпляровъ воззванія къ Курдамъ и письма къ Эзданширу и Али-Агѣ, которыми приглашалъ ихъ отстать отъ Турокъ и встрѣтить насъ какъ друзей и союзниковъ. Хотя до Эзданшира было далеко, но преданные намъ Курды обязались доставить письма и воззванія по назначенію.

12-го сентября отрядъ выступилъ отъ Тапариса назадъ, и въ д. Казиль-диза раздѣлился; два баталіона, два орудія и бекская дружина пошли къ Баязету, чтобы охранять его и наши предѣлы со стороны Ванской дороги, а остальные части направились по торговой Арзерумской дорогѣ на Діадинъ, куда прибыли 13-го сентября и соединились съ направленными туда же изъ с. Куруна двумя баталіонами. 14-го сентября было сдѣлано движеніе по дорогѣ на Бергеры, подобно тому какъ мы ходили по Ванской дорогѣ отъ Тапариса; вся кавалерія перешла Алла-дагъ и достигла урочища Туджи, гдѣ, говорили, стоялъ Али-Ага, а часть пѣхоты до хребта; по въ Туджахъ, какъ и на р. Сауксу, нашли только оставленное мѣсто бивуака. Кавалерія и пѣхота вечеромъ того же дня возвратились къ Діадину. Прибывшіе къ намъ изъ-за Алла-дага Курды, а также бѣжавшіе изъ Ванскаго корпуса нѣсколько чело-вѣкъ солдатъ показали, что въ ожиданіи нашего движенія на Ванъ, части Ванскаго корпуса, выдвинутыя по разнымъ дорогамъ, отступили къ Бергерамъ, и весь этотъ корпусъ отступилъ къ сторонѣ Вана. Было очевидно, что Турки не хотѣли и не могли драться съ нами, и весь Ванскій корпусъ въ сущности былъ пока безпорядочная толпа, немогшая намъ противодѣйствовать; мы могли только жалѣть, что имѣли право дѣлать небольшія движенія, болѣе для препровожденія времени, какъ маневры, а не для на-

стоящей пользы. 15-го сентября отъ Али-Аги прїѣхали къ начальнику отряда два Курда и объявили, что Али-Ага и всѣ Гейдеранлы готовы покориться Русскимъ, если бѣ были увѣрены въ постоянномъ занятїи нами здѣшняго края; что Али-Ага опасается, передавшись намъ теперь, подвергнуться преслѣдованію Турокъ, когда будетъ заключенъ миръ и мы уйдемъ отсюда, и что для избѣжанія гнѣва нашего и Турокъ, онъ намѣренъ перекочевать опять въ Персію, гдѣ онъ жилъ до 1853 года.

Намъ не оставалось ничего болѣе дѣлать. Пользуясь свободнымъ временемъ мы осматривали мѣстность, и между прочимъ минеральные источники, находящіеся въ верховьяхъ Евфрата въ большомъ изобилїи. Медники опредѣлили ихъ свойства новозможности, имѣвшими у нихъ подъ рукою средствами. Въ 6-ти верстахъ выше Діадина въ концѣ живописнаго скапстаго ущелья, по которому течетъ Евфратъ, на обонхъ берегахъ рѣки, преимущественно на правомъ, находятся въ одномъ мѣстѣ и въ близкомъ другъ отъ друга разстоянїи до десяти источниковъ очень горячей сѣрной воды; водородосѣрнистый газъ такъ силенъ, что чувствуется за версту. Всѣ они имѣютъ воронкообразное отверстїе и находятся на сплошной массѣ береговъ, видимо возвысившихся отъ осадковъ пзвести изъ горячей минеральной воды; изъ каждаго вода бьетъ ключомъ въ болѣе или менѣе шпрокомъ бассейнѣ, какъ-будто кипящая на огнѣ; потомъ вытекаетъ изъ краевъ бассейна, распространяется по бокамъ прозрачнымъ ровнымъ и нигдѣ неразрывающимся слоемъ, который искрится, какъ живої движущейся хрустальный кошакъ надъ изумрудною, желтою, красноватою и другихъ блестящихъ цвѣтовъ горкою, образовавшеюся также отъ осадковъ минеральной воды. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ берегъ болѣе возвышенъ, вода источника стекая въ Евфратъ образовала нависшїй надъ

рѣкою куполь, а при паденіи съ него, сталактиты, напо- добіе колоннъ, упирающіеся на площадку, образовавшуюся отъ осадковъ извести; такъ-что это мѣсто имѣетъ совершенно видъ великолѣпной бесѣдки, сдѣланной изъ драгоценныхъ блестящихъ камней, обливающихся растопленнымъ хрусталемъ. Нѣкоторые изъ насъ пробрались внутрь этой бесѣдки, гдѣ также со всѣхъ сторонъ брызжетъ горячая вода; тамъ жарко, какъ въ нагрѣтой банѣ, и можно бы пользоваться натуральными горячими дѣшами. Вода въ самыхъ бассейнахъ нѣкоторыхъ источниковъ такъ горяча, что въ нее невозможно опустить руки, какъ въ кипяткъ; туземцы говорятъ, что они варятъ въ этихъ источникахъ баранину; температуру ихъ опредѣлили до  $+80^{\circ}$  по Р. Вода кислватаго вкуса; приблизительный анализъ показалъ, что въ ней паходятся: свободно растворимая въ водѣ угольная кислота, водородосѣристый газъ, углекислая известь, сѣрноокислая сода, сѣрнокислая магнезія, соли закиси желѣза и воющая смола; но видимо преобладаетъ сѣра. Туземцы употребляютъ ихъ въ ломотахъ, въ наложныхъ и всякихъ другихъ болѣзняхъ, собственно ваннами, для чего ниже нѣкоторыхъ источниковъ выдолблены въ каменномъ берегу неправильныя ямы, куда вода стекаетъ и охлаждается до возможности купаться въ ней.

Отъ постояннаго наростанія осадковъ извести, водяной столбъ, достигнувъ возможной высоты, перестаетъ стекать и покрывается слоемъ известковаго камня; многіе источники очевидно заглохли уже, и та же участь угрожаетъ другимъ, потому-что здѣсь не принимается никакихъ мѣръ къ очисткѣ и сохраненію ихъ. Мы пробовали дѣлать небольшія ямы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сплошнаго каменнаго берега, образовавшагося отъ осадковъ, и въ нихъ показывалась тотчасъ вода. Отъ такого нарощенія осадковъ въ продолженіи тысячелѣтій, въ двухъ

мѣстахъ образовались чрезъ р. Евфратъ натуральные каменные мосты, одинъ рядомъ съ описанными источниками, а другой около 200 сажень въже; на площади мостовъ видны также заглохшіе источники. Оба берега соединились между собою натуральною аркою, верхняя площадь которой имѣетъ около 10-ти сажень ширины, но неравна и по ней можно теперь только ходить пѣшкомъ и ѣздить верхомъ; впрочемъ, ее легко расчистить, сгладить и сдѣлать удобною для ѣзды повозокъ. Евфратъ скрывается подъ мостами какъ въ темную пещеру и съ шумомъ вырывается съ другой стороны. Въ 20-ти верстахъ выше этихъ источниковъ находятся на берегу Евфрата еще до 15-ти источниковъ такой же минеральной воды и есть такой же натуральный мостъ. Здѣсь мы нашли также брошенные каменоломни бѣлаго чистаго мрамора. Выше съ этимъ, вся широкая котловина выше Діадына, называемая Мурадъ-кепъ, окруженная съ трехъ сторонъ отраслями Алла-дага, значительно возвышеніе плоскости Баязетской долины и еще болѣе долины Аракса; болотъ и топкихъ мѣсть въ ней нѣтъ; вѣтры не сильны, переходъ отъ дневнаго зноя къ ночной прохладѣ не разителенъ, климатъ прохладенъ и здоровъ; намъ, сѣвернымъ жителямъ, вособенности нравилась эта мѣстность, живописная, здоровая и богатая всѣми произведеніями природы.

Ниже Діадына на половинѣ разстояніа между нимъ и Сурбъ-Огалесомъ, на лѣвомъ берегу Евфрата, находятся источники подобной воды, но незначительно теплые, вытекающіе изъ боковъ кургана, имѣющаго  $\frac{1}{4}$  версты длины и до 20-ти сажень высоты и образовавшаго осадками известковой массы. По гребню и по бокамъ видно много небольшихъ воронкообразныхъ отверстій источниковъ, теперь заглохшихъ. Въ Баязетскомъ пашалыкѣ, вособенности въ Баязетскомъ и Діадицкомъ санджакахъ, есть еще

и другіе минеральныя источники, о которыхъ мы только слышали, или видѣли ихъ мимоходомъ; примѣчательнѣйшіе изъ тѣхъ, которые могли быть наблюдаемы нами, находятся у с. Арзапа, гдѣ стоялъ нашъ подвижной госпиталь. Ихъ три. Они выходятъ изъ подошвы южныхъ покатостей Агри-дага, и имѣютъ холодную воду, пѣнящуюся отъ отдѣленія газа угольной кислоты, вкусъ кисловатый и нѣсколько вяжущій; употребленіе воды производитъ такую же отрыжку, какъ содовые порошки. Образующіяся изъ этой воды лужи ниже источниковъ, покрыты красноватою корою, а ближайшія горы мѣстами красноватою и желто-бурою ржавчиной, вяжущаго вкуса, и мѣстами бѣловатымъ порошкомъ горько-щелочнаго вкуса. Медики причислили эти источники къ разряду углекисло-железистыхъ. Туземцы пользуются ими отъ испорченности пищеваренія, отъ слабости, упадка силъ, болѣзней печени и селезенки. Многіе изъ нашего отряда, страдавшіе желудкомъ и слабостію послѣ лихорадокъ, пили эту воду, чувствовали отъ нее облегченіе въ короткое время и посылали за ней даже изъ другихъ мѣстъ расположенія отряда.

16-го сентября отрядъ перешелъ къ Сурбъ-Оганесу и сталъ лагеремъ въ нѣсколькихъ верстахъ за нимъ, въ Караклисскомъ санджакѣ, на дорогѣ къ Топрахъ-кале и на правомъ берегу Евфрата; 17-го числа часть кавалеріи сдѣлала движеніе къ сторонѣ Топрахъ-кале до с. Караклиса. Край и здѣсь былъ совершенно пустъ. Жители татарскихъ селеній и Курды бѣжали. На другой день въ отрядъ пріѣхали нѣсколько человекъ Армянъ и музульманъ, постоянныхъ жителей Топрахъ-кале; городъ прислалъ ихъ, какъ депутатовъ, съ просьбою, чтобы мы заняли его, водворили въ немъ порядокъ и защитили отъ Курдовъ и башни-бузуковъ. Но движеніе къ Топрахъ-кале

безъ постоянного занятія этого мѣста не принесло бы ему никакой пользы; но уходъ мы навлекли бы на жителей еще болѣе притѣсненій и мщенія, подъ предлогомъ выка-занной намъ преданности. Кромѣ-того отрядъ не имѣлъ права предпринимать такія дальнія дѣйствія.

18-го сентября мы выступили съ береговъ Евфрата по караванной дорогѣ и небольшими переходами прибыли 20-го числа на прежнее мѣсто, на р. Гернаукъ гдѣ соединились съ оставшимися частями войскъ. Двѣ сотни казаковъ и одна сотня Армянъ были расположены по прежнему въ с. Курунъ для наблюденія за дорогою на Сурбъ-Огагесъ и Діадннъ. Сотни эти располагались въ Курунъ, а не въ Мусунъ, потому-что отъ нашего гернаукаго лагеря до с. Куруна было по прямой дорогѣ не болѣе 14-ти верстъ и разъезды изъ отряда ходили туда и къ сторонѣ Діадина почти ежедневно.

Съ 20-го сентября по 10-е октября отрядъ просто-лялъ совершенно спокойно; послѣднія движенія, предпринятія собственно для того, чтобы не стоять на одномъ мѣстѣ, а показать свое присутствіе въ краѣ и некоторую дѣятельность, оказались очень полезны для здоровья войскъ; переходы дѣлались небольшіе, солдаты не утомлялись и имѣли всѣ удобства; видъ новой страны, особенно любопытныя для всѣхъ берега Евфрата, развлекалъ ихъ. Лихорадки прекратились, и вмѣсто прежде заболѣвавшихъ ежедневно 20-ти человекъ теперь заболѣвало по 4 и даже менѣе, чему безсомнѣнію способствовало, кромѣ неутомительнаго похода, и наступавшее прохладное время. Дороги по которымъ ходилъ отрядъ къ Тапарису, Діадну и за Сурбъ-Огагесъ, ровны, хороши и не утомляли войска всѣми частями обозу и орудіямъ, что всегда неизбежно при движеніи въ горахъ. Все время пребыванія нашего въ Турци, съ июля до октября, погода стояла превосходная; не

\*

было ни одного дождя, которые идутъ здѣсь періодически обыкновенно въ концѣ мая и началѣ іюня. Воздухъ въ здѣшнихъ мѣстахъ вообще необыкновенно сухъ; у насъ замѣтно высохли многія вещи, сдѣланныя изъ сухаго дерева. Такая погода бываетъ здѣсь постоянно, за исключеніемъ рѣдкихъ дождливыхъ годовъ, и потому жители употребляютъ и здѣсь, какъ въ долині Аракса и вообще южнѣ Кавказскаго хребта, искусственную систему орошенія полей водою, отведенною канавами изъ горныхъ рѣчекъ; но рисъ не воздѣлываютъ, и потому здѣсь лихорадки рѣже и не такъ опасны, какъ въ долині Аракса. Въ сентябрѣ мѣсяцъ жара днемъ доходила до  $+ 25^{\circ}$  по Р.; но ночью дѣлалось холодно, иногда до  $- 2^{\circ}$  по Р. Такой рѣзкій переходъ отъ жары къ холоду можетъ имѣть вредное вліяніе на здоровье солдатъ, которые вообще неосторожны и мало берегутъ себя; утомленные дневнымъ жаромъ, они и вечеромъ, когда съ заходомъ солнца сдѣлается вдругъ прохладно, продолжаютъ ходить въ однихъ рубашкахъ, отдыхаютъ отъ зноя и простужаются. Но этой бѣдѣ помочь можно приказаніемъ и надзоромъ, который удобенъ; потому что бѣлая рубашка замѣтна издали даже въ сумерки и темнотѣ. Въ сентябрѣ въ отрядъ привезли изъ Эриванской губерніи полушубки, которыми снабжены всѣ кавказскія войска и которые въ эти мѣсяцы, при расположеніи войскъ лагеремъ, здѣсь необходимы по ночамъ болѣе чѣмъ въ Россіи и при расположеніи на квартирахъ. Вообще, здѣсь полезно имѣть полушубки съ половини сентября. Иногда бывали сильныя вѣтры, которые въ началѣ октября стали нагонять тучи и покрывать снѣгомъ горныя вершины; но вѣтеръ скоро переставалъ, погода прояснялась и снѣгъ таялъ; въ низменныхъ долинахъ онъ еще не падалъ. У монаховъ Сурбъ-Оганеса есть свой календарь, по которому значилось, что постоянный снѣгъ выпа-



детъ на горахъ въ началѣ, а въ низменныхъ мѣстахъ во второй половинѣ ноября, и къ концу ноября устанвится зима, которая здѣсь гораздо суровѣе, чѣмъ въ долинѣ Аракса, гдѣ снѣгу не бываетъ почти никогда.

Послѣ послѣднихъ нашихъ движеній, непріятельскіе разѣзды опять нагдѣ не показывались болѣе: эти движенія поддерживали страхъ, который мы внушали непріятелю. Мы стояли въ Турціи какъ дома. Жители Эриванской губерніи разѣзжали въ Баязетскомъ сауджакѣ совершенно безопасно. Довѣріе мѣстныхъ жиггелей къ войскамъ упрочилось. Курды Баязетскаго и Діадинскаго сауджаковъ, Джелали и Гейдераилы, бѣжавшіе за Алла-дагъ, безпрестанно приходили къ начальнику отряда съ изъявленіемъ покорности, или просто съ просьбою дозволить имъ возвратиться на свои мѣста; понемногу возвращались и занимались обработкою полей, заготовленіемъ сѣна и другими домашними работами; стада ихъ довѣрчиво паслись по близости лагеря, и не случалось ни ссоръ, ни жалобъ. Наступившіе холода и нора сойти съ горныхъ вершинъ въ низменные долины, а вмѣстѣ съ этимъ безопасность и даже выгоды, которыми пользовался жители по близости нашихъ войскъ, и неудобства, даже притѣсненія дѣлаемые турецкими войсками за Алла-дагомъ, обѣдавшими край даромъ, видимо производили тамъ между Курдами несогласія и волненія. Иногда къ намъ переходили старшины съ частию общества и объявляли, что остальную часть турецкія начальства успѣли задержать и не пускаютъ; иногда, и чаще всего, къ намъ переходили цѣлыя общества безъ старшинъ, и объявляли, что старшина ихъ служатъ у Турокъ, и они, Курды, не хотятъ болѣе повиноваться ему. Случалось, что вслѣдъ за бѣжавшимъ обществомъ являлся и старшина, которому дѣлалось трудно оставаться одному безъ подшешенныхъ, изъявлялъ намъ

покорность и просилъ о дозволеніи поселиться опять вмѣстѣ съ своимъ обществомъ. На это соглашались только съ условіемъ, если само общество приметъ его и захочетъ повиноваться ему по прежнему. Иногда общество не принимало такихъ старшинъ и въ своемъ желаніи опиралось на русскую власть. Курды приходили въ отрядъ и объявляли, что они не хотятъ своихъ старшинъ, а будутъ повиноваться русскому начальству. Старыя права родоначальниковъ были для насъ непонятны, и мы въ подобныхъ случаяхъ, по необходимости и очевидной справедливости настоящаго момента, поддерживали всегда большинство, то-есть низшее сословіе. Для насъ масса была полезна. Какъ теперь, такъ и впоследствии, мы видѣли что турецкое правительство могло привлечь къ себѣ однихъ старшинъ подарками, чинами и должностями; но не могло привлечь низшее сословіе, на которое не избѣжно падала вся тяжесть побѣровъ, по невозможности отречься отъ нихъ во время военной надобности. Намъ легче было найти друзей и расчетъ заставлялъ искать ихъ въ низшемъ сословіи, а простые Курды готовы были пользоваться нашею защитою отъ исполненія разныхъ повинностей, взыскиваемыхъ Турками, а иногда отъ притѣсненій и несправедливости ихъ, неизбежныхъ и возможныхъ еще болѣе въ военное, чѣмъ въ мирное время, — и сближаясь съ нами стали искать нашей опоры. Не одинокъ разъ приходилось мнѣ разбирать тяжбы между старшинами, требовавшими повиновенія, и простыми Курдами желавшими освободиться отъ ихъ вліянія.

Впродолженіи трехлѣтняго пребыванія въ Азій во время войны и дѣятельныхъ сношеній съ жителями, вызванныхъ необходимою, я убѣдился, что тѣ же самыя побудительныя причины и тѣ же постоянныя столкновенія существуютъ еще болѣе между другими племенами паселяющими здѣш-

нія мѣста. Отношенія Курдовъ, Армянъ и Татаръ къ господствующему племени Османовъ, и къ тѣмъ людямъ разныхъ племенъ, которые вошли въ правительственный кругъ Османовъ, жили и пользовались ихъ правами, — къ пожизненнымъ членамъ дивановъ и меджлисовъ, сборщикамъ податей, откупщикамъ селеній для сбора съ нихъ подати произведенія земли, и другимъ, — для первыхъ еще тягостнѣе, чѣмъ болѣе патріархальныя отношенія Курдовъ къ своимъ родоначальникамъ. Обѣ стороны обращались къ намъ, какъ къ побѣдителямъ, ища въ насъ покровительства, а для насъ выборъ на мѣстѣ не могъ быть сомнителенъ. Право завоевателя исчезало передъ громадностью прошедшихъ насилій и многочисленностью побѣжденныхъ, передъ простымъ, но убѣждающимъ своею очевидностью чувствомъ справедливости и желаніемъ добра; это право виситъ здѣсь на волоскѣ, и трудно воздержаться, чтобы не желать ускорить его паденіе. Мы видѣли, что здѣсь на Востокѣ примѣнимы европейскія идеи; что восточнымъ міромъ двигаютъ тѣ же чувства и стремленія личнаго интереса, которыя волнуютъ новѣйшія европейскія общества, и что восточный міръ съ обезсиленіемъ прежнихъ завоевателей, готовъ также поставить выгоды большинства въ законъ и право. Здѣсь тотъ же человекъ, какъ и въ Европѣ, а общества болѣе старыя, болѣе заржавленныя, испорченныя и требующія большаго исправленія, чѣмъ европейскія. Находя выгоду поддерживать покоренные народы, мы поддерживали въ нихъ низшее сословіе населенія противъ настоящихъ владыкъ края, противъ настоящихъ правъ, привилегій и порядковъ, вышедшихъ изъ разныхъ завоеваній, которыя впродолженіи вѣковъ смѣняла другъ друга, оставляли на обществѣ, каждое, печать какого-нибудь насилія, узаконеннаго временемъ. Покоренные и притѣсненные здѣсь требуютъ покровительства и благодарны тѣмъ,

въ комъ встрѣчаютъ его. Край требуетъ измѣненій во всемъ. Старые властители и ихъ права, начиная съ Османовъ, одряхлѣли, въ чемъ я полагаю не можетъ быть сомнѣнйя при настоящихъ волненіяхъ и безпорядкахъ въ Турціи. Дѣло очевидно идетъ о правахъ Турокъ, основанныхъ на завоеваніи. Не одна польза наша, а необходимость, которой нельзя избѣжать, заставляетъ насъ покровительствовать покореннымъ, потому—что въ высшемъ сословіи, то есть въ господствующемъ племени, мы, входя въ Турцію, встрѣчали враговъ, которые боролись съ нами,—а разрушая ихъ слѣпымъ оружіемъ битвъ и побѣдъ, невольно разрушаемъ власть и права ихъ, безъ всякихъ особыхъ мѣръ и преобразованій. Такое положеніе намъ надо принять здѣсь какъ неизбежное; для насъ было бы невыгодно, если бы обстоятельства поставили насъ въ другое, противоположное положеніе; поддерживать разрушающееся зданіе съ намѣрсніемъ, по какому либо убѣжденію и понятію, былъ бы съ нашей стороны ошибочный расчетъ, напрасный трудъ, печальная и вредная для насъ самихъ работа и еще болѣе печальная роль. Здѣсь намъ предстоитъ болѣе высокая цѣль, за исполненіе которой намъ скажетъ спасибо потомство; и эта цѣль,—возстановленіе и покровительство покоренныхъ, должна быть на Востокъ въ системѣ нашихъ дѣйствій, если мы хотимъ прочныхъ и полезныхъ, а не скоропреходящихъ успѣховъ. Несмотря на то, что война сама по себѣ, если не по послѣдствіямъ то по средствамъ, есть зло и насиліе, и въ ней трудно избѣжать того и другаго, и что мы входимъ въ Турцію только временно, войною, несмотря на презрѣніе магометанъ къ христіанамъ и старанія турецкихъ начальствъ вооружить противъ насъ жителей, русскія войска здѣсь дѣйствуютъ успѣшно и находятъ мало-по-малу сочувствіе въ населеніи, именно оттого, что оно мало-по-малу прорзѣваетъ въ Русскихъ подвигающуюся

на востокъ силу милосердія и блага притѣспеннымъ. По этому-то здѣсь нужно, чтобы въ войскахъ былъ строгій порядокъ,—не формы, разъѣздовъ, цѣпей, движеній и пр., а порядокъ запрещающій обижать, оскорблять и грабить жителей. За этимъ безсомнѣнія трудно усмотрѣть когда надо: корысть есть у всѣхъ, намѣренія у немногихъ; но еще труднѣе исполнить это вообще, потому-что пожива для войскъ полезна, корысть есть одинъ изъ сильнѣйшихъ двигателей войны,—и надо чтобъ былъ какой-нибудь классъ людей, который долженъ терять и котораго потери полезны не однимъ намъ, но и жителямъ; безъ этого вѣроят-но не было бы и войнъ. Здѣсь необходимо, чтобы каждый начальникъ проникнулся чувствомъ достоинства и важности нашего призванія, старался составить о себѣ хорошее мнѣніе жителей, былъ справедливъ и великодушенъ. Но покровительствуя покоренныхъ, намъ нельзя надѣяться и рассчитывать привлечь Османовъ справедливостью и ласками; они останутся нашими непримиримыми врагами; потерянные права не вознаграждаются ласками. Съ ними среднія мѣры будутъ недействительны и ошибочны. Не имѣя возможности привлечь ихъ, надо сдѣлать ихъ неопасными и лишить матеріальныхъ средствъ бороться съ нами.

#### Х. Вавскій корпусъ.

Съ наступленіемъ холодовъ явился вопросъ о зимовыхъ квартирахъ: воротимся ли мы въ Эриванскую губернію, или останемся въ Турціи, и удержимъ ли за собою Баязетъ, или бросимъ его. Въ 1828 году наши войска квартировали зимою въ Баязетскомъ пашалыкѣ, въ Баязетѣ, Діадниѣ, Караклисѣ и Топрахъ-кале. Помѣщеній вообще было бы

достаточно, а для нашего отряда болѣе чѣмъ нужно. Кроме этихъ мѣстъ можно расположить войска въ армянскихъ селеніяхъ: Арзапѣ, Мусунѣ и Курупѣ и во всѣхъ селеніяхъ, лежащихъ на большой караванной дорогѣ, гдѣ для проходящихъ каравановъ устроены, въ родѣ обыкновенныхъ здѣшнихъ саклей и сараевъ, обширныя помѣщенія, называемыя караванъ-сараями, или ханами. Въ обыкновенное время здѣсь мы могли бы даже найти въ достаточномъ количествѣ для нашего отряда продовольствіе. Баязетскій корпусъ въ числѣ около 10-ти тысячъ чловѣкъ и до 5-ти тысячъ постороннихъ лошадей, кромѣ мѣстныхъ, кормился восемь мѣсяцевъ продовольствіемъ собраннымъ въ Баязетскомъ пашалыкѣ преимущественно въ Алашкертскомъ санджакѣ. Но теперь край былъ разстроенъ; многіе жители бѣжали, поля ихъ остались необработанными, хлѣбъ пропалъ. Хотя, безсомнѣнія, для проходящихъ каравановъ продовольствіе было заготовлено въ достаточномъ количествѣ, чего требовала выгода жителей, но мы не могли на него рассчитывать; отъ насъ прятали бы его, а насильственный сборъ, даже за деньги, возбуждалъ бы противъ насъ неудовольствіе. Если бы мы остались квартировать здѣсь, то должны были рассчитывать только на продовольствіе подвозимое изъ Эриванской губерніи, а противъ перевозки провіанта изъ Эриванской губерніи къ Баязету говорили, что онъ зимою очень труденъ, потому-что Агри-дагъ покрывается глубокимъ снѣгомъ и дороги чрезъ него дѣлаются непроходимыми. Это послѣднее объясненіе однакожь не вполне вѣрно. Снѣгъ дѣйствительно бываетъ глубокъ, но сообщенія дѣлаются затруднительны собственно отъ того, что здѣсь зимою, на пустынной границѣ Турціи, никто почти не ѣздитъ и дороги остаются заваленными снѣгомъ; въ Россіи также нельзя проѣхать по чистому полю. Если бъ было посто-

ляное движеніе, то дорога поддерживалась бы имъ однимъ. Неудобство доставки провіанта могло быть отстранено лишнимъ, но незначительнымъ количествомъ денегъ, потребныхъ на перевозку его лишнихъ 50-ти верстъ, если бы занятіе Баязета считалось важнымъ. Что касается до опасности отъ непріятели, то я не думаю, чтобы для нашихъ войскъ зимою могла быть бóльшая опасность чѣмъ лѣтомъ. Баязетскій пашалыкъ окруженъ со всѣхъ сторонъ высокими хребтами горъ, чрезъ которыя Турки едва ли рѣшились бы перейти зимою, — они подвергались бóльшей опасности чѣмъ мы; и вообще такія дѣйствія не въ ихъ духъ. Безсомнѣнія, опасность эту слѣдовало предвидѣть, и при расположеніи главныхъ силъ въ своихъ предѣлахъ не было особой важности и надобности оставлять въ Турціи небольшую часть войскъ. Какъ бы то ни было, но въ началѣ октября командующій корпусомъ генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ сдѣлалъ предварительное распоряженіе о возвращеніи Эриванскаго отряда на зимнія квартиры въ Эриванскую губернію, что при отсутствіи намѣреній или возможности продолжать войну въ эту кампанію, имѣло ту выгоду передъ расположеніемъ въ Турціи, что доставляло войскамъ отдыхъ на спокойныхъ и безопасныхъ квартирахъ въ своихъ предѣлахъ, хотя впрочемъ, лѣтнія дѣйствія не были трудны и войска не могли утомиться.

Распоряженіе это, показывавшее что кампанія 1854 года уже кончается и что нельзя ожидать какихъ-либо предпріятій, не могло не возбудить въ насъ сожалѣнія, потому-что было полезно и мы имѣли средства сдѣлать еще кое-что; а главное, мы видѣли, что можемъ сдѣлать еще очень много, и въ Турціи представлялось намъ обширное поприще для дѣйствій и славы. Даже при принятomъ уже намѣреніи уйти на зиму въ свои предѣлы, до зимы оставалось еще болѣе мѣсяца, и мы въ этой опре-

дѣленной рамкѣ могли сдѣлать много. Можетъ-быть было бы вообще полезнѣе, — въ виду невозможности дѣйствовать Александропольскимъ отрядомъ далѣе Карса и такой же невозможности наступленія Анатолийской арміи, — чтобы Эриванскій отрядъ былъ еще увеличенъ и имъ предпріяты болѣе обширныя дѣйствія въ глубину Турціи.

Прежде всего представлялась польза даже того, чтобы по уходѣ отряда въ Эриванскую губернію, Баязетъ все-таки оставался за нами и не занимался Турками. Хотя и для нихъ существовали такія же неудобства доставки къ Баязету провіанта, какъ и для насъ, но они могли занять его только для виду незначительнымъ числомъ войскъ, даже одною кавалерією, которая могла скоро уйти, и во всякомъ случаѣ оставить его весною. Занятіе Баязета не приносило намъ существенной военной пользы, но для Турокъ оно было на первое время вопросомъ самолюбія, а въ послѣдствіяхъ могло доставить имъ нѣкоторыя выгоды по вліянію на народонаселеніе. Болѣе отдаленныя области Турціи не могли знать настоящаго положенія дѣлъ, и занятіе ими Баязета могли объяснить принужденнымъ оставленіемъ его нами. Изъ каждаго нравственнаго преимущества, непріятель въ продолженіи зимы могъ кое что извлечь въ вліяніи на край; а для насъ съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ будущемъ году, было бы болѣе всего непріятно и опасно встрѣтить вражду или даже небольшое противодѣйствіе въ народѣ, особенно въ Курдахъ, — гораздо опаснѣе чѣмъ битвы съ Турками. Разбивъ уже турецкія войска и находясь въ Курдистанѣ, мы придавали послѣднему большое значеніе и невольно цѣнили его сильнѣйшимъ и важнѣйшимъ, чѣмъ Ванскій корпусъ, если не для временныхъ успѣховъ настоящей войны, то для общихъ успѣховъ и вліянія нашего въ Турціи. Баязетъ былъ



единственнымъ очевиднымъ для массы народа пріобрѣтеніемъ нашимъ во всю кампанію 1854 года, какъ главное мѣсто пашалыка, который въ сущности весь принадлежалъ намъ и былъ потерянъ для Турокъ, хотя мы не занимали его. Въротно, сраженія при Башъ-Кадыкъ-Ларъ и Кюрюкъ-дарâ не представлялись турецкими реляціями блестящими побѣдами нашихъ войскъ, а описывались какъ простыя сраженія, безъ послѣдствій, что было правдоподобно, такъ-какъ послѣ нихъ наши войска не подвигались впередъ и война не продолжалась. Эффекты, — видные результаты войны, бросающіеся въ глаза народу, — имѣютъ большое значеніе въ Турціи, составленной изъ отдѣльныхъ племенъ, готовыхъ отстать отъ турецкаго правительства; занятіе въ ней каждой области отрѣзываетъ ее отъ Турціи окончательно. Даже одинъ Баязетъ брошенный нами, незавятый Турками и остающійся подъ нашимъ управленіемъ издали, былъ бы яснымъ свидѣтельствомъ безсилія Турокъ и могъ способствовать къ сохраненію нашего вліянія на Курдовъ и къ поддержанію въ нихъ страха нашего оружія.

Но болѣе дальнія дѣйствія достигали гораздо важнѣйшихъ результатовъ, и въ нихъ обезпеченіе за нами Баязета на время ухода изъ Турціи былъ только первый шагъ, терявшій свою цѣну передъ важностью другихъ послѣдствій. Вліяніе на край, дѣйствія не на войско, а на народонаселеніе Турціи, касаются самыхъ источниковъ силы и жизни турецкаго правительства и могутъ быть цѣлью войны, если желать достигать ею наибольшихъ результатовъ, — а они въ Турціи могутъ быть гораздо важнѣе, чѣмъ побѣды надъ ея войскомъ и миръ съ нею. Кроме побѣды надъ Ванскимъ корпусомъ, которая сама по себѣ не была лишнею, дѣйствія на г. Ванъ имѣли для насъ много соблазна. Съ той стороны часто приходили къ намъ

жители—Курды, Армяне, Лйсоры и Халден, и звали насъ къ себѣ, ожидали насъ какъ спасителей; Турки были тяжелы для края и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могли сохранить въ немъ порядка. Приходящіе рассказывали о своихъ страданіяхъ; одни жаловались на Курдовъ, другіе на Турокъ и Персіянъ; безспіе власти было тамъ очевидно: Курды, Аравійцы, паша и сардары, дѣлали что хотѣли и грабили безнаказанно другъ друга. Приходили люди, которыхъ неопытали паша переводчики, знавшіе по-армянски, татарски, персидски и турецки; чтобы понять ихъ, нужно было обращаться къ посредству нѣсколькихъ человекъ, переводившихъ рассказы ихъ другъ другу. Были преимущественно христіане, заброшенные и забытые въ глубинѣ Азіи, на границахъ Турціи и Персіи, залтые варварами и исламизмомъ. Когда мы хотѣли справиться о землѣ ихъ, то паша на бывшей въ отрядѣ нѣмецкой картѣ Вейландта, надпись «terra incognita», на томъ мѣстѣ, гдѣ по ихъ рассказамъ они жили. Но главное, до насъ стали уже доходить слухи о неудовольствіяхъ Эзданшира и Курдовъ на турецкое правительство и о волненіяхъ въ Большомъ Курдистанѣ; въ это время они были еще не важны, и мы не могли предвидѣть отъ нихъ большихъ послѣдствій; но чрезъ нѣсколько времени,—какъ покажетъ дальнѣйшее описаніе,—они разразилась страшнымъ бунтомъ, выдвинувшимъ противъ Турокъ, какъ говорили, до 100,000 войска. Теперь мы могли только догадываться о лихорадочномъ состояніи края. Эти отдаленныя земли привлекали насъ своею темнотою, тайнами, ожиданіемъ и возможностью въ нихъ какихъ-то событий, которыя мы могли ускорить и усилить. Противъ насъ стоялъ слабый Ванскій корпусъ. Разбитый близъ Апатолійской арміи, онъ былъ не очень важенъ, но разбитый въ глубинѣ Курдистана, могъ имѣть большую цѣнность; результаты поражений могли быть другіе. Побѣда

наша въ глубинѣ Азіятской Турціи и занятіе Вана, могли имѣть сильное вліяніе на весь внутренній край, на далекое пространство, пронзести въ немъ сильное потрясеніе и поставить турецкое правительство въ затруднительное положеніе. Цѣль войны могла быть и войну можно было продолжать съ пользою, если не къ сторонѣ Карса, то хотя здѣсь. Не мѣшало хотя попробовать.

Говорили, что въ Ванѣ собрано Турками много продовольствія и артиллерійскихъ припасовъ. Городъ великъ и многолюденъ, ведетъ большую торговлю съ Персіею, имѣетъ хорошіе дома, несравненно лучшіе чѣмъ тѣ, которые мы видѣли въ Баязетѣ. Жители самага Вана обѣщали намъ возможность помѣститься и продовольствоваться всему нашему отряду цѣлую зиму въ самомъ городѣ. Ванъ имѣетъ любопытныя древности, между прочимъ, какъ говорятъ, остатки построекъ Семирамиды, храмъ и комнаты изсѣченныя въ скаль и гигантскую, выдолбленную въ скаль лѣстницу, которая направляется къ укрѣпленію прямо по дорогѣ или улицѣ, но обманываетъ и приводитъ нападающаго къ подошвѣ стѣны, съ вершины которой можно бить безнаказанно.

Эриванскій отрядъ состоялъ теперь изъ семи баталіоновъ, и наступательныя дѣйствія по всемъ расчетамъ были для него возможны, даже безъ новыхъ подкрѣпленій изъ Александропольскаго отряда. Но въ предположеніи, что этотъ послѣдній отрядъ не предприметъ никакихъ дѣйствій и что мы во всякомъ случаѣ должны воротиться въ Эриванскую губернію, для Эриванскаго отряда было даже полезно предпринять наступленіе противъ Ванскаго корпуса по послѣднему осеннему пути, потому-что тогда оно будетъ болѣе неожиданно, и пока непріятель приметъ какія-либо мѣры со стороны Карса, отрядъ успеетъ сдѣлать свое дѣло и воротиться къ сторонѣ Баязета. Для

движенія до Вана, разбитія Ванскаго корпуса, или хотя разсѣяннїя его, что должно было случиться при настоящемъ преслѣдованїи, — и возвращенія къ Баязету, потребовалось бы около 20-ти дней; но въ случаѣ раньшей встрѣчи съ непрїятелемъ и при усиленной быстротѣ дѣйствїй, было бы достаточно и 15-ти дней.

На основанїи этихъ соображенїй и расчетовъ, получивъ предварительное распоряженіе о возвращенїи на квартиры въ Эриванскую губернію, полковникъ Цумпфортъ 5-го октября допешъ князю Бебутову, на разрѣшенїе, о намѣренїи своемъ и о пользѣ предпринять наступательныя дѣйствїя противъ Ванскаго корпуса до возвращенія въ свои предѣлы. Не упоминая о важности продолженія военныхъ дѣйствїй и влїяніи на событія Большаго Курдистана и вообще о дальнихъ видахъ, которые могли быть, а тѣмъ болѣе казаться фантазією и вмѣшательствомъ не въ свое дѣло, онъ представлялъ только прямую пользу отѣсненїя Ванскаго корпуса, истребленїя запасовъ его, отстраненїя тѣмъ занятїя Турками Баязета, обезопасенїя нашихъ границъ и сохраненїя влїянія на Курдовъ. Достигая ближайшей и вѣрной цѣли, можно было только надѣяться тайно достигнуть этимъ болѣе важныхъ послѣдствїй.

Въ это время дѣйствїя самихъ Турокъ способствовали къ исполненїю желанїй нашихъ и будто влекли ихъ къ намъ. Они видимо придавали болѣе чѣмъ мы значенїя занятїю Баязета, и употребляли на то возможныя для нихъ усилїя, — что тѣмъ болѣе заставляло насъ дорожить нашими расчетами и возбуждало въ насъ сильнѣе желанїе разстроить ихъ намѣренїя. Приближенїе замы и вѣроятно надежда, что нашъ главный Александропольскїй отрядъ не предприметъ болѣе наступательныхъ дѣйствїй, а можетъ-быть и направленїе въ составъ Эриванскаго отряда отъ Александрополя двухъ баталїоновъ Ряз-

скаго пѣхотнаго полка, позволили, или заставили главнокомандующаго Анатолійскою арміею отдѣлить нѣкоторую часть войскъ изъ другихъ мѣстъ и направить ихъ на усиленіе Ванскаго корпуса. Мы имѣли свѣдѣніе, что впродолженіи сентября къ этому корпусу прибыли разно-временно, — изъ Карса три табура (баталіона) пѣхоты, пополненные каждый до тысячи человекъ рекрутами и старослужащими солдатами собранными въ Ванѣ, два орудія и одна тысяча регулярной кавалеріи называемой «хасасхаръ», вооруженной пикой, парой пистолетовъ и саблей, — изъ Арзерума одна тысяча кавалеріи, лядифу, т. е. собранной изъ отпускихъ, вооруженныхъ какъ хасасхары, — изъ Арабистана баталіонъ пѣхоты въ тысячу человекъ, — и собранной изъ окрестныхъ мѣстъ до тысячи человекъ иррегулярной пѣхоты, вооруженной разнымъ собственнымъ оружіемъ, кто что имѣлъ. Али-Ага собралъ опять свой отрядъ Курдовъ. Численность Ванскаго корпуса, по мнѣнію жителей и лазутчиковъ, въ началѣ октября простиралась до 20-ти тысячъ разнаго рода войскъ, при 10-ти орудіяхъ. Изъ Діадинскаго и Алашкертскаго санджака мы получили свѣдѣнія отъ довольно вѣрныхъ людей, что къ Бергерамъ проходили черезъ Алашкертскій санджакъ, преимущественно черезъ самый Топрахъ-кале, отдѣльныя части регулярныхъ войскъ, отъ 100 до 200 человекъ, направленные прямою горною дорогою изъ Карса, и около 7-го октября намъ сообщили изъ Сурбъ-Оганеса, что изъ Карса проѣхали черезъ Топрахъ-кале нарочные, везшіе Селимъ-пашѣ приказаніе дѣйствовать непремѣнно противъ насъ наступательно и занять Баязетъ; то же самое подтвердили и лазутчики наши. Вслѣдъ затѣмъ мы узнали, что Ванскій корпусъ выдвинулся впередъ и передовая часть его расположилась въ Магометовой долинѣ на р. Канлычаѣ; разъѣздъ нашъ, ходившій по хребетъ Алла-да-

га, дѣйствительно видѣлъ за уступомъ горы въ Магометовой долинѣ мелькающія въ отдаленіи бѣлыя палатки: это былъ фактъ положительный, показывавшій въ Туркахъ большую рѣшимость сблизиться съ нами, имѣвшій тѣмъ болѣе значеніе, что корпусомъ командовалъ Селимъ-паша, разбитый нами; теперь онъ долженъ бы дѣйствовать еще осторожнѣе, чѣмъ прежде.

Но о намѣреніи и желаніи Турокъ занять Баязетъ можно было еще болѣе догадываться по страху баязетскихъ Армянъ. Многіе изъ нихъ были искренно преданы намъ, связаны съ нами своими выгодами и должны были опасаться Турокъ. Впродолженіи августа и сентября, пока мы стояли по близости Баязета, мы успѣли сформировать изъ жителей этого города, преимущественно изъ Армянъ, команду въ 15-ть человекъ, которую князь Бебутовъ разрѣшилъ принять на содержаніе милиціи. Люди эти были намъ полезны какъ лазутчики и проводники; большая часть ихъ были прежде контрабандисты и знали превосходно всѣ тропинки и дороги въ горахъ; они участвовали съ нами во всѣхъ послѣднихъ движеніяхъ и имѣли сильное желаніе подраться съ Турками и показать намъ свою удалу. Эти люди, ихъ родственники и семейства и нѣкоторые другіе Армяне опасались наказанія Турокъ и, можетъ-быть не неосновательно, ожидали быть ограбленными и даже вырѣзанными при занятіи ими Баязета. Получаемыя ими свѣдѣнія отъ ванскихъ Армянъ и потомъ движеніе Ваискаго корпуса впередъ приводили ихъ въ ужасъ; мы могли быть увѣрены въ искренности ихъ показаній и опасаться только, что страхъ, преувеличивалъ въ глазахъ ихъ опасность. Нѣкоторые изъ нихъ начали торопиться отвозить свое имущество въ нашъ вагенбургъ и даже въ Эриванскую губернію; испуганныя лица попадались въ лагерь на

каждомъ шагу и слѣдили за нашими приготовленіями. Грозные слухи стали доходить до насъ безпрестанно и со всѣхъ сторонъ; сила Ванскаго корпуса росла въ преувеличенныхъ разказахъ; говорили, что къ нему прибыли большія подкрѣпленія.

Наконецъ, рано утромъ 10-го октября Армяне прискакали въ лагерь и сообщили, что Турки положительно наступаютъ и находятся уже у Казы-гѣла, т.-е. по нашу сторону Алла-дага. Нѣсколько десятковъ арбъ торопливо вывозили изъ Баязета семейства и имущество, и спѣшили укрыться въ нашъ лагерь, откуда ихъ высылали далѣе въ вагенбургъ, къ Арзапу. Смятеніе было общее. Баязетскій диванъ донесъ начальнику отряда о присутствіи турецкихъ войскъ въ Казы-гѣлѣ оффиціальною бумагою. Въ тотъ же день утромъ проходилъ изъ Персін караванъ, изъ котораго черводары и купцы нарочно заѣхали къ намъ въ отрядъ и объявили, что они видѣли своими глазами до четырехъ тысячъ турецкихъ войскъ, съ артиллеріею у Казы-гѣла, даже продавали имъ товары, и что чрезъ хребетъ двгаются новыя войска. Изъ Тапариса и другихъ куртинскихъ деревень, близъ которыхъ мы стояли прежде, прискакали Курды и объявили, что они также видѣли турецкую кавалерію по эту сторону Казы-гѣла. Хальфа-Кули-хапъ, правитель персидской области Аваджоха, прислалъ къ начальнику отряда нарочнаго съ предупрежденіемъ о наступленіи Турокъ. И всѣ согласно показывали, что Ванскій корпусъ наступаетъ въ числѣ 40 тысячъ при 40-ка орудіяхъ. Наконецъ, казачій наблюдательный постъ, выставленный въ ущельѣ за д. Казиль-диза, далъ знать, что высоты по эту сторону Казы-гѣла, видимыя для нихъ, покрылись турецкою кавалеріею, въ числѣ около 500 или 600 человекъ, но что Турки петрогаются далѣе и непускаются въ ущелье. Свѣдѣнія эти доставлялись отъ поста

\*

и повторялись до самого вечера; Турки стояли на горах неподвижно.

Свѣдѣнія о 40-ка тысячахъ были безсомнѣнія преувеличены; но согласіе показаній и, главное, рѣшимость выдвинуться впередъ, должны были убѣдить насъ, что Ванскій корпусъ увеличился свѣжими войсками и въ немъ произошло что-то особенное. Почему знать, можетъ-быть Турки рассчитываютъ, также какъ и мы, на быстроту дѣйствій, и пользуясь неподвижностью Александропольскаго отряда, успѣли тайно перевести оттуда значительную часть войскъ, чтобы задавить насъ и покончить съ нами прежде чѣмъ Александропольскій отрядъ успѣетъ что-либо предпринять. Они должны бы были такъ дѣйствовать; того требовала ихъ польза; а дѣйствуя въ своемъ краѣ, могли удобно скрыть передвиженія. По расчету, что силы преувеличиваются чаще всего вдвое, можно было допустить, что Ванскій корпусъ состоитъ изъ 20-ти тысячъ при 20-ти орудіяхъ. Для предприимчиваго начальника это была находка. Разбитіе такого корпуса доставило бы намъ большую славу; молва не уменьшила бы его численность и разбитымъ; Турки вѣроятно распространяли сами слухъ о 40 тысячахъ, и онъ такимъ пошелъ бы и послѣ битвы. У насъ было въ строю семь баталіоновъ, а Чингильское сраженіе было выиграно только четырьмя, т.-е. почти вдвое меньшимъ числомъ; слѣдовательно если бы въ Ванскомъ корпусѣ дѣйствительно было 40 тысячъ людей, то преимущества все-таки оставались на нашей сторонѣ, потому-что мы приобрѣли теперь бѣльшую нравственную силу послѣ одержанной побѣды. Наступательныя дѣйствія усилили бы насъ еще болѣе. Расчетъ и самолюбіе требовали атаковать Ванскій корпусъ впереди настоящаго мѣста; — его сближеніе съ нами вполне удовлетворяло наши желанія и расчеты. Полковникъ Цумпфортъ рѣшился дѣйствовать на-



ступательно. Но при такомъ намѣреніи полезно было не торопиться, чтобы дать Туркамъ время перейти чрезъ Алла-дагъ, перевезти чрезъ него свои орудія и тяжести и тѣмъ затруднить себѣ отступление; въ такомъ положеніи они пропали бы, если бъ были разбиты, несмотря на то, что мы исправили дорогу. Надобно замѣтить, что наши милиціонеры изъ азіятцевъ имѣли такое сильное убѣжденіе въ дѣйствительности 40 тысячъ Ванскаго корпуса, что были положительнаго мнѣнія въ необходимости нашего отступления, если не въ Эриванскую губернію, то хотя ближе къ Орговскому перевалу, и предлагали это, считая неблагоразумнымъ оставаться у Баязета.

Къ вечеру 10-го октября всѣ излишнія тяжести были отправлены въ вагенбургъ и по отряду отдано приказаніе быть готовымъ къ выступленію завтра рано утромъ; но не было сказано куда мы поидемъ. Баязетскіе Армяне, видя движеніе нашихъ повозокъ назадъ, приходили въ отчаяніе и были убѣждены, что мы отступаемъ. Слухъ о томъ могъ дойти до Ванскаго корпуса и придать ему еще болѣе рѣшительность дѣйствовать наступательно.

Рано утромъ 11-го октября, когда войска выстроились, было отдано приказаніе наступать и войска тотчасъ тронулись на Казиль-дизу. Это распоряженіе было такъ неожиданно, что нѣкоторые изъ нашихъ милиціонеровъ, — азіятцевъ, заболѣли непритворно, не могли ѣхать, были отвезены въ вагенбургъ, а потомъ домой въ Эриванскую губернію, гдѣ они распространили слухъ о наступленіи многочисленнаго корпуса Турокъ и сомнѣніе не разбиты ли уже мы, и проболѣли до глубокой зимы; убѣжденіе въ 40-ка тысячахъ Турокъ и въ кровопролитіи предстоящаго боя было такъ сильно, что нѣсколько человѣкъ изъ милиціи даже бѣжали. Отрядъ пошелъ на-легкѣ; взятые обозы были оставлены назадъ подъ прикрытіемъ небольшой части нѣ-

хоты. Но это наступленіе привело въ восторгъ баязетскихъ Армянъ. Многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ старики, догнавши отрядъ на дорогѣ, вооруженные съ головы до ногъ, просили позволенія присоединиться къ намъ и объявили, что они готовы умирать вмѣстѣ съ нами. — «Чѣмъ мы лучше васъ, говорили они: — вы защищаете насъ, идете драться за насъ; — мы обязаны умирать вмѣстѣ съ вами!» Одушевленіе и видъ этихъ людей, никогда можетъ-быть не носившихъ оружія и теперь вооруженныхъ, былъ трогателенъ и забавенъ.

Но турецкая кавалерія, стоявшая на высотахъ Алла-дага, исчезла, только что пыль отъ нашихъ войскъ поднялась въ ущельѣ за Казиль-дизою. Не доходя Тапариса, мы встрѣтили нѣсколько человекъ бѣжавшихъ къ намъ Курдовъ Иззды, которые объявили, что Турки ушли въ Магометову долину. Кавалерія, опередившая пѣхоту, поднялась на хребетъ; въ Магометовой долинѣ никого не было, или по-крайней-мѣрѣ никого не было видно, сколько мы могли видѣть на далекое разстояніе. Наступленіе наше, желаніе поддѣть Турокъ, энтузіазмъ Армянъ и опасенія милиціонеровъ, все оказалось напраснымъ. Очевидно, Селимъ-паша сыгралъ съ нами комедію, и мы разыграли одинъ изъ актовъ азійтскихъ военныхъ дѣйствій, похожихъ на первое наше дѣло съ башни-бузуками 23-го іюня у Орговскаго поста, когда оба непріятели наскакиваютъ другъ на друга и отступаютъ не сдѣлавъ другъ другу никакого вреда. Селимъ-паша употребилъ азійтскую тактику и хотѣлъ насъ выгнать изъ Турціи однимъ страхомъ своего наступленія, нерискуя самъ никакою опасностію. Онъ распространилъ слухи о своемъ наступленіи и числительности Ванскаго корпуса въ 40 тысячъ, повсемѣстно, всѣми средствами, и для приданія этому вѣроятія выдвинулъ на Алла-дагъ нѣсколько сотъ своей кавалеріи, а самъ съ главными силами

однако же подвинулся впередъ,—что оказалось справедливымъ,—но на такое дальнее разстояніе отъ Алла-дага, что имѣлъ возможность отступить безопасно. Если бы мы отступили ближе къ нашимъ границамъ на основаніи однихъ слуховъ, чему на войнѣ встрѣчаются частые примѣры и Селимъ-паша дѣйствовалъ не совсѣмъ неосновательно,—его идея не вполне нелѣпа,—то онъ занялъ бы Баязетъ и исполнилъ бы приказаніе своего начальства. При этомъ нельзя не замѣтить всеобщаго согласія показаній, почти заговора въ распространеніи слуховъ о 40-ка тысячахъ и о рѣшительномъ наступленіи ихъ; и значитъ всеобщаго убѣжденія, что можно выгнать непріятеля одними слухами. Хальфа-Кули-ханъ, Персіяне каравана, баязетскій диванъ и всѣ жители показывали одинаково, а многіе, преимущественно Персіяне, лгали съ намѣреніемъ. Вѣроятно Персіянамъ хотѣлось, чтобы мы ушли съ караванной дороги. Всѣ хотѣли убѣдить Армянъ, обмануть ихъ, навести на нихъ ужасъ и чрезъ нихъ дѣйствовать на насъ; только одни Армяне не лгали и были искренно убѣждены и напуганы дѣйствительностію этого наступленія. Случай этотъ обрисовываетъ здѣшнюю войну и показываетъ, какъ здѣсь надо быть осторожнымъ въ довѣрїи къ слухамъ и въ дѣйствіяхъ на основаніи однихъ слуховъ. Здѣсь болѣе чѣмъ въ Европѣ нужно каждый слухъ слушать, но не каждому слуху вѣрить. Наступать далѣе было бы напрасно; мы сдѣлали переходъ въ 22 версты; до корпуса Селимъ-паши осталось еще болѣе 50-ти верстъ, въ томъ числѣ переходъ чрезъ огромный хребетъ. Чтобы достигнуть положительныхъ результатовъ, надобно было уже разсчитывать не на бой, а на продолжительное наступленіе. Отрядъ, въ ожиданіи разрѣшенія идти на Ванъ, остановился лагеремъ, кавалерія у Казыгѣла, пѣхота противъ д. Тапариса.

Курды говорили, что Ванскій корпусъ стоитъ теперь

дѣйствительно не въ Бергерахъ, а на р. Канлычаѣ въ разстояніи 50-ти верстъ отъ Тапариса. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, 12-го октября сдѣлана была рекогносцировка за Алла-дагъ всею кавалеріею, поддержанною тремя егерскими батальонами, слѣдовавшими за нею въ значительномъ разстояніи. Кавалерія дошла до р. Сауксу, до которой доходила прежде. Въ нѣкоторомъ отдаленіи за этой рѣкой стояли, сначала незамѣченныя нами скрытыя мѣстностію, два эскадрона регулярной турецкой кавалеріи въ полномъ порядкѣ и близъ нихъ сотня Курдовъ. Допустивъ насъ версты на двѣ, они повернули, поѣхали рысью и вскорѣ скрылись въ отдаленіи. Мы не преслѣдовали ихъ. Съ окрестныхъ высотъ мы увидѣли въ зрительную трубу, верстахъ въ 20-ти отъ насъ, палатки турецкаго лагеря. Теперь сомнѣнія не было; Ванскій корпусъ дѣйствительно выдвинулся впередъ. Ходившіе за Алла-дагъ въ слѣдующіе дни наши разъѣзды видѣли палатки эти на прежнемъ мѣстѣ. Селимъ-паша стоялъ упорно, дожидая, какъ объявятся жители, нашего отступленія, чтобы занять Баязеть. Это обстоятельство дѣлало вѣроятнымъ свѣдѣнія о данномъ ему предписаніи занять означенный городъ; иначе онъ едва ли рисковалъ бы стоять на одномъ мѣстѣ довольно близко къ намъ; обязанный сдѣлать наступленіе, онъ не могъ уже отступить послѣ этого безъ явнаго неисполненія распоряженій начальства. Въ Эриванской губерніи дѣлались приготовленія къ размѣщенію войскъ на зимнихъ квартирахъ. Жители Баязета знали о томъ вѣрно, и здѣшніе Армяне просили насъ только дать имъ знать о нашемъ выступленіи за нѣсколько дней. Это безсомнѣнія было извѣстно Селимъ-пашѣ; онъ могъ разсчитывать, что по нашемъ уходѣ, который не могъ быть отдаленъ, онъ займетъ Баязеть,—и слѣдовательно можно было надѣяться, что онъ простоятъ на Канлычаѣ еще нѣкоторое время. Снѣгъ,

покрывшій въ половинѣ октября горныя вершины, уже не-таяль, а спускался каждый день всё ниже къ долинамъ: зима приближалась, а съ нею и рѣшеніе для Селнмъ-паши вопроса нашего отступленія.

Наши лазутчики сосчитали въ турецкомъ лагерѣ на рѣкѣ Канлычаѣ 850-тъ палатокъ. По настоящему холодному времени, и при расчетѣ для самихъ Турокъ имѣть съ собою менѣе тяжестей, можно было предположить, что въ каждой турецкой палаткѣ помѣщается 10 человекъ; слѣдовательно въ палаткахъ стояло около 8,000 человекъ. Говорили, что бѣольшая часть регулярной кавалеріи, вся иррегулярная пѣхота и иррегулярная кавалерія стояли въ блжайшихъ куртинскихъ зимовникахъ, гдѣ они пользовались нѣкоторымъ помѣщеніемъ въ квартпрахъ, а также сѣномъ и саманомъ, находящимися въ этихъ зимовникахъ всегда въ достаточномъ количествѣ; часть людей стояла также бивуакомъ и въ шалашахъ въ самомъ лагерѣ. Въ лагерѣ насчитывали 20-тъ орудій. Слѣдовательно, если бы даже собрались всё Курды кочевавшіе въ окрестностяхъ, въ Ванскомъ корпусѣ могло быть не много болѣе 12-ти тысячъ, можетъ-быть 15-тъ тысячъ, человекъ. Войска эти получали продовольствіе изъ Бергеровъ и Вана, гдѣ говорили, заготовлено очень много разнаго провіанта; на Канлычаѣ они стояли на-легкѣ, имѣя съ собою не много тяжестей.

Разрѣшеніе, по представленію командующему корпусомъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ къ Вану, не приходило. Въ предположеніи, что можетъ-быть оно вовсе не будетъ дано, для насъ все-таки представлялась возможность сдѣлать наступленіе за Алла-дагъ, на томъ основаніи, что донесеніе о намѣреніи сдѣлано и отказа не послѣдовало. Въ осеннее время нельзя было медлить; но безъ разрѣшенія опасно было предпринимать и слишкомъ дальнія дѣй-

ствія. Мы могли дойти до рѣки Каплычая, гдѣ стояли Турки, въ два перехода; если бы они не приняли боя и отступили, то для настойчиваго и быстраго преслѣдованія ихъ до д. Бергеры, — отстоящаго отъ Тапариса 110-ть верстъ — потребовалось бы еще два дня; если бы они отступили въ порядкѣ далѣе, то мы могли истребить въ Бергерахъ ихъ продовольственные запасы. На эти дѣйствія и на возвращеніе къ Тапарису требовалось не менѣе десяти дней; нельзя было опасаться, чтобы въ продолженіи этого времени, въ наше отсутствіе, могло что-нибудь случиться на границахъ Эриванской губерніи. По свѣдѣніямъ, непріятельскихъ войскъ не было ни въ Топрахъ-кале, ни въ Кагызманѣ. Въ азіатской турецкой арміи не было организованныхъ перевозочныхъ средствъ, что дѣлало ее неспособною къ дальнимъ военнымъ дѣйствіямъ и предпріятіямъ; войска Турокъ берутъ перевозочныя средства въ краѣ, а съ ними, особенно съ арбами, нельзя дѣйствовать скоро; одинъ сборъ ихъ требуетъ времени; слѣдовательно мы могли смѣло уйти на двѣ недѣли, оставивъ на Арзерумской дорогѣ незначительную часть войска, собственно для защиты границъ Эриванской губерніи съ западной стороны отъ набѣговъ партій Курдовъ и башн-бузуковъ. Но въ насъ было убѣжденіе, что если Селымъ-паша перѣшится принять боя и отступить, то быстрое и настойчивое преслѣдованіе до Бергеровъ разстроитъ его корпусъ и обратитъ отступление въ бѣгство. Въ этомъ корпусѣ былъ остатокъ разбитыхъ на Чигильскихъ высотахъ, и разсѣяніе корпуса, даже овладѣніе его обозами и артиллеріею, не могла быть ошибочная, опрометчивая надежда. Въ такомъ случаѣ сами обстоятельства и успѣхи заставили бы рѣшиться продлить наступленіе до Вана; а для занятія его, истребленія въ немъ непріятельскихъ запасовъ и возвращенія къ Баязету хотя части пѣхоты, по-

требовалось бы не болѣе двухъ недѣль, потому—что при бѣгствѣ Турокъ и рѣшительномъ успѣхѣ нашемъ, не было никакой опасности двинуть къ Вану одну кавалерію, которая можетъ дѣлать по 40—ка верстъ въ сутки, а пѣхоту оставить у Бергеровъ, даже двинуть часть ее къ Вану, а часть тотчасъ направить къ Баязету. Я не думаю, чтобы мы могли быть разбиты. Самое худшее, что можно предполагать, это то, что мы не могли бы выбить Селимъ-пашу изъ его позиціи, и простоявъ противъ него день или два, отошли бы къ Баязету; но мы знали, что Турки не устроивали на Каплычаѣ укрѣпленій, а безъ укрѣпленій они не стали бы дожидаться насъ. На нѣкоторые случаи, напримѣръ на разбитіе насъ Ванскимъ корпусомъ не основательно даже и разсчитывать, когда нѣтъ на то, никакого вѣроятія. Впрочемъ, всякое предпріятіе есть рискъ; ничего не предпринимая, ничего и не сдѣлаетъ. Что касается моего мнѣнія, то я убѣжденъ, что мы сильно разстроили бы Ванскій корпусъ однимъ преслѣдованіемъ, заняли бы Ванъ и уйдя отсюда произвели и оставили бы совершенное разстройство и разрушеніе турецкой власти на большомъ пространствѣ края.

Полковникъ Цумпфортъ рѣшился перейти въ наступленіе 23-го октября, даже если бы онъ до того времени не получилъ отъ князя Бебутова никакого отвѣта на свое представленіе отъ 5-го октября; но это рѣшеніе ни кому не сообщалось, хотя предварительныя къ нему распоряженія дѣлались. Никто не могъ предполагать, чтобы мы перешли въ наступленіе въ такое позднее время.

19-го октября былъ направленъ въ Діадинъ изъ отряда одинъ баталіонъ Ширванскаго полка съ двумя орудіями и на соединеніе съ нимъ изъ Куруна три сотни кавалеріи, для охраненія границы Эриванской губерніи отъ набѣговъ по Арзерумской, и еще болѣе по Ванской дорогѣ,

по которой могли броситься на Діадинъ и далѣ Курды Али-Аги. вмѣстѣ съ этимъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія: чтобы сдѣлать отрядъ какъ можно болѣе подвижнымъ и имѣть съ собою только колесный обозъ собственно для поднятія больныхъ и раненыхъ, въ родѣ подвижнаго госпиталя, въ роты были выданы для возки ротныхъ котловъ и провизіи черводарскія лошади провіантскаго магазина, а ротныя артельныя повозки и казенный полковой обозъ брались почти порожними съ небольшимъ числомъ палатокъ, патроновъ, нужными медикаментами и перевязочными средствами, такъ-что мы по числу собранныхъ такимъ образомъ повозокъ имѣли легкій подвижной госпиталь на 500 человекъ раненыхъ. Брали провіанта на 15 дней, достаточный запасъ патроновъ и картечи и на 5 дней ячменя и сѣна, такъ-какъ подножнаго корма уже не было; все это выюками на черводарскихъ лошадяхъ подвижнаго провіантскаго магазина. Отрядъ былъ сдѣланъ легокъ и подвиженъ для быстрого слѣдованія. Палатки и другія излишнія тяжести, невзятая войсками, переложены на оставшіяся въ вагенбургѣ порожнія арбы подвижнаго госпиталя и артиллерійскаго парка. Такимъ-образомъ было устроено наступленіе и отступленіе; вагенбургъ стоявшій у Арзана, въ случаѣ надобности могъ подняться и перейти со всѣми тяжестями въ Эриванскую губернію. Всѣ слабосильные могшіе заболѣть въ дорогѣ, оставлялись въ вагенбургѣ при лишней ротѣ и были сформированы въ особую команду, могшую быть употребленною для охраненія и защиты вагенбурга, который стоялъ въ карѣ и могъ оказать сильную оборону противъ шаекъ Курдовъ и башни-бузуковъ. Хотя ячменя брали только на 5-ть дней, но войска покупали ячмень у Персіанъ Аваджохской области—и запряжали его впередъ; онъ привозился въ отрядъ къ Тапарису, но могъ быть направленъ



по указанію и въ другое мѣсто. Путь къ Бергерамъ шель вдоль персидской границы; намъ было извѣстно, что Персіяне возятъ тайно ячмень на продажу въ Ванскій корпусъ, какъ они возили его и намъ; слѣдовательно, на этотъ способъ довольствія мы могли рассчитывать и при движеніи за Алла-дагъ. Мы могли также надѣяться найти сѣно и саманъ въ краѣ, такъ-какъ между Алла-дагомъ и Ванскимъ озеромъ были зимовники Курдовъ, около которыхъ всегда заготавливаются эти предметы въ достаточномъ запасѣ для прокормленія стадъ зимою. Какъ безъ опасностей, такъ и безъ лишній нельзя ничего предпринимать; а мы могли, кромѣ своихъ запасовъ, рассчитывать отбить кое что у Турокъ, особенно въ Бергерахъ, гдѣ по показанію лазутчиковъ находились склады пшеницы, ячменя и сѣна.

Отрядъ выступилъ 23-го октября утромъ въ составѣ шести баталіоновъ, десяти орудій и четырнадцати сотенъ кавалеріи. Нельзя было рассчитывать скрыть такое движеніе, и безсомнѣнія въ Ванскомъ корпусѣ знали о нашихъ приготовленіяхъ и узнали въ тотъ же день о выступленіи впередъ; Турки могли видѣть потомъ въ зрительную трубу, какъ наша кавалерія, пѣхота, артиллерія, обозы и выучныя лошади, безконечною нитью съ утра до вечера спускались по южной покатости Алла-дага въ Магометову долину, и если это наступленіе было для ихъ неожиданно, то тѣмъ болѣе должно было встревожить и напугать ихъ: отрядъ могъ казаться многочисленнымъ. Движеніе артиллеріи и обозовъ чрезъ такой огромный хребетъ какъ Алла-дагъ показывало рѣшительное намѣреніе; по переходѣ чрезъ него, главная трудность была уже преодоленна и— конецъ дѣла долженъ былъ представляться всѣмъ гораздо легче, потому-что отъ Алла-дага до Бергеры дорога постоянно спускается отлого до Ванскаго озера, за исклю-

ченіємъ незначительныхъ обратныхъ подъемовъ и спусковъ. Подъемъ на Алла-дагъ не представилъ трудностей; дорога въ продолженіи нѣсколькихъ дней передъ 23-мъ октябремъ повемногу улучшалась высылавшимися командами съ шанцовымъ инструментомъ и была разработана очень хорошо.

Кавалерія, слѣдовавшая впереди, дошла до р. Сауксу передъ вечеромъ, встрѣтила здѣсь до 400 человекъ регулярной турецкой кавалеріи, прогнала ее около 2-хъ верстъ за Сауксу и расположилась бивуакомъ на ночлегъ на лѣвомъ берегу этой рѣки. Впрочемъ, Турки не заводили перестрѣлки, только наблюдали и съ наступившею темнотою сдѣлались не видны. Голова нашей пѣхотной колонны слѣдовала немедленно за кавалеріею; хвостъ и арріергардъ отряда прибыли когда уже стемнѣло; всѣ стали бивуакомъ вдоль р. Сауксу и на горныхъ уступахъ Магометовой долины. Колючка росла въ изобиліи; костры мгновенно запылали. Пока было еще свѣтло, палатки Ванскаго корпуса видѣлись на прежнемъ мѣстѣ.

Но въ то время когда середина пѣхотной колонны спускалась на южную сторону Алла-дага, насъ догналъ нарочный съ предписаніемъ командующаго корпусомъ, служившимъ отвѣтомъ на представленіе 5-го октября. Князь Бебутовъ положительно запрещалъ наступательныя дѣйствія на Ванъ, и разрѣшалъ только принять бой въ такомъ случаѣ, когда Турки сами перейдутъ за Алла-дагъ на сѣверную его сторону, но не увлекаться преслѣдованіемъ за этотъ хребетъ, если бы намъ даже случилось разбить ихъ,—все это на томъ основаніи, что Турки вѣроятно отступятъ и все-таки могутъ занять Баязетъ по уходѣ нашемъ въ Эриванскую губернію. Все это было совершенно справедливо; но мы стояли на одномъ мѣстѣ, ничего не дѣлали и намъ ничего не стояло проходить по Ванскому паша-зы-

ку съ десятокъ дней и погошяться за Турками; а отъ этого похода, какъ я говорилъ выше, по ближайшему усмотрѣнію начальника Эриванскаго отряда, основанному на знаніи близкихъ намъ мѣстныхъ обстоятельствъ и знакомствѣ съ Ванскимъ корпусомъ, произошло бы отступление этого корпуса, можетъ-быть разсѣяніе его, и во всякомъ случаѣ истребленіе продовольственныхъ запасовъ заготовленныхъ въ Бергерахъ, что причинило бы вредъ неприятелю. Имѣя въ рукахъ такое положительное предписаніе, полковникъ Цумпфортъ не рѣшился продолжать наступленіе и утромъ 24-го октября отдалъ приказаніе объ обратномъ слѣдованіи къ Тапарису. Но чтобы движеніе наше по возможности не пропало даромъ и принесло какую-нибудь пользу, онъ приказалъ всей кавалеріи подъ командою полковника Хрещатицкаго сдѣлать рѣшительное наступленіе впередъ на нѣкоторое разстояніе, чтобы держать Турокъ долѣе въ убѣжденіи въ нашемъ наступленіи; а потомъ возвратиться къ пѣхотѣ, которая на всякій случай подождетъ на мѣстѣ ночлега. Утромъ 24-го октября 400 человекъ турецкой кавалеріи, встрѣченной вчера, стояли въ порядкѣ на дорогѣ въ 2-хъ верстахъ отъ нашего бивуака; но палатки Ванскаго лагеря исчезли; съ высотъ, съ которыхъ мы наблюдали прежде, ничего не было видно.

Нѣсколько десятковъ охотниковъ изъ казаковъ выѣхали впередъ съ утра и завязали съ турецкою кавалеріею джигитовку, отъ которой азіяты никогда не отказываются, тѣмъ болѣе, что казаковъ было не много. Охотники выѣхали изъ рядовъ Турокъ и завязали перестрѣлку и скачку. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ наши охотники вдругъ бросились на турецкихъ въ пики и перекололи у нихъ нѣсколько человекъ. Тогда же вся наша кавалерія тронулась для наступленія рысью; а Турки повернули и стали бы-

стро уходить, сохраняя однако же порядокъ. У насъ всѣ знали, что мы должны возвратиться за Алла-дагъ; обманутое ожиданіе боя превращалось въ досаду. Многіе охотники отличій, предпріятій и волненій военныхъ дѣйствій, безсомнѣнія поминали мысленно лихомъ политическія, стратегическія и тактическія соображенія, державшія насъ на одномъ мѣстѣ. Всѣмъ хотѣлось догнать небольшое число Турокъ, уходявшихъ отъ насъ. Наступленіе мало-по-малу превращалось въ преслѣдованіе, становилось быстрѣе-и-быстрѣе. Передовыя казацкія сотни наконецъ мчались во весь карьеръ. Въ рядахъ нашихъ слышались иногда голоса: «валяй, казаки! надо скоро воротиться!» Но турецкіе всадники, выбранные вѣроятно изъ самыхъ добродѣтельныхъ, скакали быстрѣе насъ и мало-помалу скрылись за пѣломами горныхъ боковъ Магометовой долины. Наши лошади были въ мылѣ; намъ оставалось обратнаго пути до пѣхоты не менѣе 10-ти верстъ, и потому полковникъ Хрещатицкій остановилъ кавалерію, далъ ей короткій отдыхъ и двинулся обратно. Въ то же время пѣхота тронулась за Алла-дагъ, и отрядъ прибылъ ночью на прежнія мѣста лагеря у Тапариса и Казы-гѣла.

Можно было надѣяться, что Турки не знали о нашемъ отступленіи, потому-что при возвращеніи нашей кавалеріи, за нею не слѣдили и не наблюдали даже съ отдаленныхъ высотъ, вѣроятно предполагали, что отрядъ будетъ продолжать наступленіе. Въ слѣдующіе дни мы узнали подробно о происходившемъ во время движенія этого, въ Ванскомъ корпусѣ, отъ лазутчиковъ, жителей и Персіянъ, возившихъ ямечь въ лагерь Турокъ на продажу и оставшихся по необходимости съ ними весь день 24-го октября, изъ опасенія попасться намъ на дорогѣ и быть принятыми за Турокъ. Всю ночь съ 23-го на 24-е октября въ ихъ лагерьъ была страшная суматоха и тревога; снимали палат-

ки, укладывали вещи и отправляли въ Бергеры. Съ разсвѣтомъ 24-го октября весь корпусъ былъ въ полномъ отступленіи. Турки шли очень скоро; но когда распространился слухъ, что мы преслѣдуемъ наблюдательный кавалерійскій постъ ихъ и находимся уже близко, то отступление во многихъ частяхъ превратилось въ бѣгство. Пользуясь безпорядкомъ, многіе бѣжали домой; нерегулярныя части разсѣялись. Поздо вечеромъ того же дня Ванскій корпусъ въ величайшемъ разстройствѣ прибылъ въ Бергеры, гдѣ его встрѣтилъ назначенный вмѣсто Селим-паша новый начальникъ, Вели-паша. Однако же слухи о нашемъ возвращеніи дошли до нихъ; чрезъ три дня изъ Бергеровъ послали въ развѣздъ до р. Сауксу, для разузнанія о насъ, 40 человекъ хасасхаръ, которые пользуясь случаемъ, разбѣжались по домамъ. Одинъ изъ нихъ явился въ нашъ лагерь добровольно, другаго поймали наши развѣзды. Они вполне подтвердили вышесприведенныя свѣдѣнія о отступленіи Ванскаго корпуса, и притомъ объявили, что турецкимъ войскамъ надоѣло постоянно тревожное ихъ состояніе и лишенія поздней осенней стоянки; что у нихъ все убѣждены въ невозможности драться съ нами, — и если бы ихъ повели въ бой, то они стояли бы въ строю до встрѣчи съ нами, но намѣрены разбѣжаться при наступленіи нашемъ въ атаку. Наше движеніе за Алла-дагъ было невольно похоже опять на здѣшній способъ военныхъ дѣйствій—страхомъ издали; и этотъ способъ какъ видно можетъ быть употребляемъ противъ Турокъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ.

Послѣ этого намъ неоставалось ничего болѣе дѣлать, какъ пробывать долѣе въ Баязетскомъ санджакѣ, по возможности до закрытія снѣгомъ сообщеній чрезъ Алла-дагъ, чтобы оставить Туркамъ наименѣе удобствъ и времени для занятія Баязета. Отрядъ оставался на одномъ

мѣстѣ у Тапариса до самаго возвращенія въ Эриванскую губернію. 10-го ноября въ Магометовой долинѣ выпалъ снѣгъ, который болѣе не таялъ; наши разъѣзды никого тамъ не видѣли и не находили даже слѣдовъ непріятельскихъ разъѣздовъ. Персіане вздвигшіе въ Бергеры говорили, что близъ р. Канлычая, гдѣ долина нѣсколько суживается и образуетъ ущелье, по которому проходитъ дорога на Ванъ, Турки вырыли, поперегъ, глубокой ровъ, чтобы затруднить наше движеніе, если бы мы вздумали опять наступать; свѣдѣніе это подтвердилось и показывало, что Турки отказались отъ мысли дѣйствовать къ Баязету. Въ половинѣ ноября вся кавалерія ихъ стала на зимнія квартиры въ с. с. Ардишѣ, Петлисѣ и другихъ ближайшихъ мѣстахъ; часть пѣхоты стала также на квартирахъ въ д. Бергеры и ближайшихъ зимовникахъ Курдовъ. Къ 15-му ноября снѣгъ покрылъ горы Баязетскаго напалыка почти до подошвы; часто выпадалъ и въ долинѣ, заваливалъ наши палатки, но въ низменныхъ мѣстахъ къ полудню таялъ. Дороги дѣлались грязными. Холода доходили ночью до  $-6^{\circ}$  Р. Немнѣя назначенія дѣйствовать, отряду пора было уйти на зимовья квартиры. 1-го ноября начальникомъ Эриванскаго отряда былъ назначенъ генераль-маіоръ Сусловъ. 12-го ноября отрядъ увеличился двумя остальными батальонами Рязскаго пѣхотнаго полка и легкою № 8-го батарею 18-й артиллерійской бригады, присланными изъ Александропольскаго отряда вѣроятно для удобствъ довольствія и квартированія. Если бы эти войска были присланы ранѣе, то мы могли бы оставить для защиты границъ Эриванской губерніи самостоятельную часть войска и ничто не мѣшало бы намъ сходить къ Вану. Людямъ осторожнымъ можетъ-быть это казалось лишнимъ, бесполезнымъ и даже смѣшнымъ, по страницы русской военной

исторіи могли бы украситься одною лишнею побѣдою, которая могла пригодиться хотя впоследствии.

Предъ выступленіемъ въ Эриванскую губернію, генераль-маіоръ Суслевъ послалъ подъ командою полковника Хрещатицкаго десять сотень кавалеріи въ объѣздъ края занятаго нами, чтобы оставить въ немъ долѣе наше вліяніе и содѣйствовать монахамъ Сурбъ-Оганеса переселиться въ Эчміадзинъ, если бы они пожелали того,—что они неоднократно выражали прежде. Выступивъ отъ Тапариса 15-го ноябрю, кавалерія проѣхала чрезъ Діадинъ, Сурбъ-Оганесъ и по Арзерумской дорогѣ къ сторонѣ с. Караклиса, и 18-го ноябрю воротилась къ отряду. Монахи не рѣшились бросить своего монастыря; но отправленные ими прежде мощи и драгоцѣнности, остававшіяся все лѣто въ с. Мусунъ, отослали въ Эчміадзинъ съ шедшими туда нашими войскамн.

Насъ удерживали въ Баязетскомъ санджакѣ значительныя переселенія въ него Курдовъ, начавшіяся послѣ движенія отряда за Алла-дагъ. Полезно было, чтобы они нашли и узнали здѣсь власть Русскихъ. Потерявъ надежду воротиться въ свои жилища съ турецкими войскамн, они обращались уже къ намъ, искали нашего покровительства, изъявляли покорность. Наступавшая зима гнала ихъ изъ Алла-дага, гдѣ имъ было тѣсно. Почти всѣ Джелали и Гейдераплы воротились въ Баязетскій пашалыкъ, а старшины Гейдераплы, жившихъ и прежде между Алла-дагомъ и Ванскимъ озеромъ, пріѣзжали въ отрядъ, чтобы войти въ сношеніе съ нами и обезопасить себя на зимнее время отъ нашихъ непріязненныхъ дѣйствій. Ихъ принимали хорошо и старались внушить къ намъ довѣріе. Хотя мы не имѣли еще точныхъ свѣдѣній, но могли уже подозрѣвать, что наше наступленіе къ Вану и бѣгство Турокъ, показывавшее все безсиліе ихъ, отозвалось далеко и произвело еще

\*

большія послѣдствія, чѣмъ смиреніе ближайшихъ къ намъ куртинскихъ обществъ.

#### XI. Поѣздка въ Персію.—Возвращеніе отряда въ Эриванскую губернію.

Передъ самымъ выступленіемъ отряда въ Эриванскую губернію, генераль-маіоръ Сусловъ имѣлъ свиданіе съ Али-ханомъ, правителемъ персидской Макинской области, лежащей въ углу Персіи между границами Россіи и Турціи. Свиданіе это не имѣло никакой политической цѣли. Намъ было любопытно посмотреть на Персію и полезно поддерживать хорошія отношенія съ сосѣдями, съ которыми были въ мирѣ. Али-ханъ макинскій, во все время дѣйствій отряда въ Баязетскомъ пашалыкѣ, оказывалъ намъ вниманіе; посылаемые имъ нарочные очень часто пріѣзжали въ отрядъ съ поклономъ начальнику отряда и вопросомъ о состояніи его драгоценнаго здоровья. Онъ пользовался уваженіемъ въ окрестностяхъ, въ Персіи и Турціи, между Татарами, Персіянами, Армянами и Курдами, и могъ даже быть намъ полезенъ во время нашего отсутствія изъ Турціи, надзоромъ за возвратившимся на южные склоны Арарата обществами Джелалинцевъ, кочевавшими частію и въ Персіи, — отличающимся особенно-безпокойнымъ характеромъ и наклопностію къ грабежамъ. Правитель другой персидской области, Аваджоха, пограничной только съ Турціею, Хальфа-Кули-ханъ, могъ быть также очень полезенъ намъ однимъ дозволеніемъ персидскимъ жителямъ возить въ нашъ отрядъ на продажу ячмень. Мы поддерживали и съ нимъ дружескія сношенія, его дѣти даже пріѣзжали нѣсколько разъ къ намъ въ гости. Но Хальфа-Кули-ханъ былъ еще ближе къ Ванскому корпусу, и, какъ



мы знали, находился въ очень хорошихъ съ нимъ отношеніяхъ. Изъ Аваджоха возили туда постоянно ячмень; Турки даже ремонтировали въ этой области лошадей для своей артиллеріи. Мы могли обойтись безъ ячменя Аваджохской области, но для Ванскаго корпуса, дѣйствовавшаго въ кочевыхъ пустыняхъ между Алла-дагомъ и Ванскимъ озеромъ, онъ былъ полезенъ; и потому мы смотрѣли на Хальфа-Кули-хана не совсѣмъ дружелюбно и старались его пугать и даже принять положительныя мѣры, чтобы лишить Ванскій корпусъ аваджохскаго ячменя. Въ послѣднее время Хальфа-Кули-ханъ сталъ самъ искать нашего расположенія, чему способствовалъ еще особый частный случай. Около половинны октября сынъ его укралъ племянницу Али-хана макинскаго и женился на ней. Али-ханъ считался гораздо выше родомъ и званіемъ Хальфа-Кули-хана, бывшаго когда-то его нукеромъ и обязаннаго ему своимъ возвышеніемъ, и полагалъ себя оскорбленнымъ этимъ родствомъ. Молодые супруги могли быть тайно убитыми и спасаясь гнѣва Али-хана куда-то скрылись. Но послѣдній рѣшился непремѣнно отмстить за оскорбленіе и расправиться самъ съ Хальфа-Кули-ханомъ, — для этого собралъ своихъ приближенныхъ и подчиненныхъ и выступилъ противъ него съ войскомъ. 25-го октября онъ прислалъ къ начальнику Эриванскаго отряда своего приближеннаго нукера съ официальнымъ увѣдомленіемъ о происшествіи и о выступленіи для военныхъ дѣйствій, съ 5-ью тысячами человѣкъ; безсомнѣвія число это было преувеличено вѣроятно въ десять разъ. Въ то же время Хальфа-Кули-ханъ прислалъ къ начальнику отряда одного изъ своихъ сыновей съ просьбою заступиться за него силою, или помирить его съ Али-ханомъ. Мы не имѣли никакого права мѣшаться въ ихъ дѣла, а потому полковникъ Цумпфортъ отказался принять участіе въ этой ссорѣ. Тог-

да Хальфа-Кули-ханъ послалъ къ Али-хану свою жену и старшаго сына, и они слезами и мольбами успѣли смягчить разгнѣваннаго старика. Али-ханъ рѣшился забыть оскорбленіе; но не хотѣлъ видѣть ни Хальфа-Кули-хана, ни его сына, ни свою бѣжавшую племянницу. Вѣроятно, что въ ссорѣ ихъ приняло участіе персидское правительство и запретило Али-хану употреблять въ дѣло вооруженную силу и начинать внутреннюю войну. Но также вѣроятно, что Али-ханъ могъ бы сдѣлать съ Хальфа-Кули-ханомъ что хотѣлъ, если бы не поскупился и заплатилъ высшимъ чиновникамъ. Узнавъ, что мы хотимъ ѣхать къ Али-хану, Хальфа-Кули-ханъ пожелалъ воспользоваться этимъ случаемъ и просилъ дозволенія ѣхать съ нами; онъ надѣялся, что наше присутствіе поможетъ ему смягчить гнѣвъ Али-хана, а главное не боялся быть убитымъ при насъ, что могло случиться, если бы онъ попался наединѣ въ руки приверженцевъ Али-хана.

Али-ханъ макинскій пользовался особенною милостію отца настоящаго шаха, былъ его любимцемъ и сардаремъ. Его считаютъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей Персіи. При настоящемъ шахѣ (1854 г.) онъ устранился отъ дѣлъ, остался только правителемъ Макинской области, которой онъ былъ, почти всею, помѣщикомъ, и жилъ въ своемъ имѣніи, въ г. Маку, окруженный своимъ небольшимъ дворомъ и нукерами. Говорятъ, онъ имѣетъ репутацію хитраго человѣка и извѣстенъ въ Персіи подъ именемъ «старой лисы». Ему было около 75-ти лѣтъ. Наше свиданіе было условлено въ куртинской персидской деревнѣ Базыргапъ, лежащей близъ границъ Турціи въ 25-ти верстахъ отъ Баязета противъ Малаго-Арарата. Али-ханъ выѣхалъ туда изъ Маку для принятія насъ какъ гостей, и расположился временнымъ кочевникомъ возлѣ Базыргана. Съ начальникомъ отряда поѣхали я, семь человѣкъ другихъ офи-

церовъ и въ конвоѣ двѣ сотни казаковъ. Мы выѣхали изъ отряда утромъ 21-го ноября и прибыли къ границѣ въ 3-и часа пополудни, сдѣлавъ прямою дорогою Баязетскими горами около 50-ти верстъ.

На самой границѣ насъ встрѣтили два сына и племянникъ Али-хана съ тремя сотнями Персіянъ и Курдовъ, совершенно похожихъ одѣянїемъ и вооруженїемъ на нашихъ милиціонеровъ. Это была часть, а можетъ-быть и все войско Али-хана, составленное изъ бековъ и пукеровъ, живущихъ на его землѣ. Дѣти и племянникъ Али-хана были представлены генералу Суслову и познакомились съ нами; они говорили, что отецъ ихъ и они давно желали имѣть счастье и честь сдѣлать это знакомство. Они были одѣты великолѣпно, въ архалуки изъ дорогихъ кашмировыхъ шалей; оружіе блестяло золотомъ и драгоценными каменьями; отличныхъ статей тухменскіе жеребцы, которые здѣсь цѣнятся выше арабскихъ лошадей, и дѣйствительно хороши, рисовались подъ ними, убранные въ сбрую горѣвшую и звенѣвшую чистымъ золотомъ. За каждымъ, пукера вели по другому такому же жеребцу, убранному въ такую же сбрую. Отъ границы до Базыргана на протяженіи 3-хъ верстъ, мы ѣхали со всеми военными почестями по здѣшнему обычаю. Около 20-ти всадниковъ выѣзжали во весь карьеръ изъ фронта и джигитовали передъ нами, скакали мимо насъ поперегъ дороги и стрѣляли внизъ передъ генераломъ, потомъ представляли одиночные бои и схватки. Курдъ нападалъ со своей шкой на всадника вооруженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ, или обратно; два противника сѣзжались съ противоположныхъ сторонъ, стрѣляли другъ въ друга изъ ружей, потомъ въ упоръ изъ пистолетовъ, отбрасывали ихъ за плеча и выхватывали шашки; послѣ нѣсколькихъ размаховъ и примѣрныхъ ударовъ, кто-нибудь обращался въ бѣгство, и его преслѣдовали. Въ этой

джигитовкѣ принимали участіе дѣти и племянникъ Али-хана. При самомъ вѣздѣ въ деревню, предъ нами на самой дорогѣ закалывали барановъ, обливали кровью ихъ нашъ путь, потомъ голову волокли въ одну, а туловище въ другую сторону. Здѣсь же встрѣтили насъ десять слугъ Али-хана, которые, съ длинными тростями, пошли попарно впереди генерала до самой палатки. Для приѣма были разбиты шесть круглыхъ шатровъ огромнаго размѣра собственно для офицеровъ и десять большихъ куртинскихъ чадръ для казаковъ.

Али-ханъ вышелъ къ намъ навстрѣчу, познакомился со всѣми и повелъ въ палатку, назначенную для приѣма. Наружный наметъ этой палатки, имѣвшей до 8-ми саженой въ діаметръ, сдѣланъ изъ бѣлаго полотна; внутри разбитъ другой шатеръ изъ шелковой матеріи, вышитой разноцвѣтными узорами; на ночь онъ раздѣлялся поперечными бархатными занавѣсями на три отдѣльныя комнаты; теперь занавѣсей не было; палатка имѣла видъ круглой залы, устланной богатыми персидскими коврами; вдоль стѣнъ стояла европейская мебель, диваны и кресла, обитые малиновымъ бархатомъ. Али-ханъ и мы сѣли, но сыновья его и другіе бывшіе тутъ Персіяне стояли. Али-ханъ небольшого роста, сухой, смуглый, рябоватый старикъ, съ черными, живыми глазами и большою выкрашенною черною какъ смоль бородою. Онъ очень говорливъ, держитъ себя съ достоинствомъ, имѣетъ приличные манеры, какъ вообще всѣ Персіяне высшаго богатаго сословія и не имѣетъ ничего страшнаго, бросающагося въ глаза. Онъ хвалилъ нашу побѣду и рассказывалъ намъ о знакомствѣ своемъ съ многими русскими генералами въ прошедшую персидскую и турецкую войну. Во все это время, въ палаткѣ возлѣ входа сидѣлъ на полу сѣдой Курдъ, одѣтый въ свое народное платье изъ краснаго сукна; это былъ

оруженосецъ и любимецъ Али-хана, раздѣлявшій съ нимъ въ молодости всѣ походы и опасности. На кольчугахъ у него лежала почетная сабля Али-хана, подарокъ покойнаго шаха; клинокъ ея дамасскій, рукоять и ножны усыпаны крупными брилліантами и изумрудами.

Вскорѣ намъ подали чай, приготовленный совершенно по-русски; серебряный сервизъ былъ великолѣпный и выписанъ изъ Россіи. Потомъ пригласили обѣдать. Али-ханъ извинился, что не можетъ обѣдать съ нами, потому-что обыкновенно въ это время молится Богу. Столъ былъ накрытъ по-европейски, въ такомъ же великолѣпномъ наметѣ, какъ пріемный; вездѣ блестѣли золото, серебро, хрусталь и бархатъ. Уже стемнѣло; столъ и палатка были освѣщены стеариновыми свѣчами, горѣвшими въ большихъ серебряныхъ канделябрахъ. Закуска и обѣдъ были приготовлены и подавались съ полнымъ знаніемъ французской кухни, улучшенной народными персидскими блюдами; были русскіе щи, соусы съ трюфлями, жаркія изъ дичи, мороженое, персидскіе шапльки разныхъ сортовъ, въ которыхъ мясо перемѣшано съ пряностями или съ сладостями, нѣсколько сортовъ плову, съ мясомъ, безъ мяса, съ шафраномъ и съ сладостями, манна въ молокѣ, имѣвшемъ запахъ розъ и проч. Обѣдъ былъ очень длинный. На столѣ стояло варенье, которое Персіане ѣли между кушаньями. Хотя на Востокѣ обыкновенно ѣдятъ съ помощію пальцевъ и сидятъ на полу поджавъ ноги; но здѣсь всѣ Персіане сидѣли на стульяхъ и ѣли ложками, ножами и вилками. Вина были хороши, испанскія, бургонскія, шампанскія и другія, портеръ и англійское пиво. Старшій сынъ Али-хапа не пилъ вина, потому-что былъ хаджи, т.-е. ѣздилъ въ Мекку, но другіе Персіане не ходившіе въ Мекку, пили всѣ. За обѣдомъ Персіане были одѣты не въ военныя короткія платья, но въ роскошныя длинныя бархатныя халаты и

бурнусы, сшитые очень изящно. После обеда воротились въ прежнюю палатку, гдѣ дожидался насъ Али-ханъ. Подали кофе двухъ сортовъ, сначала крѣпкій въ маленькихъ чашечкахъ безъ сахару, потомъ съ сахаромъ въ обыкновенныхъ нашихъ чашкахъ и къ нему кальяны и трубки. Около часу прошло въ разговорахъ; наконецъ около 9-ти часовъ мы простились съ хозяевами и разошлись по назначеннымъ каждому палаткамъ. Здѣсь опять насъ угощали чаемъ со сливками, или съ лимономъ и ромомъ. Бывшихъ съ нами казаковъ угостили также виномъ, щами и шашлыками. Я рассказываю эти подробности потому, что мы сами не ожидали, чтобы европейскіе обычаи винъ и кушаньевъ до такой степени проникли въ Персію. Безсомнѣнія, обычаи эти въ употребленіи въ высшемъ и богатомъ сословіи, и то при встрѣчѣ съ европейцами, а не въ обыкновенномъ домашнемъ быту. Въ употребленіи вина нѣтъ ничего хорошаго, но на Востокъ оно кажется первымъ шагомъ просвѣщенія, уступкою, смягченіемъ, ослабленіемъ фанатизма, враждебнаго намъ магометанства.

На другой день 22-го ноябля, послѣ чая, завтрака, переговоровъ о занимавшихъ насъ дѣлахъ, и взаимныхъ подарковъ, которыми мы по восточному обычаю отблагодарили Али-хана и его дѣтей за ихъ радушный пріемъ, мы отправились въ свой лагерь, провожаемые до турецкой границы съ такими же почестями, стрельбою и джигитовкою, съ какими были встрѣчены. Вместе съ нами ѣздилъ къ Али-хану и Хальфа-Кули-ханъ, примирившіеся при этомъ окончательно.

23-го ноябля Эриванскій отрядъ выступилъ изъ Турціи въ наши предѣлы, и перешелъ нѣсколькими отдѣльными эшелонами Агри-дагъ: пѣхота по Орговской дорогѣ въ Игдырь, куда прибыла 25-го ноябля, а кавалерія чрезъ Мусунъ, Абазъ-гѣльскій переваль и Кульпы—въ Кюлюкь

и Игдырь, куда прибыла 27-го ноября. Такимъ-образомъ, кавалерія объѣхала вдоль нашей границы и показала между кочевьями и зимовниками Курдовъ, воротившихся изъ-за Алла-дага, что было полезно для внушенія Курдамъ бôльшей склонности къ спокойствію в порядку. 1-й баталіонъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, переведенный нѣсколько дней прежде отъ Діадина къ Мусуну, одновременно съ другими войсками слѣдовалъ къ Амарату чрезъ Агри-дагъ по Караванъ-сарайскому перевалу.

По распоряженію командующаго корпусомъ, Эриванскій отрядъ долженъ былъ оставаться на правой сторонѣ Аракса сосредоточеннымъ на тѣсныхъ квартирахъ между Амаратомъ и Игдыремъ до совершеннаго закрытія снѣгомъ сообщеній черезъ горы, чтобы имѣть возможность отразить Турокъ, если бы они перешли въ наступленіе въ наши предѣлы. Трудно было ожидать отъ Турокъ такой прыти, особенно зимою. Вмѣстѣ съ этимъ было приказано не переходить въ Турцію для наступательныхъ дѣйствій даже въ такомъ случаѣ, когда непріятель займетъ Баязетъ. Хотя послѣ бѣгства Ванскаго корпуса, занятіе Турками Баязета не имѣло большаго нравственнаго значенія, но на всякій случай для сохраненія его за нами, съ нашей стороны былъ употребленъ здѣшній способъ войны дѣйствіемъ страха. Генераль-маіоръ Сусловъ написалъ къ жителямъ Баязета и Баязетскаго пашалыка воззваніе, въ которомъ приказывалъ жителямъ повиноваться дивану, учрежденному нами въ Баязетѣ, а въ случаѣ надобности обращаться къ нему самому въ Эриванскую губернію, и объявлялъ, что если турецкія войска займутъ Баязетъ и приблизятся къ нашимъ границамъ, то мы перейдемъ опять Агри-дагъ и будемъ вѣстать съ ними боя. Членамъ дивана и жителямъ Баязета старался внушить, что мы не отказываемся отъ этого города, и что если Турки займутъ его,

а мы перейдемъ опять въ Турцію чтобы прогнать ихъ, то бой можетъ прозойти въ самомъ городѣ, и тогда мы не отвѣчаемъ за цѣлость жилищъ и жизнь обывателей, такъ-какъ во время боя въ стѣнахъ города трудно предохранить его и намъ и Туркамъ отъ пожара, грабежа и убійства. Жителямъ Баязета была выгодна русская власть; они не платили податей, не несли ни квартирной, ни другихъ повинностей, жили совершенно спокойно, торговали и занимались безъ всякаго надзора контрабандою, и обогатились отъ русскихъ войскъ, платившихъ за все звонкою монетою вдвое дороже прежней цѣны,—въ чемъ они сознавались сами. По всей вѣроятности, они не призвали бы къ себѣ Турокъ.

30-го ноября въ Баязетъ пріѣхали изъ Вана два турецкихъ офицера съ коновоемъ 20-ти человекъ. Они прежде просили дозволенія дивана въѣхать въ городъ. Когда имъ дозволили, они въѣхали осторожно, осматривали замокъ и другія жилища издали, разспрашивали о Русскихъ, о нашихъ войскахъ и начальникахъ, и какъ мы обращались съ жителями. Туркамъ показали воззваніе, сдѣланное начальникомъ Эриванскаго отряда, упрасивали ихъ не пріѣзжать болѣе въ Баязетъ и не занимать его войсками, потому-что это подвергнетъ жителей опасности, а Туркамъ не принесетъ никакой пользы. Офицеры объявили, что Баязетъ пока, на зиму, долженъ оставаться въ настоящемъ положеніи, въ зависимости Русскихъ, но что турецкія войска весною непременно придутъ сюда и будутъ съ нами драться,—и уѣхали. О всемъ этомъ диванъ донесъ генераль-маіору Суслову.

Съ другой стороны, въ началѣ декабря насъ увѣдомили, что въ Топрахъ-кале пріѣхалъ паша, вытребовалъ къ себѣ настоятеля монастыря Сурбъ-Оганеса, разспрашивалъ его также о насъ и о положеніи дѣлъ, упрекалъ въ преданности Русскимъ, но потомъ обласкалъ и сдѣлалъ ему пода-



рокъ. Настоятель просилъ поставить въ монастырѣ небольшую часть войска, для защиты отъ Курдовъ, и мы вскорѣ узнали, что въ монастырѣ прибыли 200 человекъ регулярной кавалеріи, которую размѣстили частію въ монастырѣ, частію въ ближайшихъ деревняхъ, и монахи кормили даромъ. Потомъ мы узнали, что съ прибытіемъ въ Карсъ англійскаго полковника Вилліамса, начали измѣняться прежнія распоряженія, и было предположено перевести войска квартировавшія около Арзерума въ Алашкертскій санджакъ, чтобы сосредоточить у Топрахъ-кале 20-ти тысячный корпусъ для дѣйствій къ Баязету и занятія этого города. Мы привыкли уже къ слухамъ о блестящихъ намѣреніяхъ Турокъ и о грозныхъ приготовленіяхъ ихъ противъ насъ, и во всемъ сомнѣвались.

Въ долину Аракса, при возвращеніи нашемъ, было гораздо теплѣе, чѣмъ въ Баязетскомъ санджакѣ; къ 10-му декабря сдѣлалось и здѣсь холодно. Снѣгъ покрылъ сѣверныя покатоности Агри-дага до самой подошвы; въ низменной долине часто шелъ дождь; дороги начали портиться. Милицію и перевозочныя средства подвижныхъ провіантскаго магазина, госпиталя и артиллерійскаго парка распустили тотчасъ по возвращеніи въ Эриванскую губернію, а 12-го декабря войска разошлись по широкимъ квартирамъ. На правой сторонѣ Аракса стали пять баталіоновъ, № 7-го батарея и Донской № 23-го полкъ, состоявшіе прежде въ отрядѣ, а остальные части, прибывшія впоследствии, были расположены въ армянскихъ селеніяхъ кругомъ Эривани и Эчміадзина. Начальникъ отряда и штабъ его помѣстились въ Эчміадзинѣ.

**ХІІ. Возмущеніе Курдистана.—Эданширъ.—Остатки армянскаго царства.**

Въ началѣ декабря 1854 года незначительная часть турецкаго войска прибыла изъ Арзерумскаго пашалыка въ Алашкертскій санджакъ и расположилась на квартирахъ. До насъ вскорѣ дошли жалобы Армянъ на притѣсненія и оскорбленія, терпимыя ими отъ Турокъ. Въ декабрѣ же мѣсяцѣ Ванскій корпусъ, оставивъ небольшую часть войска въ г. Ванѣ, перешелъ съ Ванской дороги на торговую Арзерумскую дорогу, къ монастырю Сурбъ-Оганесу, соединился здѣсь съ войсками прибывшими изъ Арзерумскаго пашалыка, и приступилъ немедленно къ возведенію полевыхъ укрѣпленій. Отрядъ этотъ получилъ названіе Баязетскаго и состоялъ подъ командою Вели-паши, изъ шести баталіоновъ пѣхоты, 18-ти орудій и нѣсколько регулярной кавалеріи. Вся численность его, по показанію лазутчиковъ, простиралась до семи тысячъ человекъ. Продолженіи зимы, пререгулярныхъ войскъ въ немъ не было. Съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ, когда нельзя было копать землю, войска эти расположились на квартирахъ въ селеніяхъ долины Евфрата, начиная отъ Сурбъ-Оганеса до Мангасара и Караклиса, преимущественно въ самомъ монастырѣ и ближайшихъ къ нему деревняхъ. По этому расположенію было видно, что Турки измѣнили свой прежній планъ дѣйствій на здѣшнемъ театрѣ войны, отказываясь отъ Баязета и Вана и сближали бывшія здѣсь войска съ главною Анатолійскою арміею, давая имъ одно основаніе Арзерумъ или Карсъ. Но Баязетскій корпусъ не долго оставался спокойнымъ на своихъ квартирахъ. Въ декабрѣ 1854 года вспыхнуло въ Большомъ Курдистанѣ возмущеніе Курдовъ подъ предводительствомъ Эданшира, принявшее вскорѣ огромные размѣры и отвлекшее всѣ турецкія вой-

ска со стороны Арзерума и Баязета, а вѣроятно значительную часть и изъ Карса. Объ этомъ возстаніи едва-ли кто нибудь зналъ. Мы имъ не воспользовались. А между-тѣмъ оно было очень важно. Въ Эриванскомъ отрядѣ имѣли нѣкоторые свѣдѣнія о немъ отъ жителей Баязета и отъ Курдовъ, которые всѣ спльно сочувствовали Эзданширу, какъ представителю и вождю ихъ племени, слѣдили за происшествіями съ большимъ вниманіемъ и потому, я полагаю, свѣдѣнія довольно вѣрны.

Курды Большаго Курдистана, лежащаго между Ваномъ, Діарбекпромъ, Месопотаміей и Персіей, пользуясь гористою и лѣсною мѣстностью, всегда сохраняли—какъ я упоминалъ уже выше,—нѣкоторую степень независимости отъ турецкаго правительства. Они управлялись своими старшинами въ родѣ. Лѣтъ 30 тому назадъ, Большимъ Курдистаномъ управлялъ отецъ Эздашира, родоначальникъ племени Гэкары; но потомъ былъ отстраненъ пронсками роднаго своего брата Бадыръ-ханъ-бека, успѣвшаго снискать расположеніе турецкаго правительства и Курдовъ. Въ то время правителю Курдистана подчинялось христіанское племя Айсоры, — потомки Ассиріянъ, какъ говорятъ они самп, — живущее въ Большомъ Курдистанѣ восточнѣе г. Мосула, вдоль самыхъ границъ Персін, частію въ турецкихъ и частію въ персидскихъ предѣлахъ; въ Турціи они населяютъ преимущественно магалъ Діартогобъ, Батонскаго санджака. Притѣсненія Бадыръ-ханъ-бека взбунтовали Айсоровъ, а его неповиновеніе и самовластные дѣйствія вооружили противъ него и турецкое правительство. Для наказанія его были посланы войска, кажется подъ командою Омеръ-паши. Этотъ паша воспользовался неудовольствіемъ Эзданшира (отецъ его уже умеръ), и привлекъ его на свою сторону, а вмѣстѣ съ нимъ и преданныхъ ему Курдовъ. Бадыръ-ханъ былъ схваченъ и отпращенъ въ

Константинополь. Управление Курдистаномъ было поручено Эзданширу; но турецкое правительство, опасаясь и его вліянія на Курдовъ, вскорѣ удалило его отъ управленія, держало гдѣ-то подъ надзоромъ, а управление Курдистаномъ ввѣрило пашамъ. Лихоимство, несправедливости и наспія пашей скоро возбудили всеобщее неудовольствіе не только въ Курдахъ, но и въ Айсорахъ, которые увидѣли, что управление куртинскаго начальника легче и лучше, чѣмъ управление пашей. Въ такомъ положеніи были дѣла передъ началомъ войны 1853 года. Курды, въ надеждѣ добычи, приняли въ ней участіе; но побѣды Русскихъ заставили ихъ разойтись по домамъ; въ Ванскомъ корпусѣ ихъ было немного, и то только изъ ближайшаго гейдераплинскаго общества.

Когда Ванскій корпусъ перешелъ къ Сурбъ-Оганесу, Курды воспользовались удаленіемъ войскъ, и возмущеніе немедленно вспыхнуло, — первоначально въ пашалыкѣ Джезира, между племенами Гэкары, къ которому принадлежалъ Эзданширъ, Мокатцы подъ предводительствомъ ихъ родоначальника Тели-бека, и Бахтанъ; къ нимъ вскорѣ присоединились другія общества Курдовъ и Айсоры. Надо полагать, что въ Курдистанѣ оставались небольшія команды турецкаго войска только при пашахъ и санджаковыхъ начальникахъ; Курды не встрѣтили большихъ препятствій. Въ январѣ 1855 года они овладѣли Васпураканомъ, потомъ Мосуломъ и находящимся въ немъ пушечнымъ заводомъ, прогнали пашу и другія турецкія власти и овладѣли казначействомъ. Къ возставшимъ присоединились Изэды; число войска подъ начальствомъ Эзданшира простиралось въ январѣ до 30-ти тысячъ. Для подавленія возмущенія, Кенгамъ-паша собралъ изъ Багдада и другихъ мѣстъ къ г. Серду сколько мѣтъ турецкаго войска, выступилъ съ нимъ противъ Эзданшира, но въ половинѣ января былъ

разбитъ близъ Серда и бѣжалъ. Возмущеніе обняло все пространство края отъ Багдата до Ванскаго санджака. Курды овладѣли городами: Сердомъ, Шахомъ, Мекисомъ, Медаромъ, Харзаномъ и другими \*); жители вездѣ бунтовали и убивали турецкихъ чиновниковъ; однихъ санджаковыхъ, уѣздныхъ, начальниковъ, говорятъ, погибло 16 человекъ. Небольшіе турецкіе гарнизоны разбѣжались. Въ февралѣ подѣ начальствомъ Эзданшира состояло уже до 60-ти тысячъ войска, а нѣкоторыя показанія доводили число это до 100 тысячъ: къ нему присоединились также Греки, живущіе въ тѣхъ мѣстахъ, и до 2-хъ тысячъ человекъ изъ Арабистана. Мы знали, что Эзданширъ присылалъ къ Ванскому пашѣ предложеніе оставить Ванъ и передать его Эзданширу какъ старинное достояніе его предковъ, въ противномъ случаѣ угрожалъ взять городъ силою. Мы потомъ узнали, что онъ писалъ къ начальнику русскихъ войскъ, расположенныхъ у Баязета, пять разъ, въ отвѣтъ на его письма, предполагая, что нашъ отрядъ стоитъ еще у этого города, — просилъ помочь ему и предлагалъ соединиться съ нимъ у г. Бетлиса, на берегу Ванскаго озера, чтобы потомъ дѣйствовать противъ Турокъ къ сторонѣ Арзерума; но письма эти не дошли до насъ, и во всякомъ случаѣ мы едва ли предприняли бы что-нибудь.

Для дѣйствій противъ Эзданшира были направлены турецкія войска со всѣхъ сторонъ. Мы знали только, что бѣльшая часть Баязетскаго корпуса около 20-го января выступила отъ Сурбъ-Оганеса къ сторонѣ Бетлиса; а отъ Арзерума и Керпи-кѣя пошли войска къ сторонѣ г. Багишъ, которому угрожали Изэды; но о другихъ войскахъ

---

\*) Вообще всѣ собственныя имена написаны здѣсь такъ, какъ называютъ мѣста и лица жители Баязетскаго пашалыка.

не имѣли точныхъ свѣдѣній. Не знаю, въ чемъ заключались дѣйствія турецкихъ войскъ противъ возмутившихся. Были слухи, что между Эданширомъ и Турками произошло сраженіе къ югу отъ Ванскаго озера близъ крѣпостцы Пагвансъ, послѣ чего Турки отступили; потомъ слухи о военныхъ дѣйствіяхъ прекратились. Въ началѣ марта съ Эданширомъ и съ нѣкоторыми другими возмутившимися старшинами вступилъ въ переговоры какой-то англійскій консулъ, старавшійся помирить ихъ съ турецкимъ правительствомъ, и вѣроятно успѣлъ въ этомъ съ нѣкоторыми старшинами. Эданширъ получилъ отъ него въ подарокъ звонкою монетою 400 мѣшковъ курушей. Въ половинѣ марта Эданширъ жилъ уже съ своимъ семействомъ въ г. Гасра-гели, въ пашалыкѣ Джебзира, близъ границъ Персіи, 15-ть дней ходу къ югу отъ Вана. Въ Гасра-гели находится сильная крѣпость, выстроенная, по мнѣнію Курдовъ, когда-то Франками и принадлежавшая съ давняго времени предкамъ Эданшира; Курды, населяющіе окрестный неприступный край, гористый и покрытый лѣсами, говорятъ, никогда не признавали турецкой власти. Эданширъ былъ въ безопасности, но ничего не предпринималъ, вѣроятно по невозможности дѣйствовать своею кавалеріею, по неимѣнію еще подножнаго корма. Въ началѣ апрѣля къ начальнику Эриванскаго отряда явился нѣкто Асло, который увѣрялъ, что онъ посланъ Эданширомъ изъ Гасра-гели къ русскому войску съ просьбою и предложеніемъ дѣйствовать на г. Мушъ, а оттуда на г. Багшишъ, гдѣ онъ можетъ соединиться съ нами. При немъ въ Гасра-гели были возставшіе съ нимъ Курды въ значительномъ еще числѣ, и онъ имѣлъ въ виду продолжать возстаніе, но ожидалъ поддержки съ нашей стороны. Въ концѣ апрѣля въ Баязетскомъ пашалыкѣ распространились слухи, что Эданширъ, довѣривъ честному слову англій-

скаго консула и турецкаго паши, ведшихъ съ нимъ переговоры, выѣхалъ изъ Гасра-геля и явился въ какое-то мѣсто на условленное свиданіе, былъ схваченъ, и отправленъ въ Константинополь. Какъ бы то ни было, мы не слышали, чтобы Турки одерживали побѣды надъ Курдами, но возстаніе прекратилось, Эзданширъ исчезъ и впоследствии мы увидѣли изъ газетъ, что онъ, арестованный, отправленъ дѣйствительно въ Константинополь. Турецкія войска ходившія противъ него отъ Сурбъ-Оганеса подъ начальствомъ Вели-паши, возвратились къ этому монастырю 15-го апрѣля, и Баязетскій корпусъ пришелъ опять въ прежвій составъ свой до 7-ми тысячъ. За усмиреніе Курдистана дана была особая медаль всѣмъ войскамъ, участвовавшимъ въ этомъ походѣ, — доказательство, что турецкое правительство считало важнымъ возстаніе Эзданшира.

Я не отвѣчаю за вѣрность свѣдѣній объ этомъ происшествіи, но баязетскіе Курды и другіе жители были увѣрены въ ихъ справедливости. Они имѣли частыя сообщенія съ Ваномъ и другими еще болѣе отдаленными мѣстами, были сильно заинтересованы всѣмъ что касалось возстанія, какъ событія имѣвшаго и до нихъ отношенія, потому-что они были одушевлены одинаковыми чувствами противъ турецкаго правительства; слѣдовательно могли знать о немъ, если не вполне, то приблизительно-точно.

Эзданширъ поторопился начать возстаніе. Если бы оно произошло въ июю 1855 года, когда наши войска открыли военныя дѣйствія, то могло бы принесть намъ пользу, отвлекши отъ насъ часть турецкихъ войскъ, если бы мы съумѣли имъ воспользоваться. Теперь оно осталось безъ всякихъ послѣдствій. Можно также предполагать, что возстаніе началось бы ранѣе, если бы мы въ октябрѣ 1854 года дѣйствовали къ Вану, — и если бы мы не останавливались и не ограничивались въ своихъ намѣреніяхъ; тогда послѣд-

\*

ствія его могли быть еще значительнѣе; оно могло принять еще болѣе громадныя размѣры. Арабистанъ и другія области Азіятской Турціи, населенныя племенами враждебными также турецкому правительству, могли также подняться, — по-крайней-мѣрѣ таково мнѣніе жителей Азіятской Турціи. Всеобщее неудовольствіе на господство Османовъ и на управленіе ихъ пашей, ждетъ только возможности, одной искры, какъ показало возстаніе Эзданшира, чтобы разгорѣться въ неугасимый пожаръ. Турки боялись нашего наступленія въ Курдистанъ. Когда возмущеніе совершенно уже погасло, одно движеніе сдѣланное впоследствии кавалерією Эриванскаго отряда къ Мелеззирду и Патносу, къ сторонѣ Ванскаго озера, очень напугало главныя начальства Арзерума; они полагали, что движеніе было сдѣлано съ цѣлью возмутить только-что усмирившихся Курдовъ. Неудовольствіе не отстранено, — народъ и его чувства къ Туркамъ остались тѣ же что прежде, и хотя нѣтъ Эзданшира, но вмѣсто него могутъ явиться десятки новыхъ предводителей.

О ходѣ возстанія Эзданшира и о томъ, что онъ ждетъ насъ, изъ Эриванскаго отряда доносили князю Бебутову съ начала января 1855 года; впрочемъ командующій корпусомъ, надо полагать, зналъ о немъ еще лучше насъ. Но вѣроятно какія-либо другія соображенія заставили не обращать на него вниманія. Ктому же зимнія дѣйствія, хотя возможныя въ общемъ смыслѣ и употребляемыя преимущественно передъ лѣтними на Кавказѣ противъ горцевъ, для насъ были теперь довольно затруднительны. Транспорты были распущены. Войска дѣйствующаго корпуса хотя не очень утомились отъ лѣтнихъ дѣйствій, оставаясь на одномъ мѣстѣ, но имъ полезно было отдохнуть собственно для того, чтобы обмундироваться, починить свои обозы, исправить оружіе и прочее, если они не успѣли



этого сдѣлать лѣтомъ. Впрочемъ, во второй половинѣ марта и въ началѣ апрѣля мы могли бы перейти уже въ Турцію; снѣгъ уже растаялъ, дороги сдѣлались хороши и явился небольшой подножный кормъ. На подножный кормъ нельзя было рассчитывать вполне; но недостатокъ его могъ быть замѣненъ лишнею дачею ячменя, который можно возить съ собою. Турецкія войска дѣйствовали противъ Эзданшира зимою при бѣльшихъ неудобствахъ и вѣроятно не возили ничего съ собою, а находили ячмень и саманъ въ краѣ. Нѣкоторыя лишенія неизбѣжны; опасаясь ихъ, ничего не сдѣлаешь. Раннее вступленіе наше въ Турцію весною 1855 года застало бы Эзданшира еще свободнымъ и вывело бы его опять изъ Гасра-гели. Трудно сказать, какую пользу мы могли извлечь изъ возстанія Курдовъ; но бывали примѣры, что изъ подобныхъ происшествій извлекали пользу. Одни дѣйствія наши противъ турецкихъ войскъ продолженія этого возмущенія, поставили бы ихъ въ невыгодное положеніе и, кажется, должны бы были произвести какія-либо особенныя послѣдствія, не похожія на кампанію 1855 года.

Между-тѣмъ какъ все это происходило въ Азіатской Турціи, мы отдыхали на квартирахъ.

Хотя въ Эчміадзинѣ мы не въ Турціи, но только по прибытіи сюда я почувствовалъ всю разницу между Азіею и Россіею. Кельи Эчміадзина съ ихъ камнями, большими окнами съ стекольными рамами, стульями, столами и прочими мелкими ничтожными принадлежностями нѣкоторыхъ удобствъ жизни, показались мнѣ дворцами послѣ палатокъ и особенно послѣ азіатскихъ саклей и булятниковъ, въ которыхъ человекъ живетъ вмѣстѣ съ другими животными и въ первое время, пока привыкнетъ къ нимъ, можетъ задохнуться. Здѣсь, на границѣ двухъ міровъ, чувствуешь бѣольшую жалость, что варварство безнаказанно

рвется съ юга и заливаеъ древнюю гражданственность, и видишь, что просвѣщеніе подвигается съ сѣвера. Здѣсь видишь и чувствуешь, что какъ ни ничтожны могутъ иному казаться изобрѣтенія удобствъ европейской жизни, но они есть блага жизни, почти отличіе человѣка отъ другихъ животныхъ и благоустроенныхъ обществъ отъ полудикихъ. Послѣ кочующей походной жизни чувствуешь нѣкоторое почтеніе къ каждой кровати обѣщающей отдыхъ, къ каждой занавѣскѣ защищающей отъ зноя, къ каждой плотно сдѣланной стѣнѣ и кровлѣ защищающимъ отъ непогоды; и невольно почтишь память допотопнаго человѣка, выдумавшаго ихъ, мыслю, что онъ должно быть былъ очень умный человѣкъ, если изобрѣлъ такія великія вещи. По возвращеніи изъ Азіатской Турціи, особенно по грязной дорогѣ, въ дождь и холодъ, промокши до костей, сдѣлаешься даже невольно мудрецомъ и начнешь разсуждать, что все наши нравственныя страданія самолюбія и честолюбія, любви и ненависти, желаній и отвращеній, есть прихоть и роскошь пресыщеннаго человѣка, который отъ нечего дѣлать изобрѣтаеъ самъ для себя какія-нибудь неудовольствія и страданія,—и что въ сущности онъ долженъ бы быть совершенно счастливъ и сказать спасибо судьбѣ за крѣпкія стѣны и кровлю, за пылающіи камни и за мягкую кровать, въ которой онъ можетъ проспать, раздѣтый, до утра и даже долѣе, не опасаясь что его разбудитъ нападеніе непріятели. А главное, здѣсь видишь, что человѣкъ здѣсь уважается въ его правахъ и не лишается насильственно тѣхъ немногихъ благъ жизни, цѣну которыхъ я только-что понялъ, воротившись подъ теплую безопасную кровлю. Воротившись сюда, въ среду спасаемыхъ нами развалинъ древняго міра и оглянувшись назадъ на пройденныя нами пространства кочевыхъ пустынь и варварства, гдѣ встрѣчаешь только воспоминанія разрушенныхъ городовъ, бро-

шенныя кладбища и людей преслѣдующихъ другъ друга безъ жалости, яснѣ видишь и опредѣлительнѣ оцѣни-  
ваешь наши отношенія къ Азіи.

Эчміадзинъ лежитъ на плоской равнинѣ Аракса въ 25-ти верстахъ отъ этой рѣки и въ 17-ти верстахъ отъ Эривани. Въ немъ, по числу и расположенію строеній, четыре от-  
дѣльных монастыря, отстоящихъ одинъ отъ другаго отъ 100 до 300 сажень; изъ нихъ каждый имѣетъ отдѣль-  
ную церковь и окруженъ отдѣльною стѣною изъ нежженныхъ  
кирпичей, или слѣпленною просто изъ глины. По угламъ глав-  
наго монастыря стоятъ башни съ бойницами. Наружность мо-  
настырей и окружающее ихъ совершенно ровное мѣстополо-  
женіе, не живописны; разведенныя и разводимыя еще кругомъ  
фруктовые сады, лѣтомъ придаютъ мѣстности болѣе ожив-  
ленный видъ. Изъ монастырей примѣчательнѣ особенно глав-  
ный, называющійся Эчміадзиномъ, что на армянскомъ языкѣ  
значитъ: «сошествіе единороднаго сына». Въ немъ находится  
главная соборная церковь, живутъ: патріархъ, архіепископъ и  
ихъ управленіе, и въ церкви хранятся святыни: копье, кото-  
рымъ былъ пораженъ въ бокъ Иисусъ Христосъ и кусокъ дере-  
ва отъ Ноева ковчега. Внутренность монастыря гораздо  
красивѣ наружности. Зданіе, занимаемое кельями и раз-  
ными монастырскими заведеніями, все сплошное, камен-  
ное и выбѣленное; оно тянется вдоль монастырскихъ стѣнъ,  
состоитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ одного, а въ нѣко-  
торыхъ изъ двухъ этажей и имѣетъ нѣсколько внутрен-  
нихъ дворовъ, выложенныхъ широкими каменными тротуа-  
рами. Между строеніями растутъ фруктовыя и тѣнистыя  
деревья; въ канавахъ, выложенныхъ плитами, проведен-  
ныхъ на дворахъ въ разныхъ направленіяхъ, журчитъ по-  
стоянно вода и освѣжаетъ воздухъ въ жаркое время. На  
дворахъ ходятъ бѣлые и разноцвѣтные павлины; на кров-  
ляхъ и деревьяхъ щебечутъ птицы, изъ которыхъ одна

порода похожа на попугаевъ. Все дышетъ здѣсь спокойствіемъ и отдохновеніемъ. Лѣтомъ, въ тѣни деревьевъ, здѣсь можно наслаждаться вполне восточною нѣгой и бездѣйствіемъ. Многія комнаты отдѣланы по-европейски и вообще всѣ кельи имѣютъ достаточныя удобства. Патриаршіе покои хотя не велики, но по особенностямъ архитектуры кажутся великолѣпны, разукрашенные широкими рамами съ разноцвѣтными стеклами въ персидскомъ вкусѣ и расписанныя по стѣнамъ и потолкамъ яркими узорами.

Соборная церковь стоитъ посрединѣ главнаго двора; она основана Григоріемъ, просвѣтителемъ Арменіи, въ началѣ четвертаго вѣка по Р. Х. при царѣ Тритадѣ, въ самомъ началѣ принятія Армянами христіанства. Церковь выстроена изъ чернаго гранита, четырехугольникомъ, бока котораго имѣютъ 17-ть сажени длины; посрединѣ каждаго бока надъ стѣнами стоятъ тонкіе столбы башенъ, покрытыхъ круглою острокопечною крышею; средній куполь узокъ и лежитъ на острыхъ сводахъ упирающихся на стѣвы. Со стороны западнаго входа къ церкви пристроена невысокая колокольня, болѣе новѣйшей постройки (около 300 лѣтъ тому назадъ), отдѣланная снаружи выпуклыми украшеніями мелкой работы и изящнаго узора въ восточномъ вкусѣ. Внутренность храма очень проста; стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раскрашены старинною живописью очень простой работы. Посрединѣ церкви стоитъ алтарь, подъ балдахиномъ на тонкихъ столбикахъ, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ во времена язычества стоялъ какой-то идолъ.

Другія церкви называются именами святыхъ женщинъ, мощи которыхъ покоятся въ нихъ: св. Ресиміи, св. Кайяны и св. Шоагатъ. Церкви такъ же древни и построены изъ гранита, какъ эчміадзинская; церковь св. Кайяны имѣетъ то преимущество, что не была ни разу исправляема со времени основанія, точно также какъ сурбъ-оганесская. Всѣ онѣ

неимѣютъ никакихъ, ни внутреннихъ ни наружныхъ, украшеній; стѣны голыя, видъ бѣдный. Мощи святыхъ лежатъ въ каменныхъ низкихъ склепахъ подъ помостомъ алтаря; входы въ склены очень узки и низки, такъ-что ими надо лѣзть ползкомъ. Эти почтенныя древности внушаютъ грустное чувство, напоминая о бывшемъ здѣсь и погибшемъ просвѣщеніи; но здѣсь оно тотчасъ мѣняется удовольствіемъ при видѣ новыхъ монастырскихъ зданій, болѣе европейской архитектуры, свидѣтелей новаго просвѣщенія, возникающаго подъ покровомъ русскаго владычества.

Монахи рассказали намъ исторію основанія Эчмиадзина. Св. Репсимія жила въ концѣ III-го и началѣ IV-го вѣка по Р. Х., была Римлянка царственнаго происхожденія, красавица и богата; много молодыхъ людей искали руки ея; но одушевленная святымъ чувствомъ она отвергла жениховъ, отказалась отъ счастья семейной жизни и посвятила себя распространенію божественныхъ правилъ религіи. Съ цѣлію проповѣдывать христіанство, она съ свитою, состоящею изъ 30-ти женщинъ, — въ числѣ которыхъ главными были св. Кайяна и св. Шоагаты, — одушевленныхъ одинакими съ ней чувствами, и съ многочисленною прислугою, прибыла въ Арменію, гдѣ какъ Римлянка была принята царемъ Тритадомъ со всею подобающею ей почестью. Но она была красавица; царь влюбился въ нее и захотѣлъ на ней жениться. Можетъ-быть принявъ предложеніе Тритада она заставила бы его также сдѣлать все что ей угодно, какъ дѣлаютъ вообще умныя и добродѣтельныя жены съ своими мужьями; но преслѣдуя болѣе высокую и святую цѣль, она отвергла его. Отказъ привелъ его въ бѣшенство и злой духъ овладѣлъ имъ. Поддержанный интригами нѣкоторыхъ римскихъ патриціевъ, можетъ-быть прежде отвергнутыхъ жениховъ Репсиміи, онъ въ безуміи отдалъ Римлянокъ на жертву старой религіи, и взбунтованный народъ замучилъ

ихъ. Тѣла ихъ были брошены въ полѣ; но тѣла Репсиміи, Кайяны и Шоагаты остались нетлѣнными и въ продолженіи нѣсколькихъ ночей надъ ними было видно сіяніе. Св. Григорій былъ родомъ Персіянинъ, знатнаго семейства и совоспитанникъ Трпатада. Онъ началъ проповѣдывать христіанство въ Арменіи вскорѣ послѣ Репсиміи; послѣ многихъ неудачъ, гоненій и страданій, успѣлъ крестить самаго Трпатада, и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были замучены Римлянки, основалъ монастыри надъ ихъ мощами.

Армянское царство простиралось отъ Тавриза до Арзрума и отъ Вана до предѣловъ Грузіи. Долина Аракса составляла Большую Арменію, и здѣсь на лѣвой сторонѣ этой рѣки находилась столица царей первой династіи, Армавиръ, отъ которой не осталось ни какихъ слѣдовъ. Столица второй династіи былъ Вагаршанатъ, теперь простое селеніе возлѣ Эчміадзина; отъ нее остались только эчміадзинскія церкви; столица третьей династіи былъ г. Ани, разрушенный землетрясеніемъ: великолѣпныя развалины его, свидѣтельствующія о богатствѣ и просвѣщеніи жителей, находятся въ Турцин, на правой сторонѣ Арпа-чая, недалеко отъ предѣловъ Россіи, въ 40-ка верстахъ отъ г. Александрополя. Говорятъ, болѣе всего встрѣчается развалинъ въ Большой Арменіи въ долинахъ и ущельяхъ Алла-гѣза и сосѣднихъ горъ, лежащихъ между озеромъ Гохча и долиною Аракса; всѣ они остатки церквей и монастырей первыхъ вѣковъ христіанства въ Арменіи; отъ языческаго міра не осталось ничего; его разрушала сама вновь возникшая религія. Изъ этихъ остатковъ древняго Армянскаго царства, я видѣлъ нѣкоторые въ послѣдствіи; всѣ они превосходной архитектуры; украшенія стѣнъ искусной и изящной работы. Примѣчательнѣйшіе изъ нихъ, — монастырь Кегвартъ, находится около 45-ти верстъ сѣвернѣе Эривани, въ глубокомъ ущельѣ р. Гарны-чая,

окруженный высокими отвѣсными скалами и живописнымъ мѣстоположеніемъ. Начало его относится также къ временамъ св. Григорія. Впродолженіи персидскаго владычества, Кегвартъ болѣе двухъ сотъ лѣтъ былъ брошенъ и оставался въ запустѣніи; монахи удалились въ Эчміадзинъ и унесли съ собою святыни, между прочимъ копье, отъ котораго происходитъ самое имя монастыря. Въ церквахъ жили Курды или Татары съ своими стадами. Чтобы пройти къ нему безопасно, Армяне, всегда чтившіе его святыню, должны были покупать пропускные билеты у эриванскаго начальства. Монастырь былъ возобновленъ около 1834 года, но копье осталось въ Эчміадзинѣ. Теперь въ немъ находятся только одинъ монахъ и дьяконъ съ прислужникомъ для совершенія богослуженія прпходящимъ богомольцамъ. Въ немъ три превосходно сохранившіяся церкви, изъ которыхъ особенно примѣчательны двѣ, выдолбленныя внутри сплошной массы скалы. Въ нихъ нѣтъ ничего складнаго и принесеннаго: алтарь, колонны, скамейки, стѣнные украшенія и проч. все сдѣлано изъ одной глыбы гранита и неподвижно. Свѣтъ проходитъ сверху въ круглыя отверстія, находящіяся въ вершнѣ купола.

Дикія орды и землетрясенія соединились, чтобы разрушить Армянское царство. Народонаселеніе цѣлыхъ городовъ было истреблено. Большая часть Армянъ высшихъ сословій, дворянства и купечества, бѣжали изъ своей родины во все концы Европы и Азіи, въ болѣе спокойныя государства, гдѣ они могли заниматься торговлею и жить безопасно. На мѣстѣ остались только земледѣльцы и съ ними духовенство. Языкъ и религія остались единственною связью народа, и Эчміадзинъ, мѣстопребываніе старшаго патріарха, — его центромъ, столпцею народности. Простолюдныи забыли о своей самобытности и даже имя своего отечества, и только языкъ и религія провели націо-

нальность ихъ цѣлою чрезъ тысячелѣтія притѣсненій. Здѣшніе Армяне, земледѣльцы, не промышленны, не дѣятельны, смиренны, покорны и робки; печать продолжительнаго рабства лежитъ на каждомъ ихъ поступкѣ и на всей нравственности. Они забыли даже веселиться и радоваться, забыли свои народныя пѣсни на своемъ языкѣ, и теперь, когда безопасность позволяетъ имъ пользоваться открыто удобствами семейной жизни, услышимъ Армянъ поющихъ только пѣсни своихъ сосѣдей Татаръ на татарскомъ языкѣ. Забитые несчастіями, они потеряли всякую бодрость духа и негодны для военной службы, за исключеніемъ людей получившихъ воспитаніе въ нашихъ училищахъ и сдѣлавшихся гражданами Россіи по умственному состоянію. Армянское царство совершенно неспособно къ самостоятельности; но и здѣсь уже въ небольшомъ кругу Армянъ, получившихъ нѣкоторое воспитаніе или нѣсколько наггершихся въ русской службѣ, говорятъ, является уже ученая идея о независимости и самостоятельности Армянскаго царства и желаніе быть безотвѣтными министрами въ своей бѣдной родинѣ. Говорятъ, эти мнѣнія иногда высказываются, но при этомъ ставится въ условіе, чтобы Армянское царство было защищено русскими батальонами; иначе оно не можетъ существовать: его опять разобрали бы по клочкамъ всѣ сосѣди. И въ здѣшнихъ мѣстахъ, возбуждающихъ одно сожалѣніе, есть много условій, чтобы властвовать съ достоинствомъ и пользою для самаго народа. Всѣмъ не угодишь. Въ темномъ лабиринтѣ противорѣчащихъ желаній и отношеній края, только одна нить дозволяетъ не сбиться съ настоящаго пути,—это справедливость, строгость и благо народа.

Паденіе Армянскаго царства и уничтоженіе народа поразительны, и невольно является любопытство, какими путями можно дойти до такого жалкаго, погибшаго состоя-



нія. Неужели дикая орда могла почти истребить сплошную массу народа, говорящаго однимъ языкомъ, занимающаго огромное пространство отъ Тавриза до Арзерума, и находившагося подъ одною властью, если бы этотъ народъ былъ соединенъ и готовъ встрѣтить непріятеля? Я недостаточно знакомъ съ армянскою исторією, и едва ли она разработана въ такомъ смыслѣ, чтобы отвѣчать опредѣлительно на этотъ вопросъ. Въ Эчмиадзинѣ я разспрашивалъ болѣе ученыхъ Армянъ о ихъ исторіи, и сколько можно видѣть, древнее Армянское царство было раздраваемо междоусобіями, разрознено враждебными отношеніями разныхъ сословій и вмѣстѣ съ тѣмъ забыло воинственность въ торговыхъ прибыляхъ, забывъ, что оно находится на самой границѣ варварскаго міра. Армяне не умѣли произвести сами въ своей средѣ коренныхъ улучшеній. Высшее сословіе, вожди государства, находило не сочувствіе, а вражду въ массѣ народа, которій, безъ понятій и достоинства, былъ равнодушенъ, кто бы ни владѣлъ имъ. Многія аристократическія фамиліи враждовали съ верховною властью открыто, силою оружія, и даже призывали къ себѣ на помощь сосѣдніе народы. Армянскіе цари имѣли войско, — но военное званіе было менѣе почетно чѣмъ торговля, гражданскія и, главное, духовныя власти, первенствовавшія въ государствѣ, и армянскія войска терпѣли пораженія. Здѣсь вспомнишь болѣе точные факты о византійскихъ арміяхъ, когда ими командовали евнухи и духъ былъ разслабленъ развратомъ взаимныхъ отношеній и всеобщимъ неудовольствіемъ другъ на друга. Когда 17-ть тысячъ крестоносцевъ подошли къ Константинополю, то изъ этой столицы выступила противъ нихъ 200 тысячная армія, баталіоны которой шли стройно и люди вытягивали ноги; крестоносцы, смотря на правильныя, стройныя движенія этой арміи, думали что они погибли, но Грековъ не спасли ни грече-

скій огонь, ни другія хитрыя изобрѣтенія и превосходное обученіе войска; ихъ армія отступила, разсѣялась и отдала свою столицу на расхищеніе западныхъ варваровъ.

Здѣсь на развалинахъ разрушенныхъ городовъ и между остатками задавленнаго, униженнаго и забытаго народа, вспомнишь о 500,000 всадникахъ, которыхъ можетъ выставить одинъ Курдистанъ, и о другихъ дикихъ народахъ Азіи, которые до сихъ поръ продолжаютъ дѣло разрушенія и истребленія безжалостно и безнаказанно, и со страхомъ подумаешь,—что если это будетъ продолжаться въ большихъ размѣрахъ, т. е. повторится въ прежнихъ? Всегда ли благоустроенныя арміи могутъ остановить ихъ, какъ и благоустроенныя арміи Византійской имперіи, съ разными военными изобрѣтеніями, которыя впрочемъ легко перенимаются,—чему служатъ примѣромъ Турки, ворвавшіеся въ Европу съ европейскимъ изобрѣтеніемъ пороха и пушекъ? Разрушители еще существуютъ, такіе же сильные и дикіе какъ прежде, пока еще держатся въ границахъ своей земли; но что будетъ далѣе,—неизвѣстно. Можно однако же предположить довольно вѣрно, что если не только что надуть, но даже будутъ оставаться въ настоящемъ состояніи слабости, турецкая и персидская власти, удерживающія центральную Азію, то будетъ истреблено и разогнано, мало-по-малу, бѣдное населеніе, оставшееся живымъ послѣ нашествій Чингисъ-хана, Тамерлана и другихъ завоевателей,—если какая-нибудь посторонняя сила не остановитъ и не преобразуетъ истребителей. Мы видѣли впродолженіи войны легкость и возможность подобныхъ безпорядковъ и рѣзню Армянъ Курдами въ небольшихъ еще размѣрахъ; а когда видишь эти пространства населенныя народами готовыми волноваться и истреблять другъ друга, то чувствуешь необходимость скораго, дѣятельнаго и властительнаго вліянія европейцевъ, которое

просвѣтило бы, или задавило бы эти опасныя народы, для предупрежденія великихъ несчастій. И одни уже Армяне достойны сожалѣнія; они хотя забиты и безсильны, но кротки, привычны къ гражданской жизни въ границахъ закона, и способны болѣе, чѣмъ Курды, или Туркмены и вообще всѣ музульмане, принять скорѣе просвѣщеніе, возвышающее достоинство человѣка и общества. Мы не живемъ еще въ идеальномъ мірѣ совершенныхъ обществъ, наслаждающихся спокойствіемъ; міръ варварства еще великъ, гораздо обширнѣе чѣмъ просвѣщенный міръ, и пройдетъ еще много вѣковъ, пока онъ смягчится; жажда дикаго эгонзма и истребленія не пощадятъ нашего милосердія и уваженія къ личности человѣка.

При такомъ разнообразіи народностей, языковъ и религій, перемѣшанныхъ между собою, какое встрѣчается здѣсь, и при всеобщемъ напряженіи враждебныхъ отношеній, нельзя ожидать чтобы порядокъ и спокойствіе могли водвориться здѣсь сами собою; чтобы покоренные могли мирнымъ путемъ пріобрѣсти свои права и воротить кое-что изъ отнятаго у нихъ, и чтобы эти племена достигли сами просвѣщенія, уничтожающаго вражду религіозныхъ мнѣній и сословныхъ отношеній, безъ посторонняго вліянія просвѣщающей силы. Въ Азіятской Турціи необходима новая могущественная власть, потому-что переворотъ сословныхъ отношеній, т. е. отношеній разныхъ народностей, установленіе, уравненіе ихъ на степени и въ положеніи справедливости, есть дѣло трудное, на которое турецкая власть не способна по своей натурѣ и настоящей слабости. Предлагаемый, метчательный, вѣчный миръ былъ бы здѣсь, а можетъ-быть и вездѣ, утвержденіемъ вѣчнаго рабства. Здѣсь необходимы Европейцы. Англія пользуется здѣсь самымъ большимъ вліяніемъ; англійское правительство просвѣщено; вліяніе Англичанъ можетъ быть благо-

дѣтельно; но оно въ сущности также совершенно ничтожно, и окончательно, пока вредно, потому—что отстраняетъ другія вліянія, которыя если менѣе просвѣщенны, то болѣе дѣйствительны. Постоянная рѣзня христіанъ въ Турціи кажется доказываетъ всю недѣйствительность вліянія на край европейскихъ посольствъ и консульствъ чрезъ турецкое правительство. Христіане сами должны прибѣгать къ болѣе вѣрному средству своей защиты, къ собственному оружію; но безсомнѣнія не всѣ успѣютъ и могутъ защитить себя. Я увѣренъ, что въ послѣднее время вырѣзали не мало Армянъ въ одиночныхъ случаяхъ; свѣдѣнія о томъ не могутъ доходить изъ здѣшнихъ отдаленныхъ глухихъ мѣстъ до редакцій европейскихъ журналовъ, а посольства и консульства, вѣроятно, имѣютъ расчетъ скрывать ихъ. Защита христіанъ возможна не словами, а дѣломъ и присутствіемъ армій. Сюда доходятъ одиночныя евронейцы по торговымъ дѣламъ, или католическая пропаганда, и въ то же время здѣсь стоятъ цѣлыя русскія арміи; мы здѣсь почти дома. Пусть попробуютъ дойти до Курдистана французскіе и англійскіе корпусы. Можетъ—быть ихъ останавливаетъ провозглашаемая идея уваженія къ національностямъ, къ этимъ жалкимъ, ничтожнымъ національностямъ, которыя если нельзя просвѣтить, то полезно задавить? Но они не останавливаются ею тамъ, гдѣ легко и выгодно дѣйствовать. Темное сознаніе необходимости порядка и власти, какъ голосъ природы, напоминающій и разбойнику о пользахъ и правахъ челоуѣчества, говоритъ Курдамъ, что они будутъ принадлежать Русскимъ.

Въ восточной части Азіятской Турціи христіанъ очень много. Какъ есть остатки Армянскаго царства, т. е. Армянскій народъ, точно также есть остатки Вавилонскаго и Ассирійскаго царствъ. Я ихъ невидѣлъ; они загнаны въ глубину горъ, лежащихъ между Турціею и Персіею; и въ—

роятно европейцы посѣщаютъ ихъ мало; но видѣлъ нѣсколько выходцевъ оттуда, и слышалъ рассказы ихъ. Айсоры до сихъ поръ извѣстны своимъ искусствомъ какъ каменщики и строители зданій, и ходятъ въ разныя мѣста Азіи, въ томъ числѣ заходятъ для заработковъ даже въ Тифлисъ. Вѣроятно они, также какъ и Армяне, болѣе мягки, обдѣланы для гражданской жизни, долга и взаимнаго уваженія правъ, чѣмъ сосѣди ихъ Курды, Аравійцы, народы монгольскаго племени и другіе. Можетъ-быть, современемъ воскреснетъ еще изъ тысячелѣтняго забвенія и праха Вавилонское или Ассирійское царство. Возстаніе Айсоровъ въ 1854 году показываетъ, что въ нихъ есть еще искра жизни.

Но вмѣстѣ съ сознаніемъ пользы, которую мы приносимъ Азіи, и видомъ несчастнаго состоянія народовъ Турціи,—на границѣ европейскаго вліянія, лицомъ къ лицу съ варварствомъ, мы передовые бойцы воюющіе во имя просвѣщенія и защиты слабыхъ, послѣ опасностей и тревогъ битвъ,—чувствуемъ, что позади насъ должна быть Россія единая, великая и благоустроенная. Здѣсь спрашиваешь себя: хорошо-ли дѣлаютъ европейцы, что желаютъ насъ ослабить и съ такимъ ожесточеніемъ теперь дерутся съ нами въ Севастополѣ? Здѣсь же, провинціальныя патриотизмы кажутся яснѣе чудовищными и преступными. Единая и могущественная Россія, какъ была нужна прежде для спасенія себя и своихъ сосѣдей отъ опустошеній варварскихъ народовъ, окружающихъ ее съ востока и юга, такъ нужна и теперь, если не для переворота въ судьбѣ ихъ для блага будущихъ поколѣній, то для собственной безопасности.

ХІІІ. Военныя дѣйствія 1855 года. — Дѣло у Сурбъ-Оганеса. —  
Топрахъ-кале.

Впродолженіи зимы Турки не тревожили насъ. Разъѣзды ихъ не подходили даже близко къ Эриванской губерніи. Баязетъ, Баязетскій и Діадисскій санджаки оставались незанятыми. Баязетскій диванъ старался сохранить передъ нами видъ подданства и доносилъ исправно каждую недѣлю, что все обстоитъ благополучно; но мы знали, что жители Баязета доставляли въ Сурбъ-Оганесъ ячмень и пшеницу, которыя пріобрѣтали контрабандою изъ Персіи. Это было неизбежное зло торговли, и мы по необходимости должны были не обращать на него вниманія, не имѣя средствъ прекратить его. Угрозы будущиxъ преслѣдованій, не принеся намъ пользы, создали бы намъ напрасно враговъ въ жителяхъ этого города. Нѣкоторые молодые музульмане Баязета поступили даже весною въ баши-бузукки Баязетскаго корпуса, привлеченные особенности потомкомъ прежнихъ родовыхъ владѣтелей этого города, Балюль-пашею, Курдомъ по происхожденію, прибывшимъ въ Сурбъ-Оганесъ въ февраль 1855 года для командованія кавалеріею. Балюль-паша старался о сборѣ баши-бузукковъ, но несмотря на любовь и уваженіе къ нему Курдовъ, формированіе шло очень неуспѣшно. Впродолженіи зимы, войска и жители продолжали постройку укрѣпленій близъ Сурбъ-Оганеса. Оттуда очень часто перебѣгали къ намъ турецкіе солдаты и мы знали все что тамъ дѣлается. Между прочимъ перебѣжавшій юзъ-баши при 6-ти орудіяхъ, т. е. въ родѣ нашего фельдфебеля и съ нимъ два артиллериста, рассказывали, что въ Сурбъ-Оганесъ пріѣзжалъ англійскій генералъ, который осматривалъ

укрѣпленія и войска, нашелъ большія неисправности и безпорядки, грубо обращался съ Турками, говорилъ имъ, что они дураки, ругалъ за что-то и юзь-баши, и за дерзкій отвѣтъ велѣлъ его арестовать, что и побудило его, въ ожиданіи бѣльшаго наказанія, бѣжать съ двумя солдатами, которыхъ онъ подговорилъ.

У насъ для будущихъ военныхъ дѣйствій формировали наймомъ милицію и транспорты на прежнее основаніи. Охотники, поступавшіе въ милицію, часто приходили въ отрядный штабъ и просили какъ милости и почти какъ условіе своего найма, чтобы имъ не назначали начальниковъ изъ музульманъ и Армянъ, здѣшнихъ уроженцевъ, хотя бы самыхъ почетныхъ родомъ, а назначали бы непременно Русскихъ, если нельзя офицеровъ, то простыхъ казаковъ, потому-что, какъ они объяснили, имъ нестыдно быть подъ командою Русскаго, а хану стыдно быть подъ командою другаго хана, музульманину подъ командою Армянина, и потому-что они надѣются найти болѣе справедливости при раздачѣ наградъ, такъ-какъ туземцы представляютъ къ наградамъ только своихъ родственниковъ, хотя бы они вовсе не заслуживали ихъ и служили мало, — а также при выдачѣ жалованья и прочаго содержанія. При формированіи милиціи являлся вопросъ о возможности формировать регулярные баталіоны изъ однихъ Армянъ, подобно тому какъ Англичане формируютъ регулярныя войска изъ однихъ Индѣйцевъ въ Восточной Индіи, — такъ-какъ здѣшняя милиція ни къ чему негодна. Армяне обученные фронту и поставленные въ строй баталіоновъ, могли бы принести нѣкоторую пользу подъ командою русскихъ офицеровъ; но польза эта, особенно въ первое время, едва-ли стоитъ денегъ, потребныхъ на содержаніе ихъ. Нищіе Индѣйцы охотно идутъ въ военную службу, здѣшніе Армяне находятъ возмож-

\*

нымъ богатѣть другими средствами и по доброй волѣ не пойдуть въ военную службу; мы только веземъ сюда свое золото. Я полагаю, — если бы армянскіе баталіоны одѣть въ нашу военную одежду, и объ этомъ узнають Курды и другіе музульмане, то послѣдніе будутъ смѣло и съ ожесточеніемъ бросаться на эти баталіоны, чѣмъ иногда могутъ быть поставлены въ ложное положеніе наши войска. Необходимость удержать здѣшнихъ жителей въ строю въ виду опасности и смерти, подвигать ихъ впередъ и не позволять разбѣжаться, дѣлають здѣсь понятнымъ историческій смыслъ строгой дисциплины, дѣлающей человѣка машиною, заглушающей страхомъ наказаній страхъ смерти, — и ся бывшую необходимость. Я полагаю, что турецкое правительство не можетъ усвоить челоѣколюбивыя европейскія понятія повѣйшей дисциплины, отвергающей тѣлесныя наказанія, безъ опасности своего существованія, и мы видѣли, что англійскіе и другіе европейскіе офицеры съ самыми либеральными понятіями, даже выгнанные за нихъ изъ своего отечества, служившіе въ турецкомъ войскѣ, или управлявшіе имъ, въ томъ числѣ и генераль Вилліамсъ, дѣлались здѣсь деспотами и употребляли по необходимости самыя жестокія мѣры наказанія, чтобы удержать турецкихъ солдатъ отъ побѣговъ и двигать ими по своему усмотрѣнію. Они находили необходимымъ бить ихъ палками по пятамъ и разстрѣливать безъ милосердія, чтобы заставить ихъ быть храбрыми и стоять въ виду смерти. Жители Востока вообще не отличаются храбростью, и потребность настоящей минуты заставляла европейцевъ забывать свои челоѣколюбивыя правила и уваженіе къ требованіямъ разныхъ личностей и національностей, изъ которыхъ составлено турецкое войско. Я говорилъ уже выше, что намъ пришлось бы разстрѣлять всѣхъ милціонеровъ, если бы поступать съ ними по всей строгости нашихъ за-



коновъ. Всѣ люди рождаются животолюбивы. Чтобы массѣ народа внушить чувство чести и сдѣлать ее храброю, во всѣхъ государствахъ оказывались необходимыми первоначально насильственные мѣры. Честь также наука, а смерть ни для кого не имѣетъ прелести. Когда толпа привыкнетъ къ опасности, окрѣпнетъ въ душевныхъ силахъ, почувствуетъ свое превосходство, когда огонь и кровь сраженій какъ-бы возведутъ народъ въ рыцарское достоинство, тогда у него является самолюбіе и военная честь, не требующая и не допускающая поудительныхъ мѣръ и тѣлесныхъ наказаній. Все хорошо въ свое время. Безсомнѣнія прежняя слава войска есть достояніе каждаго рекрута.

Эриванскій отрядъ для будущихъ дѣйствій назначался почти въ прежнемъ составѣ, въ которомъ находился въ началѣ 1854 года; въ немъ остались пять баталіоновъ пѣхоты, восемь орудій легкой № 7-го батарея и Донской № 23-го полкъ, состоявшіе всю зиму на лицо, и къ 1-му іюня должна была поступить въ него милиція, нанятая на 1855 годъ, именно, двѣ сотни бекской дружины, пять сотень конномузульманскаго № 4-го полка и пять сотень Курдовъ, собранныхъ также въ составъ полка изъ прежнихъ жителей Эриванской губерціи, а преимущественно изъ вновь покорившихся въ 1854 году, жившихъ теперь частью въ нашихъ предѣлахъ и частью въ Турціи въ Агри-дагѣ, возлѣ нашихъ границъ. Въ сущности, однако же, Эриванскій отрядъ значительно увеличился противъ численности своей 1854 года, въ самой главной части—въ пѣхотѣ; потому-что по распоряженію вновь назначеннаго главнокомандующимъ корпусомъ генераль-адъютанта Муравьева, предполагавшаго командовать лично дѣйствовавшими противъ Турокъ войсками,—баталіоны были усилены старослужащими людьми, высланными изъ полковыхъ штабовъ, четырехротные до 1000 и трехротные до 750-ти штыковъ.

Впродолженіи зимы бѣльшая часть людей, болѣвшихъ лѣтомъ, выздоровѣли и возвратились въ свои роты, такъ что, съ вновь прибывшими, численность батальоновъ почти удвоилась. Съ такими батальонами можно было предпринять болѣе рѣшительныя дѣйствія чѣмъ въ 1854 году. Участіе самаго главнокомандующаго въ военныхъ дѣйствіяхъ, направивъ въ Турцію возможные средства Кавказа, должно было имѣть вліяніе на успѣхи войны; все ожидали блестящей кампаніи. Ряжскій пѣхотный полкъ и другія части войскъ, состоявшія въ Эриванскомъ отрядѣ, кромѣ вышепоименованныхъ, назначались въ главный Александропольскій отрядъ и выступили туда съ открытіемъ хорошаго пути.

Около 10-го мая турецкій Баязетскій корпусъ оставилъ зимнія квартиры и сосредоточился весь въ лагерь у Сурбъ-Оганеса, гдѣ продолжалъ постройку полевыхъ укрѣпленій, которыя были наконецъ кончены въ послѣднихъ числахъ мая. Намъ хорошо была извѣстна мѣстность окружающая Сурбъ-Оганесь, и мы изъ разсказовъ лазутчиковъ и жителей составили довольно вѣрное понятіе о возведенныхъ укрѣпленіяхъ. Главная часть ихъ находилась на правой сторонѣ р. Евфрата, поперегъ торговой Арзерумской дороги, противъ самаго монастыря, и окружала съ трехъ сторонъ, восточной, сѣверной и западной, т. е. противоположныхъ монастырю, четырехугольное пространство около квадратной полверсты, сомкнутымъ валомъ и глубокимъ рвомъ неправильной фигуры. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вала были прорѣзаны амбразуры, особенно въ восточномъ фасѣ, т. е. въ той сторонѣ откуда ожидали насъ. Съ южной стороны на лѣвомъ берегу р. Евфрата, кромѣ монастырскихъ стѣнъ могшихъ доставить также нѣкоторую оборону, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ монастыря къ нашей восточной сторонѣ и противъ праваго фланга во-

сточнаго фаса главныхъ укрѣпленій праваго берега, была построена крѣпкая батарея на три орудія; между этою батареею и концомъ восточнаго фаса главныхъ укрѣпленій оставалось около 200 сажень неукрѣпленнаго пространства поперегъ низменной долины Евфрата. Внутри укрѣпленій праваго берега стоялъ лагерь турецкій корпусъ. Положеніе этого укрѣпленнаго лагеря было нехорошо. — Мы могли совершенно безопасно занять командующія имъ высоты съ сѣвера и юга и бить оттуда Турокъ; могли движеніемъ горными дорогами отъ Абазъ-гѣльскаго или Караванъ-сарайскаго переваловъ, нетерая своихъ сообщеній, отрѣзать Турокъ отъ Топрахъ-каме, т. е. отъ пути отступленія къ Арзеруму или Карсу; могли даже прорваться, или съ востока вдоль рѣки между укрѣпленіями обонхъ береговъ, отстоящими другъ отъ друга на 200 сажень, или съ южной стороны, атаковать Турокъ внутри ихъ лагеря и отбросить въ горы къ сторонѣ Эриванской губерніи. Отбитый штурмъ Карса ничего не доказываетъ, и притомъ не было надобности штурмовать слѣпо, тотчасъ по сближеніи нашемъ съ укрѣпленіями. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ Баязетскомъ корпусѣ въ половинѣ мая состояло 7 баталіоновъ пѣхоты, два полка регулярной кавалеріи каждый въ 600 лошадей, 22 орудія, въ томъ числѣ 6 батарейныхъ и остальные легкія, и нѣсколько сотъ башни-бузуковъ,—всего около 7-ми тысячъ человекъ. Этотъ отрядъ былъ прежній Ванскій корпусъ, знакомый уже съ нами. Мы безъ всякой опрометчивости и излишней самонадѣянности могли разсчитывать на успѣхъ довольно вѣрно, и непріятельскія укрѣпленія не пугали насъ. Перемена плана дѣйствій и распредѣленія турецкихъ войскъ, отчасти исполняла наши желанія; прежде мы сами искали встрѣчи съ Ванскимъ корпусомъ, а онъ избѣгалъ ее; теперь его перевели ближе къ намъ и прикрѣ-

пили къ одному мѣсту; намъ оставалось воспользоваться этимъ.

Турки всегда и въ предъидущія войны, дрались гораздо лучше за укрѣпленіями, чѣмъ въ открытомъ полѣ, по той естественной причинѣ, что укрѣпленіями человекъ прикрытъ, не встрѣчается долго лицомъ къ лицу съ непріателемъ и можетъ долго поражать его безнаказанно, и что изъ укрѣпленій трудно бѣжать, отчего разнородность національностей войска и даже нелюбовь его къ тому правительству, которое оно защищаетъ, поглощается необходимостью личной защиты, обороны своей жизни отъ непріателя, который, послѣ понесенныхъ имъ потерь штурма, ожесточается и ворвавшись внутрь укрѣпленія нещадитъ никого. Поэтому, послѣ проигранныхъ битвъ 1854 года въ открытомъ полѣ, турецкое начальство или правительство избрало, отчасти основательно, для дѣйствій 1855 года систему защиты въ укрѣпленіяхъ, примѣненную какъ оказалось вездѣ, и для главной Анадолійской арміи и для отдѣльнаго отряда, дѣйствовавшего противъ насъ. Но эта система, при малочисленности и разстройствѣ турецкихъ войскъ, предоставляла весь внутренній край нашему вліянію, и кто зналъ состояніе края, кто былъ проникнуть возможностью произвести въ немъ, мимо турецкаго войска, событія болѣе великія, чѣмъ битвы, для того, особенно при превосходствѣ нашемъ даже въ численности, эта система имѣла совершенно другой смыслъ и другое значеніе, чѣмъ въ глазахъ турецкихъ властей.

Къ 15-му мая въ составъ Эриванскаго отряда прибыли транспорты для возки подвижныхъ провіантскаго магазина, артиллерійскаго парка и госпиталя, въ числѣ 172-хъ арбъ и 810-ти вьючныхъ черводарскихъ лошадей; двѣ сотни бекской дружины и пять сотень конно-музульманскаго № 4-го полка. Мы были готовы къ открытію вое-

ныхъ дѣйствій и съ нетерпѣніемъ ожидали разрѣшенія перейти въ Турцію. Куртинскій полкъ прибылъ въ отрядъ 1-го іюня. По случаю прекращенія довольствія сухимъ фуражемъ съ 1-го мая и неимѣнія еще подножнаго корма въ Сурмалинскомъ участкѣ, начальникъ Эриванскаго отряда просилъ о разрѣшеніи перейти въ предѣлы Турціи, гдѣ на южныхъ склонахъ Агри-дага, какъ намъ было извѣстно, находился уже подножный кормъ. На это 24-го мая было получено разрѣшеніе отъ новаго командующаго корпусомъ, генераль-лейтенанта Бриммера, перейти отряду въ Турцію и расположиться на дорогѣ къ Сурбь-Оганесу, тамъ гдѣ есть болѣе подножнаго корма, но отнюдь не искать встрѣчи съ непріателемъ и вообще не переходить въ наступательное положеніе безъ особаго на то разрѣшенія. вмѣстѣ съ этимъ генераль-лейтенантъ Бриммеръ увѣдомлялъ, что 24-го мая часть главнаго Александропольскаго корпуса, въ составѣ Кавказской гренадерской бригады, стрѣлковаго баталіона, бригады драгунъ, полка казаковъ, трехъ пѣшихъ и двухъ конныхъ батарей и части милиціи, выступила къ Карсъ-чаю; что 26-го мая выступятъ главныя силы, и по соединеніи съ прежде выступившею уже колонною, главнокомандующій, генераль-адъютантъ Муравьевъ, предприметъ наступательныя дѣйствія. На основаніи этого, пѣхота, артиллерія и транспорты Эриванскаго отряда были сосредоточены къ 31-му мая въ деревню Чурухчи, для движенія по Караванъ-сарайской дорогѣ, самой ближайшей и прямой отъ насъ къ турецкому Баязетскому корпусу, и того же числа вся кавалерія переведена въ Турцію за Агри-дагъ, главныя части по Караванъ-сарайской дорогѣ и нѣсколько сотень, какъ боковые разѣзды для обозрѣнія края и границы, по Орговской и Абазъ-гѣльской дорогамъ, съ которыхъ они должны были, перейдя хребетъ поворотить къ

серединѣ и соединиться на Караванъ-сарайской дорогѣ, около с. Мусуна, съ главными частями.

Но того же 31-го мая было получено другое распоряженіе. Генераль-лейтенантъ Бриммеръ писалъ генераль-маіору Суслову, что имъ получено свѣдѣніе, будто непріятельскому отряду, расположенному у Сурбъ-Оганеса дано приказаніе двинуться къ Карсу, и потому предписывалъ заставить этотъ отрядъ идти къ Карсу не прямою дорогою на Кагызманъ, а болѣе кружною; но для этого не атаковать непріятеля, потому-что Эриванскій отрядъ слабъ, а только распространить слухи о своемъ движеніи на Кагызманъ, или даже сдѣлать демонстрацію по дорогѣ отъ Кульнъ къ этому городу, какъ-бы въ намѣреніи преградить прямую дорогу къ Карсу. Отъ Сурбъ-Оганеса къ Карсу нѣтъ прямой дороги, удобной для движенія обозовъ; также нѣтъ удобной дороги отъ Кульнъ къ Кагызману. Демонстрація утомила бы наши войска напрасно; если бы Турки послали по этой дорогѣ одну кавалерію, то мы не угонались бы за нею. Но главное, можно полагать, что мы должны бы желать такого движенія, потому-что при движеніи нашего дѣйствующаго корпуса къ Карсу, турецкій отрядъ, идущій отъ Сурбъ-Оганеса въ Кагызманъ попался бы ему прямо въ руки. Если отъ Турокъ нельзя было ожидать благоразумія, полагая что они рѣшатся на такое движеніе, то нельзя было ожидать предприимчивости. Прямой способъ воспрепятствовать Баязетскому корпусу идти на соединеніе съ Анатолійскою арміею былъ бы атаковать его скорѣе; но для этого считали Эриванскій отрядъ слабымъ! Въ ожиданіи разрѣшенія наступательныхъ дѣйствій и чтобы быть скорѣе ближе къ непріятелю, который по всѣмъ свѣдѣніямъ не двигался на Кагызманъ, а стоялъ еще у Сурбъ-Оганеса, генераль-маіоръ Сусловъ не отмѣнилъ распоряженія о движеніи чрезъ Караванъ-сарайскій пере-

валь, а для исполненія предписанія командующаго корпусомъ послалъ двѣ сотни кавалеріи отъ Кульпы по дорогѣ къ Кагызману, для распространенія наибольшаго шума и слуховъ о слѣдованіи сюда всего отряда, послѣ чего сотни должны были присоединиться къ отряду чрезъ Абазь-гѣльскій переваль.

1-го іюня пѣхота и артиллерія выступили изъ д. Чурухчи, перешли границу и 3-го іюня расположились лагеремъ рядомъ съ сосредоточившеюся уже кавалеріею, у Дутага, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли въ прошедшемъ году. Караванъ-сарайская дорога хотя отложе Орговской, но оказалась труднѣе собственно по недостатку воды на протяженіи 25-ти верстъ. Дни были уже очень жаркіе: вся взятая вода была выпита, солдаты изнурились и отставали въ большомъ числѣ. Донося о выступленіи въ Турцію, генераль-маіоръ Сусловъ сообщилъ также свѣдѣнія о числительности непріятеля и присовокупилъ, что онъ не много сильнѣе насъ и не можетъ быть намъ опасенъ; по на это донесеніе получилъ отъ командующаго корпусомъ отвѣтъ, что главнокомандующій прочитавъ рапортъ генераль-маіора Сулова приказалъ, чтобы Эриванскій отрядъ не двигался въ Діадинскій санджакъ, а двинулся въ горы по направленію къ Балыхъ-гѣлю, т. е. въ Абазь-гѣль, и не переходилъ ни въ какомъ случаѣ хребта. Предписаніе — не переходить хребта было получено, когда мы уже перешли его со всѣми обозами и транспортами; и такъ-какъ въ Абазь-гѣль мы оставались бы какъ въ мѣшкѣ, а отъ Дутага могли двигаться свободно въ Турцію, то генераль-маіоръ Сусловъ рѣшился не возвращаться въ Эриванскую губернію, а остаться у Дутага, гдѣ было совершенно безопасно отъ непріятеля, котораго впрочемъ мы нисколько не опасались. О всемъ этомъ было донесено генераль-лейтенанту Бриммеру, и вскорѣ (9-го іюня) полу-

чень отъ него отвѣтъ, что главнокомандующій рѣшилъ, что теперь Эриванскому отряду переходить назадъ за хребтъ не слѣдуетъ. Въ то же время генераль-маіоръ Сусловъ получилъ предписаніе отъ самого главнокомандующаго, который говорилъ, что онъ не полагаетъ, чтобы Эриванскій отрядъ былъ въ силахъ одинъ атаковать непріятельскій лагерь, и потому запрещалъ предпринимать это, а приказывалъ владѣть трудными мѣстами на хребтѣ, и представить соображеніе объ атакѣ Сурбъ-Оганеса. На это генераль-маіоръ Сусловъ донесъ, что численность и дурное состояніе Баязетскаго корпуса не позволяютъ ему дѣйствовать наступательно противъ Эриванскаго отряда, а намъ даютъ возможность дѣйствовать противъ него наступательно; что полезно и необходимо предпринять наступленіе; что судя по мѣстности окружающей турецкій лагерь, знакомой намъ съ прошедшаго года, намъ представляется возможность дѣйствовать противъ самага лагеря, не прибѣгая даже къ отчаяннымъ мѣрамъ; а обстоятельства и ближайшій осмотръ укажутъ на мѣстѣ лучшій способъ дѣйствія.

Въ основаніи дѣйствій Эриванскаго отряда имѣлись до сихъ-поръ въ виду только распоряженія избѣгать всякой встрѣчи съ непріателемъ, не переходить границу, — а когда перешли ее, — то не атаковать непріателя по слабости нашей, отнюдь не переходить въ наступленіе. Исполняя точно, буквально, эти приказанія поваго главнокомандующаго по строгой дисциплинѣ, отрядъ не могъ даже слѣдить за непріателемъ развѣздами и рекогносцировками, о чемъ генераль-маіоръ Сусловъ доносилъ командующему корпусомъ. Начальнику отряда не были извѣстны цѣли главнокомандующаго и назначеніе Эриванскаго отряда. Нельзя было предполагать, что бывший Ванскій корпусъ, бѣжавшій уже отъ одного нашего наступленія, для насъ опасенъ; но ге-



генераль-маіоръ Сусловъ могъ думать, что главнокомандующій имѣетъ какія-либо особыя цѣли, которыя могли быть разстроены удаленіемъ нашимъ отъ границъ. Ходили слухи, что отношенія наши къ Персіи сомнительны; слѣдовательно Эриванскій отрядъ могъ имѣть особое назначеніе, и гоняясь за ничтожнымъ турецкимъ отрядомъ вопреки распоряженій, удаляясь отъ своихъ предѣловъ могъ сдѣлать большую ошибку и повредить важнымъ соображеніямъ. Кромѣ-того, можно было предполагать, что главнокомандующій намѣренъ отрѣзать Баязетскій корпусъ движеніемъ части нашихъ войскъ изъ главнаго Александропольскаго корпуса черезъ горы къ Топрахъ-кале, потому-что генераль-маіоръ Сусловъ получилъ запросъ: можетъ-ли быть особый легкій отрядъ переброшенъ черезъ горы отъ Кагызмана къ Топрахъ-кале, быть продовольствуемъ въ Алашкертскомъ санджакѣ средствами края, и можетъ ли Эриванскій отрядъ войти съ нимъ въ сообщенія. Мы должны были подозрѣвать какія-нибудь особыя цѣли и не могли думать, чтобы распоряженіе избѣгать всякой встрѣчи съ непріателемъ происходило оттого, что онъ превосходилъ насъ одной тысячей людей. Наше сомнительное положеніе производило въ насъ лихорадочное нетерпѣніе; мы были проникнуты убѣжденіемъ въ необходимости дѣйствовать противъ непріятеля безъ всякихъ долгихъ разсужденій, потому-что опасались, по примѣру прошлогоднихъ дѣйствій, только одного, — что Баязетскій корпусъ уйдетъ отъ насъ. Надо было пользоваться скорѣе неосторожнымъ распоряженіемъ, выдвинувшимъ его такъ близко къ намъ. Разѣзды наши ходили недалеко и мы не знали что дѣлается у Сурбъ-Оганеса. Только наблюдательный конный пикетъ ежедневно раннимъ утромъ выѣзжалъ на одну возвышенность Агридага, откуда видѣлъ въ зрительную трубу палатки турецкихъ войскъ у Сурбъ-Оганеса и смотрѣлъ на нихъ до ве-

чера. Но эти наблюденія не имѣли существенной пользы, потому—что нашъ отрядъ стоялъ отъ непріятели въ 35-ти верстахъ. Я вхожу въ подробности переписки для того, чтобы вспомнить старую истину,—какъ трудно управлять каждымъ шагомъ войскъ отстоящихъ на 200-ти верстъ, какъ опасно стѣснять начальника отдѣльнаго отряда точными выраженіями и какъ неизбежно предоставлять ему дѣйствовать самостоятельно для достиженія одной точно-опредѣленной цѣли, которая не можетъ быть другою, какъ нанесеніе непріятелю наибольшаго вреда. Потому—что пока шла эта переписка—Баязетскій корпусъ ушелъ!

Казачій разъѣздъ, выѣхавъ 12-го іюня на высоту, откуда открывался Сурбъ-Оганесъ, увидѣлъ, что турецкихъ палатокъ уже нѣтъ. Въ то же время изъ Сурбъ-Оганеса пришелъ Армянинъ съ извѣстіемъ, что Вели-паша со всемъ отрядомъ ушелъ наканунѣ 11-го іюня, а у Сурбъ-Оганеса остались подъ командою Балюль-паши двѣ сотни регулярной кавалеріи и двѣ сотни баши-бузукъ. Придерживаясь точнаго смысла распоряженій, Эриванскій отрядъ не могъ и теперь дѣйствовать наступательно. Однакоже было полезно убѣдиться въ дѣйствительности отступленія Вели-паши и сдѣлать рекогносцировку небольшою частію отряда на-легкѣ, причѣмъ могъ представиться случай захватить хотя хвостъ непріятельской колонны. Не было даже воображаемой опасности относительно Персіи, потому—что рекогносцирующія войска могли скоро воротиться на свое мѣсто. Приказаніе: отнюдь не переходить въ наступленіе, было постоянно у начальника отряда въ виду. Генераль-маіоръ Сусловъ, донесъ главнокомандующему что Вели-паша ушелъ и что онъ сдѣлаетъ рекогносцировку, выступилъ тотчасъ же утромъ 12-го іюня со всею кавалеріею отряда, т. е. съ 18-ью сотнями, и вслѣдъ за нею пошли на-легкѣ два баталіона Ширванскаго пѣхотнаго полка съ двумя орудіямъ. Я остал-

ся у Дутага съ остальною пѣхотою, артиллерією, всѣми обозами и транспортами. Но оказалось, что наше назначеніе былъ Баязетскій корпусъ.

Только-что генераль-маіоръ Сусловъ со всею кавалерією ушелъ изъ отряда, какъ получено было предписаніе главнокомандующаго, разрѣшавшее Эриванскому отряду дѣйствовать наступательно противъ Баязетскаго корпуса. Предписаніе это было подписано 8 іюня, а у насъ получено утромъ 12; оно шло четыре дня разстояніе 200 верстъ. Я немедленно сдѣлалъ распоряженіе къ выступленію отряда, послалъ предписаніе главнокомандующаго генераль-маіору Сулову, увѣдомилъ его, что слѣдую за нпмъ совсѣмъ отрядомъ, выступилъ въ 10 часовъ утра и вскорѣ догналъ хвостъ колонны генераль-маіора Сулова на Діадинскомъ хребтѣ, отдѣляющемъ воды Евфрата отъ водъ Аракса. Вскорѣ я узналъ, что дѣло уже кончено, и потому остановилъ отрядъ на ночлегъ у этого хребта, гдѣ была по близости вода, такъ-какъ арбы транспортовъ немогли бы сдѣлать 35-ти верстъ въ одинъ переходъ и въ этомъ не было надобности.

Балюль-паша, потомокъ прежнихъ родовыхъ владѣтелей Баязета, считавшійся одного изъ самыхъ почетныхъ и древнихъ родовъ Курдистана, самъ родомъ Курдъ отуречившійся въ службѣ турецкому правительству, былъ оставленъ у Сурбъ-Оганеса, какъ оказалось, съ тремя сотнями регулярной кавалеріи и 150 баши-бузуками преимущественно изъ Курдовъ, для управленія краемъ, формированія изъ Курдовъ милиціи, что онъ могъ исполнить легче чѣмъ кто-либо другой, какъ человекъ уважаемый Курдами, и, главное, для наблюденія за Эриванскимъ отрядомъ. Генераль-маіоръ Сусловъ недоходя до Сурбъ-Оганеса версты 2 или 3, послалъ впередъ для разузнанія о непріятель полковника Хрещатицкаго съ полсотней казаковъ, сот-

нею бековъ и куртинскимъ полкомъ. Когда полковникъ Хрещатицкій подошелъ къ монастырю, то Балюль-паша выстроившій всю свою кавалерію на Арзерумской дорогѣ за укрѣпленіями, которыя были брошены, завязалъ съ нами перестрѣлку. Башни-бузуки бросились на ѣхавшую впереди сотню бековъ и сбили ее, но были сбиты сами слѣдовавшими за беками нашими другими сотнями,—и Балюль-паша началъ немедленно отступать; отступление это, при натискѣ нашей кавалеріи бывшей съ полковникомъ Хрещатицкимъ, превратилось тотчасъ въ самое быстрое бѣгство. Вѣроятно съ Балюль-пашею были оставлены доброконные люди; ихъ могли догнать только тѣ изъ нашихъ, у которыхъ были также отличныя лошади. Преслѣдованіе продолжалось болѣе 20-ти верстъ. Турки скакали сначала по дорогѣ, а потомъ бросились въ разныя стороны. Казаки рубили и кололи; наши Курды и другіе милиціонеры-музульмане щадилъ своихъ единовѣрцевъ; если догоняли кого, только обирали, и если никто не видѣлъ, то отпускали; если наѣзжали казакъ, то оставляли плѣнными. Балюль-паша былъ настигнутъ и раненъ, но продолжалъ убѣгать; лошадь его спотыкнулась, перепрыгнувъ чрезъ канаву; онъ упалъ и былъ взятъ въ плѣнъ преслѣдовавшими его казакомъ и Курдомъ; также былъ взятъ въ плѣнъ Гассанъ-Ага, офицеръ командовавшій регулярною кавалерію. Казаки гнались неутомимо; ихъ донскія лошади въ продолжительномъ преслѣдованіи выдерживали болѣе чѣмъ мѣстныя куртинскія. Впереди всѣхъ гналъ, и наконецъ за 20-ть верстъ гналъ только одинъ, урядникъ Донскаго № 23-го полка Переходновъ, имѣвшій отличнаго коня. Переходновъ былъ человекъ истинно храбрый, заносчивый и любитель боя. И прежде непророчило ни одной встрѣчи съ непріателемъ, чтобы онъ неожиданно не выскочилъ изъ цѣпи и не закололъ хотя одного Турка,

не оглядываясь, скачутъ-ли за нимъ другіе и поддержать ли его, и я былъ этому свидѣтель; его иногда бранили за это. Теперь онъ догонялъ самыхъ переднихъ Турокъ и поодиночкѣ кололъ ихъ; онъ уложилъ такимъ образомъ болѣе 40 человекъ, по счету самихъ Турокъ, и Балюль-паша и Гассанъ-ага, находясь въ плѣну, говорили о немъ: — «это человекъ страшный, онъ много убилъ нашихъ, Аллахъ накажетъ его!» Переходновъ замѣтилъ одного Курда, одѣтаго великолѣпно въ красную куртку вышитую золотомъ, и на отличномъ конѣ, и полагая, что это начальникъ, или вообще человекъ значительный, хотѣлъ взять его живымъ; догнавъ его онъ кричалъ ему по-татарски: «сдайся; или убью!»—Это былъ Маметь-бекъ, родоначальникъ одного изъ обществъ Зеляны, одинъ изъ почетнѣйшихъ Курдовъ, служившій въ турецкомъ войскѣ и командовавшій у Сурбь-Оганеса башни-бузуками и Курдами; онъ не останавливался и продолжалъ убѣгать, надѣясь на быстроту своей лошади. Переходновъ ударилъ его шкою въ спину; но у него на этотъ разъ была куртнская бамбуковая пика съ насаженнымъ на концѣ ся кинжаломъ, который вѣроятно былъ уже испорченъ въ продолженіи преслѣдованія и боя; кинжалъ попалъ въ какую-то бляху и согнулся отъ удара. Тогда Переходновъ заскакалъ въ уровень съ Маметь-бекомъ съ лѣвой стороны и схватилъ его за лѣвую руку, чтобы стащить съ лошади; но Мамедъ-бекъ держалъ въ правой рукѣ короткій карабинъ, выстрѣлилъ изъ него въ упоръ, въ бокъ своему противнику, и Переходновъ, пробитый на вылетъ и убитый на повалъ, свалился съ лошади. Преслѣдованіе остановилось. Мы знали эти подробности отъ плѣнныхъ и отъ жителей Топрахъ-кале, куда Мамедъ-бекъ прискакалъ одинъ, спасшись отъ преслѣдованія, и рассказывалъ его подробности. — «Если бы я случайно не убилъ этого казака, — говорилъ онъ, — онъ убилъ бы меня, и ни одинъ

изъ нашихъ не спасся бы отъ него.» Переходнова похоронили у Сурбь—Оганеса. Всѣ казаки плакали о немъ, потому—что онъ былъ вообще хорошій и смирный человѣкъ; всѣ мы сильно сожалѣли о немъ. Миръ его праху, добраго, простаго Переходнова. Когда онъ скакалъ одинъ на толпу Турокъ, про него говорили:—«Экой сумасшедшій! Куда онъ лѣзетъ!» Но онъ былъ рожденъ героемъ и любилъ великія дѣла по своей натурѣ, не входя въ разсужденія, какъ о немъ посудятъ. Когда онъ былъ убитъ, говорили, что его конецъ былъ бы таковъ рано или поздно; но онъ палъ во славу нашей великой родины, безвѣстно, какъ исчезаютъ у насъ тысячи, молчаливо и непримѣтно исполняя долгъ свой. Надъ его скромной, далекой могилой, въ глуши Турціи, теперь вѣроятно заросшей травой и никому неизвѣстной, нужно бы воздвигнуть памятникъ.

На другой день утромъ у Сурбь—Оганеса сосредоточился весь отрядъ. Кромѣ плѣнныхъ, Балюль—паши, Гассанъ—Аги и 18-ти человѣкъ регулярной кавалеріи, намъ достались сложенные въ самой церкви монастыря до 10,000 пудовъ пшеницы, до 2-хъ тысячъ пудовъ сарачинской крупы, нѣсколько ячменя, мукъ; разныя мелочи и въ довольно значительномъ числѣ находившихся неизвѣстно для отряда или для вольной продажи, турецкихъ трубокъ, грецкихъ орѣховъ, сластей и проч. Все это роздали войскамъ. Пшеницу передали Армянамъ, для того чтобы они перемололи ее на ближайшихъ мельницахъ за существующую здѣсь плату натурой и потомъ возвратили намъ мукою. По свѣдѣніямъ собранымъ въ Сурбь—Оганесѣ, Вели—паша всѣ свои тяжести, даже большую часть орудій отправилъ на Топрахъ—кале тайно, заблаговременно за нѣсколько дней, оставался на—легкѣ, и выступивъ изъ Сурбь—Оганеса шелъ быстро, такъ—что 13-го числа былъ уже у д. Зейдкана, имѣя впереди насъ четыре обыкновенныхъ перехода. Безсомнѣнія,

онъ пошелъ еще быстрее, когда узналъ о преслѣдованіи Балюль-паша. Мы не могли бы догнать его. Нашъ небольшой успѣхъ однако же не радовадъ насъ. Всѣ жалѣли, что Вели-паша ушелъ и всѣ были увѣрены, что его 23 пушки были бы наши, если бы мы застали его у Сурбъ-Оганеса. Его не слѣдовало упускать, и если бы онъ былъ захваченъ нами здѣсь, то будущія происшествія кампаніи 1855 года могли значительно измѣниться въ нашу пользу. Впослѣдствіи мы должны были опять гоняться за нимъ, а здѣсь онъ стоялъ на мѣстѣ. Если бы мы перешли въ наступленіе въ апрѣлѣ или хотя въ началѣ мая, то застали бы даже укрѣпленія еще неконченными и могли легче дѣйствовать.

Балюль-паша и Гассанъ-Ага пользовались въ нашемъ лагерѣ полною свободою; мы старались оказать имъ вниманіе и облегчить ихъ участь. Первый былъ раненъ пикою въ грудь и шашкою въ руку, но неопасно; нашъ хирургъ перевязалъ его и отвѣчалъ за выздоровленіе. Члены баязетскаго дивана и многіе почетные жители пріѣхали въ нашъ лагерь, чтобы представить свое почтеніе начальнику отряда и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть Балюль-пашу, потомка своихъ владѣтелей; его плѣнъ видимо печалилъ ихъ. Балюль-паша несчастливъ на войнѣ и уже третій разъ находится въ плѣну: въ первый разъ у Персіяпъ, другой у насъ въ войну 1828 года и третій теперь. Онъ имѣлъ подъ 60 лѣтъ, пріятное и привѣтливое лицо, высокій ростъ, тонкій станъ, хорошія манеры и вѣжливое, ласкательное обращеніе. Когда онъ немного отдохнулъ, его отправили въ Эриванъ вмѣстѣ съ другими плѣнными.

Мы съ любопытствомъ осматривали построенныя Турками укрѣпленія. Валъ былъ высокій съ крутыми покато-стями, ровъ глубокій, широкий и крутой; покато-сти выложены дерномъ, или укрѣплены плетнемъ и кольями. Изъ сомкнутой линіи его выдвигались мѣстами люшеты съ про-

\*

рѣзанными амбразурами. Штурмовать это укрѣпленіе было бы нелегко, и лѣзть прямо на валъ неблагоразумно. Но высоты командуютъ имъ близко и по низменной доли-нѣ Евфрата можно бы прорваться внутрь укрѣпленія, по-тому—что въ этомъ мѣстѣ могли дѣйствовать хорошо толь-ко два орудія, а отъ выстрѣловъ остальныхъ орудій ата-кующія войска были бы скрыты крутыми уступами пока-тостей, ограничивающими низменную долину, по которой разливается Евфратъ. Еще легче было бы совсѣмъ отрѣ-зать Баязетскій корпусъ отъ пути отступленія его въ Ар-зерумъ,—и англійскій генералъ, выдумавшій эти укрѣпленія, хорошо сдѣлалъ, что отказался отъ своей первой мысли и отвелъ корпусъ къ Арзеруму. Находясь у Сурбъ-Ога-неса въ слишкомъ большомъ разстояніи отъ своихъ опор-ныхъ мѣстъ и слишкомъ близко къ нашей границѣ, что да-вало намъ возможность атаковать непріятеля въ полномъ пераздробленномъ еще составѣ отряда,—Баязетскій кор-пусъ могъ погибнуть или въ укрѣпленіяхъ, или на отступленіи

Велп-паша отступилъ на дорогу идущую изъ Арзерума въ Карсъ. Изъ увѣдомленій главнокомандующаго намъ было извѣстно, что въ началѣ іюня нашъ главный кор-пусъ находился у Аджи-кала и Запма въ ожиданіи отря-да генералъ-лейтенанта Ковалевскаго, который, занявъ брошенный Турками (вѣроятно жителями) г. Ардаганъ, двигался на соединеніе съ главными силами. По соедине-ніи этихъ частей генералъ-адъютантъ Муравьевъ со всѣ-ми войсками перешелъ 7-го числа въ с. Магараджикъ, ближе къ Карсу; по причинѣ проливныхъ дождей оставал-ся здѣсь до 12-го іюня,—17-го іюня находился у д. Ка-ныкѣй близъ дороги идущей отъ Карса въ Арзерумъ и отсюда предполагалъ дѣлать поиски къ Саганлугскому хребту, для истребленія турецкихъ продовольственныхъ запасовъ. Такимъ-образомъ Карсъ былъ отрѣзанъ отъ



Арзерума. Хотя у Сурбъ-Оганеса намъ не были еще известны послѣдствія движеній нашихъ главныхъ силъ къ Карсу, но было известно, что они идутъ туда для дѣйствія; и потому имѣя въ виду предписаніе главнокомандующаго дѣйствовать Эриванскому отряду наступательно и имѣя передъ собою одного непріятеля—корпусъ Вели-пашы, и одну дорогу, главную торговую Арзерумскую, генераль-маіоръ Сусловъ рѣшился идти далѣе для дѣйствій на дорогу, идущую отъ Карса въ Арзерумъ, на которой находился теперь Вели-паша. Движеніемъ впередъ мы сближались съ главными нашими силами и могли быть полезны для содѣйствія имъ какимъ бы то ни было способомъ. Мы могли быть даже употреблены для дѣйствій противъ Арзерума, и, признаюсь, Эриванскій отрядъ мечталъ объ этомъ. Арзерумъ былъ важное мѣсто и занятіе его могло соблазнить хоть кого; это былъ если не голова, то желудокъ Анатолиі, питавшій всѣ дѣйствовавшія турецкія войска, въ томъ числѣ и Анатолиійскую армію, превращавшуюся въ Карскій гарнизонъ. Въ Арзерумѣ находились огромные военные запасы и главное управленіе Анатолиі. Но дорога идущая изъ Арзерума къ Карсу отстоитъ отъ с. Амарата, то есть отъ основанія нашихъ дѣйствій, откуда мы должны были подвозить себѣ провіантъ и артиллерійскіе запасы, на 240 верстъ, а Арзерумъ отъ Амарата отстоитъ нѣсколько болѣе 300 верстъ. Уйдя къ сторонѣ Арзерума, мы переваливались за хребетъ Драмъ-дагъ, удалялись отъ границъ Эриванской губерніи, которую должны были защищать, оставляли въ тылу себя весь Курдистанъ и на расхищеніе Курдовъ наши предѣлы. По всѣмъ стратегическимъ соображеніямъ, движеніе къ Арзеруму казалось нелѣпо и гибельно; однако же мы пошли туда и послѣдствія показали, что нашъ небольшой отрядъ, состоявшій изъ пяти баталіоновъ, могъ

удерживать Курдистанъ, дѣйствовать въ то же время противъ Арзерума, удалиться отъ Эриванской губерніи на все лѣто на 250 верстъ, и въ наше отсутствіе на ея границахъ не случилось ни одного происшествія. Все это оказалось очень легко и не потребовало съ нашей стороны никакихъ подвиговъ и напряженія силъ. Въ прошедшемъ году мы наступали на Ванъ отвѣсно къ границамъ Эриванской губерніи, а теперь уходили совершенно въ сторону отъ нее.

Для охраненія сообщеній Эриванскаго отряда при дальнѣйшихъ его дѣйствіяхъ и для защиты пространства края отъ предѣловъ Персіи до Топрахъ-кале и тѣмъ защиты Эриванской губерніи, были оставлены у Сурбъ-Оганеса 5-й баталіонъ Мнигрельскаго егерскаго полка, состоявшій изъ трехъ ротъ, два орудія и сотня Армянъ конно-музальманскаго полка, подъ командою баталіоннаго командира маіора Кореницкаго; а въ г. Баязетъ была отправлена одна сотня казаковъ и подчинена также маіору Кореницкому. При войскахъ у Сурбъ-Оганеса были оставлены части артиллерійскаго парка и подвижнаго госпиталя, съ тѣмъ чтобы больныхъ пользоваться въ немъ до выздоровленія, на одномъ мѣстѣ, а не возить съ отрядомъ и по возможности не отправлять въ Эривань, по тѣмъ же причинамъ, по которымъ избѣгали такой дальней перевозки въ прошедшемъ году. Весь подвижной провіантскій магазинъ и части артиллерійскаго парка и подвижнаго госпиталя взяты были съ выступающимъ отрядомъ, а войска оставляемая у Сурбъ-Оганеса обязывались заботиться перемолкою пшеницы отбитой у Турокъ и довольствоваться этимъ провіантомъ; они довольствовались имъ почти все лѣто и осень, чѣмъ была облегчена подвозка провіанта въ отрядъ. Маіору Кореницкому было предписано прежде всего стараться сохранить спокойствіе въ краѣ

оправедливостью и хорошим обращениемъ съ жителями; поддерживать прежнія дружескія сношенія съ Курдами и входить въ новыя, а если бы показался гдѣ непріятель, то, оставивъ у Сурбъ-Оганеса въ укрѣпленномъ лагерѣ отрядныя тяжести подъ прикрытіемъ взвода или роты пѣхоты, съ остальными частями дѣйствовать на равнинѣ идущей къ Баязету вдоль нашей границы, наступательно, разсѣвать нерегулярныя партіи Курдовъ и отступать въ укрѣпленный лагерь только съ боемъ передъ значительно-превосходными регулярными войсками, появленія которыхъ, впрочемъ, нельзя было и ожидать. Баязетскому дивану и жителямъ Баязета было приказано, чтобы они старались о спокойствіи Курдовъ живущихъ за Алла-дагомъ, въ противномъ случаѣ городъ можетъ отвѣчать за это. Въ Баязетѣ жили осѣдлые Курды, занимавшіеся торговлею, и владѣніе Баязетомъ было полезно отчасти по вліянію, которое чрезъ нихъ можно было имѣть на кочующихъ Курдовъ. Для охраненія границы Эриванской губерніи и сообщеній нашихъ на значительномъ пространствѣ мимо всего Курдистана, ненадежнаго по хищническимъ наклонностямъ своихъ жителей, казалось мало трехъ ротъ, двухъ орудій и двухъ сотенъ; но при неудовольствіяхъ Курдовъ на турецкое правительство, послѣ возстанія Эдашира и при дружескихъ нашихъ отношеніяхъ къ имъ, нельзя было ожидать, чтобы турецкое правительство успѣло поднять противъ насъ всѣхъ Курдовъ и внушить имъ фанатическую непріязнь къ намъ. Можно было ожидать появленія отдѣльныхъ хищническихъ партій, собранныхъ надеждою грабежа, но такихъ по приблизительному разсчету могло собраться не болѣе 1000 человекъ; а майоръ Кореницкій могъ гоняться смѣло даже за двумя или тремя тысячами Курдовъ. Но болѣе всего намъ должно было помогать пріобрѣтенное нами правственное вліяніе, и мы дол-

жны были имъ пользоваться; насъ боялись и въ то же время не видѣли отъ насъ вреда; напротивъ, въ насъ находили пользу и справедливость. При другихъ обстоятельствахъ опасно оставлять три роты передъ всѣмъ Курдистаномъ; война 1828 года показала, что наши сильные отряды не пользовались безопасностью со стороны Курдовъ, и не могли ходить туда, куда ходили наши роты. Успѣхъ распоряженія оставить три роты для защиты огромнаго пространства нашихъ границъ противъ всего Курдистана, показываетъ болѣе всего настоящее положеніе Курдовъ въ Турціи. Весь вопросъ состоялъ теперь не въ турецкомъ войскѣ, а въ Курдахъ, которые вооружены и могли выставить съ Эзданширомъ до 60,000 войска.

16-го іюня отрядъ въ составѣ 4-хъ баталіоновъ, 6-ти орудій и 16-ти сотенъ кавалеріи выступилъ на Топрахъ-кале по торговой Арзерумской дорогѣ, которая шла здѣсь вдоль лѣваго берега Евфрата. Пройдя 20-ть верстъ, отрядъ остановился на ночлегъ возлѣ самой рѣки. Палатки были разбиты въ густой травѣ; люди, можно сказать, утопали въ роскоши. Близость большой рѣки доставляетъ вообще большія удобства во время похода лѣтомъ. Солдаты всегда можетъ напиться свѣжей воды и меньше утомляется; на привалѣ можетъ выкупаться и смыть съ себя пыль, которая налегаетъ слоємъ грязи; на ночлегъ выкупаются еще разъ, даже наловить рыбы, потомъ поѣсть кашки, заснуть крѣпко и просыпается съ возстановленными силами, готовый для длиннаго перехода. На берегу Евфрата растетъ мелкій кустарникъ, доставлявшій намъ топливо для варенія пищи и избавлявшій войска отъ труда искать топливо далеко. При хорошемъ устройствѣ войскъ, одѣтыхъ, обутыхъ и сытыхъ, — хорошая погода, здоровая вода и близость и изобиліе топлива составляютъ важныя условія и залогъ успѣха, какъ одни изъ средствъ сохра-

няющихъ силы солдатъ. Теперь у насъ почти не было больныхъ. Чтобы сохранить свѣжесть силъ и не утомлять излишне людей, можно даже пожертвовать селеніемъ и разобрать дома на топливо, если важность обстоятельствъ и близость битвы превышаетъ важность расположенія къ намъ жителей, — такъ-какъ разореніе жилищъ всегда вооружаетъ жителей противъ войска и вредитъ самому войску. Часто приходится возвращаться и проходить нѣсколько разъ по одной дорогѣ, и войска жалуютъ, что разорили селеніе, гдѣ могли бы найти кое-что, если бы оно было цѣло. Виродолженіи похода въ Азіятской Турціи, мы вообще старались избѣгать разоренія брошенныхъ селеній; селенія, въ которыхъ оставались жители, пользовались нашимъ покровительствомъ и были неприкосновенны; изъ брошенныхъ разбирали на топливо только тѣ, преимущественно куртинскія и татарскія, старшины которыхъ служили въ турецкомъ войскѣ, а жители не хотѣли войти съ нами въ сношенія и оказывали намъ неприязнь. Какъ въ прошлогоднихъ, такъ и въ настоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ, въ Эриванскомъ отрядѣ сохранялся строгій порядокъ и жителей не обижали. Даже при проходѣ нашей милиціи и самаго куртинскаго полка мимо жилищныхъ стадъ, бараны не пропадали, а если бы случилось, что жители пожаловались на пропажу барана, то заставляли начальника части платить деньгами. При милиціи состояли русскіе офицеры, которые дѣйствовали и наблюдали за порядкомъ въ видахъ сохраненія хорошихъ отношеній съ жителями. Впрочемъ отрядъ, безъ одиночныхъ и частныхъ грабежей, пользовался часто добычею, отбиваемою отъ турецкаго войска; ее раздавали во всѣ части по размѣру ихъ численности.

17-го іюня отрядъ перешелъ къ армянскому с. Карамлису, лежащему въ углѣ между Евфратомъ и впадающими

въ него съ сѣверной стороны рѣчками Кѣръ-чай и Дараби. Изъ опасенія безпорядковъ соединенныхъ съ войною, Армяне всѣхъ небольшихъ окрестныхъ деревень оставили свои жилища и собрался въ Караклисѣ и Мангасарѣ, другомъ большомъ армянскомъ селеніи, отстоящемъ 5-ть верстъ къ сѣверу отъ перваго. Татары, жившіе на большой дорогѣ, также бросили свои жилища и удалились въ сторону; Курды откочевали въ горы. Впослѣдствіи, когда довѣріе пріобрѣталось нами мало — по — малу, бѣльшая часть Татаръ и Курдовъ возвратились въ свои селенія и занимались обработкою полей. Въ Караклисѣ и Мангасарѣ находились брошенные Турками склады пшеницы; ее передали въ вѣдѣніе маіора Кореницкаго для перемолки и заготовленія для нашихъ войскъ хлѣба. Въ Караклисѣ явились къ начальнику отряда депутаты отъ Топрахъ-кале и старшины Курдовъ, живущихъ въ окрестностяхъ, Шихъ-бекиръ и нѣсколько другихъ, которые обѣщали сохранить порядокъ въ краѣ и ручались, что подчиненные имъ Курды не тронуть даже нашихъ одиночныхъ людей, но не ручались за Курдовъ живущихъ за Алла-дагомъ, партія которыхъ могли пріѣзжать хищничать на Арзерумскую торговую дорогу, хотя обѣщали принять зависящія отъ нихъ средства предохранить дорогу отъ хищничества и этихъ Курдовъ.

При дальнѣйшемъ движеніи отряда изъ Караклиса, была послана сотня казаковъ въ г. Кагызманъ, для осмотра дороги, на случай надобности войти въ сообщеніе съ главными нашими силами, бывшими у Карса. Сотня эта воротилась къ отряду въ Топрахъ-кале другою дорогою. Обѣ дороги въ ущельяхъ и на перевалѣ Агри-дага были совершенно непроходимы для повозокъ и даже трудны для кавалеріи.

Отъ Сурбъ-Оганеса до Караклиса Евфратъ течетъ съ

востока на западъ, а противъ Караклиса поворачиваетъ на югъ и прорывается въ 20-ти верстахъ отъ этого селенія узкимъ ущельемъ чрезъ хребетъ горъ, который называется: идущій къ востоку— Алла-дагъ, и идущій къ западу— Клычъ-Гядукъ. Наша дорога, т. е. торговая Арзерумская, сохраняя прежнее направленіе на западъ, отходила отъ Евфрата. Хотя долина этой рѣки между Сурбъ-Оганесомъ и Караклисомъ довольно просторна, но за Караклисомъ мѣстность вдругъ расширилась еще болѣе, и съ послѣднихъ отлогихъ уступовъ Агри-дага, доходящихъ до Караклиса, намъ открылась совершенная плоскость Алашкертскаго санджака, нмѣющая съ востока на западъ около 60-ти верстъ длины, и съ юга на сѣверъ до 25-ти верстъ ширины, и ограниченная высокими хребтами: съ сѣвера Агри-дагомъ; съ юга Клычъ-Гядукомъ и съ запада Туркменъ-Калясп и Драмъ-дагомъ; послѣдніе два хребта отдѣляли насъ отъ долины верхняго-Аракса, по которой шла дорога изъ Карса въ Арзерумъ. Характеръ этихъ хребтовъ такой же, какъ и другихъ горъ, пройденныхъ нами; отъ отдаленныхъ вершинъ покатости сбѣгаютъ широкими террасами иногда съ крутыми уступами, но болѣею частію отлогими. Вершины и покатости покрыты лугами, а подошвы каменникомъ и бесплодны; впрочемъ западная часть Агри-дага видимо болѣе скалиста, чѣмъ восточная, лежащая на границѣ Эриванской губерніи. Горы и равнины совершенно безлѣсны; мелкій кустарникъ растетъ только по берегамъ нѣкоторыхъ рѣчекъ, текущихъ въ низменныхъ мѣстахъ, и отдѣльно стоящія нвы видѣются около мельницъ. Плоская равнина Алашкертскаго санджака очень плодородна, и зеленѣла вся полями и лугами. По ней у подошвы Клычъ-Гядука течетъ съ запада на востокъ, въ противоположномъ направленіи къ Евфрату, Шаріанъ, впадающая въ Евфратъ противъ Караклиса, а мно-

жество небольшихъ рѣчекъ бѣгутъ изъ Агри-дага съ сѣвера на югъ и впадаютъ въ Шаріанъ, пересѣкая Арзерумскую дорогу. Всѣ эти рѣчки мелки, имѣютъ здоровую воду, каменистое дно и удобопроходимы въ бродъ; самые глубокіе броды находятся на р. р. Дараби и Кёръ-чаѣ, возлѣ Караклиса. При соединеніи пяти рѣчекъ, на Евфратѣ противъ Караклиса, по армянскому преданію, былъ земной рай; но мы не имѣли теперь времени посмотреть его.

Отъ Караклиса Арзерумская дорога раздѣляется на двѣ дороги, идущія обѣ по равнинѣ Алашкерта,—одна вправо у подошвы Агри-дага чрезъ Топрахъ-кале и с. Мулла-Судейманъ, и другая влѣво возлѣ р. Шаріана на д. д. Чилкалы и Хошіанъ, и обѣ соединяются у подошвы Драмъ-дага въ с. Зейдканѣ. 20-го іюня отрядъ перешелъ по правой дорогѣ къ Топрахъ-кале и остановился лагеремъ на небольшой рѣчкѣ въ трехъ верстахъ отъ этого города. Члены Алашкертскаго дивана и многіе почетные жители огромною толпою встрѣтили отрядъ и представились начальнику. Между ними былъ одинъ изъ самыхъ старшихъ и важныхъ куртинскихъ родоначальниковъ, Шандыпъ-ага, старшій братъ Касымъ-хана, котораго въ прошедшемъ году князь Бебутовъ, чтобы привлечь на нашу сторону, представилъ въ полковники, и который все-таки остался въ турецкомъ войскѣ. Самый почетный Армянинъ Топрахъ-кале и первый богачъ Баязетскаго пашалыка, Петросъ-ага, находился въ это время въ Арзерумѣ, по семейство его оставалось здѣсь. Братъ его Маркаръ-ага и сынъ Аветисъ-ага пригласили начальника отряда и его штабъ къ себѣ въ гости тотчасъ по прибытіи отряда на ночлегъ. Было еще около 5-ти часовъ пополудни; генералъ-майоръ Сусловъ съ конвоемъ казаковъ и нѣсколькими офицерами отправился въ Топрахъ-кале, разрѣшивъ вхаты въ этотъ городъ и другимъ офицерамъ по нѣскольку изъ каждой



части, и послать команды нижних чиновъ для необходимыхъ покупокъ. По рассказамъ, въ Топрахъ-кале было много лавокъ и хорошая торговля; а войска имѣютъ постоянную надобность возобновлять свои запасы табаку, иглокъ, нитокъ, сапожнаго товара, чаю, сахару и прочаго. Начальникъ отряда выѣхалъ въ сопровожденіи огромной свиты; почетные жители ѣхали съ нимъ, а молодые Курды и Армяне джигитовали въ честь его по восточному обычаю, производя впереди скачку и стрѣльбу.

Городъ Алашкертъ, или Топрахъ-кале, лежитъ на послѣднемъ отлогомъ уступѣ Агри-дага; въѣзжая въ улицу тотчасъ начинаешь подыматься въ гору съ плоской равнины, по которой мы шли. Улицы узки, дома имѣютъ бѣдную и грязную наружность, построены всѣ пзъ петесаныхъ камней въ одинъ этажъ; въ бѣльшей части домовъ только стѣны обращенныя на улицу возвышаются надъ землею, а остальныя и кровля засыпаны землею, такъ что домъ имѣетъ видъ бугра наподобіе нашихъ погребовъ и подваловъ. Все народонаселеніе города встрѣтило и провожало насъ густою толпою. Лавки были заперты, но ихъ тотчасъ открыли, когда начальникъ отряда успокоилъ жителей и общалъ, что будетъ сохранять порядокъ и войска будутъ за все платить. По пріѣздѣ къ Маркаръ-агѣ, насъ повели внутрь его дома по извилинамъ узкихъ темныхъ ходовъ, въ родѣ пещеръ, и ввели въ пріемную, вѣроятно самую лучшую комнату. Она была также врыта въ землю, но стѣны ея оштукатурены; въ стѣнѣ противъ входа былъ камень, по бокамъ на глиняномъ полу посланы ковры и подушки; свѣтъ проникалъ узкимъ отверстіемъ продѣлаваемымъ въ потолокъ близъ входа. Съ нами вошли члены дивана и почетные жители, между ними кадій и мулла; всѣ, кого начальникъ отряда еще не зналъ, были ему представлены. Всѣ мы усѣлись на коврахъ вдоль стѣнъ; но хо-

зяинъ, Маркаръ-ага, не хотѣлъ садиться и все время стоялъ сложивъ руки на груди, въ ожиданіи приказаній. Хозяева говорили немного по-русски; русскій языкъ остался здѣсь въ нѣкоторыхъ армянскихъ семействахъ послѣ квартированія и походовъ нашихъ войскъ въ 1828 и 1829 годахъ. Комната была полна людьми; почетные сидѣли, остальные стояли у входа; самые закоулки, по которымъ мы проходили, были биткомъ набиты народомъ, любопытствовавшимъ посмотрѣть на Русскихъ и послушать что будутъ говорить. Почетные музульмане, сидѣвшіе съ нами, были всѣ Курды, старшины кочующихъ обществъ и осѣдлые, занимавшіеся торговлею или имѣвшіе, въ родѣ нашихъ арендаторовъ, на откупѣ куртинскія, армянскія и татарскія селенія, по сбору десятинной подати, или владѣвшіе собственною землею и занимавшіеся хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Какъ здѣсь такъ и во всемъ Баязетскомъ пашалыкѣ не было ни одного Османлы, т. е. настоящаго Турка. Намъ подали трубки съ длинными чубуками. У каждаго сидѣвшаго музульманина были свои трубки и табакъ; у болѣе почетныхъ, ихъ носили у каждаго особый слуга, который набивъ и закуривъ трубку подносить ее своему господину; менѣе почетные или менѣе богатые носятъ сами табакъ и трубку съ менѣе длинными чубуками.

Начальникъ отряда объявилъ имъ, что они могутъ быть спокойны и останутся въ безопасности, сохранять прежнія управленія и законы, что мы требуемъ только порядка и предоставляемъ себѣ право наблюдать, какъ за повиновеніемъ властямъ, такъ и за справедливостію властей; что Русскія войска не будутъ обижать и брать даромъ; но просилъ, чтобы они употребили свое вліяніе какъ на здѣшнихъ Курдовъ, такъ и на кочующихъ за Алла-дагомъ чтобы они не грабили ни Армянъ, ни другъ друга и не нападали бы на нашихъ одиночныхъ людей, если бы слу-

чилось гдѣ встрѣтить ихъ; въ противномъ же случаѣ, тѣ общества Курдовъ, которыя несмотря на все наше дружелюбіе къ нимъ будутъ дѣйствовать противъ насъ неприязненно, будутъ жестоко наказаны оружіемъ и могутъ быть истреблены. Отъ имени всего дивана и жителей отвѣчалъ одинъ изъ осѣдлыхъ почетныхъ Курдовъ, членъ дивана, Сафаръ-ага, мужчина высокій, худощавый, рябоватый, съ большимъ орлинымъ носомъ, добрый-малый, который впоследствии пріѣзжалъ часто къ намъ въ гости въ отрядъ, отличавшійся краснорѣчіемъ и видимо имѣвшій на то притязанія. Онъ говорилъ иначе какъ другіе Курды, очень скоро, не запинаясь, мѣстами съ особенными удареніями и разливами въ голосѣ. Онъ сказалъ, что хорошее обращеніе наше съ Баязетомъ и настоящее спокойствіе и благосостояніе этого города внушаетъ имъ довѣренность къ намъ, доказательствомъ чему служатъ то, что они не бѣжали; турецкое войско не могло защищать ихъ и оставило край, и потому они отдаются подъ наше покровительство. Другіе старшины также обѣщали употребить все стараніе къ сохраненію порядка, но опасались, что это будетъ трудно, потому-что воры и мошенники есть вездѣ, и во время войны за ними трудно усмотрѣть. По-крайней-мѣрѣ они обѣщали за себя, и полагали за другихъ, что вообще куртинскій народъ не имѣетъ надобности враждовать съ Русскими. Всѣ эти переговоры происходили чрезъ переводчика. Для управленія были назначены тутъ же почетные Курды, Алашкертскимъ санджакомъ—Шихъ-Абдалъ, и Караклискимъ санджакомъ (или Нагія)—Салахъ-ага; о назначеніи ихъ просили сами Армяне. Эти новые санджаковые начальники просили назначить имъ жалованье; но имъ пока отказали и обѣщали позаботиться о ихъ содержаніи впоследствии, когда мы устроимъ въ край болѣе правильный порядокъ управленія. Музульмане не

опасались высказывать преданность свою къ Русскимъ и льстили намъ, вѣроятно они неболялись, чтобы это дошло до свѣдѣнія турецкихъ властей, или были увѣрены, что эта лесть не будетъ принята за истинное выраженіе чувствъ, а за необходимость и обманъ. Но Армяне были осторожны и при музульманахъ обыкновенно молчали, или не высказывали своихъ мнѣній; наружная преданность Армянина могла приняться за искреннюю и онъ могъ впоследствии поплатиться за нее. Въ поминки войны 1828 года и полагаю, что хотя мы были Турокъ, но по заключеніи мира уйдемъ опять домой. Послѣ часа переговоровъ гости встали и вышли; мы остались съ одними хозяевами, которые удерживали и желали непременно угостить насъ. Обыкновенно здѣшніе жители, привѣтствуя при встрѣчѣ или на прощанье, немного склоняютъ голову и прикладываютъ правую руку сначала къ сердцу, а потомъ ко лбу; но съ нами они вскорѣ приняли обычай жать другъ другу руки.

Въ комнату внесли нѣсколько круглыхъ деревянныхъ столпковъ на низенькихъ ножкахъ съ небольшимъ возвышеніемъ посрединѣ, въ которомъ вѣлана солонка, и кругомъ на тарелкахъ лежали разные кушанья, и поставили передъ нами. Кушанья были: мѣстный сыръ, наръзанный ломтями или вытянутый въ длинныя нити, въ родѣ вермишели, яичница, рубленая и толченая баранина, приготовленная небольшими продолговатыми шариками сваренными въ маслѣ, или перемѣшанная съ листьями капусты и сваренная въ бульонѣ большими кусками въ кулакъ величшы, и шашлыкъ, т. е. куски баранины сжаренной на вертелѣ. Въместо водки подали ромъ. Всѣ мы очень проголодались послѣ перехода, и кушанья показались намъ очень вкусными. Отблагодаривъ хозяевъ за гостепрѣимство, по здѣшнему обычаю, подарками или

дешьгамп, начальникъ отряда отправился въ отрядъ въ сопровожденіи конвоя и нѣсколькихъ жителей, а я остался въ городѣ чтобы осмотрѣть его. Прежде всего я зашелъ въ кофейню, похожую на балзетскую, и нашелъ здѣсь многихъ членовъ дивана, съ которыми только-что познакомился; они сидѣли на широкихъ прилавкахъ поджавъ ноги, курили трубки и разсуждали вѣроятно о бывшемъ съ нами свиданіи. Я сѣлъ между ними, велѣлъ подать себѣ и имъ кофе, который они приняли; поговорили еще о нашихъ дѣлахъ и разстались друзьями.

Г. Алашкертъ лежитъ на покатости отдѣльно стоящей острокопечной горы, на вершинѣ которой построена крѣпость, называемая собственно Топрахъ-кале. Подъемъ изъ города въ эту крѣпость очень крутъ и идетъ по узкой тропинкѣ удобной только для пѣшехода. Крѣпость невелика; внутреннее пространство ея тѣсно; стѣны, башни и строенія сложены изъ необтесанныхъ камней. Въ настоящее время крѣпость брошена и необитаема; желѣзо и дерево изъ строеній выбрано; стѣны обвалываются и все приходитъ въ разрушеніе. Въ военномъ отношеніи она не имѣетъ никакой важности; возвышающіяся къ сѣверу покатости Агри-дага командуютъ ею на близкій ружейный выстрѣлъ. Кварталы и отдѣльно стоящіе дома Алашкерта разбросаны на покатостяхъ у подошвы этой горы. Городъ имѣетъ столько же жителей, какъ Баязетъ. Лавки числомъ до 50-ти, находятся въ двухъ главныхъ кривыхъ улицахъ, пересѣкающихъ городъ. Курды торгуютъ табакомъ, сыромъ и другими мѣстными произведеніями. Лучшія лавки принадлежатъ Армянамъ; въ нихъ можно найти сахаръ, чай, ромъ, даже иногда вино, ситцы и сукна разныхъ, преимущественно яркихъ цвѣтовъ, шелковые платки, шелковые матеріи, фески и другія вещи, всѣ англійскихъ фабрикъ и дурнаго качества. Азіятскихъ и русскихъ произве-

деній въ продажѣ не видно. Во все время пока мы были въ городѣ и когда бывали въ немъ послѣ, мы также какъ и въ Баязетѣ не видѣли ни одной женщины, ни Армянки, ни музульманки; ихъ вѣроятно прятали отъ насъ. Мы однако же, оставаясь долго въ этихъ мѣстахъ, знали по слухамъ о всѣхъ красавицахъ Баязетскаго пашалыка. Армяне и Курды рассказывали намъ потихоньку о красавицахъ, женахъ и дочеряхъ своихъ сосѣдей, которымъ они видимо хотѣли услужить, допуская возможность что мы будемъ красть чужихъ женъ и дочерей, и иногда даже предлагали по этому свои услуги. Описывая красоту женщины, обыкновенно говорили, что у нее коса до пятокъ, глаза черные и судя по описательнымъ знакамъ, величиною въ небольшую чайную чашку и пр. Но женщины всегда бываютъ главнымъ яблокомъ раздора, а потому въ отрядѣ строго смотрѣли, чтобы женщины не обижали и не мѣшались въ семейную жизнь обывателей.

По приходѣ нашемъ въ Алашкертъ, жители объявили намъ, что въ этомъ городѣ, также какъ въ с. Мулла-Сулейманѣ и д. Кая-бекѣ находятся въ складахъ нѣсколько тысячъ пудовъ пшеницы, заготовленной для турецкаго войска. Мы взяли эти магазины въ пользу нашихъ войскъ, и роздали пшеницу мѣрою старшинамъ армянскихъ селеній, съ тѣмъ, чтобы они перемололи ее въ муку и хранили до востребованія, заплативъ мельникамъ за перемолку  $\frac{1}{20}$  часть всей муки, по здѣшнему обычаю. Такимъ-образомъ мы захватили шесть магазиновъ пшеницы, которая намъ очень пригодилась.

Генераль-адъютантъ Муравьевъ изъ-подъ Карса сообщилъ генераль-маіору Суслову, что дѣйствія Эриванскаго отряда будутъ совокупны съ дѣйствіями главныхъ силъ къ сторонѣ Арзерума. Изъ увѣдомленій его намъ было извѣстно, что оставивъ часть корпуса въ Гапп-кѣвъ

(на картѣ Каны-кѣвъ), онъ съ другою частию выступилъ 17-го на с. Чурухлы, къ Саганлугскому хребту, для дѣйствій противъ Вели-пашы, который, какъ полагалъ генераль-адъютантъ Муравьевъ, отступивъ отъ Сурбъ-Оганеса къ сторонѣ Карса, прибылъ въ д. Энги-кѣвъ, находящуюся въ этомъ хребтѣ, и занимался перевозкою провіанта, заготовленнаго въ Энги-кѣвѣ, изъ этой деревни въ Арзерумъ,—что однакоже было несправедливо. Вели-паша отступилъ въ противоположную отъ Карса сторону, къ Арзеруму,—и въ это время находился у с. Керпи-кѣя, на соединеніи дорогъ торговой Арзерумской и идущей изъ Карса, т. е. отъ Эрванскаго отряда и отъ главнаго нашего корпуса. 19-го іюня главнокомандующій прибылъ на Саганлугъ. Здѣсь въ селѣ Бордусъ были найдены большіе запасы всякаго продовольствія, а посланная ночью на 20-е іюня колонна нашихъ войскъ къ Энги-кѣву нашла здѣсь еще, кромѣ сухарей и ячменя, до 10-ти тысячъ четвертей пшеницы. Но непріятеля нигдѣ не встрѣтили. Главнокомандующій приказалъ истребить все эти продовольственные запасы, такъ-что было истреблено до 30-ти тысячъ четвертей пшеницы, заготовленной для войскъ Карской арміи,—и 24-го іюня воротился къ Карсу, гдѣ соединился съ войсками оставшимися подъ этою крѣпостью. На Саганлугскомъ хребтѣ былъ оставленъ небольшой летучій отрядъ. Я выпиываю цифры истребленныхъ запасовъ изъ официальныхъ свѣдѣній. О истребленіи ихъ нельзя не пожалѣть, также какъ и о баязетскихъ запасахъ. Провіантъ иногда дороже денегъ. Войска истреблявшія ихъ ходили на-легкѣ и не могли взять съ собою много. Послѣдствія показали, что все эти огромные запасы, впродолженіи всего лѣта оставались бы совершенно безопасно въ тылу нашей блокирующей арміи и могли служить большимъ пособіемъ для довольствія нашихъ войскъ,

\*

особенно осенью, когда перевозка изъ Эриванской губерніи сдѣлалась затруднительна и изнуряла какъ войска, такъ и жителей. При твердомъ намѣреніи взять Карсъ, сохраненіе этихъ запасовъ дѣлалось легкимъ дѣломъ и обыкновеннымъ слѣдствіемъ блокады. Нельзя было и ожидать, чтобы жалкій корпусъ Вели-паши осмѣлился подойти близко къ нашей арміи, особенно перевалиться за Сагаулугскій хребетъ.

Для дальнѣйшаго движенія къ сторонѣ Арзерума, Эриванскій отрядъ 21-го іюня приготовился выступить и перейти въ с. Зейданъ; солдаты уже пообедали, палатки были сняты, возы уложены; какъ-вдругъ явился Армянинъ и передалъ начальнику отряда предписаніе главнокомандующаго, слѣдующаго содержанія: Если вы заняли Топрахъ-кале, то истребите тамъ все, что можете изъ казенныхъ запасовъ, если не можете взять ихъ съ собою, сройте укрѣпленія и возвратитесь къ Сурбъ - Оганесу. Ударили отбой и разбили опять палатки на прежнихъ мѣстахъ. Отступленія на войнѣ вообще невыгодны и неприятны, особенно если они дѣлаются безъ всякой надобности; а здѣсь они имѣютъ особенное значеніе. Наше отступленіе могло имѣть дурной видъ въ глазахъ жителей, представляло насъ обманщиками, потому-что мы накануне допускали изъявленія ихъ преданности къ намъ и принимали ее, а сегодня уходимъ и можетъ-быть оставимъ ихъ, особенно Армянъ, на жертву турецкаго войска и Курдовъ, — показывало шаткость и неуверенность въ нашихъ дѣйствіяхъ, могло лишить насъ довѣренности жителей и заставить ихъ, или другихъ, бѣжать въ другой разъ, на всякій случай въ горы, чтобы неимѣть съ нами никакого дѣла. Кроме-того, намъ было очень жаль бросить или истребить захваченные нами запасы пшеницы. Мы ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы истребить ее, и теперь



начальникъ отряда подтвердилъ приказанія старшинамъ селеній перемалывать ее скорѣе и доставлять муку въ отрядъ; въ случаѣ надобности мы могли перевозить ее на лошадяхъ своего подвижнаго провіантскаго магазина, что было гораздо удобнѣе и ближе чѣмъ посылать за су-харями въ с. Амаратъ, въ Эриванскую губернію. Кромѣ того, мы невидѣли кругомъ себя никакой опасности и никакого непріятеля. Напротивъ, чѣмъ ближе мы подойдемъ къ Драмъ-дагу, тѣмъ вѣроятнѣе Вели-паша не рѣшится двинуться отъ Керпи-кѣва къ Карсу, изъ опасенія быть отрѣзаннымъ Эриванскимъ отрядомъ отъ Арзерума, единственнаго пункта своего отступленія. О всемъ этомъ генераль-маіоръ Сусловъ донесъ главнокомандующему и просилъ о разрѣшеніи не отступать; но присовокупилъ, что исполняя его приказаніе, онъ останется нѣсколько дней у Топрахъ-кале, потомъ будетъ отступать медленно въ ожиданіи разрѣшенія неотступать.

21-го и 22-го іюня отрядъ оставался у Топрахъ-кале, а 23-го іюня перешелъ на 5-ть верстъ наизкосъ назадъ, на р. Аматъ-чай къ куртинскому зимовнику Карцоръ, гдѣ были превосходныя мѣста для подножнаго корма. 25-го іюня было получено отъ главнокомандующаго другое предписаніе отступить отъ Сурбъ-Оганеса къ границамъ Эриванской губерніи. Наше удаленіе отъ границъ этой губерніи вѣроятно казалось опаснымъ въ виду Курдистана; но генераль-маіоръ Сусловъ рѣшился подождать отвѣта на представленіе свое не отступать. У Карцора мы узнали о отбитіи штурма севастопольскихъ укрѣпленій 6-го іюня. Это событіе привело всѣхъ въ восторгъ; отрядъ праздновалъ его цѣлыхъ два дня. Солдаты безпрестанно кричали «ура!»; пѣсни и гульба слышались безъ умолку. 29-го іюня отрядъ перешелъ на 3-ри версты отъ Карцора къ другому куртинскому зимовнику, Миранку, ближе къ той от-

расли торговой дороги, которая идетъ вдоль р. Шаріана и гдѣ теперь ходили караваны. У Миранка было получено отъ главнокомандующаго предписаніе въ отвѣтъ на представленіе не отступать, въ которомъ онъ говорилъ, что при движеніи къ Сагацлугу, не располагая дойти до Керпикѣя, онъ не давалъ и Эриванскому отряду приказанія слѣдовать къ этому мѣсту; отступленіе же къ Сурбь-Оганесу предписалъ въ тѣхъ видахъ, чтобы при возвращеніи своемъ къ Карсу не поставить Эриванскій отрядъ въ оборонительное положеніе, если бы Велп-паша вздумалъ опять перейти въ наступленіе противъ Эриванскаго отряда,—но что, впрочемъ, онъ не стѣсняетъ насъ пребываніемъ въ томъ или другомъ пунктѣ, а предоставляетъ генералъ-маіору Суслову дѣйствовать въ долинѣ Евфрата по его усмотрѣнію, впредь до приказанія дѣйствовать къ Керпикѣю.

На основаніи этого, мы оставались у Миранка около полумѣсяца. Мѣсто для лагеря было превосходное; кругомъ насъ лежали обширные луга до р. Шаріана. Наши разъѣзды ѣздили до армянскаго с. Зейджана, т.-е. до Драмъ-дага, и въ другую сторону до г. Хамура; Курды жили спокойно; регулярныя войска непріятеля находились въ 100 верстахъ отъ насъ у Керпикѣя и нашъ отрядъ менѣе всего ожидалъ и опасался наступленія Велп-паши; лагерь пользовался совершенною безопасностію. Днемъ лошади всего отряда выгонялись на подножный кормъ, на луга лежащіе возлѣ самаго лагеря впереди и позади, и только на ночь собирались на коновязи. Спокойствіе развило при отрядѣ торговлю; явилось нѣсколько десятковъ вольныхъ торговцевъ изъ Эриванской губерніи, Баязета, Топрахъ-кале и даже изъ Персіи; они разбили позади лагеря палатки и продавали вещи необходимыя для солдатъ, табакъ, сапожный товаръ, ситцы и проч., также кушанья, пирожки, чай и кофе. Стаканъ чаю стоилъ 5-ть коп. сер.;

фунтъ говядины не болѣе 2-хъ копѣекъ. Но безопасность дѣлаетъ неосторожнымъ. Наши черводары, вольные торговцы и съ ними иногда милиціонеры ѣздили какъ дома въ окрестныя селенія, въ Эриванскую губернію и Персію. На одну подобную толпу, состоявшую изъ десятка чело-вѣкъ и между ними двухъ всадниковъ конно-музультманскаго полка, — одинъ Армянинъ и одинъ музультманинъ, — напали недалеко отъ Сурбъ-Оганеса до 20-ти чело-вѣкъ Курдовъ. Хотя все люди ѣхавшіе изъ лагеря были воору-жены, но никто не защищался; Курды отобрали у нихъ оружіе, лошадей и все платье, такъ-что пустили ихъ со-вершенно голыми, какими они и пришли въ лагерь; но ни-кого не ранили. Другіе всадники, туземцы, водили ихъ го-лыми по лагерю и срамили ихъ за то, что они не защища-лись, а позволили какъ бабы обобратъ и раздѣть себя. Двухъ всадниковъ конно-музультманскаго полка выгнали изъ службы, какъ недостойныхъ принадлежать къ войску. Курды сдѣлавшіе это нападеніе скрылись, но мы вскорѣ узнали, что они принадлежали къ обществу Джуника, жив-шему между Балыхъ-гѣлемъ и Кагызманомъ и покорив-шемуся намъ въ 1854 году. Для поимки ихъ была по-слана сотня казаковъ, которой приказано оставаться нѣ-сколько дней въ горахъ близъ Арзерумской дороги и ло-вить всѣхъ Курдовъ, непмѣвшихъ вообще никакой надоб-ности быть на этой дорогѣ. На другую или на третью ночь сотня захватила въ ущельѣ, недалеко отъ Дутага, 10-ть Курдовъ, которые поймали на Арзерумской дорогѣ двухъ Персіянъ и собирались ограбить ихъ. Курдовъ при-вели въ лагерь, гдѣ надъ ними назначили слѣдствіе, со-держали арестованными около полугода, но потомъ осво-бодили по просьбѣ многихъ старшинъ; когда ихъ отпусти-ли, они дали клятву, что никогда болѣе не будутъ воро-вать и грабить.

Недалеко отъ лѣваго фланга нашего лагеря, по догго-  
вой Арзерумской дорогѣ проходили ежедневно оезкииче-  
ные караваны изъ Перси и Арзерума и останавливались  
противъ на р. Шаранъ, на почлегъ, а иногда на два дня,  
чтобы: пользуясь присутствіемъ войскъ еовить часть своихъ  
товаровъ. Персияне разбивали палатки и раскладывали то-  
вары, сахаръ, чай, вина, ромъ, ситцы, хрустальную и же-  
лезную посуду, табакъ, персидскіе ковры и проч.; въсколь-  
ко выюковъ привозили въ самый лагерь и открывали въ  
немъ торговлю. Войска имѣли всего въ изобилии и дешев-  
лѣ чѣмъ можно было купить въ Эриванской губернии. Въ  
караванахъ пудъ сахару стоилъ 7 руб.; бутылка рома отъ  
20-ти до 40-ка коп. серео., бутылка шампанскаго отъ  
1 руб. 15 коп. до 2 руб. 40 коп., въ то время когда въ  
Эривани пудъ сахару доходилъ до 20-ти руб., а бутылка  
шампанскаго до 6-ти руб. Но продававшіеся здѣсь англи-  
скіе ситцы и сукна, какъ я замѣтилъ уже въ Баязетъ и  
Топрахъ-кале, были низшаго качества чѣмъ наши и въ-  
сколько дороже чѣмъ даже въ Эривани. Эти произведенія  
русскихъ фабрикъ, кажется могли бы соперничать здѣсь  
съ европейскими произведеніями: но впродолженіи двухъ  
годовъ походовъ въ Азіятской Турціи, я нигдѣ не видалъ  
ни одного аршина русскаго ситца и сукна, и никакихъ дру-  
гихъ нашихъ произведени: а между-тѣмъ здѣшніе черво-  
дары съ безчисленными стадами лошадей и веролодовъ  
могли бы служить одинаково какъ для Русскихъ, такъ и  
для Англичанъ: имъ все равно кто нанметъ ихъ и въ ка-  
кую сторону везти товары, какъ нашимъ извозчикамъ. Го-  
ворять, въ Персію идетъ значительное количество русской  
панки, но здѣсь въ Турціи я невидѣлъ ее. Надо полагать,  
что все дѣло заключается въ томъ, чтобы привезти сюда  
свои товары, а это вѣроятно трудно несмотря на Каенш-  
ское море и Волгу. Англинскіе консулы, живущие въ го-

родахъ Азии, всѣ купцы, занимаются дѣятельно торговлею, т.-е. своимъ дѣломъ, и я сомнѣваюсь, чтобы изъ нихъ былъ кто-нибудь членомъ наименѣе ученаго европейскаго общества; живя на мѣстѣ, они знаютъ что нужно и можно сбыть здѣсь, и сами лично наблюдаютъ за сбытомъ своей собственности, или довѣренной имъ другими лицами, соединенными съ ними однимъ интересомъ.

Каждому каравану дѣлалъ наружный осмотръ, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли военной контрабанды. Европейцы могли доставлять сюда преимущественно оружіе и порохъ, Персіяне хлѣбъ; но нельзя было и ожидать, чтобы Англичане повезли мимо насъ порохъ и ружья; а Турки не имѣли никакой надобности въ персидскомъ хлѣбѣ: продовольствие находилось въ краѣ въ изобиліи. Обыкновенно, казначьи посты приводили ко мнѣ хозяевъ, или старшихъ черводаровъ каравана. Я спрашивалъ ихъ о товарахъ: потомъ назначенныи для того русскіи офицеръ съ переводчикомъ и офицеромъ нашей милиціи, знатокомъ укупорки выюковъ, осматривали выюки, или я осматривалъ ихъ самъ. Черводары всегда объявляли, что товары принадлежатъ Персіанамъ и въ доказательство предъявляли свидѣтельство, или письма арзерумскаго персидскаго консула. Въ лагерь у Мидранка этотъ консулъ прислалъ своего старшаго писаря и письмо къ начальнику отряда; въ которомъ уведомлялъ, что для отстраненія недоразумѣній и стѣсненія подробнаго осмотра тюковъ, онъ будетъ выдавать черводарамъ на каждыи тюкъ персидскихъ товаровъ кленмо съ персидскимъ гербомъ Льва и Солнца: за тѣ выюки, на которыхъ не будетъ кленма, консулъ не отвѣчаетъ. Обыкновенно, на всѣхъ тюкахъ были кленма. Но одинъ разъ; осматривая караванъ; я не нашелъ кленмъ на нѣсколькихъ выюкахъ. Когда хозяину сказали о томъ и потребоваи доказательствъ принадлежности товара, онъ тотчасъ же вы-

нулъ изъ своихъ чуваловъ цѣлый неразрѣзанный холстъ, на которомъ было болѣе тысячи клеймъ Шира и Хуришда; онъ не успѣлъ еще, или забылъ разрѣзать и нашить ихъ на выюки, что онъ началъ торопливо дѣлать при насъ же. Впослѣдствіи мы узнали вѣрно, что консулъ продавалъ эти клейма всѣмъ кто хотѣлъ покупать, а покупали всѣ изъ опасенія русскихъ войскъ. Впрочемъ, это была одна церемонія осмотра. На основаніи полученныхъ нами распоряженій, мы могли остапавливать только одну военную контрабанду и неимѣли права брать выюки хотя бы на шихъ и не было персидскаго герба,—изобрѣтенія арзерумскаго консула. Захватъ каравановъ въ 1854 году навлекъ на насъ неудовольствіе и укоръ, что мы можемъ поссорить Россію съ Персіею и нарушить миръ, которымъ наслаждались оба народа, и дѣлалъ насъ теперь осторожнѣе. Осматривая караваны и нугая хозяевъ и черводаровъ строгими разспросами о товарахъ, я пользовался только тою выгодою, что незамѣтно выпытывалъ у нихъ свѣдѣнія о силѣ и расположеніи непріятеля. При прямыхъ разспросахъ, Персіане по вкоренившейся привычкѣ всегда лгали.

Разѣзды наши, съ помощію лазутчиковъ, очень часто перехватывали арзерумскую почту, которую возилъ всегда одинъ человекъ; сумка съ бумагами была обыкновенно спрятана въ чувалѣ, т.-е. шерстяномъ мѣшкѣ, въ которомъ жилище, отправляясь въ дорогу, возятъ провизію и вещи. Почта обыкновенно состояла изъ иностранныхъ газетъ, выписываемыхъ вѣроятно европейскими консулами, частныхъ писемъ на разныхъ языкахъ, и переписки по торговымъ дѣламъ, изъ которой открывались ясно всѣ тайны торговли. Торговые дома Лондона, Парижа, Марселя, Константинополя и другихъ городовъ увѣдомляли обыкновенно дома Кассабуа и Ралли, состоявшія подъ рус-

скимъ покровительствомъ, консуловъ или другихъ иностранныхъ купцовъ, жившихъ въ Тавризѣ и Тегеранѣ, что высланные ими по прилагаемому реестру товары полученные; или посылали такіе же реестры товаровъ, которые нужно выслать изъ Персіи; или посылали реестры товаровъ отправленнымъ изъ Европы въ Персію на имя такихъ-то персидскихъ купцовъ. Въ некоторыхъ письмахъ говорилось прямо, что торговля должна принимать предосторожности отъ русскихъ войскъ, стоящихъ на Арзерумской дорогѣ. Одна почта вмѣстѣ съ почтаремъ была отправлена къ нашему консулу въ Тавризъ, при бумагѣ, въ которой писали, что изъ одной этой почты онъ можетъ убѣдиться, что Англичане и Французы ведутъ торговлю подымшемъ персидскихъ купцовъ, или покровительствуемыхъ нами домовъ. Въ такомъ же смыслѣ начальникъ отряда донесъ главнокомандующему, который желая разъяснить это дѣло, вошелъ въ сношенія съ разными лицами, и мы гораздо послѣ получили копии съ отвѣтовъ, въ которыхъ отвѣчали совершенно не на то, о чемъ писали изъ Эриванскаго отряда; мы ничего не поняли и убѣдились, что эта дипломатія вѣроятно не наше дѣло. У Миранка начальникъ отряда даже получилъ оффиціальную бумагу, которою его просили давать конвой персидскимъ караванамъ. Это былъ верхъ совершенства дипломатіи; насъ хотѣли заставить играть смѣшную роль и конвоировать товары Англичанъ и Французовъ, которые въ это время немилосердно вредили нашей торговлѣ на морѣ и истребляли то, чего не могли взять. Секретарь арзерумскаго персидскаго консула пріѣхалъ нарочно въ отрядъ по этому дѣлу, настоятельно требовалъ, чтобы мы давали конвой караванамъ и дерзко доказывалъ, что это наша обязанность, потому-что владѣя краемъ, по которому идетъ торговая дорога, мы обязаны смотрѣть за порядкомъ и безопасностью

въ немъ. Наглость Персіянъ увелпчивалась по мѣрѣ того какъ съ ними дѣлались уступчивѣе и старались сохранить ихъ дружбу. Въ 1854 году они боялись насъ и говорили съ нами робко; теперь они сдѣлались надмѣнны и требовательны. Я уже достаточно былъ знакомъ съ Персіянами и зналъ, что они надмѣнны съ кроткими и трусы съ надмѣшными. По должности начальника штаба, я обыкновенно слѣдя дѣло о караванахъ, велъ и разные по нимъ переговоры. При всемъ моемъ желаніи велѣть выгнать секретаря персидскаго консула; я однако же изъ опасенія навлечь на насъ гнѣвъ европейской дипломатіи, объявилъ ему новозможности вѣжливѣе, что они безтолковы, требуя отъ насъ конвоя, что наше дѣло битъ неприятелей Россіи, а не служить сторожами, и что они должны быть благодарны намъ, что мы не отбиваемъ ихъ караваны и не идемъ за ихъ товарами въ самую Персію, чего мы какъ войско очень желаемъ. Я полагаю, что такой тонъ полезенъ вообще въ дипломатическихъ переговорахъ съ Персіянами и произведетъ лучшіе результаты, чѣмъ уступчивость. Безсомнѣнія, какъ бы ни была маловажна дружба съ Персіею, — вражда съ нею могла навязать намъ теперь лишнія заботы; но несомнѣнно и то, что по Арзерумской дорогѣ провозятъ ежегодно нѣсколько сотъ тысячъ выюковъ англійскихъ произведеній, и мы, не имѣя возможности вредить торговлѣ Англичанъ на морѣ, могли бы повредить ей сильно на сухомъ пути. Товары, которые продавались въ отрядѣ, принадлежали черводарамъ или мелкимъ купцамъ, ѣздившимъ за ними въ Арзерумъ, и обыкновенно возились въ простыхъ переметныхъ сумахъ, а не въ тюкахъ съ европейскими клеймами.

Изъ лагеря у Миранка мы ѣздили осматривать мѣсто земнаго рая, о которомъ слышали отъ монаховъ. Пять-рѣкъ соединяются на широкой плоской равнинѣ, лежащей на



правой сторонѣ Евфрата и ограниченной съ юга покатостями Алла-дага и Клычъ-гядука. Равнина покрыта кустарникомъ, лугами и мѣстами песчана отъ разливовъ Евфрата; мѣсто неимѣетъ ничего особенно-привлекательнаго и по красотѣ не можетъ называться раемъ. Съ нами ѣздилъ аптекаръ подвижнаго отряднаго госпиталя г. Абель, который собиралъ травы въ долину Евфрата. Молодые офицеры, между которыми веселость никогда не затихала, при этомъ случаѣ ввели г. Абеля во владѣніе земнымъ раемъ, потеряннѣйшѣмъ, какъ они говорили, его родителями и теперь завоеваннымъ нами. Мы здѣсь нѣсколько разъ охотились. . .

Отсюда, въ другой разъ мы ѣздили въ г. Хамуръ. Наша дорога отъ слиянія Шаріана съ Евфратомъ шла правымъ берегомъ послѣдней рѣки. Долина Евфрата по мѣрѣ углубленія въ высоты Алла-дага и Клычъ-Гядука постепенно суживается и противъ г. Хамура становится узкимъ ущельемъ; мѣстоположеніе дѣлается живописнѣе. Не доѣзжая 4-ре версты до города, по ущелью нѣтъ уже пути, а колесная дорога переходитъ удобнымъ бродомъ на лѣвый берегъ Евфрата, постепенно отдаляется отъ него и подымается на западныя отлогости Алла-дага, на которыхъ лежитъ Хамуръ въ 3-хъ верстахъ отъ Евфрата. Городъ ничѣмъ не отличается отъ здѣшнихъ деревень, хотя онъ былъ мѣстомъ санджаковаго правленія: дома его обыкновенныя землянки. Изъ строеній примѣчательны только: гробница отца настоящаго владѣтеля Хамура, почетнаго Курда Селимъ-бека, довольно красивое зданіе, имѣющее видъ продолговатаго четырехугольника съ куполомъ, — и жилище самаго Селимъ-бека, лежащее возлѣ города на небольшой площадкѣ отдѣленной отъ окружающей его мѣстности обрывистыми оврагами и берегами обгущаго здѣсь ручья. Домъ и пристройки имѣютъ невысокія каменные стѣны, и окружены каменною полуразвалившееся

стѣною бывшей когда-то крѣпости. Хамуръ былъ пустъ; жители его, Курды, бѣжали, или откочевали на лѣто на горныя возвышенности, но Селимъ-бекъ и съ нимъ четыре семейства приближенныхъ домашнихъ Курдовъ, оставались на мѣстѣ. Мы были уже знакомы съ Селимъ-бекомъ, который прежде пріѣзжалъ въ нашъ лагерь, получилъ отъ насъ подарки и просилъ насъ къ себѣ въ гости. Онъ выѣхалъ къ намъ на встрѣчу и еще разъ просилъ къ себѣ, угостилъ трубками, сыромъ, арьяномъ, сметаною и сухими сливками; по видимо былъ смущенъ нашимъ посѣщеніемъ, — или опасаясь чтобы мы не сдѣлали ему какого вреда, или боясь неудовольствія турецкихъ начальствъ на знакомство его съ нами. Женщины его семейства, вѣроятно никогда не видѣвшія Русскихъ, съ любопытствомъ и страхомъ выглядывали изъ-за всѣхъ дверей и отверстій и это обстоятельство кажется болѣе всего тревожило Селимъ-бека, потому-что замѣтивъ черные сверкающіе глаза и хорошенькія личики, многіе изъ насъ также смотрѣли туда съ жаднымъ любопытствомъ, не имѣя силъ удержаться отъ давно невиданнаго соблазна. При этомъ надо замѣтить, что Курдинки, особенно простаго сословія, не носятъ покрывалъ и ходятъ съ открытыми лицами. При посѣщеніи нашемъ куртинскихъ зимовниковъ, или кочевниковъ, что особенно случалось часто въ 1854 году во время возвращенія Курдовъ на низменныя мѣста и при переселеніи въ Эриванскую губернію, Курдинки не стыдились насъ и смѣло смотрѣли съ открытыми лицами; между ними встрѣчались хорошенькія.

Курды удалившіеся съ плоскости Алашкертскаго санджака на возвышенности Клычъ-Гядука и Туркменъ-Каласи, не спускались на свои зимовники, что дѣлали какъ изъ опасенія насъ, такъ и по обычаю своему кочевать лѣтомъ на горахъ, гдѣ прохладиѣе и находятся луга. Но оди-

ночные люди приходили въ зимовники, даже оставались въ нихъ по близости нашего лагеря, для наблюденія за своими полями находившимся на плоскости Алашкерта; мы старались сохранить поля отъ всякой потравы нашими табунами и фуражировками. Курды вообще жили спокойно; но случалось, что шайки ихъ изъ 2-хъ до 10-ти человекъ прїѣзжали ночью на плоскость и угоняли или крали у Армянъ барановъ и рогатый скотъ, что случалось чаще всего съ жителями с. с. Мулла-Сулеймана и Зейдкана, болѣе удаленныхъ отъ нашего лагеря. Армяне не защищались, хотя случалось, что въ селеніе приходили только два Курда. Но послѣ они жаловались намъ и просили защиты. Намъ не было расчета ссориться съ Курдами и гоняться за ними по горамъ; и потому противъ подобныхъ случаевъ воровства мы обращались къ власти саиджаковаго начальника, Шпхъ-Абдала, который, также какъ и другіе Курды, кочевалъ въ горахъ и иногда спускался на плоскость и прїѣзжалъ въ Топрахъ-кале. Участвія его оказывалось достаточно, чтобы воротить Армянамъ украденный у нихъ скотъ.

Во все время расположенія отряда у Миранка, войска довольствовались хлѣбомъ отбитымъ у Турокъ. Пшеницу взятую въ Топрахъ-кале, Каябекъ и Мулла-Сулейманъ, Армяне перемололи и доставили сами въ лагерь; пшеница взятая въ Караклисъ и Мангасаръ перемалывалась подъ наблюденіемъ самихъ войскъ, для чего на мельницы посылали небольшія команды казаковъ и солдатъ въ вѣдѣніи одного офицера; мука поступала въ провіантскій магазинъ, а изъ него отпускалась войскамъ; часть же муки была выдана въ роты и сотни, какъ военная добыча. Это поддерживало здоровье и благосостояніе солдатъ, потому-что давало возможность довольствоваться ихъ иногда печенымъ хлѣбомъ, а не одними сухарями, которые привозилъ изъ Эриванской губерніи; солдаты ѣли хлѣбъ сколь-

ко хотѣли; а роты приобрѣли значительныя экономіи за казенный провіантъ слѣдуемый и пенонный пми изъ магазина: что доставляло имъ возможность покупать болѣе мяса и другихъ продуктовъ для улучшенія пищи. Больныхъ въ отрядѣ было очень мало. По уходѣ отряда отъ Миранка впередъ, пшеницу продолжали перемалывать: мука велась у насъ въ продолженіи всей кампаніи, отпускалась разновременно, и когда отрядъ оставался долго на одномъ мѣстѣ, изъ нее приготовляли хлѣбъ въ замѣну сухарей, долгое употребленіе которыхъ надобно солдатамъ. Для казны сдѣлана была значительная экономія. Между-тѣмъ сухари подвозились по непогоу на черводарскихъ лошадяхъ провіантскаго магазина изъ Эриванской губерніи и складывались въ Сурбъ-Оганесъ, такъ что у этого монастыря образовался небольшой складъ провіанта, принесшій намъ большую пользу при послѣдующихъ дальнихъ движеніяхъ къ сторонѣ Арзерума; безъ пшеницы отбитой у Турокъ, наши 800 вьючныхъ черводарскихъ лошадей едва-ли успѣли бы подвозить провіантъ безостановочно на такое дальнее разстояніе, на какое ушелъ отрядъ отъ Эриванской губерніи. У Миранка, и вообще вездѣ гдѣ отрядъ стоялъ лагеремъ нѣсколько дней, устраивались хлѣбопекарни, по одной или даже по двѣ печи въ каждой ротѣ. Печи устраивались очень искусно, скоро и безъ малѣйшихъ денежныхъ издержекъ. Для этого выбирался обыкновенно обрывистый берегъ рѣчки, бугоръ, или крутая покатость, гдѣ подъ слоемъ чернозема лежитъ глина; кирпичей нѣтъ; самый грунтъ земли образуетъ своды и бока печи, и однако же печь выдерживаетъ большое число печеній. Возлѣ каждой печи, въ землѣ вырывается продолговатая яма для квашни; яму застилаютъ холстомъ или брезентомъ и заквашиваютъ тѣсто. Случалось видѣть, что на походѣ по прибытіи отряда на ночлегъ, печь выкапыва-

валась тотчасъ же, и къ слѣдующему утру хлѣбъ былъ готовъ до выступленія въ дальнѣйшій путь. Точно такъ же устраиваются бани. Если намъ случилось оставаться два или три дня на одномъ мѣстѣ, то въ какомъ-нибудь баталіонѣ непременно являлась баня, вырытая въ землѣ, покрытая потолкомъ и даже съ дверью, которую когда-то взяли изъ разобраннаго куртинскаго зимовника и возили на ротной повозкѣ. Бани устроятся и въ палаткахъ. Для этого вырываютъ яму для дровъ, въ родѣ печи, сверху наваливаютъ кучу камня, потомъ печь топятъ до тѣхъ поръ, пока камни раскалятся; наконецъ огонь тушатъ, камни обдаютъ водою чтобы не было угару; надъ камнями разбиваютъ обыкновенную солдатскую палатку, или двѣ палатки сложенные одна надъ другою; и палатки обдаютъ часто водою, чтобы жаръ не выходилъ скоро. Когда на раскаленные камни нальютъ воды, т. е. поддадутъ пару, то въ этой банѣ бываетъ такъ же жарко какъ въ обыкновенной. При этомъ нельзя не похвалить наши кавказскія войска за ихъ опытность въ походной жизни. Они умѣютъ доставить себѣ вездѣ нѣкоторыя удобства, которыхъ для неопытнаго человѣка кажется негдѣ взять. Въ краѣ совершенно безлѣсномъ, они сумѣютъ найти топливо. Въ предвидѣніи что топлива для каши не будетъ, или вообще чтобы не ходить за нимъ нарочно и далеко, солдатъ во время похода подбираетъ на дорогѣ каждую щепку и палку, каждую сухую травку или высохшій бурьянъ, и когда баталіонъ подходитъ къ мѣсту ночлега, то у каждаго солдата есть уже за плечами на ранцѣ небольшая вязанка топлива. По приходѣ на ночлегъ, это топливо складывается въ кучу у мѣста назначеннаго для ротной кухни и черезъ четверть часа огонь пылаетъ уже подъ котлами, а чрезъ два часа каша готова. Точно также, когда небо пасмурно, изъ опасенія дождя, или вообще на всякій случай, чтобы не

лечь на сырую землю, кавказскій солдатъ во время перехода рветъ и собираетъ сухую траву и приноситъ ее вмѣстѣ съ топливомъ. Кавказскіе солдаты устанавливаются на мѣстѣ лагера скоро, палатки разбиваются быстро; черезъ два часа по приходѣ на ночлегъ они уже поѣли, а черезъ три часа весь лагерь спитъ; тогда—какъ въ войскахъ менѣе опытныхъ, въ это время слышится еще шумъ и говоръ, каша не готова, топливо еще отыскивается, палатки устанавливаются и переставляются, и солдаты поѣдятъ и засыпаютъ далеко позже; а между-тѣмъ на слѣдующее утро всѣ встаютъ по барабану въ одно время, одни выспавшіеся, свѣжіе и готовые для большаго перехода, другіе утомленные и неодохнувшіе; число отсталыхъ тотчасъ показываетъ разницу между баталіонами. Кавказскій солдатъ знаетъ какъ надо ходить въ походѣ, чтобы менѣе утомиться. Все это есть слѣдствіе опытности боевой и походной жизни впродолженіи столѣтій; она не переводится въ полкахъ и передается отъ старыхъ солдатъ молодымъ на мѣстѣ и при случаѣ надобности; только—что поступившіи рекруты выучиваются скоро, что и какъ надо дѣлать. Русскій солдатъ вездѣ и всегда храбръ; но эта походная опытность составляетъ очевидное преимущество старыхъ полковъ и есть капиталъ ихъ. Войска воюющія въ Европѣ, болѣе или менѣе находятъ все готовымъ или удобнымъ добыть скоро, и въ здѣшнихъ пустыняхъ стануть въ затрудненіе. Искусство доставлять себѣ свой возможный комфортъ сохраняетъ здоровье и силы, а крѣпость тѣла пмѣетъ вліяніе на бодрость духа.

XIV. Движеніе къ сторовъ Арзерума.—Кара-Дербентъ.—Керпикей.—Гассанъ-кала.

Кругомъ Миранка весь подножный кормъ былъ потравленъ; войска ходили на фуражировки за 5-ть верстъ отъ лагеря. Начальникъ отряда получилъ уже увѣдомленіе, что отрядъ можетъ-быть подвинется впередъ, и потому чтобы быть ближе къ неприятелю, 14-го іюля выступилъ съ отрядомъ отъ Миранка, а 15-го іюля прибылъ къ армянскому селенію Зейдкану, лежащему на торговой Арзерумской дорогѣ при самомъ входѣ ее въ ущелья Драмъ-дага. Въ с. Караклисѣ была оставлена одна рота 5-го баталіона Тиганескаго егерскаго полка для прикрытія сообщеній съ Сурбъ-Оганесомъ, охраненія окрестныхъ армянскихъ селеній и наблюденія за перемолкой пшеницы, продолжавшейся еще въ Караклисѣ и Мангасарѣ.

Мулла-Судейманъ и Зейдканъ два самыя большія и богатяя селенія въ Аланкертскомъ санджакѣ; въ первомъ считается 75-ть, а во второмъ 50-ть дворовъ. Въ нихъ строенія хотя немного лучше чѣмъ въ другихъ деревняхъ и селеніяхъ, но сдѣланы также землянками. Армяне живутъ грязно и повидному бѣдно. Мебели нѣтъ никакой. На полу посланы циновки, иногда дурные ковры, или тонкіе матрацы, на которыхъ люди сидятъ и спятъ. Имущество и зерновой хлѣбъ прячется въ глубокія и просторныя ямы, у которыхъ стѣны выглажены и вымазаны глиною; въ ямы спускаются узкимъ отверстіемъ всегда закрытымъ сверху землею, золою, или навозомъ, такъ чтобы немогли отъискать скоро посторонніе люди. Мужчины и женщины одѣты дурно и бѣдно. Армяне собравшіеся изъ окрестныхъ селеній въ Топрахъ-калэ и Мулла-Судейманъ, чтобы лучше защищаться отъ Курдовъ, отъ которыхъ они впрочемъ вовсе не защищались, — съ переходомъ отряда къ

\*

Зейдкану, стали возвращаться въ свои дома и заниматься обыкновенными своими работами дома и въ полѣ. Хотя для избѣжанія безпорядковъ и неудовольствія жителей, мы вообще избѣгали расположенія отряда возлѣ самыхъ селеній, но по мѣстности, удобству воды и засѣянными кругомъ полямъ, отрядъ долженъ былъ стать лагеремъ рядомъ съ Зейдканомъ, чѣмъ жители впрочемъ были очень довольны, чувствуя себя въ бѣльшей безопасности подъ такимъ близкимъ покровительствомъ войска. Армянки Зейдкана показались намъ менѣе дики, или лучше сказать менѣе чопорны, чѣмъ Армянки Эриванской губерніи. Русская Армянка имѣетъ нижнюю часть лица до носу всегда закрытою бѣлымъ платкомъ, и при встрѣчѣ съ мужчиною, особенно Русскимъ, всегда отворачивается отъ него, для чего она останавливается и поворачивается къ проходящему спиною; это дѣлаютъ и женщины совершенно старыя и безобразныя, а безобразныхъ между Армянками очень много. Турецкія Армянки не закрываютъ лица платкомъ, и при встрѣчѣ съ Русскими не отворачивались, а только склоняли голову и потупляли глаза. Впрочемъ, женщина вездѣ одинакова, и наружная дикость не есть признакъ и хранилище добродѣтели. Хотя при восточныхъ обычаяхъ волокитство не удобно, но солдаты имѣли успѣхъ, для чего было иногда достаточно одной встрѣчи безъ свидѣтелей. Послѣ стоянки нашихъ войскъ впродолженіи трехъ зимъ на Араксѣ, многіе съ удивленіемъ замѣтили, что все новое поколѣніе родилось блондинами. Случалось, что Армянки или музульманки влюблялись до безумія въ Русскихъ солдатъ и бѣжали за ними, и когда бѣгянку возвращали подъ родительскій кровъ, то священники, или муллы, приписывая эти случаи бѣсовскому паважденію, отчитывали виновныхъ.

Всѣ Армяне Баязетскаго пашалыка григоріанцы; только



жители Мулла-Сулеймана католики. Эти католики держали себя смѣлѣе съ музульманами; попы ихъ даже позволяли себѣ носить оружіе, пистолеты за поясомъ, когда снимали духовную одежду,—и что насъ удивило, при нашихъ добрыхъ намѣреніяхъ и чувствахъ къ Армянамъ, были равнодушны, даже враждебны къ Русскимъ. Они не сближались съ нами и, какъ мы узнали и убѣдились впоследствии, доставляли о насъ всѣ свѣдѣнія Туркамъ. Последнее обстоятельство вѣроятно зависѣло отъ того, что мы въ эту войну имѣли врагами музульманъ и католиковъ вмѣстѣ, и безсомнѣнія главныя духовныя католическія власти, находящіяся въ Арзерумѣ, сдѣлали распоряженіе считать насъ врагами, какъ вездѣ православныхъ; но оно возбудило въ насъ грустное чувство, при ничтожномъ положеніи Армянъ, и при сознаніи, что мы здѣсь единственные матеріально, а не на словахъ, защитники ихъ, противъ которыхъ католическое духовенство возбуждаетъ ненависть. При интересѣ войны и при множествѣ другихъ болѣе жизненныхъ вопросовъ, представлявшихся на каждомъ шагу, мы забыли и о существованіи этой мелкой нелюбви,—какъ-вдругъ встрѣтили ее нѣсколько въ армяно-католикахъ. Я иногда говорилъ попу Мулла-Сулеймана:— «Вы ошибаетесь въ вашихъ чувствахъ, вы любите насъ и дѣлаете не то, что велитъ вамъ ваше сердце». Армяно-католики считаютъ себя гораздо выше Армяно-григоріанцевъ, смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ и нехотятъ съ ними родниться, какъ Евреи съ другими народами. Во время пребыванія нашего у Зейдкана, одинъ григоріанецъ Топрахъ-кале, пользуясь вѣроятно нашимъ присутствіемъ, укралъ католичку изъ Мулла-Сулеймана и женился на ней; ихъ вѣнчалъ григоріанскій священникъ. Попы Мулла-Сулеймана взбунтовались. Они пріѣхали въ отрядъ, обратились съ жалобой ко мнѣ, говорили съ негодованіемъ, что

григоріанцы осквернили ихъ, и требовали, чтобы мы употребили власть и силу возвратить католичку отцу, такъ какъ бракъ ея недѣйствителенъ, совершенный григоріанскимъ попомъ, или велѣть молодому григоріанцу обратиться въ католичество и перевѣнчаться снова въ католической церкви. Дѣло было казусное; я не былъ на высотѣ такого богословскаго вопроса и хотѣлъ-было передать его на рѣшеніе Шихъ-Абдала, который какъ духовное лицо другой посторонней религіи, могъ быть безпристрастенъ между католиками и григоріанцами; но вспомнивъ, что турецкія власти покровительствуютъ католикамъ и по вліянію консуловъ западныхъ державъ содѣйствуютъ разному духовенству въ обращеніи григоріанцевъ въ другія христіанскія секты, а главное, имѣя въ виду, что здѣсь григоріанцевъ гораздо болѣе католиковъ, и первые намъ гораздо полезнѣе и преданнѣе, отказалъ отцу Акопу, и посоветовалъ ему жить въ мирѣ съ григоріанцами, но чувству христіанской любви не презирать своихъ братьевъ, Армянъ, и оставить любовниковъ въ покоѣ. Повторяю, вотъ тѣ результаты, которыхъ достигла христіанская пропаганда въ Азіятской Турціи; с. Мулла-Сулейманъ есть самый отдаленный шагъ ея блестящихъ успѣховъ. Но она не успѣла крестить ни одного Курда, ни одного Татарина, ни одного Османа и Персіянина; я объ этомъ нарочно разспрашивалъ и сколько слышалъ, — это правда. Она успѣла обратить въ католицизмъ нѣсколько григоріанцевъ, а можетъ-быть и несторіанъ, т. е. успѣла поселить раздоръ и ненависть другъ другу между Армянами, а можетъ-быть и между Айсорацъ, т. е. ослабить ихъ еще болѣе, уже совершенно ослабленныхъ въ борьбѣ лицомъ къ лицу съ исламизмомъ. Болѣе всего прискорбно то, что покровительствомъ консуловъ западныхъ державъ здѣсь пользуются только католики и вѣроятно протестанты, гдѣ они есть, а

не православные, не григоріанцы. Турки притѣсняютъ послѣднихъ смѣло, а католическое духовенство пользуется ихъ несчастіемъ, можетъ-быть даже внушаетъ Туркамъ мѣры притѣсненія, чтобы обращать ихъ въ свою вѣру; его защиту можно приобрести только путемъ отступничества. Разница въ положеніи Армянъ-католиковъ и Армянъ-григоріанцевъ, какъ я сказалъ уже, очевидна, и что я пишу, то слышалъ отъ нихъ самихъ. Безсомнѣнія, съ обращеніемъ григоріанцевъ въ католицизмъ соединена и мелкая политическая выгода; вѣроятно, русскія войска войдя въ Азіятскую Турцію не найдутъ нѣсколькихъ армянскихъ селеній и не встрѣтятъ въ Армянахъ прежняго сочувствія. Но эти средства постыдны и жалки и едва-ли принесутъ существенную пользу. Католическое духовенство сдѣлало бы гораздо лучше, если бы дѣйствовало не на григоріанцевъ, а хотя на Изэдовъ, бывшихъ когда-то христіанами, а теперь не имѣющихъ никакой религіи. Армяне народъ мягкій и смиренный, проникнутый уже гражданскими правилами христіанства; о нихъ напрасно заботиться: стараніе обратить ихъ въ католицизмъ не принесетъ никакой пользы человѣчеству и можетъ быть объяснено однимъ корыстнымъ желаніемъ увеличить число своихъ прихожанъ. Опасны не Армяне, а музульмане, преимущественно кочевые народы, а противъ нихъ, какъ я замѣтилъ выше, христіанская пропаганда была до сихъ поръ беспильна. Для борьбы съ исламизмомъ нужна другая сила.

17-го іюля было получено отъ главнокомандующаго предписаніе о движеніи противъ корпуса Вели-пашп, къ с. Керпи — кѣю; въ немъ заключались слѣдующія распоряженія. Самъ генераль — адъютантъ Муравьевъ выступалъ 19-го іюля съ сильнымъ отрядомъ (кажется около половины всей нашей арміи, блокировавшей Карсъ) за Саганлугскій хребетъ, а значительный кавалерійскій авангардъ

подъ командою полковника князя Дондукова-Корсакова, выдвигалъ въ ночь съ 19-го на 20-е іюля усиленнымъ маршемъ за 70-ть верстъ впередъ до с. Зивинъ, куда этотъ авангардъ долженъ былъ прибыть 20-го числа вечеромъ и, смотря по свѣдѣніямъ изъ непріятельскаго лагеря, дѣйствовать далѣе согласно данной инструкціи. Въ случаѣ отступленія непріятеля, полковникъ князь Дондуковъ-Корсаковъ долженъ былъ преслѣдовать его и по возможности стараться отбить лагерь и тяжести арріергарда, но отнюдь не вступать въ бой въ случаѣ намѣренія Вели-паша держаться въ Керпи-кѣѵ. Во всякомъ случаѣ авангарду предписано не увлекаться преслѣдованіемъ далѣе Гассанъ-калы, и занять это мѣсто только тогда, когда оно не представитъ сопротивленія сопряженнаго съ значительною потерею людей. Кроме-того князю Дондукову-Корсакову вмѣнено въ обязанность вступить немедленно въ частныя сношенія съ Эриванскимъ отрядомъ для сообщенія ему свѣдѣній о непріятелѣ и передачи приказаній главнокомандующаго. Генераль-маіоръ Сусловъ долженъ былъ исполнить слѣдующее: 1) Выступивъ съ Эриванскимъ отрядомъ по направленію къ Керпи-кѣю, и пройдя горный переваль отдѣлявшій его отъ долины верхняго-Аракса (Драмъ-дагъ) остановиться 20-го іюля въ разстояніи 20-ти или 25-ти верстъ отъ Керпи-кѣя. Для дѣйствій этихъ взять три баталіона четыреххотнаго состава, артиллеріи и кавалеріи сколько признается нужнымъ, а прочія за тѣмъ войска расположить въ Баязетскомъ пашалыкѣ какъ удобнѣе. 2) По переходѣ въ долину Аракса немедленно вступить въ сношенія съ отрядомъ князя Дондукова-Корсакова, и послѣ того ожидать дальнѣйшихъ приказаній. 3) Въ случаѣ отступленія Вели-паша и движенія отряда князя Дондукова-Корсакова впередъ, содѣйствовать ему быстрымъ слѣдованіемъ на-легкѣ впередъ,

по направленію пути отступленія непріятели, въ преслѣ-  
дованіи котораго руководствоваться правилами предписан-  
ными авангарду. 4) Если намѣреніе непріятели держаться  
въ Керпи-кѣѣ опредѣлится ясно, то ожидать дальнѣйшихъ  
приказаній на мѣстѣ за переваломъ, слѣдуя за дѣйствіями  
непріятели и сообщая о томъ князю Дондукову-Корсакову.  
5) По непредвидимымъ обстоятельствамъ можетъ быть  
измѣнено настоящее предположеніе; въ такомъ случаѣ по  
переходѣ чрезъ хребетъ отнюдь не двигаться впередъ, раз-  
вѣ что представится явная возможность безъ большой по-  
тери людей принудить къ отступленію отрядъ Вели-паши  
и отбить у него значительную часть людей и тяжестей,  
и 6) Эриванскому отряду взять съ собою провіанту на 20  
дней; но чтобы продлить его на большее число дней, от-  
пускать каждому человѣку ежедневно  $\frac{1}{2}$  фунта сухарей  
менѣе противъ обыкновенной дачи, и вмѣсто того давать  
говядины полуфунтомъ болѣе. Главный отрядъ направляв-  
шійся отъ Карса къ Керпи-кѣю, выступалъ изъ лагеря при  
Тыкмѣ, и имѣлъ ночлеги: 19-го іюля—Тазанлы; 20-го—  
Ханъ, за Санганлугомъ, 21-го—Енгикѣвъ и 22-го—Зивинъ.

Распоряженіе это обрадовало весь отрядъ; мы были  
убѣждены, что пойдемъ на Арзерумъ и далѣе; собственно  
противъ Вели-паши не для чего было вести такъ много  
войска. Отрядъ Вели-паши, прежній Ванскій, а потомъ Бая-  
зетскій корпусъ, по послѣднимъ довольно вѣрнымъ свѣдѣ-  
ніямъ, противъ числительности своей, какую онъ имѣлъ у  
Сурбъ-Оганеса, увеличился батальономъ пѣхоты и нѣ-  
сколькими орудіями приведенными изъ Арзерума, а болѣе  
всего баши-бузуками набранными изъ Курдовъ и другихъ  
окрестныхъ жителей; число послѣднихъ показывали около  
6-ти тысячъ, а всего непріятельской корпуса около 15-ти  
тысячъ, при 30-ти орудіяхъ. Ожидали также изъ Трапе-  
зонта Гафизъ-пашу съ отрядомъ Лазовъ, пѣшая ирегу-

лярная милиція, числомъ до 5-ти тысячъ; но въ это время Лазы еще не прибыли, и вообще нельзя было вѣрять однимъ слухамъ о ожидаемой Турками помощи.

18-го іюля рано утромъ Эриванскій отрядъ выступилъ въ составѣ трехъ четырехротныхъ баталіоновъ (два Ширванскаго и одинъ Мингрельскаго полковъ), шести орудій легкой № 7-го батареи 21-й артиллерійской бригады и 15-ти сотенъ кавалеріи, съ 20-ти-дневнымъ количествомъ провіанта и частью артиллерійскаго парка и подвижнаго госпиталя, преимущественно на вьюкахъ. Движеніе было устроено по примѣру того, какъ было устроено движеніе къ Вану въ прошедшемъ году; конный колесный обозъ въ случаѣ сраженія могъ служить для поднятія раненыхъ, вмѣсто повозокъ подвижнаго госпиталя, что было тѣмъ болѣе возможно, что по мѣрѣ движенія впередъ количество провіанта уменьшается и часть тяжестей можетъ быть переложена съ повозокъ на вьючныхъ черводарскихъ лошадей провіантскаго магазина. Впрочемъ, предстоявшее движеніе не могло имѣть такихъ трудностей, какъ движеніе къ Вану, потому-что долина Аракса по Арзерумской дорогѣ, какъ намъ было извѣстно, населена густо, и мы могли въ случаѣ надобности найти перевозочныя средства въ самомъ краѣ у жителей. Но переходъ чрезъ хребетъ Драмъ-дага также труденъ, и было полезно идти какъ можно болѣе на-легкѣ. У с. Зейдкана оставили всѣ тяжести и подвижной госпиталь подъ прикрытіемъ двухъ ротъ 5-го баталіона Тифлискаго егерскаго полка, двухъ орудій и одной сотни кавалеріи; арбы были поставлены въ каре, а внутри его палатки подвижнаго госпиталя и войска. Эти войска, а равно и другія остававшіяся въ Баязетскомъ пашалыкѣ,—рота въ с. Караклисѣ и баталіонъ у Сурбъ-Оганеса,—подчинились командиру 5-го баталіона Тифлискаго егерскаго полка, полковнику Сакену, на обязанность кото-

раго возлагалось сохранять спокойствіе въ краѣ, въ случаѣ надобности дѣйствовать противъ партіи Курдовъ, не трогая укрѣпленныхъ вагенбурговъ у Зейдкана и Сурбъ-Оганеса, и заботиться о безостановочномъ подвозѣ провіанта изъ Эриванской губерніи, на оставленныхъ здѣсь черводарскихъ лошадахъ провіантскаго магазина и арбахъ находящихся у Сурбъ-Оганеса.

18-го іюля отрядъ сдѣлалъ переходъ въ 20-ть верстъ и остановился на ночлегъ на отлогостяхъ Драмъ-дага въ урочищѣ, называемомъ Джени-гѣль, гдѣ протекаетъ небольшая ручей. Переходъ былъ чрезвычайно труденъ, особенно въ жаркій іюльскій день. Торговая Арзерумская дорога идетъ здѣсь вдоль хребта Драмъ-дага, поперегъ отраслей отходящихъ отъ него къ югу, и безпрестанно снувается въ глубокія лощины и подымается на крутые подъемы. Нашъ приходъ засталъ въ располхъ кочевавшихъ здѣсь Курдовъ; палатки и стада ихъ видѣлись на ближайшихъ покатостяхъ. Хотя они состояли въ вѣдѣніи Шихъ-Абдала, но встревожились; всадники скакали во всѣхъ направленіяхъ и сгоняли стада къ палаткамъ. До 20-ти человекъ старшинъ и другихъ Курдовъ тотчасъ явились въ отрядъ; ихъ успокоили и ручались имъ, что у нихъ ничего не возьмутъ; они также увѣрили въ своей преданности, но впродолженіи ночи все-таки откочевали далѣе; на слѣдующее утро палатокъ и стадъ ихъ уже не было.

19-го іюля отрядъ слѣдовалъ далѣе. Около 8-ми верстъ дорога идетъ въ прежнемъ направленіи, на западъ, а потомъ поворачиваетъ на сѣверъ, и около 7-ми верстъ подымается отлогою южною покатостію главной массы хребта до самаго перевала; здѣсь она гораздо лучше чѣмъ пройденная нами наканунѣ. Съ хребта открывается на сѣверъ глубокая котловина, на днѣ которой лежитъ небольшая татарская деревня Эшакъ-Эльясъ. До этой дерев-

ни спускъ по сѣверной покатости, около двухъ верстѣ, отлогъ и дорога удобна. Въ котловинѣ соединяется нѣсколь-ко ручьевъ образующихъ р. Кшля, текущую отсюда пря-мо на сѣверъ по глубокому каменистому ущелью; дорога на протяженіи 10-ти верстѣ до ущелья Кара-Дербентъ часто переходитъ съ одного берега р. Кшля на другой и вообще очень неудобна; команда съ шанцовымъ инстру-ментомъ отъ всего отряда, слѣдовавшая постоянно впе-реди вмѣстѣ съ авангардомъ, должна была почти на каж-домъ шагу скапывать косогоры, выворачивать камни, рас-ширять дорогу, дѣлать спуски и подъемы отложе. Р. Кшля при каждомъ дождѣ разливается и портитъ дорогу. Одна-ко же отрядъ шель безостановочно, прорывая себѣ, какъ кротъ, дорогу въ этой суровой мѣстности. Не доходя 1-й версты до Кара-Дербента, р. Кшля соединяется съ р. Гас-санъ-чай, текущею также узкимъ ущельемъ съ восточ-ной стороны, и съ другимъ небольшимъ ручьемъ текущимъ съ западной стороны; при соединеніи ихъ мѣстность меж-ду горами расширяется и образуетъ просторную котлови-ну съ плоскимъ дномъ. Всѣ три рѣки по соединеніи текутъ на сѣверъ подъ именемъ Гассанъ-чай и разрываютъ гор-ную отрасль, отходящую отъ Драмъ-дага по направленію съ востока на западъ поперегъ теченія рѣки. Этотъ раз-рывъ, имѣющій видъ громадной скалистой трещины, назы-вается Кара-Дербентомъ, т. е. черныя ворота; ширина его въ началѣ до 20-ти сажени, бока совершенно отвѣсны, какъ каменныя стѣны, высотой около 100 сажени; далѣе, ущелье немного расширяется, скалы стоятъ не отвѣсно, а уступами одни надъ другими; длина его около одной вер-сты. Дорога въ ущельѣ переходитъ часто съ одного бере-га Гассанъ-чая на другой. Хотя это ущелье можно обойти стрѣлками, чрезъ горы, замыкающія со всѣхъ сторонъ кот-ловину, но горы очень высоки и круты, и непріятель могъ



бы, если бы былъ силенъ, запереть насъ здѣсь совершенно. Турки вѣроятно считали его непроходимымъ и для защиты его отрядили, какъ оказалось, только около 1000 человекъ Курдовъ и другихъ баши-бузуковъ, которые впрочемъ несмотря на свою малочисленность могли бы защищаться здѣсь упорно и затруднить наше слѣдованіе. Впослѣдствіи мы читали въ константинопольскомъ французскомъ журналѣ увѣдомленіе, что Русскіе прорвались чрезъ Кара-Дербентъ и Арзеруму угрожаетъ опасность.

Около 3-хъ часовъ пополудни, я и командовавшій кавалеріею и авангардомъ отряда полковникъ Хрещатицкій прибыли къ Кара-Дербенту съ передовыми сотнями казаковъ. Впереди ущелья съ нашей стороны, посрединѣ площадки, стояли до 100 человекъ Курдовъ, держа лошадей въ поводу; завидя насъ они сѣли верхами и начали джигитовать. Мы постоянно имѣли въ виду войти съ Курдами въ дружескія сношенія и потому послали впередъ двухъ нашихъ Курдовъ; но по нимъ начали стрѣлять. Это были баши-бузуки изъ Курдовъ, отряда Вели-паши. Мы остановились не вступая въ перестрѣлку, подождали пѣхоты авангарда и когда авангардъ стянулся весь, продолжали наступать шагомъ съ казаками и милиціею, оставивъ пѣхоту на сѣверной сторонѣ Кара-Дербента, для занятія стрѣлками его покатоствъ и входа. Когда мы подошли къ Курдамъ нѣсколько поближе, они повернули и поскакали быстро въ самое ущелье. Мы помчались за ними во весь карьеръ, съ гикомъ и крикомъ «ура!» почти вмѣстѣ съ ними проскакали все ущелье и еще версту за нимъ и выѣхали на небольшую высоту, отходящую съ запада и загибающуюся продолговатымъ языкомъ противъ самаго выхода изъ ущелья. Курды убѣгали отъ насъ производя выстрѣлы и за ущельемъ разсѣялись во все стороны. На ближайшихъ высотахъ возлѣ ущелья стояли также толпы ба-

ши-бузуковъ, намѣревавшихся можетъ-быть защищать выходъ изъ него, но они обратились въ бѣгство безъ выстрѣла, только-что увидѣли массу казаковъ мчавшуюся въ ущельѣ во весь карьеръ съ наклоненными пиками. Съ высоты, на которой мы остановились, намъ открылось вправо большое армянское селеніе Далп-баба; подъ нашими ногами, въ полуверстѣ отъ насъ шла дорога изъ Дали-бабы къ Арзеруму, перпендикулярно къ той дорогѣ по которой мы слѣдовали и которая обогнувъ занятую нами высоту поворачивала круто на западъ и нѣсколько лѣвѣе соединялась съ предъидущею дорогою. Башни-бузуки, какъ разсѣявшееся стадо, скакали во всѣхъ направленіяхъ на отдаленныя возвышенности; много выбѣгало также изъ Далп-бабы, гдѣ они вѣроятно квартировали, или отдыхали и прозѣвали ущелье. Они собирались въ разныхъ мѣстахъ въ разстояніи отъ насъ около двухъ или трехъ верстъ и ничего не предпринимали; ихъ было всего не менѣе тысячи, но вѣроятно болѣе. Прямо противъ насъ, изъ Дали-баба тянулось нѣсколько десятковъ нагруженныхъ чѣмъ-то арбы, подъ конвоемъ нѣсколькихъ десятковъ башни-бузуковъ; эти башни-бузуки также бѣжали, а арбы остановились. Полковникъ Хрещатицкій послалъ за ними казаковъ. Арбы поворотили и направили въ отрядъ. Оказалось, что они везли ячмень и пшеницу турецкимъ войскамъ къ Керни-кѣю. Ячмень и пшеницу роздали нашимъ войскамъ въ фуражъ, а арбы и хозяевъ ихъ, Армянъ, отпустили. Хотя впродолженіи занятія ущелья происходила на скаку перестрѣлка, но у насъ не было раненыхъ; только нѣсколько человѣкъ и лошадей сильно ушиблись и помили себѣ ноги и шею во время скачки по неровному каменистому дну ущелья.

За башни-бузуками не гонялись, чтобы не утомить лошадей, въ ожиданіи болѣе значительныхъ предстоявшихъ

намъ дѣйствию. Чтобы удержать за нами ущелье, полковникъ Хрещатицкій расположился на занятой имъ высотѣ со всюю кавалеріею, а я воротился за Кара-Дербентъ, куда подходили уже головныя части пѣхоты. Весь отрядъ прибылъ къ Кара-Дербенту къ 5-ти часамъ по полудни, и такъ-какъ было полезно прежде расчистить дорогу въ ущелье для удобнаго слѣдованія обозовъ, то начальникъ отряда, оставивъ всю кавалерію на почлегъ на занятомъ ею мѣстѣ, за ущельемъ, расположилъ пѣхоту при входѣ въ него; самое ущелье было занято небольшими частями пѣхоты и стрѣлками, которые залегли за камнями; до ночи дорога была расчищена. Между-тѣмъ полковникъ Хрещатицкій сдѣлалъ еще движеніе влево по Арзерумской дорогѣ. Башни-бузукки, объѣхавшіе горы и собравшіеся на этой дорогѣ, гдѣ мѣстность была просторна и открыта, затѣяли-было перестрѣлку, но потерявъ нѣсколько человекъ, при движеніи казаковъ въ атаку, отступили, т. е. бѣжали, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько убитыхъ, и совершенно скрылись. Мы ночевали спокойно.

20-го іюля отрядъ выступилъ послѣ ранняго обѣда и прошелъ Кара-Дербентъ. Скалы ущелья звучали странными звуками вторя нашимъ рожкамъ и барабанамъ; мы будто слышали въ высотѣ надъ собою стройное пѣніе далекихъ голосовъ. За ущельемъ дорога дѣлается широка, ровна и вездѣ отлога. Поворотивъ влево, въ 3-хъ верстахъ отъ Дали-бабы она выходитъ изъ горъ и пролегаетъ на западъ до с. Керпи-кѣя по возвышенной и открытой долинѣ Аракса, имѣющей около 20-ти верстъ ширины; но здѣсь эта долина не такая плоская, какъ въ Эриванской губерніи, а образуется отлогими, почти ровными покато-стями, отходящими отъ отдаленныхъ хребтовъ, виднѣющихся на сѣверѣ и югѣ, и перерѣзана отлогими и довольно-глубокими оврагами, на днѣ которыхъ бѣгутъ изъ юж-

ныхъ горъ отвѣсно къ рѣкѣ и нашей дорогѣ небольшіе ручьи. Эти отлогости мѣстами подходятъ почти къ самой рѣкѣ и останавливаются надъ нею невысокими уступами. Араксъ бѣжитъ подъ ними по ровной, мѣстами узкой и мѣстами болѣе широкой, низменной долинѣ. На всемъ протяженіи отъ Дали-бабы до с. Керпи-кѣя, Араксъ течетъ на востокъ на встрѣчу нашему пути въ 4-хъ верстахъ отъ него. Хотя на всѣхъ ручьяхъ и ложбинахъ, пересѣкающихъ Арзерумскую дорогу, представляются съ обѣихъ сторонъ хорошія позиціи, но мѣстность вездѣ открыта, удобна для движенія всѣхъ родовъ войскъ и не можетъ задержать долго атакующаго. Поэтому баши-бузуки не пробовали останавливать насъ. Мы встрѣтили ихъ въ числѣ нѣсколькихъ уже тысячъ въ 8-ми или 10-ти верстахъ отъ Кара-Дербента; они отступали передъ нами и слѣдили только издали за нашимъ движеніемъ.

Намъ слѣдовало бы остановиться у армянскаго селенія Юзверана, отстоящаго отъ Керпи-кѣя на предписанныя 20 верстъ, но здѣсь протекаетъ небольшой грязный ручей, и потому, чтобы имѣть хорошую воду, подножный кормъ и топливо, а главное быть нѣсколько ближе къ неприятелю, мы своротили за Юзвераномъ вправо, боковою дорогою, къ низменной долинѣ Аракса, и пройдя еще 5-ть верстъ за д. Думкъ, въ 3 часа по полудни остановились лагеремъ на самомъ берегу этой рѣки. Отъ мѣста нашего расположенія шла прямая хорошая дорога къ Керпи-кѣю, соединявшаяся съ главною Арзерумскою дорогою въ с. Комадоръ, въ 7-ми или 8-ми верстахъ отъ Юзверана; отъ насъ до Керпи-кѣя оставалось около 15-ти верстъ. Передовые посты наши заняли окрестныя ближайшія возвышенности; баши-бузуки стояли вдали у с. Комадора. Берега Аракса доставляли войскамъ всѣ удобства; травы было много; кустарникъ росъ тутъ же; снявъ ранцы и

установивъ палатки, солдаты и офицеры бросились купаться, чтобы освѣжиться послѣ утомительнаго перехода. Ночью отрядъ охранялся цѣпью и разъѣздами кавалеріи; пѣхота, утомлявшаяся болѣе, спала спокойно, чтобы быть свѣжѣе для дѣйствій слѣдующаго дня. Дорога, по которой долженъ былъ идти отъ Карса князь Дондуковъ-Корсаковъ, шла по лѣвой сторонѣ Аракса въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этой рѣки и соединялась съ торговою Арзерумскою дорогою, по которой шли мы, острымъ угломъ у Керникѣйскаго моста, построеннаго на Араксѣ. Во все время слѣдованія отъ Кара-Дербента намъ была видна на далекое разстояніе вся противоположная сторона Аракса и дорога по которой долженъ былъ идти кавалерійскій авангардъ главныхъ силъ; но мы его не видѣли.

21-го іюля утромъ до разсвѣта генераль-маіоръ Сусловъ получилъ отъ князя Дондукова-Корсакова письмо, писанное 19-го іюля. Изъ него было видно, что авангардъ, выступивъ 19-го іюля изъ с. Тазанлы, перевалится чрезъ Саганлугскій хребетъ и 20-го іюля къ вечеру придетъ въ с. Зивинъ; что главнокомандующій полагаетъ возможнымъ, единственно движеніемъ двухъ отрядовъ Эриванскаго и князя Дондукова-Корсакова, совокупно съ двухъ сторонъ, застигнуть, если не всѣ силы Вели-наши, то хотя его арріергардъ и тяжести, и потому генераль-адъютантъ Муравьевъ предлагаетъ генераль-маіору Суслову, въ ночь съ 20-го на 21-е іюля двинуться на легкахъ по большой дорогѣ къ Керникѣю, а въ одно время съ этимъ движеніемъ полковникъ князь Дондуковъ-Корсаковъ выступитъ изъ Зивина по дорогѣ на Арзерумъ и не доходя 10-ти или 12-ти верстъ до Керникѣя повернуть направо, по обходной дорогѣ чрезъ д. Дали-Чермукъ на г. Гассанъ-калу, во флангъ и тылъ непріятеля.

Въ случаѣ, если бы Вели-паша сталъ держаться въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ при значительномъ превосходствѣ силъ, генераль-маіоръ Сусловъ долженъ былъ, не переходя Аракса, избрать позицію въ виду непріятеля и ожидать главныя наши силы, пока отрядъ князя Дондукова-Корсакова будетъ развлекать вниманіе Турокъ съ другой стороны. Оба отряда должны бдительно слѣдить за непріятелемъ и при первомъ его шагѣ къ отступленію двигаться и преслѣдовать его, но не далѣе Гассанькалы.

Вслѣдъ за этимъ было получено отъ полковника князя Дондукова-Корсакова другое письмо, писанное 20-го іюля въ 7 часовъ вечера изъ с. Зивина; онъ увѣдомлялъ, что по трудности дороги и недостатку фуража, онъ не могъ придти вечеромъ 20-го іюля къ с. Занзаху (въ 30-ти верстахъ отъ Керпи-кѣя), но предполагаетъ быть тамъ скоро; въ этомъ селеніи онъ оставитъ всѣ выюки подъ прикрытіемъ трехъ сотенъ казаковъ, а самъ съ 12-ью эскадронами драгунъ, 7-ью сотнями линейныхъ казаковъ и Донскою № 7-го батарею выступитъ изъ Занзаха въ 11-ть часовъ ночи 20-го іюля, сверотитъ по обходной дорогѣ на Дали-Чермукъ, гдѣ надѣется быть въ 6-ть или 7-мь часовъ утра 21-го іюля. Отъ Дали-Чермука есть дорога къ Керпи-кѣю, протяженіемъ около 5-ти верствъ. Прийдя въ Дали-Чермукъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ полагалъ высмотрѣть положеніе непріятеля, и если къ тому времени генераль-маіоръ Сусловъ двинется на него съ фронта, то князь Дондуковъ-Корсаковъ полагалъ ударить ему во флангъ или тылъ, смотря по обстоятельствамъ.

Однако же, какъ было видно на самомъ дѣлѣ, и это предположеніе не могло осуществиться, потому — что было уже утро 21-го іюля, а отрядъ князя Дондукова-Корсакова

не дошелъ нетолько что до Дали-Чермука, но и до насъ; мы его еще не видѣли, ночное движеніе въ обходъ могло быть исполнено развѣ въ слѣдующую ночь. Вскорѣ послѣ полученія этихъ писемъ князь Дондуковъ-Корсаковъ пріѣхалъ самъ въ нашъ отрядъ, чтобы лично переговорить съ генералъ-маіоромъ Сусловымъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ:—онъ обогналъ свой отрядъ, который въ это время шелъ около с. Занзаха по Арзерумской дорогѣ постоянно сближаясь съ нами; пыль поднятая имъ, сдѣлалась наконецъ видна намъ и указывала направленіе его слѣдованія. На словахъ князь Дондуковъ-Корсаковъ передалъ то, что писалъ въ последнемъ письмѣ, т. е. что онъ имѣетъ назначеніе обходить Вели-пашу съ лѣваго его фланга и атакуеть его съ той стороны, а Эриванскій отрядъ долженъ содѣйствовать ему, дѣйствуя съ фронта или праваго фланга. Однимъ словомъ, авангардъ главныхъ силъ имѣлъ назначеніе дѣйствовать, а Эриванскій отрядъ содѣйствовать ему, что на полѣ битвы неизбѣжно приводилось къ тому, что оба отряда должны дѣйствовать, и это было самое лучшее намѣреніе, потому-что не дѣйствуя, а только наблюдая за Вели-нашею издали, въ ожиданіи главныхъ силъ, если бы Вели-паша показалъ намѣреніе держаться, какъ было сказано въ первомъ предписаніи, при всемъ нашемъ стараніи развлекать его, я полагаю, что мы едва ли успѣли бы обмануть и удержать его;—онъ воспользовался бы первымъ удобнымъ случаемъ и ушелъ бы въ Арзерумъ, оставивъ намъ даже свой лагерь, которымъ Турки не очень дорожатъ.

Мы двинулись къ Керпи-кёю, около 7-ми или 8-ми часовъ утра, а князь Дондуковъ-Корсаковъ воротился къ своему отряду. По выходѣ изъ низменной долины Аракса, нашъ отрядъ прошелъ чрезъ с. Комацоръ, только-что брошенное жителями, и остановился близъ д. Амракума для привала.

\*

Баши-бузуковъ не было видно съ ранняго утра; всѣ они собрались къ своему лагерю у Керпи-кѣя. Съ возвышенностей лежащихъ за Амракумомъ намъ открылась вся долина Аракса вверхъ и внизъ, и долина р. Гассанъ-Калá-чай служащая продолженіемъ долины Аракса на западъ къ сторонѣ Арзерума. Верстъ около 10-ти или 12-ти позади насъ на противоположной, т. е. лѣвой сторонѣ Аракса, тянулась полоса пыли, подымавшейся по пути слѣдованія кавалерійскаго отряда князя Дондукова-Корсакова; впереди насъ верстахъ въ 6-ти на Арзерумской дорогѣ блестяли на солнцѣ бѣлыя палатки турецкаго лагеря, расположеннаго на отдѣльной возвышенности, на лѣвой сторонѣ р. Гассанъ-Калá-чай; а лѣвѣ лагеря въ отдаленіи видѣлись бѣлыя стѣны гассанъ-кальскихъ укрѣпленій. Вся мѣстность, на которой намъ предстояло дѣйствовать, была передъ нами какъ на ладони, и теперъ дѣлалось понятно, что мы хотѣли и что нужно было дѣлать. Съ нами были здѣшніе Курды и нѣсколько Армянъ изъ Топрахъ-кале и Зейдкана, а также изъ Дали-бабы и Юзверана; имъ былъ извѣстенъ хорошо весь край, лежавшій отъ насъ къ Арзеруму, всѣ дороги и тропинки; подробное объясненіе ими видимой мѣстности показывало ясно, что прежнее предположеніе атаки непріятеля двумя отдѣльными отрядами, было составлено по общимъ соображеніямъ безъ точнаго знанія мѣстности, которой не видѣли.

Долина рѣки Гассанъ-Калá-чай ровна и одного уровня и почти одной ширины съ долиною Аракса. Она ограничивается съ сѣвера хребтами Карча-базаръ и Тавръ-дагъ, на послѣднихъ уступахъ которыхъ, образующихъ отдѣльныя возвышенности, лежатъ на лѣвой, т. е. сѣверной сторонѣ рѣки Гассанъ-Калá-чай, укрѣпленія турецкаго лагеря Вели-паши и въ 12-ти верстахъ за нимъ городъ и крѣпость



Гассанъ-Калá, такъ,—что вся плоскость долины находится къ югу отъ этихъ лагеря и укрѣпленій. Съ запада долина Гассанъ-Калá-чай замыкается невысокимъ промежуточнымъ хребтомъ Давабуйпу, отдѣляющимъ ее отъ Арзерума, а съ востока ограничивается рѣкою Араксомъ, который бѣжитъ здѣсь съ юга на сѣверъ, ударяется въ уступъ Карча-базаръ и поворачиваетъ на востокъ; на мѣстѣ этого поворота устроены каменный Керпи-кѣйскій мостъ. По срединѣ Гассанъ-кальской долины, съ запада на востокъ и около пол-версты южнѣ турецкаго лагеря, течетъ рѣка Гассанъ-Калá-чай, впадающая въ Араксъ нѣсколько выше керпи-кѣйскаго моста, а с. Керпи-кѣй находится на лѣвой сторонѣ этой рѣки, въ углѣ между нею и Араксомъ и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ. По направленію отъ насъ, по долинѣ Гассанъ-Калá-чай шли въ г. Гассанъ-Калу двѣ дороги: одна, самая прямая и кратчайшая отъ нашего отряда, по правой сторонѣ Гассанъ-Калá-чая, а другая нѣсколько вправо, чрезъ лагерь Вели-паши, по лѣвой сторонѣ Гассанъ-Калá-чай,—такъ—что если бы мы двинулись прямо по первой дорогѣ въ г. Гассанъ-Калу, то оставляли въ правой сторонѣ отъ насъ отрядъ и укрѣпленія Вели-паши и отрѣзывали ему отступленіе въ Арзерумъ придя въ Гассанъ-Калу, или поворота ранѣе вправо и выйдя на путь отступленія Турокъ между Гассанъ-Калáю и ихъ укрѣпленнымъ лагеремъ; т. е. прямымъ и кратчайшимъ движеніемъ мы могли обойти правый флангъ Турокъ и зайти имъ въ тылъ. Широкая долина, по которой должно было совершаться это обходное движеніе, или лучше сказать прямое наступленіе во флангъ и тылъ неприятелю, видимо ровна, а по показанію жителей, ѣхавшихъ съ нами, вездѣ проходима и удобна для дѣйствія кавалеріи; рѣка Гассанъ-Калá-чай вездѣ проходима въ бродѣ. Въмѣстѣ съ этимъ было видно, что для обхода лѣваго фланга Турокъ, какъ было

предположено, князь Дондуковъ-Корсаковъ, не доходя Керпи-кѣйскаго моста, долженъ былъ тотчасъ вступитъ въ хребетъ Карча-базаръ, гдѣ по показанію жителей дороги трудны. Если бы эти дороги были проходимы, то во всякомъ случаѣ при движеніи горами и кружными дорогами князь Дондуковъ-Корсаковъ могъ быть затрудненъ въ слѣдованіи и дѣйствіяхъ; артиллерія могла бы задержать его. Ктому же его движеніе не могло быть скрыто; на возвышенности Карча-базара, противъ Керпи-кѣйскаго моста стоялъ турецкій кавалерійскій постъ, который видѣлъ далеко въ долину Аракса движеніе отрядовъ Эриванскаго и князя Дондукова-Корсакова; но безсомнѣнія Турки знали уже прежде объ этихъ движеніяхъ отъ жителей. Если бы Вели-паша, замѣтивъ обходное движеніе съ лѣваго его фланга, рѣшился отступить, — что было вѣроятіе другихъ предположеній, — то онъ успѣлъ бы отступить въ-время; потому-что князь Дондуковъ-Корсаковъ будетъ обходить лѣвый флангъ его гористою и длинною дорогою и въ значительномъ отъ него разстояніи. Чѣмъ ближе къ неприятелю будетъ производимъ обходъ, — только что вѣтъ выстрѣловъ, — тѣмъ будетъ удобнѣе, скорѣе и ближе броситься на него, когда онъ начнетъ отступление. При такомъ положеніи мѣстности рождался самъ собою вопросъ: для чего дѣйствовать двумя отдѣльными отрядами, между которыми не могло быть связи и, слѣдовательно, единства дѣйствій, — и для чего князю Дондукову-Корсакову заходить вправо въ горы, кружною и трудною дорогою, когда оба отряда могли совокупными силами, ближайшими дорогами, ровною, широкою и открытою мѣстностью, вполне удобною для дѣйствія кавалеріи, слѣдовать влѣво по правой сторонѣ Гассанъ-Калъ-чай, обходить правый флангъ неприятеля, отрѣзать ему путь отступления, или вообще дѣйствовать сообразно съ надобностію?

Но мнѣ представлялась возможность и необходимость рѣшительныхъ и быстрыхъ дѣйствій потому еще, что мнѣ были очень хорошо знакомы исторія и нравственное состояніе войскъ корпуса Вели-паши въ продолженіи двухъ кампаній, по личнымъ встрѣчамъ съ ними. Я зналъ, что этотъ корпусъ составленъ изъ остатковъ разбитаго на Чиугильскихъ высотахъ корпуса, усиленнаго и потомъ вновь бѣжавшаго отъ насъ при движеніи Эриванскаго отряда къ сторонѣ Вана въ концѣ октября 1854 года, и что мы внушали сильный страхъ этимъ Туркамъ. Для меня весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы неупустить ихъ; но прошедшему опыту я былъ убѣжденъ, что они не рѣшатся дожидаться нашихъ дѣйствій и вступить съ нами въ бой, и непременно отступятъ изъ опасенія быть обойденными. Благоразумный расчетъ заставлялъ Вели-пашу отступить. Я былъ убѣжденъ, что даже пѣхота Эриванскаго отряда, не ожидая главныхъ силъ шедшихъ съ главнокомандующимъ, можетъ смѣло бросить свои сообщенія и также какъ кавалерія обходить непріятеля для дѣйствій въ тылъ ему, — въ чемъ именно и заключалась выгода, потому-что при обходѣ обоими соединенными отрядами праваго фланга непріятеля, пѣхота, слѣдуя за кавалерією, или находясь съ нею на одномъ полѣ, могла поддержать ее, и кавалерія, зная что за ней идетъ пѣхота, могла во всякомъ случаѣ дѣйствовать рѣшительнѣе, чѣмъ она имѣла право и возможность дѣйствовать, когда была отдѣлена отъ нашей пѣхоты непріателемъ многими верстами гористой мѣстности. Безсомнѣнія, пѣхота не могла бы догнать отступающихъ Турокъ; ея назначеніе могло состоять только въ ближайшей поддержкѣ кавалеріи, въ случаѣ надобности, но кавалерія могла догнать ихъ. Судя по перепискѣ и распоряженіямъ получавшимся прежде отъ главнокомандующаго, въ которыхъ выражалось хорошее мнѣніе о турецкихъ войскахъ и убѣжденіе,

что Эриванскій отрядъ слабъ для дѣйствій противъ отряда Вели-паши, надо полагать, что въ главномъ штабѣ не слѣдили исторію этого отряда и не имѣли точнаго понятія о войскѣ составлявшемъ его. Главкомандующій, вновь прибывшій, не могъ быть хорошо знакомъ съ положеніемъ дѣлъ прошедшаго года, и бѣльшая часть лицъ его штаба были также люди новые. Отрядъ Вели-паши только перемѣнилъ свое названіе—въ этомъ заключалась вся реформа. Мелкія подробности такого точнаго знанія непріятеля могли быть упущены; даже въ Эриванскомъ отрядѣ не знали, что это за корпусъ Вели-паши, и когда я рассказывалъ теперь, что это тѣ Турки, которые бѣжали отъ насъ съ Чингильскихъ высотъ и потомъ за Алла-дагомъ изъ Магометовой долины, то слышалъ выраженія: «А! такъ мы угостимъ ихъ еще разъ!»

Генералъ-маіоръ Сусловъ былъ согласенъ съ такимъ образомъ дѣйствій. По порученію его я написалъ къ князю Дондукову-Корсакову записку, въ которой объяснялъ, что теперь мѣстность намъ видна, и что ему очевидно не удобно заходить съ кавалеріею въ горы для дѣйствій противъ лѣваго фланга Вели-паши, предложилъ обойти непріятеля съ праваго фланга по ближайшимъ дорогамъ и по ровной открытой долинѣ Гассанъ-Калъ-чая, удобной для дѣйствія кавалеріи; въ чемъ будетъ та выгода, что дѣйствія двухъ отрядовъ будутъ совокупны; пѣхота пойдетъ за кавалеріею и можетъ поддерживать ее. Въ это время было уже 11<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часовъ утра; Эриванскій отрядъ отдохнулъ совершенно; голова колонны князя Дондукова-Корсакова постоянно сближалась съ нами, и была позади насъ не болѣе 4-хъ верстъ; передніе ряды эскадроновъ сверкали уже яснѣе сквозь облако пыли. Подъ командою князя Дондукова-Корсакова была отличнѣйшая кавалерія, съ которою и съ нашими баталіонами, знакомыми

и страшными корпусу Вели-паши, можно было смѣло бросить свои сообщенія. Вскорѣ я получилъ отъ князя Дондукова-Корсакова отвѣтъ; онъ писалъ: — «Совершенно согласенъ, и иду на соединеніе съ вами». Онъ видѣлъ уже самъ мѣстность и пользу обхода праваго фланга неприятеля, на одномъ полѣ дѣйствій съ Эриванскимъ отрядомъ.

Когда голова колонны князя Дондукова-Корсакова подошла къ Араксу и поровнялась съ нами, Эриванскій отрядъ тронулся къ Керпи-кѣйскому мосту; у д. Амранума были оставлены всѣ обозы и вьюки, подъ прикрытіемъ одной сотни казаковъ. Обѣ дороги, по которымъ слѣдовали оба отряда по обѣимъ сторонамъ Аракса, сходились у Керпи-кѣйскаго моста; отрядъ князя Дондукова-Корсакова для соединенія съ нами сталъ переправляться въ бродъ не доходя моста. Пока мы стояли на привалѣ, палатки турецкаго лагеря стали исчезать; и когда мы тронулись, лагерь былъ уже весь снятъ. Это показывало, что Вели-паша не намѣревался держаться, — и потому намъ можетъ-быть было необходимо немедленно наступать. Я говорю — можетъ-быть, потому-что весь ходъ дѣла зависѣлъ отъ чувствъ Вели-паши. Безсомнѣнія для дѣйствій вѣрныхъ и положительныхъ, намъ нужно было наступать немедленно, но для этого еще болѣе было нужно, чтобы лошади кавалеріи не были изнурены.

Керпи-кѣйскій мостъ съ правой стороны Аракса былъ прикрытъ укрѣпленіемъ съ сильною профилею; но оно было пусто. Выше моста, на равнинѣ, на правой сторонѣ рѣки, стояли около 100 башни-бузуковъ, преимущественно Курдовъ. Слѣдовавшая впереди нашего отряда сотня бекской дружины завязала съ ними перестрѣлку. Къ Курдамъ присоединились съ противоположнаго берега рѣки еще нѣсколько десятковъ охотниковъ, любителей джигитовки, и

въ то же время открылись за Араксомъ, въ разныхъ мѣстахъ долины Гассанъ-Калъ-чай, выѣхавшія впередъ своего укрѣпленнаго лагеря, четыре отдѣльныя массы конныхъ баши-бузуковъ, всего до 4-хъ или болѣе тысячъ человѣкъ; они стояли въ разсыпную и занимали большое пространство. Кромѣ того, небольшія кучи стояли въ разныхъ мѣстахъ между этими четырьмя главными толпами, какъ-бы дополняя общую картину своей многочисленности. Наши Донскіе казаки и милиціонеры, по распоряженію генераль-маіора Сулова, были направлены рысью впередъ пѣхоты и приняла участіе въ перестрѣлкѣ; Курды отступили за Араксъ; наши переправились за ними. Со стороны Турокъ толпы баши-бузуковъ подвинулись ближе къ Араксу и часть ихъ приняла участіе въ дѣлѣ, какъ-бы желая остановить переправу нашихъ войскъ. Наши милиціонеры лѣзли впередъ, будто желая показать свое молодечество, переправиться и сбить баши-бузуковъ безъ участія пѣхоты, которая между-тѣмъ слѣдовала за ними, и быстро спустилась по отлогой покатости, полемъ, по прямому направленію на турецкій лагерь, оставивъ Керпи-кѣйскій мостъ правѣ себя; перестрѣлка разгоралась; съ обѣихъ сторонъ были видны раненые люди и лошади. Чтобы принять скорѣе участіе въ дѣлѣ, князь Дондуковъ-Корсаковъ выдвинулъ двѣ сотни линейныхъ казаковъ и ракетную батарею. Всѣ торопились, хотя для насъ въ этомъ не было надобности, а было бы полезнѣе беречь лошадей для предположеннаго обхода. Казаки установили станки и пустили нѣсколько ракетъ. Ракеты были вѣроятно стары и дурны; нѣкоторыя пѣзъ нихъ пошли въ сторону, а одна разорвалась на станкѣ и легко ранила зажигающаго ее казака. Линейные казаки, лошади которыхъ видимо устали, спѣшились и цѣпью застрѣльщиковъ стали бойко наступать на баши-бузуковъ, производя мѣткій огонь. Большая часть казакѣвъ

имѣли бороды, и вѣроятно башни-бузуки приняли ихъ за Армянъ, изъ которыхъ у насъ состояло двѣ сотни въ конно-музультманскомъ полку; они бросились на нихъ, но тотчасъ увидѣли свою ошибку: нѣсколько изъ нихъ, подстрѣленные, свалились съ лошадей, и нѣкоторые казаки, сдѣлавъ выстрѣлъ, выхватили шашки и бросились впередъ, чтобы принять конныхъ башни-бузуковъ въ рукопашную. Башни-бузуки остановились; между ними раздался крикъ «Черкесь-казакъ! Черкесь-казакъ!» — такъ они называютъ нашихъ линейныхъ казаковъ, о которыхъ слава пошла уже со времени сраженій при Башъ-Кадыкъ-ляръ и Кюрюкъ-даръ, и тотчасъ отошли назадъ. Въ то же самое время изъ укрѣпленій турецкаго лагеря, которыя мы могли различать ясно, выступили еще башни-бузуки и регулярная кавалерія съ орудіями, которыя пройдя съ  $\frac{1}{2}$  версты по большой дорогѣ къ сторонѣ Керни-кѣйскаго моста, стали занимать позицію на возвышенности поперегъ дороги; вѣроятно Вели-паша хотѣлъ поддержать башни-бузуковъ. Между нами и турецкими укрѣпленіями было около 2-хъ верстъ.

Впродолженіи этой джигитовки и перестрѣлки, подошла пѣхота Эриванскаго отряда и кавалерія князя Дондукова-Корсакова. Шесть орудій легкой № 7 батареи, подъ прикрытіемъ головнаго баталіона и закрытыя нашею регулярною кавалерією, переправились въ бродъ черезъ Араксъ, почти вездѣ удобопроходимый, рысью выѣхали впередъ, и открыли учащенный огонь картечью и гранатами по толпамъ башни-бузуковъ. Дѣйствіе было мгновенное. Башни-бузуки, поражаемые картечью, разсыпались во все стороны, потомъ поскакали къ сторонѣ укрѣпленнаго лагеря и остановились въ кучахъ, въ нашихъ выстрѣловъ, по сторонамъ своей регулярной кавалеріи. Пѣхота перешла вся черезъ Араксъ и построилась въ боевой порядокъ, —

въ первой линіи два баталіона по бокамъ орудій въ ротныхъ колоннахъ и во второй линіи одинъ баталіонъ въ сомкнутой колоннѣ, въ 200-хъ или 300-хъ шагахъ за ротными колоннами первой линіи. Князь Дондуковъ-Корсаковъ явился къ генераль-маіору Суслову, какъ старшему, и поступилъ подъ его команду для общихъ дѣйствій. Мы стояли уже на дорогѣ, шедшей отъ Керчи-кѣйскаго моста по правой сторонѣ р. Гассанъ-Калачай въ г. Гассанъ-калу. Такъ-какъ распоряженіе главнокомандующаго: обойти лагерь Вели-паши кавалеріею князя Дондукова-Корсакова, а Эриванскому отряду содѣйствовать ему, — оставалось въ сущности неизмѣненное, и его теперь представлялась возможность исполнить самымъ точнымъ и легкимъ образомъ — двинувшись только въ обходъ не лѣваго фланга, какъ предполагалось прежде, а праваго, прямо на путь отступленія Турокъ, въ Гассанъ-Калу, или нѣсколько ближе отъ этого города къ турецкому лагерю, то генераль-маіоръ Сусловъ для обхода этого и усиленія кавалеріи главныхъ силъ отдалъ подъ команду полковника князя Дондукова-Корсакова всю кавалерію Эриванскаго отряда, и условился съ нимъ, что вся кавалерія будетъ слѣдовать по дорогѣ правымъ берегомъ Гассанъ-Калачай; а самъ генераль-маіоръ Сусловъ, чтобы прикрыть обходное слѣдованіе нашей кавалеріи, которую баши-бузуки и турецкія орудія, выдвинутыя изъ укрѣпленнаго лагеря, могли безпокоить во флангъ, — съ пѣхотою и артиллеріею Эриванскаго отряда перейдетъ р. Гассанъ-Калачай и будетъ наступать прямо на укрѣпленный лагерь, причемъ направленіе слѣдованія пѣхоты будетъ подъ острымъ угломъ съ направленіемъ слѣдованія нашей кавалеріи и между нашими пѣхотою и кавалеріею разстояніе не будетъ увеличиваться значительно, — во-бѣтъ баши-бузуковъ и регулярную турецкую кавалерію въ



укрѣпленія, потомъ поворотить налѣво ближайшимъ направлениемъ на кавалерію, переправится опять на правую сторону р. Гассанъ-Калà-чай, выйдетъ на дорогу, по которой пойдетъ наша кавалерія и будетъ слѣдовать за нею, чтобы поддержать ее. При такомъ движеніи пѣхота сдѣлала бы небольшой крюкъ и отстала бы отъ нашей кавалеріи около двухъ верстѣ; но кавалерія могла не уходить слишкомъ далеко и поджидать пѣхоту по мѣрѣ надобности. Въ сущности, по расположенію путей и мѣстности, при такомъ движеніи пѣхота во все время наступленія на укрѣпленный лагерь, оставалась на одной высотѣ съ нашей кавалерією и на ее правомъ флангѣ, а послѣ поворота налѣво становилась за нею. Но такое наступленіе пѣхоты прямо на укрѣпленія было необходимо: безъ него, выдвинутыя изъ турецкихъ укрѣпленій артиллерія и баши-бузуки, при движеніи нашей кавалеріи мимо праваго фланга Турокъ, безпокоили бы ее непременно въ правый флангъ; пѣхотные стрѣлки и орудія могли держать ихъ въ отдаленіи. По выходѣ на путь отступленія Вели-паши, или по сближеніи съ нимъ, дѣйствія зависѣли отъ обстоятельствъ и предприимчивости начальника. И мы и непріятель становились въ рѣшительное и крайнее положеніе другъ къ другу. Но я полагаю, что не было особой надобности князю Дондукову-Корсакову поступать подъ команду генераль-маіора Суслова. Имѣя уже приказаніе обойти Турокъ, онъ имѣлъ право дѣйствовать какъ стдѣльный начальникъ, независимо и самостоятельно, и получивъ въ подкрѣпленіе своей кавалеріи кавалерію Эриванскаго отряда, могъ идти на путь отступленія ихъ. Подчиненіе могло только стѣснять его въ его дѣйствіяхъ на полѣ сраженія.

Полковникъ князь Дондуковъ-Корсаковъ провелъ свою кавалерію позади пѣхоты и выстроилъ ее и кавалерію

Эриванскаго отряда на лѣвомъ флангѣ пѣхоты, вдоль по дорогѣ шедшей правымъ берегомъ Гассанъ-Калѣ-чая. Между-тѣмъ оставленные наши у Амракума обозы, а также выюки регулярной кавалеріи, по сдѣланному распоряженію подходили ближе къ намъ. Обозы эти подъ прикрытіемъ оставленныхъ съ ними казаковъ должны были выдти на дорогу, по которой будетъ слѣдовать наша кавалерія и идти по ней не сближаясь однако же съ кавалеріею, а подвигаясь медленно и держась противъ пѣхоты, такъ чтобы соединиться съ нею, когда она, дѣлая обходное движеніе, послѣ наступленія выдетъ опять на ту же дорогу. Когда все это было устроено, пѣхота и кавалерія тронулись одновременно, по двумъ назначеннымъ имъ направленіямъ.

Въ началѣ пути своего обходнаго движенія, наша кавалерія проходила въ разстояніи пупечнаго выстрѣла отъ непріятельскихъ орудій, выдвинутыхъ съ регулярною кавалеріею изъ укрѣпленнаго турецкаго лагеря. Эти орудія тотчасъ открыли по нашей кавалеріи огонь. Князь Дондуковъ — Корсаковъ, въ продолженіи слѣдованія выдвигалъ вправо бывшую съ нимъ донскую № 7-ю батарею; и она перестрѣлывалась съ турецкою артиллеріею до тѣхъ поръ, пока наступленіе нашей пѣхоты заставило Турокъ отступить; при этомъ въ нашей кавалеріи было убито и тяжело ранено 8 человекъ и нѣсколько лошадей. Наша пѣхота съ шестью орудіями легкой № 7-го батареи перейдя Гассанъ-Калѣ-чай, которая была также вездѣ удобопроходима въ бродѣ, имѣя впереди цѣнь стрѣлковъ и штуцерныхъ, въ прежнемъ порядкѣ быстро пошла впередъ на с. Керпи-кѣй; штуцерные производили огонь, артиллерія выѣзжая рысью впередъ пѣхоты снималась съ передковъ и стрѣляла по непріятельской кавалеріи. Турки обратили огонь своихъ орудій противъ нашей пѣхоты, но когда мы прошли за с. Керпи-кѣй и сблизились съ

ними, то вся ихъ кавалерія и выдвинутыя съ нею пять орудій снялись съ своей позиціи, начали поспѣшно отступать въ укрѣпленный лагерь и вскорѣ скрылись отъ насъ за возвышенностью, на которой стояли. Тогда наши шесть орудій, подъ прикрытіемъ застрѣльщиковъ, выѣхали во весь карьеръ впередъ, снялись съ передковъ на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ стоялъ отступившій непріятель и откуда мѣстность была уже совершенно открыта и видна до самыхъ укрѣпленій, и открыли частый огонь. Турецкая кавалерія и орудія скакали по дорогѣ во весь карьеръ прямо въ ворота, устроенныя въ укрѣпленіяхъ лагеря, и столпились въ нихъ. Наши ядра и гранаты, сосредоточенныя по дорогѣ въ ворота, били ихъ въ тылъ и, можно сказать, вбивали и вгоняли въ укрѣпленіе. У Турокъ вѣроятно была здѣсь порядочная потеря. Часть регулярной ихъ кавалеріи и всѣ башп-бузуки бросились мимо воротъ вправо, по дну ложбины раздѣлявшей насъ отъ укрѣпленного лагеря. Но когда пространство между нами и укрѣпленіями очистилось отъ турецкой кавалеріи, непріятель открылъ по насъ огонь изъ орудій стоявшихъ въ амбразурахъ укрѣпленій. Оказалось, что мы подошли уже довольно близко, около 250 сажени къ укрѣпленному лагерю Турокъ; ихъ ядра перелетали чрезъ наши орудія и пѣхоту, и ложились далеко позади насъ. Впрочемъ наша пѣхота была прикрыта возвышенностью, на которой стояла наша артиллерія; Турки стрѣляли очень дурно и ядра ихъ не сдѣлали намъ почти никакого вреда. Послѣ этого, наша кавалерія слѣдовала уже безопасно; ядра изъ укрѣпленного лагеря не долетали до дороги, шедшей по правой сторонѣ Гассанъ-Калъ-чая.

Мѣстность, на которой находились мы и были построены непріятельскія укрѣпленія, состоитъ изъ волнообразныхъ и отлогихъ покатостей отходящихъ къ сѣверу отъ

Карча-базара, перерѣзана лощинами и оврагами, и въ ряду общаго склона къ Гассанъ-Калѣ-чай имѣеть отдѣльныя вершины. На одной изъ такихъ возвышенностей были устроены Турками укрѣпенія. Они командовали нашею позиціею. Вираво отъ насъ и ближе къ укрѣпеніямъ возвышалась другая небольшая горка, командовавшая турецкими укрѣпеніями. Начальникъ отряда послалъ туда штуцерныхъ, которые открыли огонь по турецкимъ укрѣпеніямъ и по толпамъ башни-бузуковъ, стоявшихъ правѣе насъ въ разныхъ мѣстахъ, въ углубленныхъ ложбинахъ; башни-бузукки тотчасъ убѣжали за лѣвый флангъ укрѣпенія. Впрочемъ, эти движенія штуцерныхъ только задержали наше дальнѣйшее движеніе. Все поле было чисто. Я отправился съ штуцерными, и пока они стрѣляли, осмотрѣлъ съ горы въ зрительную трубу всю внутренность турецкихъ укрѣпеній, видимыхъ хорошо и простымъ глазомъ. Укрѣпенія имѣли глубокой ровъ и высокой брустверъ съ крутыми покатостями, выложенными дерномъ, подобно укрѣпеніямъ у Сурбъ-Оганеса. Съ фронта и съ фланговъ былъ устроенъ сплошной брустверъ съ выступами, вооруженными орудіями; тылъ былъ прикрытъ небольшими отдѣльными укрѣпеніями, отъ которыхъ мѣстность склонялась въ противоположную сторону къ Гассанъ-калѣ. Турецкая пѣхота стояла растянутаю вдоль вала съ фронта и фланговъ, держа ружья на верхней покатости его, видимо готовая открыть батальный огонь, если бы мы стали штурмовать укрѣпенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стояли въ резервѣ пѣхотныя колонны съ артиллеріею; регулярная кавалерія находилась внутри, а вся нерегулярная внѣ укрѣпенія, обѣ близъ лѣваго фланга, откуда онѣ могли атаковать насъ въ правый флангъ, если бы мы пошли на приступъ. На глазъ можно было опредѣлить, что численность непріятели простиралась, сходно съ показаніемъ

ми, до 15-ти тысячъ. Вдали, за укрѣпленіями по дорогѣ къ Гассапъ-калѣ видѣлась большая пыль, показывавшая, что Турки отправили уже назадъ свои тяжести. Было бы неблагоразумно штурмовать такія укрѣпленія подымаясь въ гору не только нашими тремя баталіонами, но и бѣльшимъ числомъ войскъ, неблагоразумно въ сто разъ болѣе, чѣмъ зайти Туркамъ въ тылъ. Между-тѣмъ Турки продолжали стрѣлять изъ орудій такъ же неудачно, какъ прежде, всѣ ядра и гранаты ихъ летѣли надъ нашими головами и падали позади нашей пѣхоты; у насъ оторвало ногу одному рядовому Ширванскаго полка, умершему въ тотъ же день. Вскорѣ пѣхота начала обходное движеніе провожаемая безвредными выстрѣлами турецкой артиллеріи. Сначала прошли нѣсколько назадъ по большой дорогѣ къ сторона Керпи-кѣя, потомъ повернули по лоцинѣ, скрывавшей насъ отъ непріятельскаго орудійнаго огня, къ р. Гассапъ-Калъ-чай, по направленію на кавалерію, перешли эту рѣку въ бродъ, вышли на дорогу, по которой слѣдовала кавалерія, соединились съ прибывшими уже обозами, сдѣлали непродолжительный привалъ, впрочемъ совершенно напрасно, и продолжали движеніе за нашу кавалерію, находившеюся впереди насъ около двухъ верстѣ.

Впродолженіи описанныхъ дѣйствій пѣхоты, князь Дондуковъ-Корсаковъ подвигался впередъ и остановился у д. Сюлюн противъ праваго фланга и даже тыла турецкихъ укрѣпленій, такъ же близко къ Гассапъ-Калѣ, какъ и непріятельскій корпусъ. Отсюда онъ могъ дѣйствовать или поворотивъ вправо на дорогу идущую отъ укрѣпленій въ Гассапъ-калу, или продолжая идти прямо на этотъ городъ. Пѣхота пошла бы за нимъ. Я полагалъ, что онъ поджидаетъ насъ; но вышло иначе. Когда пѣхота послѣ наступленія на непріятельскія укрѣпленія поворачивала отъ нихъ для

обходнаго движенія, отъ князя Дондукова-Корсакова прискакаль къ генераль-маіору Суслову ординарецъ съ докладомъ, что по дорогѣ изъ турецкихъ укрѣпленій въ Гасанъ-Калу видна большая пыль, и съ просьбою разрѣшить дѣйствовать наступательно. Ординарецъ этотъ привезъ князю Дондукову-Корсакову приказаніе отъ генераль-маіора Сулова: оставаться на мѣстѣ; но генераль-маіоръ Суловъ впослѣдствіи говорилъ, что онъ отдалъ приказаніе въ другомъ смыслѣ, именно въ томъ, что онъ не можетъ давать приказаній князю Дондукову-Корсакову который можетъ дѣйствовать самъ, какъ находитъ лучше. Потомъ отъ князя Дондукова-Корсакова прискакаль другой ординарецъ съ вопросомъ: что дѣлать далѣе: оставаться ли на мѣстѣ и стать на ночлегъ и привезъ отъ генераль-маіора Сулова приказаніе, остановиться гдѣ стояли. Я не былъ личнымъ свидѣтелемъ этихъ докладовъ и распоряженій, потому-что они происходили въ то время, когда я съ горы осматривалъ турецкія укрѣпленія; не могу сказать что и какъ именно происходило, о чемъ докладывалъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, и что приказывалъ генераль-маіоръ Суловъ, и узналъ о всемъ этомъ когда догналъ кавалерію. Но полагаю, что князь Дондуковъ-Корсаковъ, какъ начальникъ авангарда главныхъ силъ, имѣвшій уже отъ главнокомандующаго распоряженіе дѣйствовать отдѣльно, обходя Вели-пану, и двигавшійся уже съ этою цѣлю, могъ не спрашивать вторично разрѣшенія дѣйствовать, хотя въ эту минуту и находился подъ командою генераль-маіора Сулова; а генераль-маіоръ Суловъ, отдавъ для этихъ дѣйствій и свою кавалерію подъ команду князя Дондукова-Корсакова, получивъ вторично просьбу о разрѣшеніи дѣйствовать атакою, могъ отвѣчать положительно приказаніемъ: дѣйствовать,—потому-что именно эти-

ми дѣйствіями исполнялись извѣстныя мнѣ писемныя распоряженія главнокомандующаго: князю Дондукову-Корсакову обходить Турокъ, а Эриванскому отряду содѣйствовать ему, — и недоразумѣнія или сомнѣнія (я не говорю въ успѣхѣ) въ правѣ дѣйствовать не могло быть. А главное, на дѣйствія рѣшились уже, и требованія настоящей минуты должны были не напоминать предъидущихъ распоряженій, а указывать, что слѣдовало дѣлать впередъ, вновь, на мѣстѣ, для успѣха. На полѣ сраженія отдѣльные начальники должны брать многое на свою ответственность и рѣшаться дѣлать полезное иногда даже недожидая распоряженій начальства. Я незнаю, какія именно приказанія отданы главнокомандующимъ князю Дондукову-Корсакову, не беру на себя рѣшить окончательно этотъ вопросъ, и допускаю, что весь этотъ случай есть одинъ изъ примѣровъ недоразумѣній, часто бывающихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и происходящихъ иногда оттого, что доклады и приказанія чрезъ посланныхъ выразятся неточно, не слышатся и передадутся иначе.

Незная ничего о происшедшемъ, я обогналъ пѣхоту, чтобы догнать кавалерію и пріѣхавъ къ ней нашелъ, что коновязи уже разбиты, маленькіе котелки кипѣли, драгуны и казаки носили изъ д. Сюлюи вязки сѣна и торбы ячменя; кавалерія видимо расположилась на почлегѣ. Отъискавъ князя Дондукова-Корсакова, я спросилъ его, отчего онъ остановился; онъ отвѣчалъ съ огорченіемъ, что генераль-маіоръ Сусловъ не позволилъ ему дѣйствовать, и что онъ провелъ самый непріятный и тягостный часъ, стоя на мѣстѣ и видя какъ тянутся непріятельскіе обозы, не имѣя права захватить ихъ. Было уже около 5-ти часовъ по полудни. Пѣхота приближалась; вскорѣ впередъ ее пріѣхалъ генераль-маіоръ Сусловъ. Къ нему собрались офицеры кавалеріи, многіе изъ старыхъ подчиненныхъ его

\*

на Кавказской Линіи. Начались разсужденія, что́ нужно дѣлать. Многіе офицеры говорили, что лошади не ѣли почти двое сутокъ, чрезвычайно утомились, теперь полегли у коновязей, и что дальнѣйшее движеніе сдѣлаетъ ихъ ни кчему негодными и почти невозможно. Это было справедливо; и люди и лошади сильно утомились. Впродолженія двухъ жаркихъ іюльскихъ дней, когда жара доходить до 48° Р., кавалерія князя Дондукова-Корсакова сдѣлала болѣе 120-ти верстъ, не разсѣдывая лошадей и не останавливаясь ни разу для продолжительнаго отдыха. И въ человѣкѣ эта жара и усталось производятъ совершенное разслабленіе силъ. Въ это время на валахъ турецкихъ укрѣпленій видѣлись войска и знамена; Турки повидимому не отступили еще; но было очевидно, что они отравили уже свои обозы и тяжести, и если бы стали отступать при дальнѣйшемъ наступленіи нашемъ, то послѣ продолжительной стоянки въ укрѣпленіяхъ и на-легкѣ, стали бы отступать очень скоро, такъ-что можно было предполагать съ нѣкоторою вѣроятностью, что ихъ съ трудомъ догонитъ наша утомленная кавалерія. Именно съ этой-то минуты нужны были бы самыя быстрыя дѣйствія кавалеріи, чтобы догнать Турокъ, а потомъ непрерывныя атаки во весь карьеръ; одно утомленное слѣдованіе нашей кавалеріи позади отступавшихъ Турокъ, не принесло бы большой пользы. Но свѣжія атаки нашихъ Нижегородскихъ драгунъ и линейныхъ казаковъ противъ поспѣшно отступавшаго непріятеля, были бы безсомнѣнія губельны для него. Утомленіе нашей кавалеріи и видимое присутствіе Турокъ въ укрѣпленіяхъ, заставили генераль-маіора Сулова рѣшить — остановиться со всѣми войсками на почлегѣ возлѣ д. Сюлюп, гдѣ стала уже кавалерія. Если Турки не ушли, то можетъ — быть неуйдутъ и завтра; эта



надежда была единственнымъ обманчивымъ утѣшеніемъ. Пѣхота вскорѣ подошла и была расположена лагеремъ возлѣ кавалеріи. Но чтобы слѣдить за непріателемъ и, вслучаѣ быстрого отступленія его, отрѣзать у него хотя хвостъ, былъ посланъ полковникъ Хрещатицкій со всею кавалеріею Эриванскаго отряда, неутомленною и свѣжею, за р. Гассанъ-Калà-чай, ближе къ Гассанъ-Калѣ и къ дорогѣ шедшей туда изъ турецкихъ керпи-кѣйскихъ укрѣпленій. Когда начало смеркаться, въ этихъ укрѣпленіяхъ запылали костры, показывавшіе своею многочисленностью что весь корпусъ Вели-пашп еще на мѣстѣ. Полковникъ Хрещатицкій занялъ на р. Гассанъ-Калà-чай хорошую позицію, откуда выслалъ секреты еще далѣе, и присылалъ часто къ начальнику отряда казаковъ съ докладомъ, что все тихо и на пути отступленія непріятеля незамѣчается никакого движенія. Это было совершенно справедливо. Многіе были убѣждены, что Турки давно уже отступили и что костры ихъ—обыкновенный обманъ, употребляемый часто на войнѣ. Когда машина войны пріостановится немного, то она останавливается совершенно. Безсомнѣнія, послѣ трудовъ дня, ночью всѣ заснули какъ убитые, и если бы насъ разбудили и сказали, что Турки начали отступать, то мы не успѣли бы протереть себѣ глазъ, сѣсть на лошадей и выступить, какъ они были бы уже въ Гассанъ-Калѣ.

Впродолженіи разныхъ перестрѣлокъ 21-го іюля мы потеряли до 30-ти человекъ тяжело раненыхъ и убитыхъ и нѣсколько лошадей; потеря Турокъ должна быть болѣе нашей.

Утромъ 22-го іюля до разсвѣта въ отрядѣ явилась депутація отъ жителей Гассапъ-Калы съ изъявленіемъ покорности, и объявила, что послѣднія колонны турецкой пѣхоты и орудія прошли мимо Гассанъ-Калы къ сторонѣ Ар-

зерума еще наканунѣ, 21-го іюля, далеко до захожденія солнца, около 7-ми часовъ вечера, т. е. около того времени, когда наша пѣхота расположилась уже лагеремъ, и что въ турецкихъ укрѣпленіяхъ оставались нѣсколько сотъ башн-бузуконъ, которые развели костры и ночью также уѣхали къ сторонѣ Арзерума, держась подалѣе отъ насъ и ближе къ подошвѣ Карча-базара. Эти показанія подтвердились и другими свѣдѣніями, собранными нами впоследствии. Слѣдовательно, Турки могли быть захвачены, или настигнуты, если бы князь Дондуковъ-Корсаковъ наступалъ не останавливаясь, или пріостановился бы у д. Сюлюн на самое короткое время, тронулся бы отъ нее на путь отступленія непріятели въ то время, когда пѣхота, послѣ движенія на укрѣпленія, подходила къ дорогѣ, по которой слѣдовала кавалерія, т. е. не позже 5-ти часовъ по полудни, и шелъ бы уже прямо въ Гассахъ-Калу.

Впоследствии, отъ жителей Гассахъ-Калы, отъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ изъ турецкаго войска, я собиралъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Турокъ 21-го іюля. Вотъ что происходило у нихъ. 18-го или 19-го іюля, Вели-паша узналъ о нашемъ движеніи изъ Алашкертскаго санджака прежде всего отъ какого-то Курда, служившаго въ нашемъ отрядѣ и уѣзжавшаго тайно для передачи свѣдѣній. Потомъ о прибытіи нашемъ къ Кара-Дербенту и о происшедшей здѣсь перестрѣлкѣ, ему дали знать тотчасъ же башн-бузукн, встрѣченные нами у этого мѣста. Вели-паша немедленно началъ отправлять въ Арзерумъ тяжести своего отряда и тяжелую артиллерію; къ вечеру 20-го іюля все это было уже вывезено, и въ укрѣпленіяхъ оставались одни войска съ провіантомъ на два или три дня на людяхъ, артиллерія съ зарядными ящиками, часть палатокъ, нѣкоторыя менше цѣнныя вещи и обозы для поднятія ихъ. Когда нашъ отрядъ 21-го іюля подошелъ къ Комацору, па-

латки сняли, что мы видѣли своими глазами, уложили и отправили вмѣстѣ съ остальными вещами, какія могли поднять, мимо Гассанъ-Калы прямо къ Арзеруму; въ укрѣпленіяхъ остались одни войска, готовые для боя, или для отступленія, какъ на полѣ сраженія, нѣсколько десятковъ малогодныхъ палатокъ, мука, водка и проч., чего не могли взять. Когда наша пѣхота подошла къ укрѣпленіямъ, мы видѣли по Гассанъ-кальской дорогѣ пыль отъ послѣднихъ транспортвъ отправленныхъ къ Арзеруму. Турки были убѣждены, что наша пѣхота пойдетъ на приступъ. Видя что мы поворотили налѣво къ р. Гассанъ-Калъ-чай, они оставались въ недоумѣніи, что мы хотимъ дѣлать; но когда мы, перейдя Гассанъ-Калъ-чай, послѣ привала пошли по той же дорогѣ на г. Гассанъ-калу, по которой шла наша кавалерія, они поняли опасность и наше намѣреніе отрѣзать имъ отступленіе. Въ рядахъ ихъ мгновенно распространилось волненіе. Паши, которыхъ говорятъ было 5-ть человекъ, и миралаи (полковники) бросились къ Вели-пашѣ, и всѣ единогласно рѣшили, что надо тотчасъ отступать. Очевидцы увѣряли, что у начальниковъ сильно поблѣдѣли и вытянулись лица. Вели-паша отдалъ приказаніе отступать, и отступленіе началось въ ту же минуту. Когда наша пѣхота подошла къ д. Сюлюя, вся турецкая пѣхота, артиллерія, регулярная кавалерія и бѣльшая часть башни-бузуковъ были далеко уже отъ укрѣпленій и быстро шли къ Гассанъ-Калѣ. Мѣстность между укрѣпленіями и этимъ городомъ суха, ровна и открыта, и позволяла Туркамъ идти широкимъ фронтомъ, не растягиваясь длинною колонною. Пока мы разбили палатки, непріятель былъ уже близко къ Гассанъ-калѣ, который онъ прошелъ мимо по широкой равнинѣ лежащей къ югу отъ города, за Гассанъ-калою сдѣлалъ короткій привалъ, потомъ продолжалъ отступленіе вечеромъ и ночью, и къ утру 22-го ію-

ля былъ въ 8-ми верстахъ отъ Арзерума на высотахъ Давабуйну, гдѣ и остановился.

По окончаніи предпріятія о немъ легче разсуждать, чѣмъ до начала разсчитать и устроить его; но во всякомъ случаѣ успѣхъ его зависить, — кромѣ духа войска, — отъ предварительныхъ распоряженій, отъ понятій руководящихъ ими. Всѣ мнѣнія мои о томъ какъ слѣдовало бы дѣйствовать, высказанныя передъ этимъ, заключаются въ рамкѣ предположенія, что кавалерія могла дѣйствовать и скакать еще нѣсколько десятковъ верстъ. Въ сущности же, всѣ описанныя неудачи дѣйствій 21-го іюля не имѣютъ сами по себѣ большой важности, потому-что все предпріятіе было устроено неудобно и успѣхъ лежалъ уже въ его зародышѣ, — такъ-какъ имѣли въ виду, какъ главную сущность войны, не бой, а маневръ обходнаго движенія, и всѣ предварительныя распоряженія и расчеты прилаживались къ тому, чтобы прежде всего обойти непріятеля, отчего было упущено изъ виду, что послѣ обхода надо еще, неизбѣжно, преслѣдовать и дѣйствовать можетъ-быть упорнымъ боемъ. Разсчитывая захватить Вели-пашу, я полагаю трудно было ожидать, чтобы онъ былъ такъ неблагоразуменъ, чтобы позволилъ отрѣзать себя отъ Арзерума, захватить себя въ укрѣпленіяхъ. При бывшемъ въ 1855 году состояніи турецкихъ войскъ, они болѣе всякихъ другихъ армій были чувствительны и подвержены страху обхода; убѣжденіе, что его обходятъ, заставило бы можетъ-быть отступить и болѣе надежный отрядъ, чѣмъ корпусъ Вели-пашы, отказавшійся отъ встрѣчъ съ нами въ открытомъ полѣ. Поэтому-то, чтобы разбить непріятеля иногда полезно атаковать его прямо, какъ придется лучше и какъ ближе; иначе желая многого упустишь все. Часто слышишь мнѣнія, что надо беречь людей и не предпринимать ничего рѣшительнаго, на томъ основаніи, что окон-

чательныя цѣли войны могутъ быть достигнуты одними умными дѣйствіями или маневрами,—отчего, часто, дѣлая маневры—упускаютъ цѣль. Въ сущности, или не имѣютъ довѣрія къ другимъ, или забываютъ старую истину, что боязнь потерять лишнія сотни, длить войну и влечетъ къ потерѣ лишнихъ тысячъ. Безсомнѣнія, неспособный начальникъ и дурное войско сдѣлаютъ лучше, если ничего не предпримутъ и будутъ осторожны; но мы не были въ такомъ положеніи относительно турецкихъ войскъ.

Принимая за основаніе, что благоразуміе не позволяло Вели-пашѣ допустить обойти и захватить себя въ укрѣпленіяхъ, какъ совершившійся уже фактъ, очевидно, что нужно было имѣть въ виду преслѣдованіе, настѣженіе и разбитіе его на пути отступленія, въ полѣ, гдѣ для насъ было даже болѣе выгодно захватить его, чѣмъ въ укрѣпленіяхъ,—и что для этого нужна была свѣжая кавалерія. Сила войскъ нужна была не для того только, чтобы подойти къ неприятелю, а болѣе всего для того, чтобы дѣйствовать противъ него, когда уже сблизились съ нимъ. Кавалерія князя Дондукова-Корсакова выступивъ изъ Тазанлы 19-го іюля въ 4-ре часа по полудни и прибывъ къ Керпи-кѣйскому мосту къ 12-ти часамъ дня 21-го іюля, сдѣлала въ 44 часа около 120-ти верстъ, въ томъ числѣ переходъ чрезъ большой Саганлугскій хребетъ, т. е. дѣлала около 3-хъ верстъ въ часъ, считая безъ приваловъ и отдыховъ, которые однако же необходимы; кавалерія дѣлала ихъ, но кратковременные. И послѣ такого перехода предполагалось еще дѣйствовать противъ неприятеля, т. е. атаковать, повторять атаки неоднократно, сбить и преслѣдовать его можетъ-быть еще 20-ть или 30-ть верстъ, чтобы достигнуть полныхъ результатовъ побѣды. Дѣло трудное для силъ человѣка и лошади. Поэтому-то, дѣйствія и были медленны. На полѣ сраженія надо ожидать еще бо-

дѣе утомительныхъ движеній, чѣмъ во время спокойнаго перехода. Если бы наша усталая кавалерія догнала непріятеля у Гассанъ-Калы, то вѣроятно должна бы была удовольствоваться захватомъ хвоста его колонны, — тѣмъ болѣе, что ко всему предъидущему, она не имѣла права преслѣдовать далѣе. Непріятельскій корпусъ не былъ бы разбитъ на-голову, чего мы могли желать и ожидать, ушелъ бы въ Арзерумъ и мы во всякомъ случаѣ не достигли бы того, за чѣмъ ходили. Нравственное вліяніе совершеннаго пораженія на полѣ битвы, полезнѣе нѣсколькихъ плѣнныхъ и нѣсколькихъ отбитыхъ орудій.

Вели-паша стоялъ еще на мѣстѣ, когда Эриванскій отрядъ ночевалъ съ 20-го на 21-е іюля на Араксѣ въ 15-ти верстахъ отъ него; онъ вѣроятно не ушелъ бы, если бы мы ночевали еще 5-ть верстъ ближе къ нему, потому что не ушелъ даже и тогда, когда мы подошли къ его укрѣпленіямъ; онъ желалъ воспользоваться ими въ ожиданіи нашей прямой атаки. Слѣдовательно, ни что не препятствовало разсчитать походъ кавалерійскаго отряда такъ, чтобы онъ, дѣлая обыкновенные переходы, прибылъ, подъ закрытіемъ Эриванскаго отряда, на Араксѣ къ этому отряду вечеромъ 20-го іюля и переночевалъ бы на одномъ съ нимъ разстояніи отъ Керпи-кѣйскаго моста. Лошади отдохнули бы. Намъ оставалось бы до турецкихъ укрѣпленій отъ 10-ти до 15-ти верстъ; пройдя ихъ рано утромъ 21-го іюля, никто не былъ бы утомленъ и кавалерія князя Дондукова-Корсакова была бы готова для самыхъ отчаянныхъ атакъ и продолжительныхъ дѣйствій. Ни что не мѣшало подвести насъ свѣжими къ непріятелю, а для того выступить ранѣе или прѣдти позже. Самое отсутствіе Вели-пашы показываетъ, что было надобно и можно дѣйствовать рѣшительно, идти прямо на его сообщенія, чему способствовала сама мѣстность, съ точною

цѣлью боя и продолжительныхъ дѣйствій. Мнѣ кажется не было ни какой надобности и ни какихъ причинъ стараться приблизиться къ Вели-пашѣ какъ можно быстрее. Если рассчитывали, что онъ уйдетъ отъ одного только наступленія на него съ фронта, то обходное движеніе не могло уже имѣть мѣста, и кромѣ-того тѣмъ болѣе надо было предполагать, что онъ уйдетъ, замѣтивъ что его хотятъ обходить; тѣмъ болѣе надо было рассчитывать на одно преслѣдованіе. Могутъ сказать, что Вели-паша отступилъ не передъ нами, а потому-что зналъ о приближеніи главнокомандующаго, т. е. что онъ могъ не опасаться насъ, былъ достаточно силенъ, чтобы драться съ нами. Но если онъ могъ не опасаться насъ, то ему представлялся самый удобный случай перейти въ наступленіе и разбить насъ порознь, когда два отдѣльные отряды не соединились еще, особенно встрѣтить Эриванскій отрядъ у Кара-Дербента. Онъ могъ бы драться съ нами даже 21-го іюля, не опасаясь прибытія главнокомандующаго съ главными силами, бывшими позади насъ на два дни, и успѣлъ бы отступить. Впрочемъ это предположеніе не измѣняетъ того что случилось, т. е. отступленія Вели-пашы. Наступленіе на насъ бывшаго Ванскаго корпуса для меня совершенно непонятно. Я убѣжденъ, что одинъ Эриванскій отрядъ могъ смѣло зайти ему въ тылъ. Онъ отступилъ отъ насъ и могъ быть разбитъ одними нами. Мы должны были дѣйствовать съ корпусомъ Вели-пашы какъ дѣйствуетъ хищный звѣрь съ своей добычей: онъ подкрадывается къ ней тихо и бросается на нее быстро; если она убѣгаетъ, онъ гонится за нею сколько достанетъ силъ, до тѣхъ поръ, пока она обезсилитъ. Повторяю, нельзя было скрыть отъ Вели-пашы движенія обоихъ отрядовъ и даже самого главнокомандующаго,—онъ всегда могъ узнать о нихъ отъ жителей; также нельзя было ожидать, чтобы онъ, замѣтивъ

намѣреніе наше обходить его, неотступилъ и рѣшился дожидаться прибытія нашихъ главныхъ силъ; и потому нужно было разсчитывать не на быстрое приближеніе къ Велипашѣ и не на обходное движеніе, а просто на быстрыя дѣйствія противъ него, послѣ того какъ приблизились; для этого подходить обыкновенными переходами, — по-крайней-мѣрѣ по Саганлугскому хребту, — чтобы сберечь силы людей и лошадей для преслѣдованія и боя; по достаточномъ сближеніи начать дѣйствовать быстро, прямо на сообщенія, разсчитывая не на обходъ, а на преслѣдованіе съ боемъ, которое выгоды обхода, и, главное, имѣть цѣлью преслѣдовать не до Гассанъ-Калы, а какъ можно далѣе, не ближе Арзерума. Чѣмъ далѣе отступали бы Турки, тѣмъ болѣе разстроились бы они. Чѣмъ свѣжѣе была бы наша кавалерія, тѣмъ сильнѣе она тѣснила бы непріятеля боемъ и атаками, и разсыла бы его; орудія и обозы достались бы намъ не въ Керпи-кѣѣ, а въ Арзерумѣ, вмѣстѣ съ этимъ городомъ. При такихъ дѣйствіяхъ, главная роль предстояла кавалеріи; пѣхота могла только, быстро слѣдуя за нею, поддержать ее и принять участіе въ боѣ когда непріятель остановится, или когда наша кавалерія успѣетъ задержать его. Если для этихъ дѣйствій было мало кавалеріи князя Дондукова-Корсакова, то я не думаю, чтобы существовали важныя препятствія послать ее болѣе. Но самое отступленіе непріятеля къ Арзеруму показываетъ, что кавалерія была достаточно. Такія дѣйствія были бы просты, не заключали бы въ себѣ сложныхъ тактическихъ и стратегическихъ движеній, — но были бы болѣе практичны и удобоисполнимы; существенное же достоинство ихъ состояло въ томъ, что они были бы рѣшительны и заключали бы въ себѣ искреннее желаніе и намѣреніе боя съ цѣлью пораженія непріятеля. Маневры обходныхъ движеній, которые вообще давно уже въ большемъ употребленіи, не



всегда могутъ быть полезны и успѣшны, но очень часто вредны. Кѣмъ бы ни былъ разбитъ Вели-паша и занятъ Арзерумъ, главными силами или авангардомъ ихъ, но польза этого не была бы потеряна. Я не вижу никакого достоинства въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя имѣютъ одну цѣль, заставить непріятеля положить оружіе — безъ боя; эти дѣйствія никогда почти не достигаютъ цѣли и трудно исполнимы. Такая война есть утопія. Послѣ обхода необходимо имѣть въ виду бой. Если бы всѣ арміи сдавались безъ боя и предоставляли участь своего отечества сомнительному маневру обхода, то это показывало бы только совершенное паденіе обществъ и трусость, которая отдавала бы насъ на жертву варваровъ. Кто способенъ сдаться безъ боя, тотъ еще легче можетъ быть разбитымъ, особенно на отступленіи. Недаромъ громъ битвъ и великіе военные подвиги имѣютъ чарующее обаяніе. Отряды князя Дондукова-Корсакова и Эриванскій должны были имѣть прямое назначеніе дѣйствовать и преслѣдовать, что впрочемъ не отвергаетъ хорошихъ дѣйствій, даже обхода, или еще лучше, прямого движенія на сообщенія непріятеля; для этого оба отряда были достаточно сильны; но ни что не мѣшало и усилить ихъ.

Всѣ депутаты г. Гассанъ-Калы были чистые Османлы, которыхъ мы здѣсь встрѣтили въ первый разъ какъ жителей края. Долина Верхняго-Аракса и окрестности Арзерума очень плодородны, плодороднѣе и теплѣе, чѣмъ долина Верхняго-Евфрата и Алашкертскій санджакъ, и потому Османлы поселились здѣсь. Отъ армянскаго селенія Юзверана до города Гассанъ-Калы встрѣчается нѣсколько османскихъ деревень, но армянскихъ селеній все-таки болѣе. Большая часть домовъ Османовъ построена такъ же какъ и у Армянъ, но ихъ деревни богаче и красивѣе и въ нихъ встрѣчаются небольшіе домики, въ одинъ или два

этажа, оштукатуренные, съ колоннами и рѣзными наружными украшеніями. Кругомъ деревень видны огороды съ огородными овощами, которыхъ почти нѣтъ въ Баязетскомъ пашалыкѣ. Далѣе Арзерума, въ горахъ, — говорятъ, — опять прекращается населеніе Османовъ: они какъ завоеватели заняли лучшія долины.

Въ Керпи-кѣйскихъ укрѣпленіяхъ была оставлена рота Ширванскаго пѣхотнаго полка для охраненія разнаго имущества, брошеннаго Турками, какъ здѣсь такъ и въ армянскомъ селеніи Керпи-кѣѣ, заключавшагося въ 60-ти малододныхъ палаткахъ, нѣсколькихъ боченкахъ водки, отпущавшейся нижнимъ чинамъ, разныхъ мелочахъ и, главное, въ значительныхъ запасахъ пшеницы. Оба отряда, пѣхота и кавалерія, выступили отъ д. Сюлюн въ 6-ть часовъ утра, и къ 8-ми часамъ кавалерія прибыла къ Гассанъ-Калѣ. Депутаты провожали насъ и показывали до рогу. Отрядъ расположился лагеремъ не много впереди этого города къ сторонѣ Арзерума, на равнинѣ праваго берега Гассанъ-Калѣ-чай. На основаніи распоряженія главнокомандующаго, мы не имѣли права идти далѣе. По общимъ показаніямъ, во время отступленія Вели-паша 21-го іюля бѣльшая часть баша-бузуковъ, и пѣхъ всѣ Курды, разошлись по домамъ или разбѣжались; но Вели-паша съ регулярными войсками стоялъ на Давабуину. Палатки ихъ впродолженіи дня 22-го іюля оказались на возвышенностяхъ въ 30-ти верстахъ отъ Гассанъ-Калы. Мы были убѣждены, что главнокомандующій пойдетъ на Арзерумъ и считали, что Вели-паша не совѣмъ еще ушелъ отъ насъ. Кавалерія отдохнула, до прибытія главныхъ силъ могла отдохнуть еще болѣе и быть готовою преслѣдовать непріятеля энергически еще хотя сто верстъ, на протяженіи которыхъ успѣла бы догнать и разсѣять Вели-пашу, если бы онъ не остановился въ Арзерумѣ. Для

разузнанія о Вели-пашѣ, генераль-маіоръ Сусловъ выдвинулъ кавалерію Эриванскаго отряда подъ командою полковника Хрещатицкаго верстъ на 5-ть впередъ, гдѣ она стала близъ хорошихъ луговъ, и приказалъ разъѣздамъ ея проѣхать далѣе. Разъѣзды доходили до подошвы Давабуйну и видѣли Турокъ и ихъ лагерь.

Непріятель оставилъ въ Гассанъ-Калѣ также склады разныхъ вещей: до 400 бурдюковъ коровьяго масла, мѣдную посуду, нѣсколько воловъ, буйволовъ и лошадей, до 100 палатокъ, госпитальное бѣлье, немного медикаментовъ, красныя фески, ветхую одежду, до 200 дурныхъ ружей, ядра, изломанный музыкальный инструментъ и многія другія. Главная наша добыча и тутъ состояла въ большихъ складахъ пшеницы и менѣе значительныхъ ячменя. Часть этихъ вещей была немедленно роздана войскамъ авангарда, а часть оставлена для выдачи главнымъ силамъ, или въ ожиданіи другаго распоряженія главнокомандующаго, которому о всемъ было донесено, и который долженъ былъ скоро прибыть съ своими войсками къ Керпикю. Для предупрежденія въ городѣ безпорядковъ, внутри его и у воротъ былъ поставленъ пѣхотный караулъ, а входъ въ городъ разрѣшенъ только для офицеровъ и командъ нижнихъ чиновъ, посланныхъ для полученія разныхъ продуктовъ, оставленныхъ Турками и назначенныхъ въ раздачу войскамъ, или для своихъ покупокъ. Для наблюденія за исполненіемъ сдѣланныхъ распоряженій, я отправился въ Гассанъ-Калу тотчасъ по прибытіи къ нему отряда, прямо къ мѣдирю, правителю города и саиджака; онъ не бѣжалъ и продолжалъ исполнять свою должность. Это былъ сухощавый, большенный Османлы, высокаго роста, одѣтый по-европейски въ венгерку, обыкновенныя узкія панталоны и сапоги. Онъ принялъ насъ покорно, предложилъ кофе и трубокъ, потомъ взялъ ключи, повелъ по-

казывать оставленные Турками вещи, и послѣ исполняль всѣ требованія наши и паблюдалъ за порядкомъ.

Городъ Гассанъ-Калà находится на лѣвомъ берегу рѣки того же имени, между нею и подошвою горъ, командующихъ имъ съ сѣверной стороны, и окруженъ каменною старою дурно построенною и неисправляемою стѣною; рва нѣтъ. Улицы тѣсны, неровны и кривы, дома возведены надъ землею, въ одинъ или два этажа, сдѣланы изъ нетесанаго камня, преимущественно изъ плитняка, сложеннаго кое-какъ неправильно, и не оштукатурены, за исключеніемъ немногихъ домовъ. На главной улицѣ находятся лавки и базаръ. Съ приближеніемъ нашихъ войскъ лавки закрыли, но когда поставили карауль и назначили офицера за коменданта, довѣренность водворилась и лавки отперли. Въ нихъ продавались такія же вещи какъ въ Топрахъ-кале; но Гассанъ-Калà болѣе и красивѣе этого города и торговля въ немъ значительнѣе. Отъ горъ возвышающихся надъ Гассанъ-Калàю выдается восточнѣе и возлѣ самаго города до русла рѣки скалистый уступъ, на которомъ стоятъ старыя, бѣлыя стѣны разрушенной Гассанъ-кальской крѣпости. Въздъ въ нее очень крутъ; тропинка лѣпится по скаламъ. Стѣны высоки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 15-ти саженой; внутреннее пространство очень тѣсно. Крѣпость брошена и пришла въ разрушеніе; всѣ жилыя строенія развалились; остались только наружныя стѣны и башни. Воды въ ней нѣтъ. Высоты лежація съ сѣверной стороны командуютъ крѣпостью на близкій ружейный выстрѣлъ; она также какъ и Топрахъ-кале не имѣетъ никакого военнаго значенія. Возлѣ самаго города на берегу рѣки находятся обильныя минеральныя воды и устроены ванны.

Всѣ Османы, живущіе въ долинѣ Гассанъ-Калà-чай и Аракса, занимаются хлѣбопашествомъ, не кочуютъ и оста-

ются все лѣто въ своихъ жилищахъ. Климать здѣсь хорошъ и не требуетъ удаленія во время лѣтнихъ жаровъ на возвышенныя мѣста. Хотя въ продолженіи движеній и дѣйствій 21-го іюля бѣольшая часть Османовъ бѣжали изъ селеній чрезъ которыя мы проходили, и не успѣли увезти имущества, но у насъ въ отрядѣ наблюдали, чтобы жилищъ не грабили; для этого, во время прохожденія войскъ чрезъ селеніе, въ немъ оставляли особую команду, обязанную наблюдать за порядкомъ. Въ послѣдствіи, когда Османы привыкли къ намъ, они не бѣжали изъ своихъ жилищъ. У Гассанъ-Калы, старшины и другіе жители Османы изъ всѣхъ окрестныхъ селеній, даже отъ Арзерума, съѣхались въ нашъ лагерь и просили о выдачѣ имъ охранныхъ листовъ. Имъ выдали ихъ около полсотни. Въ каждомъ листѣ было прописано, что русскимъ войскамъ запрещается обижать жителей такого-то селенія и брать у нихъ что бы то ни было даромъ. Получивъ такой охранный листъ, Османъ уѣзжалъ совершенно довольный, призывая на насъ благословеніе Аллаха. Всѣ они говорили, что они не бѣгутъ и не боятся насъ, потому-что знаютъ наше милосердіе къ г. Баязету и увѣрены въ нашемъ правосудіи и безкорыстіи. Между ними нашлись охотники сдѣлаться нашими лазутчиками, и тотчасъ были посланы въ Арзерумъ и въ отрядъ Вели-паши; они доставили свѣдѣнія, можетъ-быть не вѣрныя, но могшія обратиться во вредъ турецкаго войска. Вообще я не замѣтилъ, чтобы Османы отличались патріотизмомъ. Окруженные другими племенами и пользуясь владѣніемъ лучшихъ земель, можетъ-быть сознавая даже свое безсиліе и сомнительное положеніе, они, кажется, стараются только о томъ, чтобы сохранить свое имущество.

Между-тѣмъ главнокомандующій шелъ къ Керпи-кѣю съ 19-ю баталіонами пѣхоты, съ кавалеріею и артил-

лерією, артиллерійскимъ паркомъ, подвижнымъ госпиталемъ и провіантскимъ магазиномъ (составъ войскъ этихъ мнѣ точно не извѣстенъ). Получивъ донесеніе о дѣлѣ 21-го іюля и объ отступленіи Вели-пашы, генераль-адъютантъ Муравьевъ обогналъ передовую колонну, прибылъ пополудни 22-го іюля къ Керчи-кёю съ однимъ конвоемъ и осмотрѣлъ керчи-кёйскія укрѣпленія турецкаго лагеря. Къ вечеру въ тотъ же день прибылъ къ Керчи-кёю первый эшелонъ пѣхоты главныхъ силъ и остановился лагеремъ на Гассанъ-Кала-чаѣ. На другой день 23-го іюля генераль-маіоръ Сусловъ получилъ приказаніе: всей пѣхотѣ и кавалеріи князя Дондукова-Корсакова отступить 24-го іюля къ Керчи-кёю, у Гассанъ-Калы оставить только иррегулярную кавалерію Эриванскаго отряда, которой также отступить скрытно ночью съ 24-го на 25-е іюля и соединиться съ пѣхотою; войскамъ забрать съ собою изъ казеннаго имущества, оставленнаго Туркамъ въ Гассанъ-Калѣ, все чтò могутъ, а остальное истребить. Однимъ словомъ, дѣлались распоряженія къ отступленію войскъ на прежнія мѣста, главныхъ силъ—къ Карсу, а Эриванскому отряду—въ Баязетскій пашалыкъ. Муку и ячмень раздали войскамъ, кто и сколько могъ взять и поднять; въ Эриванскій отрядъ муку взяли также на опорожненные выюки провіантскаго магазина. Отъ жителей собрали до 50-ти арбъ, наложили на нихъ ружья, палатки, госпитальное бѣлье, разныя мелочи, крупу, бурдюки съ коровьимъ масломъ и проч., и отправили къ Керчи-кёю къ главнымъ силамъ, гдѣ они были розданы также войскамъ, а ружья кажутся отправлены въ Александрополь. Въ Гассанъ-Калѣ было очень много пшеницы; истребить ее въ одни сутки, какъ было приказано, оказалось рѣшительно невозможно даже всею пѣхотою Эриванскаго отряда; для этого потребовалось бы нѣсколько дней. Зажигать склады было опасно, потому-что

они находились въ городѣ. Истребленіе пшеницы принесло бы вредъ не турецкому правительству, а жителямъ, преимущественно Армянь;—у жителей было много хлѣба въ амбарахъ, и въ случаѣ надобности имъ велѣли бы свезти пшеницу снова, въ счетъ будущей десятинной подати. При изобиліи земли и урожая, эти сборы не слишкомъ разоряли ихъ; башни-бузуки были для нихъ опаснѣе правильнаго сбора. Поэтому, послѣ истребленія части пшеницы, генераль-маіоръ Сусловъ отдалъ остальную жителямъ Гассанъ-Калы и окрестныхъ селеній, въ вознагражденіе потерь, которыя они понесли при движеніи и расположеніи нашихъ войскъ въ потоптанныхъ поляхъ и истребленныхъ лугахъ и сѣнѣ. Онъ написалъ объ этомъ объявленіе къ санджаковому начальнику Гассанъ-Калы, возложилъ на него распредѣленіе пшеницы между потерпѣвшими жителями и притомъ выразилъ увѣренность, что она не будетъ отнята у нихъ и обращена опять въ казну, такъ-какъ она приобрѣтена нами оружіемъ и есть наша собственность, которую мы отдаемъ жителямъ. Жителямъ также объявили объ этомъ; они были очень довольны. Но впоследствии я слышалъ, что пшеницу отобрали въ казну. Всю пшеницу захваченную въ Керпи-кѣй истребили войска главныхъ силъ.

Лазутчики и Армяне показывали, — и это впоследствии подтверждалось всѣми свѣдѣніями получавшимися нами въ продолженіи кампаніи 1855 года въ здѣшнихъ мѣстахъ, — что жители Арзерума ожидали нашего прибытія, рѣшили не защищаться, предложили Вели-пашѣ отступить за Арзерумъ, потому-что оборона его повела бы только къ разоренію города, и приготовили уже депутацію изъ почетныхъ музульманъ и Армянь для встрѣчи насъ и изъявленія покорности. Депутація эта выѣхала уже изъ города и находилась въ лагерѣ Вели-паша на Дава-

\*

буйну. Вели-паша былъ съ этимъ совершенно согласенъ и вѣроятно доволенъ, понимая лучше другихъ невозможность противодѣйствовать намъ; онъ отправилъ свои тяжести за Арзерумъ, изъ котораго вывозили уже казенное имущество и выѣхали консулы враждебныхъ намъ государствъ, или выслали пока свои семейства по дорогѣ на Байбуртъ и Трапезонтъ; въ отрядѣ Вели-паши лошади не распрягались и все было готово къ немедленному отступленію, только-что мы тронемся впередъ отъ Гассанъ-Калы. Иначе не могло быть. Вели-паша не могъ держаться противъ насъ на Дава-буйну, еще болѣе чѣмъ у Керпи-кся, потому-что на Дава-буйну не было въ это время никакихъ укрѣпленій, Арзерумъ также не былъ укрѣпленъ. Укрѣпленія кругомъ Арзерума и на всѣхъ проходахъ чрезъ хребетъ Дава-буйну начали строить тотчасъ послѣ нашего отступленія и продолжали строить до поздней осени этого года. Но слабый, числительно и нравственно, отрядъ Вели-паши не могъ бы защищать одновременно и городъ, и горные проходы. Многіе изъ преданныхъ намъ жителей, потихоньку и настойчиво совѣтовали идти въ Арзерумъ поскорѣе, чтобы захватить турецкіе запасы, которые, говорили они, были громадны, заготовленные для всей Апатолійской арміи и другихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ насъ, на нѣсколько кампаній. Когда 24-го іюля послѣ полудня мы тронулись въ обратный путь къ Керпи-ксю, жители не вѣрили своимъ глазамъ и оставались въ недоумѣніи. Сначала они подозревали въ этомъ хитрость. Войска авангарда, отступившія отъ Гассанъ-Калы, ночевали противъ брошенныхъ керпикейскихъ укрѣпленій; пререгулярная кавалерія Эриванскаго отряда отступила туда ночью, не преслѣдуемая Вели-пашею. 25-го іюля утромъ всѣ войска выступили въ обратный путь, прибывшія отъ Карса по Карсской, а Эриванскій отрядъ по торговой Арзерумской дорогамъ, расходящимся



у Керпи-кѣйскаго моста. Эриванскому отряду вѣлно было пройти въ этотъ день до с. Дали-бабы, т. е. 35-ть верстъ, чтобы отстранить возможность преслѣдованія его Велипашею, который однакоже считалъ вѣроятно благоразумнѣе оставаться на мѣстѣ и безсомнѣнія благословлялъ Аллаха и Магомета спасшихъ его отъ бѣльшей опасности; его палатки на Дава-буйну виднѣлись намъ почти на всемъ пути до Юзверана, и блестя на солнцѣ казались улыбающимися отъ радости. Чтобы не утомлять войска большимъ переходомъ въ жаркій день, Эриванскій отрядъ пройдя около 20-ти верстъ остановился ночевать на рѣкѣ Чичкракъ.

Объ этихъ дѣйствіяхъ много говорили и разсуждали, разсуждаютъ и будутъ разсуждать въ арміи, по сознанию, что въ нихъ заключалась большая важность; вѣроятно о нихъ останутся и записки. Полезно было бы печатать ихъ скорѣе, потому-что разныя мнѣнія и разсказы очевидцевъ могутъ вызвать опроверженія и разъяснить истину, для общей, хотя будущей, пользы. Я не смѣю думать, что мои мнѣнія неопровержимы; но какъ очевидецъ бывшихъ происшествій, знакомый съ краемъ и съ ходомъ дѣлъ, имѣю свое убѣжденіе, которое рѣшаюсь высказать. Движеніе къ Арзеруму возбудило общую радость въ нашихъ войскахъ, какъ блокировавшихъ Карсъ, такъ и Эриванскаго отряда. Эту радость было бы несправедливо объяснять однимъ простымъ желаніемъ путешествовать и видѣть любопытныя нравы и живописныя мѣста; во многихъ радостяхъ народа есть глубокое чутье и логика здраваго смысла общественнаго мнѣнія: желанія есть голосъ нашей природы, призывъ нашей пользы,—хотя впрочемъ не всякій имѣетъ право и силу исполнять эти призывы. Принимая въ основаніе два существовавшіе уже факта, оба полезные,—блокаду Карса и дѣйствія къ Арзеруму, я полагаю, что дѣйствія

къ Арзеруму и гораздо далѣе были не менѣе важны чѣмъ блокада Карса; о возможности ихъ одновременно я скажу послѣ. Послѣдствія показали, что занятіе Арзерума не слѣдовало откладывать до будущей кампаніи, по пословицѣ — «куй желѣзо пока оно горячо». Но вообще дѣйствія на центральную Азіятскую Турцію имѣютъ въ моихъ глазахъ бѣльшую, болѣе чѣмъ военную, важность. Чтѣ значитъ осада и блокада турецкой крѣпости, хотя гарнизонъ ея состоитъ изъ разбитой турецкой арміи, когда мы могли однимъ нашимъ появленіемъ, однимъ разумнымъ и просвѣщеннымъ дѣйствіемъ, безъ большаго усилія войскъ, перевернуть всю Азіятскую Турцію вверхъ дномъ?... Турецкая армія заперлась въ крѣпость, не существовала для края, отказалась отъ самостоятельности, слѣдовательно она не должна была быть цѣлью войны. Ее все-равно что не существовало, и намъ слѣдовало только стараться оставить ее въ этомъ состояніи оцѣпенѣнія по возможности съ меньшими для себя трудностями, съ меньшею тратою своихъ силъ, т. е. оставить для блокады (я не говорю здѣсь о возможности ранняго штурма, какъ о предположеніи необъясненномъ) самое меньшее, необходимое число войскъ, а съ остальными дѣйствовать далѣе. За неимѣніемъ, или при ничтожествѣ турецкихъ войскъ, избѣгающихъ боя, цѣлью войны должно было быть — занятіе нами наибѣльшаго пространства края, изгнаніе изъ него турецкихъ властей, лишеніе тѣмъ турецкаго правительства доходовъ, рекрутъ и вообще средствъ продолжать войну и, главное, перевороты въ этихъ областяхъ чтѣ имѣетъ безпредѣльную будущность и общечелѣвеческую пользу.

Что для блокады Карса могла быть оставлена только часть нашей арміи, это доказывається уже тѣмъ, что при движеніи главнокомандующаго съ 19-ью баталіонами и съ сильною кавалеріею къ Керки-кѣю, войска оставленныя

для блокады Карса подъ командою генераль-лейтенанта Бриммера были достаточны для этого: карсскій гарнизонъ не рѣшился выдти противъ нихъ въ поле, также какъ и противъ всей нашей арміи. Генераль-лейтенантъ Бриммеръ сдѣлалъ даже близкое къ укрѣпленіямъ его наступленіе для рекогносцировки; потеря при этомъ нѣсколькихъ десятковъ или сотни людей не доказываетъ ничего особеннаго, кромѣ того, что Турки все-таки не рѣшились выдти изъ Карса для атаки насъ въ полѣ. Если предположить, что уменьшеніе войскъ блокирующихъ Карсъ, ослабляло блокаду и длило оборону, то, съ другой стороны, блокада и оборона длились и безъ того все лѣто,—а настоящая блокада заключалась,—какъ видно даже изъ дѣйствій нашихъ блокировавшихъ войскъ,—не въ содержаніи пни густыхъ цѣпей кругомъ крѣпости, а въ истребленіи или захватѣ, кругомъ Карса, пунктовъ съ запасами продовольствія и разогнаніи турецкихъ отрядовъ, намѣревавшихся провезти продовольствіе въ Карсъ. Изъ этихъ отрядовъ, послѣдній, почти единственный и важнѣйшій былъ корпусъ Вели-паши, а изъ пунктовъ, самый главный—Арзерумъ, средоточіе управленія всею Анатоліею и складъ военныхъ запасовъ, откуда направлялись и исходили всѣ распоряженія и пособія осажденной турецкой арміи. Съ этой точки зрѣнія, защита Карса длилась именно отъ того, что подъ нимъ оставалась вся наша армія. Она утомлялась только службой строгаго содержанія цѣпей, а кругомъ ее существовали всѣ турецкія власти, формировавшія партіи съ транспортами провіанта и тайно направлявшія ихъ въ Карсъ. При сознаніи и знаніи всего ничтожества и малочислительности турецкихъ войскъ, бродившихъ робко въ отдаленіи отъ Карса и успѣвавшихъ можетъ-быть иногда провезти въ Карсъ тайно, какъ контрабандисты, нѣсколько выюковъ провіанта,—блокада Карса всею рус-

скою армією могла казаться потерєю времени и силъ и отреченіемъ отъ своего превосходства. Русская армія, и еще послѣ побѣдъ 1854 года, превосходила числительностью Турокъ, потерпѣвшихъ уже неоднократно пораженія, и была такъ сильна, по расчету цифръ п относительной числительности и положенія по сравненію съ 1854 годомъ, что мнѣ кажется нельзя не быть убѣжденнымъ, что ее было напрасно и слишкомъ много всей для блокады Карса.

Было полезно пройти по краю на далекое пространство кругомъ Карса, чтобы разрушить и разогнать всѣ существовавшія турецкія управленія и власти; это не могло бы встрѣтить затрудненія, потому—что турецкія войска внѣ Карса были совершенно ничтожны. Занятіе Арзерума было необходимо для овладѣнія скорѣе Карсомъ. Карсъ блокировался бы именно въ Арзерумѣ, потому—что въ немъ мы овладѣвали главными запасами турецкой арміи и уничтожали главную центральную власть. Съ занятіемъ нами Арзерума, всѣ отдѣльные отряды турецкихъ войскъ, разсѣянные кругомъ Карса и состоявшіе изъ иррегулярныхъ войскъ, баши—бузукъ, набравшихся на скорую руку по распоряженію арзерумскаго начальства, должны были бы удалиться къ морю; но они вѣрнѣе разсѣялись бы по домамъ. Ихъ нужно было преслѣдовать и разгонять; съ уничтоженіемъ властей, которыя формировали ихъ, они не возникали бы болѣе. Состояніе Азіятской Турціи таково, что съ уничтоженіемъ кругомъ Карса турецкихъ властей, Карсъ остался бы одинъ, почти въ чужой землѣ; гарнизонъ его потерялъ бы всякую надежду на помощь и на подвозъ провіанта, и дѣйствительно, его не откуда было бы ожидать; это имѣло бы на него непременно нравственное вліяніе и содѣйствовало бы, вѣроятно, не къ продолженію обороны, а къ скорѣйшей сдачѣ. Жители говорили,

что несмотря на строгую блокаду, въ Карсѣ провозился по немногу и потихоньку провіантъ; пружина всѣхъ этихъ дѣйствій находилась въ Арзерумѣ.

Наши дѣйствія должны были имѣть цѣлью не одинъ корпусъ Вели-паши, но Арзерумъ и весь край. Для дѣйствій собственно противъ Вели-паши достаточно было одного Эриванскаго отряда или немного усиленнаго; а для занятія Арзерума и дальнѣйшихъ дѣйствій до Трапезонта и въ другую сторону было бы достаточно десяти или двѣнадцати баталіоновъ, до тѣхъ поръ, пока въ Азіятскую Турцію высадились бы европейскія войска, — которыя можетъ-быть потребовали бы противъ себя другихъ дѣйствій. Отдѣленіе отъ нашей блокирующей арміи 10-ти баталіоновъ, пропорціонально артиллеріи и немного кавалеріи, не ослабило бы блокаду, — если бы ограничались непременно блокадою, — и не могло быть причиною, чтобы турецкая армія рѣшилась выдти изъ Карса и могла разбить насъ. Эти 10-ть баталіоновъ преслѣдуя Вели-пашу не до Гассанъ-Калы, а на 10-ть и болѣе переходовъ, непременно разсѣяли бы его корпусъ; онъ разсѣялся бы понемногу отъ быстроты отступленія; а если бы рѣшился остановиться, то былъ бы разбитъ. Сомнѣнія въ этомъ не можетъ быть. Для занятія Арзерума послѣ такихъ дѣйствій было бы достаточно пяти или шести баталіоновъ; и они вмѣстѣ съ тѣмъ прикрывали бы блокаду Карса. Такое прикрытіе блокады въ долинѣ Верхняго-Аракса, по указанію самой необходимости, впоследствии было поручено одному Эриванскому отряду въ составѣ четырехъ баталіоновъ, и онъ оказался достаточнымъ противъ того же Вели-паши, который вторично отступилъ еще разъ отъ одного Эриванскаго отряда. Если личныя распоряженія самого главнокомандующаго были необходимы при блокадѣ Карса и при занятіи

Арзерума, то для занятія послѣдняго города было полезно пожертвовать еще 5 или 6-ть дней, нужныхъ для слѣдованія отъ Керпи-кѣя къ Арзеруму и обратно къ Керпикѣю; въ эти 6-ть дней и безъ нѣсколькихъ баталіоновъ, блокада Карса не могла быть разстроена.

Занятіемъ Арзерума мы отрѣзывали весь Курдистанъ отъ вліянія турецкаго правительства, овладѣвали нѣсколькими пашалыками, могли распространить свои дѣйствія далеко, потрясти въ основаніи владычество Османовъ въ Азію и употребить всѣ средства края въ свою пользу. Тогда, — если бы Карсъ палъ даже зимою (чего однако же нельзя предполагать, — съ занятіемъ Арзерума онъ палъ бы непременно ранѣе), занятіе Арзерума давало намъ средства содержать блокирующія войска турецкимъ провіантомъ и фуражомъ, и пользоваться всѣми средствами края какъ въ продолженіи блокады, такъ и для будущихъ дѣйствій. Занятіе Арзерума обезпечивало наши границы Эриванской губерніи, и еще болѣе дѣлало достаточнымъ противъ грабежей Курдовъ два баталіона, оставленные въ Баязетскомъ пашалыкѣ. Если бы мы не овладѣли въ 1855 году Трапезонтомъ, то захвативъ ближайшія къ нему турецкія области, лишили бы непріятельскія арміи, дѣйствовавшія въ Крыму, большихъ средствъ, потому-что намъ было известно чрезъ караваны, что изъ Трапезонта вывозили въ Крымъ вьючныхъ лошадей, порціонный скотъ и муку: это естественно, возможно, и даже вѣроятно было такъ, потому-что мы видѣли своими глазами богатство края скотомъ и провіантомъ, и союзники должны были пользоваться такимъ близкимъ мѣстомъ, какъ Трапезонтъ. Занятіе Арзерума и края по возможности далѣе его, особенно же дѣйствія на разноплеменные народы Азіятской Турціи съ цѣлью разрушить турецкую власть, должны были

встревожить союзниковъ, особенно Англичанъ, для которыхъ Малая Азія и вся Турція нужны въ настоящемъ своемъ состояніи, и могли заставить ихъ отдѣлать и послать въ Азіатскую Турцію не одни турецкія войска подъ начальствомъ Омеръ-паши. Вообще, чѣмъ болѣе были бы блестящи и громки наши успѣхи въ Азіи, тѣмъ болѣе они имѣли бы вліяніе на нравственное состояніе и на числительную силу обѣихъ враждующихъ сторонъ въ Крыму и успѣшную оборону Севастополя, или другія дѣйствія. Могутъ сказать, что мои предположенія нашихъ успѣховъ есть фантазія; къ-сожалѣнію, дѣйствительно, они только мечта; и предположенія вообще никогда почти не исполняются вполнѣ. Но эту мечту внушаютъ нравственная сила и доблесть русскаго войска, и она стоила того, чтобы осуществить ее хотя на половинну. При этомъ нельзя не вспомнить, что еслибъ Вели-паша былъ разбитъ Эрванскимъ отрядомъ у Сурбъ-Оганеса, то вѣроятно вмѣстѣ съ обложеніемъ Карса былъ бы занятъ нами и Арзерумъ, остававшійся тогда совершенно открытымъ.

#### XV. Дѣйствія Турокъ на наши сообщенія и наши дѣйствія на сообщенія Турокъ.

При слѣдованіи обратно чрезъ армянскія селенія, лежащія въ долинѣ Аракса, мы узнали тайно, что у жителей находится еще много турецкаго казеннаго провіанта. Хотя они скрывали его, но изъ разспросовъ мы узнали, что это былъ провіантъ слѣдуемый съ жителей въ десятичную подать, назначенный прежде для отвоза въ Карсъ и оставшійся неотвезеннымъ по случаю обложнія этой крѣ-

пости нашими войсками. Теперь намъ некогда было разубавать о томъ подробнѣе; даже впослѣдствіи розыски могли повлечь къ навѣтамъ и неудовольствію жителей; но и послѣ мы убѣдились, что въ краѣ, по — крайней — мѣрѣ въ долину Аракса, осталось много провіанта, который былъ приготовленъ для отвоза въ Карсъ съ начала этого года.

29-го іюля отрядъ прибылъ къ с. Зейдкану и соединился съ оставшимися здѣсь войсками и обозами. Въ отсутствіе наше, въ Баязетскомъ пашалыкѣ было все спокойно; особенныхъ происшествій не случилось. Но до полковника Сакена дошли слухи о сборѣ партіи Курдовъ за Алла-дагомъ; кромѣ-того небольшія шайки ихъ крали изрѣдка у Армянъ Алашкертскаго санджака по нѣскольکو штукъ воловъ, что случалось и прежде. Вскорѣ по прибытіи нашемъ къ Зейдкану получены были донесенія изъ Сурбъ-Оганеса отъ маіора Кореницкаго и изъ Баязета отъ войсковаго старшины Костина, что партія Курдовъ показывается изъ ущелий Алла-дага. Одна изъ такихъ партій пробралась даже въ Эриванскую губернію и украла нѣскольکو рогатаго скота, другая напала на нашихъ милиціонеровъ на Арзерумской торговой дорогѣ и имѣла съ ними перестрѣлку. Изъ Баязета сообщили, что въ Ванъ пріѣхалъ съ значительнымъ конвоемъ какой-то чиновникъ и собираетъ рекрутъ. Лазутчики и жители говорили, что между Курдами, живущими за Алла-дагомъ, ѣздятъ турецкіе офицеры и возбуждаютъ ихъ къ дѣйствіямъ противъ нашихъ войскъ на нашихъ сообщеніяхъ въ Баязетскомъ пашалыкѣ. Хотя существенной опасности не было и цельзя было ожидать, по вѣроятно, что турецкія арзерумскія начальства желали произвести безпорядки на нашихъ сообщеніяхъ, особенно во время дѣйствій нашихъ къ сторонѣ Арзерума. Для насъ было полезно потушить эти дѣй-



ствія въ самомъ началѣ, чего пока можно было достигъ однимъ появленіемъ нашихъ войскъ за Алла-дагомъ, и тѣмъ внушить страхъ безпокойнымъ. До Курдовъ очевидно поздно дошли свѣдѣнія о движеніи нашемъ къ Керпикѣю и о возвращеніи оттуда: они начали шевелиться, когда мы воротились въ Алашкертскій санджакъ; неожиданное появленіе нашихъ войскъ за Алла-дагомъ должно было произвести сильное впечатлѣніе. Мы постоянно старались привлекать Курдовъ ласковымъ обращеніемъ; это наконецъ могло имъ внушить мысль, что мы боимся ихъ и заискиваемъ ихъ дружбу; продолжительная доброта, хотя бы соединенная съ справедливостью и безкорыстіемъ, могла показаться этому дикому хищническому народу слабостью и внушить ему желаніе попробовать сѣсть намъ на плечи. На Востокѣ страхъ необходимъ, какъ вообще вездѣ противъ полудикаго человѣка, который не ограничивается однимъ желаніемъ пользоваться спокойно своимъ честнымъ трудомъ, а желаетъ болѣе легкаго и скорого обогащенія отнятіемъ чужой собственности, и наклоненъ къ насилію. Въ Курдахъ мы не видѣли религіознаго фанатизма, ни преданности къ турецкому правительству; видѣли, напротивъ, нелюбовь къ нему, и только хищническія наклонности. Между отдѣльными обществами не было крѣпкой народной связи и мы могли разсчитывать, что наказавъ для примѣра строго за хищничество какое-либо одно виновное общество, тѣмъ не вооружимъ противъ себя остальныхъ,— и это оказалось основательно. Что касается вообще до религіознаго фанатизма музульманъ, то мы на мѣстѣ видѣли не его, а то что служитъ основаніемъ ему: матеріальныя преимущества, особыя права, власть и корысть. Этотъ фанатизмъ, эта идея музульманъ, есть условный знакъ, знамя, названіе, только имя для общихъ матеріальныхъ выгодъ, господства и владычества.

Немедленно по возвращеніи къ Зейдкану, полковникъ Хрещатицкій былъ направленъ 1-го августа съ 1000 человекъ кавалеріи, внизъ по долину Евфрата къ г. Мелезгирду, и ему было приказано: послать оттуда сильныя разѣзды къ Бергерамъ и къ Ванскому озеру; показаться на болѣемъ пространствѣ; если узнаеть о сборѣ, Курдовъ, то разсѣять ихъ; собрать свѣдѣнія о состояніи края и о духѣ жителей; изъ Мелезгирда пройти къ Патносу; повернуть оттуда къ южному склону Алла-дага, чтобы прорѣзать все пространство населенное Курдами между этимъ хребтомъ и Ванскимъ озеромъ; выдти обратно на торговую Арзерумскую дорогу чрезъ Діадинъ или Хамуръ, гдѣ окажется удобнѣе, и возвратиться къ отряду; при этомъ съ мирными жителями обращаться дружелюбно, успокоить ихъ и стараться пріобрѣсти ихъ довѣренность. Для поддержанія этого движенія, въ то же время были направлены войска неходившія къ Керпи-кёю: изъ отряда и Караклиса въ Хамуръ 5-й баталіонъ Тифлискаго егерскаго полка, по торговой дорогѣ до Баязета 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> сотни кавалеріи, и изъ Сурбъ-Оганеса въ ущелья Алла-дага двѣ роты 5-го баталіона Мингрельскаго егерскаго полка. Частямъ войскъ находившимся въ Баязетѣ и Сурбъ-Оганесѣ было приказано, чтобы они вообще были готовы поддержать это движеніе, если гдѣ встрѣтятъ партіи Курдовъ.

Случилось, что когда всѣ эти войска тронулись, Курды въ числѣ около 300 человекъ отправились изъ-за Алла-дага на Арзерумскую дорогу. 2-го августа одна рота 5-го баталіона Мингрельскаго егерскаго полка замѣтила партію Курдовъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сурбъ-Оганеса, близъ д. Ташлы-чай, погналась за ними и пустила въ нихъ нѣсколько пуль; Курды скрылись въ ущельяхъ, но поворотили опять на Арзерумскую дорогу къ сторонѣ Караклиса, вышли на нее у д. Гюлясоръ и неожиданно встрѣтились

съ 1½ сотнями кавалеріи, посланными изъ отряда. Между Курдами и этими 1½ сотнями завязалась перестрѣлка, на которую послѣшила и рота, встрѣтившая Курдовъ прежде у д. Ташлы-чая. Курды бѣжали преслѣдуемые на нѣкоторое разстояніе нашею кавалеріею. На другой день 3-го августа, штабсъ-капитанъ Гурскій съ этими 1½ сотнями и 5-ю карабинерною ротою Мингрельскаго егерскаго полка, отправился въ Алла-дагъ въ поискъ за партіею появившеюся вчера на Арзерумской дорогѣ, ходилъ по ущельямъ цѣлый день и узналъ, что Курды ушли домой получивъ свѣдѣнія, что Русскіе находятся въ средѣ ихъ жилищъ около Ванскаго озера. Въ ночь съ 4-го на 5-е жители дали знать, что другая партія Курдовъ въ 100 или 150 человекъ идетъ съ востока на западъ горами, мимо Діадина, въ армянскую д. Джуджанъ, въ намѣреніи будто бы отогнать у нее скотъ. Штабсъ-капитанъ Гурскій въ ту же ночь обратился къ этой партіи, на разсвѣтѣ встрѣтилъ ее недалеко отъ Джуджана и напалъ на нее. Курды тотчасъ разсѣялись, были преслѣдованы нѣсколько верстъ и потеряли нѣсколько раненыхъ и 4 человека плѣнныхъ. Послѣ этого, за Діадиномъ и близъ Баязета никого не было встрѣчено; Курды ушли въ свои дома за Алла-дагъ.

Между-тѣмъ полковникъ Хрещатицкій съ 1000 человекъ кавалеріи и 5-мъ баталіономъ Тифлискаго егерскаго полка прибылъ 2-го августа въ г. Хамуръ, оставилъ здѣсь пѣхотный баталіонъ, а съ кавалеріею того же числа продолжалъ слѣдовать къ г. Мелезгирду. Дорога идетъ лѣвою стороною Евфрата; за Хамуромъ на первыхъ 10-ти верстахъ удобна, но далѣе, переваливаясь чрезъ послѣдній уступъ Алла-дага, упирающійся въ Евфратъ, превращается въ горную тропинку. Въ 20-ти верстахъ не доходя Мелезгирда кавалерія вошла въ кочевья общества Сепики, старшина которыхъ, Дарвишъ-ага, былъ родной братъ Роз-

го-аги, паходившагося въ это время въ отрядѣ Вели-паши и командовавшаго Курдами въ дѣлѣ 21-го іюля у Керпи-кѣя. Курды встревожились и хотѣли бѣжать; но полковникъ Хрещатицкій успокоилъ ихъ. Къ нему явились тотчасъ Дарвишъ-ага и другіе почетные старшины и рассказали между прочимъ, что до нихъ дошли слухи чрезъ турецкія начальства, будто Русскіе были разбиты, — нашъ отрядъ у Керпи-кѣя 21-го іюля, а главныя силы у Карса; но они разувѣрились въ этомъ, видя наши войска среди своихъ кочевьевъ. Отъ с. Гассанъ-паша до г. Мелезгирда дорога дѣлается опять хороша. Въ Мелезгирдѣ полковникъ Хрещатицкій прибылъ 3-го августа. Курды и здѣсь испугались, но успокоенные остались на своихъ мѣстахъ. Начальника Мелезгирда, сына Розго-аги не было дома; онъ уѣхалъ въ г. Мушъ по случаю сбора Курдовъ въ отрядъ Вели-паши, вмѣсто разбѣжавшихся. Курды говорили, что они не охотно идутъ въ отрядъ, что формированіе изъ нихъ баши-бузукъ будетъ неуспѣшно и что они хотѣли бы жить съ Русскими въ мирѣ, но турецкія начальства требуютъ, чтобы они шли въ службу. Мелезгирдѣ, главное мѣсто Мелезгирскаго санджака, имѣетъ до 60-ти домовъ Курдовъ и до 50-ти домовъ Армянъ, также построенныхъ, какъ и въ другихъ здѣшнихъ мѣстахъ. Селеніе окружено обширною, полуразвалившеюся каменною стѣною; между нею и домами находится большое пустое пространство, показывающее, что Мелезгирдѣ былъ когда-то населенъ гораздо болѣе чѣмъ теперь; съ восточной стороны находится разрушенный каменный замокъ. 4-го августа рано утромъ полковникъ Хрещатицкій выступилъ къ городу Патносу, давъ знать полковнику Сакену, чтобы онъ съ двумя ротами выдвинулся по дорогѣ къ этому городу до урочища Сулейманъ-Кумбека, для поддержанія его кавалеріи, на всякій случай. Въ Патносѣ жилъ главный

старшина гейдеранлискаго племени, Гейдеръ-ханъ, который узнавъ о приближеніи нашей кавалеріи бѣжалъ къ сторожѣ Вана; но жителя Патноса остались на мѣстѣ и выѣхали на встрѣчу нашей кавалеріи, потомъ вывезли все необходимое для нее, сѣно, ячмень, чуреки и барановъ, и были очень удивлены, когда имъ заплатили за это назначенную ими цѣну золотомъ. Патносъ такъ же населенъ, какъ Мелезгирдъ, Курдамы и Армянами, но не имѣетъ ни какихъ стѣнъ и укрѣпленій, и есть ни что иное какъ обыкновенное здѣшнее селеніе, хотя считается главнымъ мѣстомъ Патносскаго санджака. Вообще было замѣчено, что въ Мелезгирдѣ и Патносѣ Армяне встрѣчали насъ болѣе осторожно, чѣмъ въ сѣверной части Баязетскаго пашалыка, и избѣгали всякихъ сношеній съ нами. Вѣроятно благоразуміе требовало съ ихъ стороны бѣльшей осторожности; по удаленіи нашей кавалеріи, они могли тотчасъ поплатиться за выказанную намъ преданность. Къ утру 5-го августа полковникъ Хрещатицкій выступилъ къ ур. Сулейманъ-Кумбеку, куда и прибылъ 6-го августа, соединился съ двумя ротами полковника Сакена, и 7-го августа возвратился въ отрядъ къ Зейдкапу.

Это движеніе принесло ту пользу, что между Курдами послѣ того нѣсколько времени не собирались значительныя партіи, а появлялись мелкія шайки воровъ. Мы вскорѣ узнали, что оно встревожило Курдовъ, служившихъ въ отрядѣ Вели-пашы и самыя арзерумскія власти. Розго-ага и часть тѣхъ Курдовъ, которые оставались еще въ отрядѣ Вели-пашы, уѣхали домой на нѣкоторое время, подъ предлогомъ, что Русскіе угрожаютъ ихъ жилищамъ. Въ Арзерумѣ придавали этому движенію особенную важность: тамъ подозрѣвали, что мы хотимъ дѣйствовать на Большой Курдистанѣ, только что успокоенный послѣ возстанія Эздавшира, и поняли, что обративъ вниманіе на Кур-

довъ, мы можемъ надѣлать Туркамъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ они намъ, безпокоя насъ на нашихъ сообщеніяхъ. У насъ сдѣлалось спокойно по прежнему. Но донесеніе генераль-маіора Сулова о принятыхъ имъ мѣрахъ для предупрежденія дальнѣйшаго вліянія турецкой власти на Курдовъ и о полезномъ результатѣ движеній нашихъ войскъ, охватывавшемъ Алла-дагъ, обратило на себя вниманіе главнокомандующаго. Генераль-адъютантъ Муравьевъ около 20-го августа предписалъ генераль-маіору Сулову обратить особенное вниманіе на недружелюбное расположеніе, которое начинаютъ обнаруживать къ намъ Курды, стараться открыть дѣйствительныя причины этому, а равно лицъ возбуждавшихъ непріязненные движенія въ куртинскихъ обществахъ; употребить мѣры привлеченія взволнованнаго населенія на нашу сторону и схватить, если можно, турецкихъ офицеровъ и чиновниковъ, находящихся между Курдами и возбуждающихъ ихъ противъ насъ. Для дѣйствій по всѣмъ этимъ предметамъ былъ командированъ въ Эриванскій отрядъ штабъ-офицеръ, которому была дана отъ главнокомандующаго особая инструкція. Генераль-маіоръ Суловъ старался успокоить главнокомандующаго и отвѣчалъ ему, что волненія уже кончились, неимѣли никакой особенной важности и происходили не отъ преданности Курдовъ турецкому правительству и не отъ религіознаго фанатизма, а отъ воровскихъ привычекъ ихъ, которыми турецкія власти стараются пользоваться; что Курды кочующіе между Алла-дагомъ и Ванскимъ озеромъ въ числѣ около 2,000 семействъ, не опасны даже для одного баталіона, оставленнаго у Сурбъ-Оганеса; что Большой Курдистанъ недавно бунтовалъ и не принимаетъ никакого участія въ дѣйствіяхъ противъ насъ; что регулярныхъ войскъ, которыя могли бы поддержать хитническія партіи Курдовъ, со стороны Вана вовсе нѣтъ;

что старанія только привлечь Курдовъ ласками бесполезно, такъ-какъ прошедшія дѣйствія показали, что только близость и страхъ нашихъ войскъ и опасеніе потерять свои стада заставляютъ ихъ жить смирно и даже покоряться намъ, а наша справедливость и хорошее обращеніе—быть довольными нашимъ вліяніемъ и управленіемъ, и, наконецъ, что было бы полезно наказать жестоко, истребленіемъ, какое-нибудь общество, замѣченное въ хищничествѣ, для внушенія ужаса остальнымъ. Переписка эта не имѣла никакихъ послѣдствій; но мѣра строгаго наказанія была исполнена при первомъ случаѣ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ Керпи-кѣя отрядъ перешелъ на р. Шаріанъ, собственно для удобствъ подножнаго корма и топлива; на этой рѣкѣ были обширные луга и мелкій кустарникъ. Съ 3-го августа мы стояли сначала у куртинскаго зимовника Мардо-кѣй, потомъ у д. Таву, откуда также перешли немного ниже, по мѣрѣ того какъ подножный кормъ потравлялся. Мы пользовались полнымъ спокойствіемъ. Днемъ лошади выгонялись, какъ у Миранка, на подножный кормъ, подъ прикрытіемъ небольшой части войскъ, и только на ночь становились на коновязи. Чтобы не утомлять напрасно войска, пѣхота не содержала цѣпей ни днемъ, ни ночью; только четыре передовыхъ кавалерійскихъ поста стояли въ значительномъ разстояніи отъ отряда на отрясахъ Клычъ-Гядука и Драмъ-дага, а ночью становилось нѣсколько паръ кругомъ отряда и ѣздили разъѣзды.

27-го августа генераль-маіоръ Сусловъ получилъ предписаніе, въ которомъ главнокомандующій увѣдомлялъ, что онъ получилъ свѣдѣнія будто большая часть войскъ Велипаши выступила изъ лагеря на Дава-буйну и прослѣдовала чрезъ Арзерумъ къ Ольтѣ; но остальная часть еще не двигалась и остается на Дава-буйну въ ожиданіи извѣстій о

\*

Эриванскомъ отрядѣ, и потому приказывалъ двинуться немедленно по направленію къ Керпи-кёю, на-легкѣ, пройти сколько можно, даже на самый переваль Драмъ-дага, чтобы угрожая сообщеніямъ заставить Турокъ пріостановить наступленіе; но дѣйствуя съ надлежащей осторожностью и отнюдь не вдаваясь въ дѣло, чтобы не подвергнуться пораженію.

Я не думаю, чтобъ было полезно вообще для сильнаго войска, какъ наше, дѣйствовать постоянно угрозами, т.-е. отказываться отъ своего превосходства и избѣгать боя, и чтобы эта система войны могла произвести ожидаемыя послѣдствія при дѣйствіяхъ не только противъ европейскихъ, но и противъ турецкихъ войскъ; и Турки могутъ не вѣрить однимъ угрозамъ. Отрядъ Вели-паши и другіе мелкіе отряды, какіе могли быть сформированы арзерумскими властями, могли быть опасны для насъ только тѣмъ, что могли доставить провіантъ въ Карсъ. Крайняя необходимость помочь Карсу могла заставить какого-нибудь контрабандиста баши-бузука рѣшиться на отчаянную мѣру и попробовать провезти провіантъ мимо нашихъ войскъ; и онъ пользуясь нашею осторожностью успѣлъ бы провезти его куда слѣдовало. Я увѣренъ, что четыре русскихъ баталіона, атаковавъ непріятеля значительно сильнѣйшаго и убѣдившись, что они не могутъ разбить его, отступили бы въ порядкѣ на полѣ сраженія не только передъ Турками, но и передъ европейскими войсками. Отступление всегда можетъ производиться съ боемъ, отставая каждый шагъ на полѣ сраженія. Русскія войска производили отступления съ боемъ и прежде и въ настоящую кавказскую войну, сохраняя порядокъ и не разбѣгаясь, выдерживая самыя отчаянныя натиски непріятеля болѣе грознаго чѣмъ Турки. При отступленіи съ боемъ болѣе всего выказываются блестящія качества нашего солдата, его стойкость



и холодная, воздержанная храбрость. Отступление передъ Вели-пашею могло быть игрушкой, а не серьезнымъ дѣломъ; въ его отрядъ мы могли вцѣпиться неотвязчиво: нападать когда онъ отступаетъ, отступать когда онъ наступаетъ, если предполагать, что мы немогли разбить его. Нельзя не пожалѣть, что Эриванскій отрядъ не былъ хотя усиленъ двумя или тремя баталіонами, для приданія его дѣйствіямъ характера настоящей войны, т.-е. боя, и для настоящаго наступленія на Арзерумъ.

Отрядъ выступилъ на другой день, т.-е. 28-го августа. Пошли три баталіона, шесть орудій и 14-ть сотенъ кавалеріи; у д. Таву остались одинъ баталіонъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, два орудія, одна сотня кавалеріи, подвижные парки и госпиталь и всѣ обозы. 30-го августа мы переправились чрезъ Драмъ-дагъ, 31-го августа прибыли къ Кара-Дербенту и остановились лагеремъ по южную сторону ущелья. Около 200-ть человекъ башн-бузуконъ, находившихся въ Дали-бабѣ и наблюдавшихъ за ущельемъ, скрылись тотчасъ по приближеніи нашемъ. Хотя отряду велѣно было выдвинуться только на перевалъ, но на перевалѣ мы были бы слишкомъ удалены отъ Аракса и не могли не только угрожать дорогѣ идущей изъ Арзерума въ Карсъ, но и знать что на ней дѣлается. Генераль-маіоръ Сусловъ донесъ главнокомандующему, что прикрытые ущельемъ мы находимся въ безопасности быть разбитыми, и можемъ существенно наблюдать за долиною Аракса, потому-что съ высотъ, образующихъ Кара-Дербентъ, мы могли наблюдать за Турками глазами, не сходя съ мѣста. Мы убѣдились вскорѣ, что Вели-паша не ушелъ въ Ольту, а стоитъ пѣхота и артиллерія въ деревняхъ близъ Гассанъ-Калы, а кавалерія у Керпи-кѣя. Отрядъ его не увеличился. 1-го сентября разѣзды наши ходили за Дали-бабу и никого не видѣли. 2-го сентября я сдѣлалъ рекогносцировку съ нѣсколь-

кими сотнями кавалеріи до с. Юзверана, близъ котораго стояли на возвышенностяхъ до 1000 человекъ баши-бузуковъ; наша передовая сотня затѣяла съ ними перестрѣлку, но баши-бузуки послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ отошли и скрылись за Юзвераномъ. Изъ свѣдѣній, которыя намъ доставляли лазутчики, жители и Персіяне проходившихъ изъ Арзерума каравановъ, мы знали, что отрядъ Вели-паши стоялъ въ деревняхъ отъ Гассанъ-Калы до Керпи-кѣя, наблюдая дорогу къ намъ и къ Карсу; но 6-го сентября намъ открылся съ Кара-Дербентскихъ высотъ небольшой лагерь на уровнѣ Гассанъ-Калы. Жители вскорѣ сообщили намъ, что это кавалерія, отступившая отъ Керпи-кѣя и собранная въ лагерь, и что пѣхота Вели-паши отступила къ Арзеруму по той причинѣ, что въ Арзерумѣ узнали о движеніи русскаго отряда (генераль-лейтенанта Ковалевскаго) по Ольгинской дорогѣ къ Пеняку, гдѣ онъ разогналъ небольшой отрядъ баши-бузуковъ. Турки полагали, что мы дѣлаемъ на Арзерумѣ движеніе двумя дорогами: Эриванскимъ чрезъ Керпи-кѣй и другимъ чрезъ Ольту, и потому Вели-паша отошелъ къ Арзеруму и раздѣлилъ свой отрядъ: одну часть поставилъ на дорогѣ съ нашей стороны, а другую по Ардаганской, или Ольгинской дорогѣ. Но генераль-лейтенантъ Ковалевскій отступилъ къ Карсу. Турки успокоились съ его стороны, и рано утромъ 8-го сентября съ высотъ Кара-Дербента мы увидѣли въ зрительную трубу турецкій лагерь, вновь разбитый на покатосяхъ Давабуйну.

9-го сентября получено отъ главнокомандующаго предписание, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что движеніе генераль-лейтенанта Ковалевскаго и происшедшее дѣло у Пеняка совпадали съ движеніемъ Эриванскаго отряда въ долину Аракса, что совокупность ихъ должна была встревожить Турокъ, что движеніе Эриванскаго отряда достигло

предположенной цѣли, и потому разрѣшалъ генераль-маіору Суслову воротиться въ долину Евфрата, если стоянка у Кара-Дербента не выгодна. Мы обрадовались этому распоряженію, и генераль-маіоръ Сусловъ поспѣшилъ уйти съ отрядомъ, потому-что у Кара-Дербента у насъ открылась холера, которая вѣроятно завезена была къ намъ проходившими караванами изъ Арзерума, гдѣ она появилась прежде, а у насъ открылась около того же времени какъ у жителей Далл-бабы. У жителей сначала показался поносъ и они говорили, что это бываетъ ежегодно въ настоящій мѣсяць, т. е. около половины сентября, при переходѣ отъ жаровъ къ холоду; но когда смертные случаи стали чаще, узнали, что это холера. 15-го сентября мы прибыли на мѣсто прежней стоянки къ д. Таву, гдѣ соединились съ оставшимися здѣсь войскамп. Замѣчательно, что холера продолжалась около мѣсяца въ войскахъ ходившихъ къ Кара-Дербенту и не распространялась ни на войска оставшіяся въ Алашкертскомъ санджакѣ, ни на жителей этого санджака и всего Баязетскаго пашалыка, хотя войска стояли рядомъ, и мы имѣли непрерывныя сношенія съ жителями. Изъ всего отряда умерло около 60-ти человекъ.

Въ самый день прибытія къ Таву, отъ главнокомандующаго получено новое распоряженіе. Онъ писалъ, что неприятель расположенный у Арзерума получилъ подкрѣпленіе и теперь можетъ двинуться отъ Арзерума чрезъ Керпи-кѣй къ Саганлугскому хребту, или къ Ольтѣ, и потому приказывалъ безотлагательно выдвинуть небольшой кавалерійскій отрядъ на вершины Драмъ-дага. Отрядъ этотъ долженъ былъ наблюдать за движеніями неприятеля, и если бы Турки дѣйствительно двинулись отъ Арзерума къ Саганлугу или Ольтѣ, то Эриванскій отрядъ долженъ двинуться по направленію къ Керпи-кѣю, чтобы тѣмъ отвлечь неприятеля отъ стороны Карса, по соблюдая всѣ

предосторожности, какія были предписаны при предидущемъ движеніи нашемъ къ Кара-Дербенту. Впрочемъ, свѣдѣнія о усиленіи отряда Вели-паши были невѣрны. Съ помощію каравановъ мы имѣли всегда болѣе вѣрныя свѣдѣнія, чѣмъ главная квартира нашей арміи,— и знали теперь, что въ Арзерумъ никакихъ подкрѣпленій не прибыло. Въ нашемъ конно-музультманскомъ полку и бекской дружинѣ служили многіе Персіяне Эриванской губерніи, встрѣчавшіе въ караванахъ родственниковъ и знакомыхъ: эти всадники иногда переодѣвались въ черводаровъ и ходили вмѣстѣ съ караванами въ Арзерумъ, гдѣ высматривали войско и собирали свѣдѣнія. Послѣдній переодѣтый всадникъ вышелъ изъ Арзерума 12-го сентября и возвратился въ отрядъ 16-го сентября; по его показаніямъ въ Арзерумъ не прибывало и не ожидали никакихъ войскъ, но было уже извѣстно, что Омеръ-паша высаживается на берегу Чернаго моря противъ Мингреліи. Въ исполненіе предписанія, на перевалъ Драмъ-дага были направлены 16-го сентября одиннадцать сотень кавалеріи подъ командою полковника Хрещатицкаго; они оставались тамъ около мѣсяца. Съ половины сентября въ возвышенныхъ мѣстахъ холода здѣсь становятся очень чувствительными; ночью бываютъ даже морозы. Наши милиціонеры, какъ всѣ здѣшніе жители, зимой носятъ ту же одежду, которую носятъ лѣтомъ,— легкую, незащищающую ихъ отъ холода; полушубковъ, въ которые была уже одѣта наша пѣхота съ половины сентября, у милиціонеровъ не было. Въ время стоянки на Драмъ-дагѣ, милиціонеры ложились на ночь по нѣскольку человекъ рядомъ, прикрывались одною или двумя бурками, и кое-какъ согрѣвались; по продрогшіе, они неспособны были ни для какой службы и даже едва ли къ личной оборонѣ; если бы Турки не зябли такъ же какъ они, то могли бы забрать ихъ какъ

охлаждѣвшихъ мухъ. Здѣсь лошади нашей милиціи также сильно ослабѣли.

Послѣ движенія нашей кавалеріи въ началѣ августа за Алла-дагъ, Курды жили спокойно, но въ половинѣ сентября мелкія партіи ихъ начали опять выходить изъ-за этого хребта и появляться на Арзерумской дорогѣ. Они украли нѣсколько воловъ у жителей с. Мангасара и у покорныхъ намъ Курдовъ, жившихъ между Діадиномъ и Сурбъ-Оганесомъ, ограбили мельницу въ с. Джуджанѣ, и наконецъ партія около 100 человекъ 27-го сентября напала на Арзерумской дорогѣ близъ д. Гюлясора, между Сурбъ-Оганесомъ и Караклисомъ, на 20-ть человекъ нашихъ милиціонеровъ, везшихъ письменную почту изъ Эривани въ отрядъ. вмѣстѣ съ этими всадниками ѣхала небольшая часть каравана, проходившаго изъ Персіи въ Арзерумъ, и тутъ же были сами хозяева каравана, что вѣроятно и побудило Курдовъ сдѣлать нападеніе, въ ожиданіи поживы отъ богатыхъ Персіянъ. Нѣкоторые милиціонеры успѣли ускакать, другіе защищались вмѣстѣ съ Персіянами; Курды убили 3-хъ человекъ, ранили 10-ть, отбили 12-ть лошадей, оружіе, нашу корреспонденцію и отобрали Персіянъ совершенно; по показанію ихъ, они потеряли до 15-ти тысячъ рублей одною звонкою монетою и между выюками нѣсколько съ кирманскими шалами. Одинъ изъ купцовъ каравана былъ раненъ пулею въ шею на вылетъ, другой въ руку. Ихъ привезли въ отрядъ, помѣстили въ подвижной госпиталь и чрезъ мѣсяцъ вылечили. Отъ главнокомандующаго не получалось отвѣта на представленіе о пользѣ наказанія оружіемъ какого-либо общества Курдовъ, занимающагося грабежомъ; по необходимо было наказать за послѣднее нападеніе ихъ на нашу почту и караванъ. Курды видѣли, что Карсъ держался упорно; вѣсть объ отбитомъ штурмѣ распространилась въ

отдаленные закоулки Турціи и могла показывать борьбу сомнительною; мысль объ этомъ турецкія власти поддерживали въ краѣ съ большою надмѣнностью. При такомъ положеніи дѣлъ и при хищническихъ наклонностяхъ Курдовъ, безнаказанность и легкость грабежей могла внушить имъ бѣольшую дерзость и мало-по-малу поднять на ноги и собрать противъ насъ значительныя партіи. По свѣдѣніямъ собраннымъ въ Баязетѣ, Сурбъ-Оганесѣ и Алашкертскомъ санджакѣ, на почту и караванъ напала партія Курдовъ Гейдеранлы, живущихъ въ урочищѣ Зияляндаро, Ванскаго пашалыка, между Ванскимъ озеромъ и Алла-дагомъ. Урочище это, самое населенное мѣсто за Алла-дагомъ, окружено трудно доступными горами, отчего живущіе тамъ Курды смѣлы и постоянно занимаются разбоемъ. Но горы безлѣсны. Генераль-маіоръ Сусловъ предписалъ маіору Кореницкому перевести къ Сурбъ-Оганесу подъ какимъ-либо предлогомъ объ сотни кавалеріи изъ Баязета и, взявъ ихъ, двѣ роты и всѣхъ штуцерныхъ вѣреннаго ему баталіона и сотню конно-музальманскаго полка, находившихся у Сурбъ-Оганеса, сдѣлать скрытно движеніе за Алла-дагъ, на-легкѣ, безъ повозокъ, съ одними вьюками и провіантомъ на 7-мь дней, напасть на Курдовъ живущихъ въ урочищѣ Зияляндаро, истребить все что можно огнемъ и оружіемъ, и вообще наказать жестоко для примѣра и страха другимъ. Одинъ монахъ, знавшій скрытую дорогу въ Зияляндаро, взялся быть провожатымъ; вызвалось также много охотниковъ изъ Армянъ, которые горѣли желаніемъ пограбить хотя одинъ разъ Курдовъ Зияляндаро, грабившихъ ихъ часто; они вооружились и примкнули къ нашей милиціи. Въ ожиданіи движенія всего отряда въ долину Аракса къ сторонѣ Керпикѣя и имѣя почти всю кавалерію на Драмъ-дагъ, начальникъ отряда не могъ отдѣлится къ маіору Кореницкому бо-

лѣе войскъ изъ отряда, находившагося у д. Таву. Впрочемъ, по общему убѣжденію, двухъ пѣхотныхъ ротъ было достаточно для дѣйствія противъ однихъ Курдовъ.

Съ этою небольшою колонною майоръ Кореницкій выступилъ изъ Сурбъ-Оганеса 2-го октября въ 9-ть часовъ вечера по дорогѣ къ сторонѣ Караклиса; пройдя нѣсколько верстъ, по указанію проводника своротилъ влѣво въ ущелья Алла-дага, шелъ всю ночь и остановился на привалъ въ скрытомъ мѣстѣ у подошвы подъема на главный хребетъ близъ брошенной деревни Азо. Здѣсь люди сварили пищу и отдохнули. Въ полдень 3-го октября колонна выступила далѣе, перешла черезъ снѣжный хребетъ Алла-дага по горной тропинкѣ, занесенной снѣгомъ, къ 10-ти часамъ вечера спустилась къ южной подошвѣ хребта и шла безостановочно до полночи скрытыми мѣстами, не встрѣтивъ и не замѣтивъ ни одного человека. Несмотря на трудности дороги, люди шли бодро и весело. Баталіонъ этотъ не участвовалъ въ настоящую кампанію 1855 года ни въ одномъ дѣлѣ и походѣ противъ непріятели, стоялъ у Сурбъ-Оганеса, занимался перемолкою пшеницы отбитой у Турокъ, и надъ людьми его другіе баталіоны подшучивали, что они растолстѣли съ турецкаго хлѣба; всѣмъ хотѣлось побывать въ дѣлѣ и что-нибудь сдѣлать. Въ ночь съ 3-го на 4-е октября колонна отдохнула въ глухомъ мѣстѣ ущелья Чекамлеръ, утромъ 4-го октября сдѣлала еще около 20-ти верстъ и вышла наконецъ на горную отрасль, откуда открылось ей, у подошвы горъ, въ глубокой и роскошной долинѣ, но въ разстояніи еще около 25-ти верстъ, урочище Зпляндаро, покрытое цвѣтущею еще растительностью садовъ, окружавшихъ куртинскія деревни. Въ этотъ день колонна прошла еще около 20-ти верстъ и недоходя нѣсколько верстъ до первой деревни остановилась на ночлегъ въ лощинѣ, въ которой была скрыта и

отдѣлена отъ урочища горною отраслю. До разсвѣта 5-го октября маіоръ Кореницкій выступилъ къ селеніямъ, быстро прошелъ до нихъ и на самомъ разсвѣтѣ сдѣлалъ нападеніе. Появленіе нашихъ войскъ было совершенно неожиданно. Курды выбѣгали изъ чадръ (палатокъ) и домовъ и не забывая о спасеніи имущества спасались сами, кто могъ, на ближайшія возвышенности, преслѣдуемые выстрѣлами пѣхоты и кавалеріею, которая гонялась за ними въ-разсыпную, била и рубила всѣхъ кто попадался. По серединѣ урочища течеть р. Геравень. Маіоръ Кореницкій послалъ одну роту на правую, а другую роту на лѣвую сторону рѣки, чтобы истреблять селенія, имущества и хлѣбъ, который былъ уже снятъ и лежалъ еще частію въ копнахъ въ полѣ. Кавказскіе солдаты, ведя подобную войну на Кавказѣ, мастера на такія дѣйствія. Въ одно мгновеніе пламя обняло все пространство по обѣимъ сторонамъ Геравень-чая; деревни, стога сѣна и хлѣба запылали; куртинскія палатки сносили въ кучу и бросали въ горѣвшія строенія; ямы съ зерновымъ хлѣбомъ и имуществомъ разрывали, хлѣбъ разбрасывали, имущество, которое нельзя было или не стоило унести, бросали въ огонь. Въ то же время маіоръ Кореницкій послалъ всю бывшую съ нимъ кавалерію загонять скоть, пасшійся на ближайшихъ покатосяхъ. Курды, убѣжавшіе на окрестныя высоты, кричали и стрѣляли, но не рѣшались спускаться и приближаться, удерживаемые штуцерными, которые отдѣльными кучками прикрывали пѣхоту. Истребленіе продолжалось около 3-хъ часовъ, и въ то же время изъ захваченныхъ барановъ и воловъ жарились шашлыки и варилась говядина въ маленькихъ котелкахъ, которые кавказскіе солдаты носятъ на себѣ. Всего было сожжено 11-ть деревень, или зимовниковъ, до 300 чадръ, двѣ мельницы и на нихъ большое количество муки, приготовленной къ от-



правленію, все сѣно и хлѣбъ, находившіяся въ полѣ и въ деревняхъ. Все болѣе цѣнное имущество, ковры, посуда и проч., было взято солдатами, казаками, милиціонерами и Армянами, которые привели нарочно для этого выучныхъ лошадей. Когда все было кончено, колонна выступила въ обратный путь, гоня передъ собою нѣсколько тысячъ барановъ, рогатаго скота, ословъ и лошадей.

Во время этихъ дѣйствій въ нѣкоторыхъ деревняхъ найдены были изодранные конверты и другіе слѣды нашей отбитой почты. Въ Зиландаро было взято въ плѣнъ нѣсколько Курдовъ; уходя, маіоръ Кореницкій отпустилъ изъ нихъ четырехъ стариковъ, и приказалъ имъ объявить Курдамъ, что они наказаны и разорены за частые грабежи ихъ и непріязненные дѣйствія противъ насъ, вособенности за нападеніе на нашу почту, въ чемъ участвовало не нѣсколько воровъ, а цѣлая сотня, что если они будутъ продолжать разбойничать, то будутъ наказаны еще болѣе, для чего придетъ къ нимъ весь отрядъ и не оставитъ у нихъ камня на камнѣ; что за ворами и хищниками должны смотрѣть всѣ общества и старшины, и что если они будутъ жить смирно, то мы не сдѣлаемъ имъ никакого вреда и не будемъ обижать ихъ, какъ мы необижаемъ Курдовъ живущихъ возлѣ насъ въ Баязетскомъ напашыкѣ.

Извѣстіе о нападеніи Русскихъ распространилось по соседнимъ долинамъ и урочищамъ. Курды сѣвшили со всѣхъ сторонъ, чтобы загородить намъ дорогу. Партія въ 300 человекъ встрѣтила колонну въ урочищѣ Гюлеръ, но была прогнана выстрѣлами шедшихъ впереди застрѣльщиковъ 5-й карабинерной роты. Около полночи колонна достигла южной подошвы Алла-дага и остановилась на ночлегъ въ удобномъ мѣстѣ, гдѣ могла накормить скотъ и защитить его. Къ разсвѣту къ Курдамъ присоединились еще до 500

человѣкъ, прибывшихъ изъ Патноса. Когда утромъ 6-го октября колонна выступила, Курды преслѣдовали ее, настѣдали на хвостъ и съ фланговъ, бросались въ пики издали, стрѣляли, но дѣйствовали вообще робко, нерѣшаясь сблизиться и ударить въ рукопашную. Перестрѣлка продолжалась цѣлый день, пока колонна поднялась на вершину хребта; при этомъ Курды вѣроятно понесли потерю, потому-что хотя наши солдаты были вооружены еще кремневыми ружьями, но у насъ было нѣсколько десятковъ штуцерныхъ, а у Курдовъ нѣтъ вовсе ружей. Перевалившись на сѣверную сторону хребта, майоръ Кореницкій остановился ночевать тотчасъ какъ вышелъ изъ полосы снѣга; Курды на сѣверной сторонѣ не преслѣдовали. 7-го октября колонна прибыла въ окрестности Сурбъ-Оганеса. Хотя при слѣдованіи съ перестрѣлкою трудно было сохранить весь скотъ, который разбѣгался, и много скота, особенно отставшаго отъ усталости, было брошено, заколото, сжарено и съѣдено, но въ Сурбъ-Оганесъ войска пригнали болѣе 2000 барановъ и до 1000 штукъ рогатаго скота, ословъ и лошадей. Ходившіе съ нами Армяне пригнали также большое стадо, а захваченное ими имущество въ огромномъ количествѣ привезли вьюками. Всѣ они изъ опасенія мщенія Курдовъ, впоследствии ушли вмѣстѣ съ нами въ Эриванскую губернію. Впродолженіи всего похода у насъ были ранены выстрѣлами три человѣка и нѣсколько лошадей.

Набѣгъ этотъ показалъ Курдамъ какъ намъ легко наказать ихъ. Наказаніе было жестоко, ново и совершенно неожиданно, потому-что мы до сихъ поръ обращались въ Турціи со всѣми жителями кротко и милосердно, и Курды не знали еще, что мы умѣемъ жечь безъ пощады и истреблять безъ милосердія. Они видѣли, что къ нимъ ходили только двѣ роты, которыя, можетъ сами не зная куда они

вдуть, сдѣлали около 100 верстъ въ глубину края, перешли огромный горный хребетъ и угнали безнаказанно порядочное количество скота. Жители Зияндаро лишились всего своего имущества и понесли большія потери, которыми монахи и Армяне оцѣнивали въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей серебромъ. Армяне Баязетскаго пашалыка были въ восторгѣ отъ этого происшествія; видя что мы досихъ-поръ только ласкали Курдовъ, они не были твердо увѣрены въ своемъ положеніи и опасались, что мы хотимъ быть въ непремѣнной, безусловной дружбѣ съ Курдами. Они увидѣли, что наказывать и истреблять Курдовъ легко, что они рядомъ съ нами могутъ сами бить ихъ, — и они подняли головы и сдѣлались смѣлѣе. Послѣ этого ни одного Курда не показывалось на Арзерумской дорогѣ и на ней водворилась совершенная безопасность до самаго ухода нашего изъ Турціи.

Первымъ слѣдствіемъ набѣга маіора Кореницкаго было то, что Курды за Алла-дагомъ перессорились между собою. Жители Зияндаро укоряли жителей Патноса и другихъ мѣстъ, что многіе изъ нихъ участвовали также въ грабежахъ на Арзерумской дорогѣ, а вся тяжесть мщенія Русскихъ пала на нихъ однихъ. Другіе отвѣчали имъ, что они также участвовали въ грабежахъ еще болѣе и потому не должны пенять на другихъ. Изъ опасенія повторенія подобныхъ набѣговъ, всѣ Гейдеранлы, жившіе ближе къ хребту, откочевали къ Ванскому озеру. Но здѣсь сдѣлалось слишкомъ тѣсно, и потому Али-Ага просилъ Ванскаго пашу о разрѣшеніи переселиться нѣкоторымъ обществамъ къ Мелезгирду. Паша разрѣшилъ, но не просилъ и даже не предувѣдомилъ о томъ начальника Мелезгирда и старшину тамошнихъ Курдовъ Сепика, Розго-агу, который не состоялъ въ вѣдѣніи Ванскаго пашы и считалъ себя въ правѣ не слушать его. Ктому же, Розго-ага опасался,

что принявъ къ себѣ Курдовъ только-что наказанныхъ Русскими, онъ навлечетъ и на себя наше мщеніе. Отъ этого, между Сепики и Гейдеравлы произошелъ сначала споръ, потомъ драка, въ которой былъ убитъ сынъ Розго-аги. Это убійство, требовавшее по здѣшнимъ обычаямъ кровомщенія, произвело непримиримую вражду между двумя племенами. Кровь полилась; драки, стычки и перестрѣлки не прерывались; съ обѣихъ сторонъ пало много жертвъ, и мы въ продолженіи 1855 и всего 1856 года, пока оставались по близости Турціи, слышали, что Сепики и Гейдеравлы дерутся, а наши Курды говорили, что вражда продлится десятки лѣтъ.

Кромѣ этихъ происшествій, разграбленіе каравана вмѣстѣ съ нашей почтой произвело большія притязанія противъ насъ со стороны Персіи. Прежде всего нашъ генеральный консулъ въ Тавризѣ писалъ къ начальнику Эриванскаго отряда, что ограбленіе персидскихъ купцовъ на Арзерумской дорогѣ произвело въ Тавризѣ невыгодное для насъ впечатлѣніе. Тавризскіе купцы обратились къ тамошнему каймакаму съ просьбою принять какія-либо мѣры для охраненія на будущее время имущества ихъ, почему каймакамъ обратился къ нашему консулу съ вопросомъ, считаетъ-ли онъ возможнымъ согласиться на то, чтобы караваны были конвоируемы, чрезъ мѣста занимаемыя нашими войсками, персидскою вооруженною конницею; а консулъ просилъ начальника Эриванскаго отряда увѣдомить его, какія онъ можетъ принять мѣры для обезопасенія прохода каравановъ, и если находящіяся въ распоряженіи его воинскія средства недостаточны, то какъ считаетъ удобнѣйшимъ устроить конвоированіе каравановъ персидскими всадниками; но присовокуплялъ, что при теперешнихъ обстоятельствахъ всякое сознаніе нашей слабости въ мѣстахъ близкихъ къ Персіи, невыгодно для насъ.

Въ этомъ есть логика; но дѣлу данъ былъ совершенно ложный оборотъ. Прежде всего, тавризскій каймакамъ долженъ бы обратиться не къ нашему, а къ турецкому консулу, такъ-какъ караванъ разбила турецкіе подданные, вышедшіе изъ тѣхъ санджаковъ, гдѣ существовали еще турецкія начальства, а не тѣ, которые изъявили намъ покорность и жили на земляхъ, занятыхъ нашими войсками; и нашему консулу слѣдовало бы не признавать насъ виновными, а посоветовать каймакаму отнестись по этому предмету къ кому слѣдуетъ, т.-е. къ турецкому начальству. Въ сущности мы не были слабы и не должны были огорчаться, что сами Турки чрезъ Курдовъ вредятъ торговлѣ Англичанъ и Французовъ. Генераль-маіоръ Суловъ отвѣчалъ нашему генеральному консулу въ Тавризѣ и донесъ о томъ главнокомандующему, что за безпорядки, дѣлаемые турецкими подданными, должно отвѣчать турецкое правительство, которое имѣетъ возможность приказать своимъ Курдамъ жить смиренно и не грабить хотя Персіянъ въ караванахъ, которыхъ легко отличить отъ нашей милиціи; что отрядъ занятъ военными дѣйствіями и не можетъ раздробляться по сотнямъ для конвоирования каравановъ, которыхъ проходитъ очень много и которые такими конвоями не могутъ быть даже спасены, если турецкое правительство намѣрено дѣйствовать враждебно противъ Персіянъ; что давая конвой, мы возьмемъ на себя отвѣтственность за безпорядки, дѣлаемые Турками, и что въ сущности мы конвоировали бы товары враждебныхъ намъ народовъ; что же касается собственно до насъ, то Курды за разграбленіе нашей почты наказаны жестоко, и собственно для нашей безопасности въ Баязетскомъ нашалыкѣ на дорогѣ стоятъ достаточныя части войскъ, присутствіе которыхъ впрочемъ можетъ быть полезно и для каравановъ; и такъ-какъ турецкіе поддан-

ные могут и должны не грабить караваны по одному приказанію своего начальства, то нѣтъ никакой надобности пускать персидскихъ всадниковъ въ кругъ нашихъ военныхъ дѣйствій. Главнокомандующій одобрилъ этотъ отказъ. Но впоследствии, когда мы сблизились опять съ Арзерумомъ, въ нашъ отрядъ пріѣхалъ оттуда персидскій консулъ и настоятельно требовалъ, чтобы мы давали козвой караванамъ, доказывая, что мы должны отвѣчать за всякій ущербъ, который понесетъ персидская торговля близъ нашихъ войскъ; потому-что обязаны смотрѣть за порядкомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находимся и отвѣчать за безпорядки кто бы ихъ ни сдѣлалъ, Турки или Русскіе. Я отвѣчалъ ему, что по обыкновенному порядку вещей слѣдовало бы отвѣчать за турецкихъ подданныхъ турецкому правительству, а за русскихъ русскому, но что для насъ будетъ очень выгодно принять за основаніе предлагаемыя имъ правила отвѣтственности, потому-что если мы обязаны отвѣчать за безпорядки дѣлаемые Турками близъ нашихъ войскъ, то безсомнѣнія Турки будутъ отвѣчать за безпорядки, которые мы будемъ дѣлать по близости ихъ войскъ; и въ такомъ случаѣ я даю ему слово, что наши казаки не пропустятъ ни одного персидскаго каравана и будутъ грабить ихъ подалѣе отъ нашихъ войскъ и поближе къ турецкимъ войскамъ, даже возлѣ ихъ лагеря,— что для насъ будетъ вдвойнѣ выгодно: мы будемъ имѣть постоянно богатую добычу и нанесемъ вредъ своему не-пріятелю, Туркамъ, заставивъ ихъ платить за наши грабежи; но вѣроятно и Турки будутъ соперничать съ нами и постараются ограбить поблизости нашихъ войскъ тѣ караваны, которыхъ проглядятъ и не ограбятъ казаки поблизости турецкаго лагеря, такъ-что персидскимъ караванамъ не будетъ прохода. Это обѣщаніе озадачило консула. Онъ задумался и отвѣчалъ, что дѣйствительно лучше при-

держиваться прежнимъ правиламъ, потому—что русскіе казаки опаснѣе Курдовъ.

#### XVI. Сборъ подати.

Со вступленіемъ нашихъ войскъ въ настоящемъ году въ Баязетскій пашалыкъ, много полей брошенныхъ Курдами Алашкертскаго санджака, бѣжавшими въ горы, осталось безъ пристра. Хлѣбъ на нихъ засыхалъ и долженъ былъ пропасть. И здѣсь лѣтомъ почти не бываетъ дождей и поля орошаются искусственно водою, отведенною канавами изъ горныхъ рѣчекъ. Поэтому еще въ іюнѣ мѣсяцѣ начальникъ Эриванскаго отряда сдѣлалъ распоряженіе чрезъ диваны Топрахъ—кале и Баязета, чтобы жители оставшіеся на мѣстѣ, раздѣлили между собою засѣянные и брошенные своими сосѣдями поля, заботились орошеніемъ ихъ, и когда хлѣбъ созрѣетъ, сняли бы его. За труды они должны взять половину снятаго хлѣба, а другую половину отдать владѣльцамъ полей, если бы они возвратились осенью въ свои жилища; въ противномъ же случаѣ отдать ее нашимъ войскамъ, если встрѣтится надобность. Кромѣ этой половины, мы могли взыскать еще натурою десятую часть всѣхъ произведеній земли, платимую обыкновенно жителями турецкому правительству. Хотя было полезно привлекать къ себѣ жителей, не дѣлать для нихъ наше занятіе тягостнымъ, не собирать съ нихъ податей, и подать эта была такъ ничтожна, что не вознаградила бы возбужденнаго ею неудовольствія, но жители говорили сами, что если мы не соберемъ подать для себя, то Турки взыщутъ ее впоследствии по нашемъ уходѣ; и потому не представлялось особенныхъ причинъ, чтобы не взыскать десятинную подать, не взыскивая однако же денежныхъ

\*

податей. Главнокомандующему было донесено, что было бы полезно обратить въ казенное довольствіе войскъ половину хлѣба брошеннаго бѣжавшими Курдами и десятую часть произведеній земли, платимую обыкновенно жителями турецкому правительству. По разстройству мѣстнаго хозяйства по случаю войны, нельзя было ожидать большаго сбора, но онъ могъ намъ пригодиться для отдаленныхъ движеній, какъ пригодился провіантъ отбитый у турецкаго войска собственно тѣмъ, что облегчалъ доставку нашего казеннаго провіанта изъ Эриванской губерніи. Отвѣтъ на это представленіе послѣдовалъ не скоро. Жители сняли уже хлѣбъ и время для опредѣленія десятой части произведеній было упущено; потому-что это опредѣленіе должно дѣлать немедленно по сборѣ, когда снопы остаются еще въ полѣ. Наконецъ 12-го сентября начальникъ отряда получилъ особыя правила управленія санджаками занятыми нами, и предписаніе собрать десятинную подать. Санджаковые начальники, помощники ихъ и разсылные (есаулы) должны были получать отъ насъ жалованье изъ экстраординарныхъ суммъ, что было не расчетливо, потому-что и, приблизительно, это жалованье превышало всю десятинную подать, и мы могли вовсе не собрать ее по ходу войны. Начальникъ отряда по необходимости измѣнилъ это распоряженіе тѣмъ, что оставилъ все въ томъ видѣ, какъ было учреждено нами. Баязетскій санджакъ управлялся диваномъ безъ жалованья, подѣ въ дѣніемъ находившагося въ Баязетѣ съ сотнею кавалеріи войсковаго старшины Костяна; Діадинскій маіоромъ Кореницкимъ, а Алашкертскій и Караклисскій Шихъ-Абдаломъ, подѣ ближайшимъ наблюденіемъ самого начальника отряда, или начальника войскъ, остававшихся здѣсь, когда отрядъ уходилъ въ Арзерумскій пашалыкъ. Жалованье было назначено только Шихъ-Абдалѣ, по не



деньгами а по мѣстнымъ цѣнамъ, хлѣбомъ, изъ числа десятинной подати, съ самыхъ отдаленныхъ куртинскихъ селеній, съ которыхъ намъ самимъ было бы трудно и хлопотливо собирать его; Шихъ-Абдалъ остался этимъ доволенъ.

Вообще мы здѣсь постоянно замѣчали и убѣждались, что жители предпочитали управленіе русскими офицерами управленію начальниковъ изъ туземцевъ. Это не подлежитъ сомнѣнію относительно Армянъ, на которыхъ мурзульмане смотрятъ какъ на овецъ, которыхъ надо только стричь и донть; но Татары и Курды по своимъ дѣламъ постоянно относились къ русскому начальству, и близъ палатки отряднаго штаба была постоянно толпа ихъ. Когда мы въ прошедшемъ году стояли у д. Тапариса, то ко мнѣ пріѣхали Курды деревень лежащихъ въ Алла-дагѣ и просили, чтобы для разбирательства тяжбъ, безпрестанно возникающихъ у нихъ, и для производства суда, мы назначили казака или солдата. Я объяснилъ имъ, что это не удобно, такъ-какъ мы ходимъ по всему краю, и посоветовалъ обращаться къ своимъ старшинамъ, или къ Баязетскому дивану; но они отвѣчали, что они не вѣрятъ своимъ судьямъ, которые никогда не бываютъ справедливы и рѣшаютъ всегда дѣло въ пользу богатаго и сильнаго, и просили, чтобы прислать солдата хотя теперь на короткое время для разбирательства одного казуснаго дѣла. Къ нимъ отправили офицера, который разобралъ и рѣшилъ дѣло къ общему удовольствію. Безсомнѣнія, въ отрядѣ, находившемся постоянно въ дѣйствіяхъ и имѣвшемъ направленіе привлекать жителей, не могло быть продажности и несправедливости. Управленіе Баязетскимъ санджакомъ вонсковымъ старшиною Костинымъ и Діадинскимъ санджакомъ маіоромъ Кореницкимъ впродолженіи всей кампаніи 1855 года, оказалось хорошимъ; жители были очень

довольны ими. Въ Алашкертскомъ и Караклисскомъ санджакахъ, находившихся подъ ближайшимъ наблюденіемъ начальника отряда, тѣмъ болѣе не могло быть неудовольствія на насъ.

Десятинную подать вельно было опредѣлить и собрать: въ Баязетскомъ санджакѣ войсковому старшинѣ Костину вмѣстѣ съ диваномъ, въ Діаднискомъ санджакѣ маіору Кореницкому вмѣстѣ съ настоятелемъ монастыря Сурбъ-Оганеса, и въ Алашкертскомъ и Караклисскомъ санджакахъ офицеру, назначенному изъ отряда и знавшему мѣстные языки, вмѣстѣ съ двумя членами, назначенными отъ дивана Топрахъ-кале, одинъ изъ Армянъ и другой изъ Курдовъ. Здѣсь кстати приведу нѣкоторыя общія приблизительныя свѣдѣнія о краѣ, занятомъ нашими войсками.

Въ Баязетскомъ пашалыкѣ въ мирное время можно считать до 25,000 жителей обоого пола на пространствѣ до одного милліона нашихъ десятинь; т. е. на каждую душу приходится около 40 десятинь удобной и неудобной земли. Земля плодородна, по къ хлѣбопашеству удобна только на равнинахъ, въ низменныхъ мѣстахъ долинъ и ущелій и въ нижней полосѣ горныхъ покатоостей, гдѣ не бываетъ раннихъ морозовъ; однако же и здѣсь бѣольшая часть земли остается подъ лугами, какъ по незначительности населенія сравнительно съ пространствомъ, такъ и потому, что около половины народонаселенія составляютъ полукочевые Курды, незанимающіеся вовсе, или весьма мало хлѣбопашествомъ. Жители сѣютъ пшеницу и ячмень, и въ маломъ количествѣ ленъ и коноплю. Урожай пшеницы бываетъ обыкновенно 10-ть и 12-ть зеренъ. Пашутъ простаго устройства плугомъ, въ который запрягаютъ пять или шесть паръ воловъ. Вершины и покатоости горъ покрыты лугами, доставляющими большія удобства для скотоводства; скота здѣсь много, и онъ есть главнѣйшее бо-

гатство. Изъ показаній жителей и прежнихъ откупщиковъ десятинной подати, можно полагать, что весь Баязетскій пашалыкъ производитъ въ мирное время до 300,000 баязетскихъ самаръ пшеницы и около 150,000 такихъ же самаръ ячменя (въ баязетской самарѣ 5-ть пудовъ зерноваго хлѣба). Несмотря на то, что въ 1855 году много хлѣба пропало, нашъ отрядъ все лѣто до конца декабря довольствовался ячменемъ, покупавшимся на мѣстѣ въ Баязетскомъ пашалыкѣ; однако же, къ зимѣ ячмень видимо истощался, становился дороже и въ послѣдніе дни жители продавали его неохотно. До начала весны, баязетская самара пшеницы стоила около 1 руб., а самара ячменя около 75 коп. сереб.; въ декабрь 1855 года самара ячменя поднялась до 4 руб. сер. Сѣно заготавливается въ большомъ количествѣ для прокормленія огромныхъ стадъ зимою; но можно заготовить его еще болѣе. Можетъ-быть отчасти неудобство хлѣбопашества на горахъ заставляетъ Курдовъ заниматься скотоводствомъ и поддерживаетъ полукочевой образъ ихъ жизни. Въ первое время пребыванія нашего въ Азіатской Турціи въ 1854 году, войска покупали корову въ 6-ть или 7-мь пудовъ вѣсу за 3 руб., барана за 50 коп. сер.; впоследствии цѣны на скотъ возвысились, вѣроятно отъ того, что много скота стали прогонять на продажу въ Эриванскую губернію; но говядина никогда не обходилась намъ въ мелкой продажѣ дороже 1 руб. сер. за пудъ.

Фабрикъ и заводовъ во всемъ пашалыкѣ вовсе нѣтъ. Всѣ произведенія хлѣбопашества и скотоводства продаются въ сыромъ видѣ преимущественно караванамъ, которые везутъ ихъ въ Трапезонтъ. Одиночные мастеровые выдѣлываютъ въ краѣ только для мѣстнаго потребленія овчины, войлоки, толстое сукно, сыръ, который хранится въ бурдюкахъ, шьютъ платье, крошатъ табакъ; жители

Куруна и Мусула дѣлають простую глиняную посуду. Въ 15-ти верстахъ къ юго-востоку отъ Хамура въ ущельяхъ Алла-дага находятся соляныя копи, доставлявшія соль всѣмъ окрестностямъ; но разработка ее по случаю войны прекратилась. О торговлѣ я говорилъ уже выше,—вся она въ рукахъ европейцевъ. Изъ мѣстныхъ жителей, Армяне и осыдлые Курды Топрахъ-кале и Баязета перекупають европейскія произведенія и продають ихъ въ краѣ мелочною торговлею, или сбываютъ въ Эриванскую губернію контрабандою. Самый богатый и единственный купецъ, Петросъ-ага, имѣетъ въ оборотѣ капиталъ въ 15-ть тысячъ руб. сер. Отсутствіе фабрикъ и купечества, производящаго большую, особенно внѣшнюю торговлю, извлекая изъ страны, съ помощію свободной торговли всѣ деньги, препятствуетъ образованію богатаго сословія, которое своимъ состояніемъ и просвѣщеніемъ могло бы возвыситься надъ уровнемъ массы народа и быть представителемъ и хранителемъ достоинствъ своего племени. Богачей здѣсь нѣтъ, ни между Армянами, ни между Татарами, ни между Курдами. Турецкая власть и свободная торговля дѣлають всѣхъ равными — грязными привычками жизни, невѣжествомъ и нравственнымъ ничтожествомъ.

Турецкое правительство собирало въ пашалыкѣ подати: денежныя—сальямъ и хараджъ, и въ натурѣ бахра, или десятинную подать. Сальямъ собирается съ cadaго двора, какъ музульманъ, такъ и христіанъ. Въ Константинополь опредѣляли количество подати сальяма, которую долженъ заплатить весь пашалыкъ; паша съ своимъ диваномъ распредѣлялъ ее на санджаки; мудиры, т. е. санджаковые начальники, съ своимъ диваномъ, или меджлисамъ, распредѣляли ее на отдѣльныя деревни, въ которыхъ старшина съ обществомъ назначали сколько долженъ внести денегъ каждый дворъ: обыкновенно приходилось отъ  $1\frac{1}{2}$  до 10

рублей серебромъ на каждый дворъ, смотря по зажиточности. Со всего пашалыка собирали сальяму до 12-ти тысячъ рублей серебромъ. Хараджъ, денежная поголовная подать, собиралась ежегодно только съ каждаго взрослого христіанина мужескаго пола отъ 16-ти до 70-ти лѣтъ. Старшій членъ семейства, живущаго отдѣльнымъ домомъ, платилъ 3 рубли, слѣдующій за нимъ по лѣтамъ  $1\frac{1}{2}$  рубля, и затѣмъ всѣ остальные каждый по 75-ти копѣекъ серебромъ. Общее количество этой подати простиралось до 3-хъ тысячъ рублей серебромъ. Бахру, подать одной десятой части всѣхъ произведеній земли, турецкое правительство не собирало само натурой, а отдавало сборъ ее на откупъ. Торги производились въ Баязетѣ въ присутствіи пашы и всѣхъ дивановъ, какъ Баязетскаго, такъ и санджаковыхъ; на откупъ отдавались цѣлый пашалыкъ, или каждый санджакъ отдѣльно, или каждая деревня отдѣльно; потомъ данныя откупщиками цѣны представлялись на утверженіе арзерумскому муширу, который утверждалъ ихъ. По показанію самихъ откупщиковъ, мѣстныхъ жителей, за сборъ десятинной подати до послѣдней войны, со всего пашалыка платили правительству до 18-ти тысячъ рублей серебромъ, а за 1854-й годъ дали только 10 тысячъ рублей. Кромѣ того существовали налоги: отъ 2-хъ до 6-ти рублей въ годъ съ каждой лавки за право торговли, по 3 рубля въ годъ съ каждой мельницы,  $1\frac{1}{2}\%$  стоимости продающагося скота,  $4\%$  стоимости товаровъ, которые продавали собственно русскіе и персидскіе купцы; и повинности: квартиры войскамъ, исправленіе дорогъ, выставка нужнаго числа подводъ для войскъ при передвиженіяхъ и дѣйствіяхъ и проч. Армяне и Курды въ обыкновенное время не несли рекрутской повинности, но въ продолженіи бывшей войны стали брать ихъ въ рекруты; кромѣ-того Курды должны были

выставить съ каждаго дома по одному всаднику въ милицію.

Подати повидимому не велики, но жители, особенно христіане, жаловались на несправедливое распредѣленіе ихъ. Житель не зналъ сколько, съ чего и за что онъ долженъ платить, что могъ бы знать на основаніи правилъ опредѣленныхъ закономъ и объявленныхъ во всеобщее свѣдѣніе, чѣмъ сохраняются права и собственность каждаго; количество подати назначалось мѣстными ближайшими начальниками, по ихъ усмотрѣнію, и откупщиками, и безсомнѣнія каждый житель платилъ гораздо болѣе того сколько доходило въ казну падишаха. Вособенности откупъ сбора десятинной подати произведений натурою служилъ поводомъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Члены дивана въ согласіи съ нашею, всегда поддерживали другъ друга, разбирали откупъ по дешевымъ цѣнамъ и потомъ перепродавали другимъ по цѣнамъ болѣе высокимъ, а съ земледѣльцевъ, особенно христіанъ, собирали иногда и болѣе десятой части произведеній. Откупщики, какъ члены дивана, имѣли вліяніе на власть и могли наказать и заставить молчать плательщиковъ. Несмотря на это, при изобиліи и плодородіи земли Армяне при своей покорности и трудолюбіи, хотя одѣты дурно и живутъ грязно, но ѣдятъ сыто и несутъ свою судьбу молчаливо.

Слѣдовательно, сдѣланное нами распоряженіе не платить никакихъ податей откупщикамъ, а внести прямо намъ десятую часть произведеній натурою, должно было нравиться народу платящему подати, т. е. большинству народонаселенія, и ихъ приводило въ сомнѣніе только то, что можетъ быть по уходѣ нашемъ въ Россію, турецкое правительство заставитъ ихъ заплатить себѣ подати вторично. Въ это время случился неудачный штурмъ Карса, и главнокомандующій предупредилъ генераль-маіора Сулова, что Эри-

ванскій отрядъ возвратится на зиму въ Эриванскую губернію. Поэтому сдѣлано было распоряженіе, чтобы каждое селеніе по сборѣ десятой части произведеній, пшеницу перемолото въ муку съ обыкновенною платою мельникамъ, и свезло бы ее нашимъ войскамъ, — изъ Алашкертскаго и Караклискаго санджаковъ въ отрядъ, изъ Діадинскаго санджака въ 5-й баталіонъ Мингрельскаго полка къ Сурбъ-Оганесу, а изъ Баязетскаго санджака къ сотнямъ расположеннымъ у Баязета. Мука принималась или войсками, или въ провіантскій магазинъ подъ квитанціи и расходовалась. Ячмень и сѣно — Алашкертскаго санджака были выданы войскамъ, и сѣно очень пригодилось нашей кавалеріи при стоянкѣ ея на Драмъ-дагъ, гдѣ не было уже подножнаго корма, а Караклискаго, Діадинскаго и частію Баязетскаго санджаковъ, велѣно было свезти во всѣ селенія отъ Караклиса до Мусуна, въ которыхъ предполагалось дѣлать ночлеги. Подать вообще оказалась незначительною, оттого что десятую часть произведеній опредѣляли, когда жители обмолотили уже хлѣбъ, много ячменя продали нашимъ же войскамъ и караванамъ и часть всего спрятали въ ямы, и вообще подать опредѣляли снисходительно. Но и эту подать не успѣли собрать или потребить войсками, потому что отрядъ вскорѣ ушелъ въ Арзерумскій пашалыкъ, гдѣ оставался до самаго выступленія въ Эриванскую губернію. Вособенности много сѣна осталось въ Баязетскомъ санджакѣ, гдѣ почти вся десятинная подать состояла изъ одного сѣна. При выступленіи было оставлено однакоже диванамъ приказаніе, чтобы продукты десятинной подати незабранные нами, были сохранены до весны будущаго года, когда мы придемъ сюда вторично.

XVII. Прикрытіе блокады Карса со стороны Арзерума.—Сдача Карса.

Слухи о отбитомъ штурмѣ Карса распространились у насъ около 20-хъ чиселъ сентября. Мы неимѣли никакихъ официальныхъ увѣдомленій; но жители сдѣлались осторожнѣе съ нами; никто не хотѣлъ сказать намъ Русскимъ, что такое случилось, но рассказывали потихоньку служившимъ у насъ музульманамъ, отъ которыхъ узнавалъ и мы. Слухи были преувеличены чрезвычайно; происшествіе рассказывалось какъ басня, въ восточномъ вкусѣ. Напримѣръ, говорили, что Турки зная заблаговременно о всѣхъ приготовленияхъ нашихъ къ штурму, приготовили намъ угощеніе; въ передовыхъ укрѣпленіяхъ, которыя они очистили при приближеніи нашихъ войскъ, были поставлены большія блюда съ пловомъ и другія кушанья, въ доказательство, что Карсъ не нуждается въ продовольствіи; когда русскіе солдаты бросались на кушанья, по нимъ открыли сильнѣйшій огонь, а потомъ атаковали ихъ въ штыки и сабли и всѣхъ побили. Говорили, что у насъ убито и ранено болѣе 20,000 человекъ. Потомъ рассказывали, что когда генераль-адъютантъ Муравьевъ послѣ отбитаго штурма предложилъ Туркамъ сдаться, то муширъ отвѣчалъ: «До штурма у насъ не было порціоннаго скота; но теперь Русскіе оставили намъ много мяса, и мы можемъ долго держаться.» Даже въ частныхъ письмахъ, которыя получали офицеры нашего отряда отъ знакомыхъ и родственниковъ, находившихся подъ Карсомъ, не упоминалось ни слова о штурмѣ; вѣроятно было запрещено писать о немъ. Напрасныя предосторожности. Всѣ удивлялись, какимъ-образомъ Турки отбили штурмъ. Дѣло было просто; Турки стрѣляютъ хорошо изъ-за укрѣпленій, а наши колонны были поведены на штурмъ ночью прямо подъ сосредоточенный



огонь на глубокіе рвы и крутые высокіе валы, перелѣзть черезъ которые не было никакой физической возможности. Генераль Вилліамсъ, или мушпиръ, были такъ осторожны, что не рѣшились, по отбитіи штурма, вывести свои войска изъ укрѣпленій, перейти въ наступленіе и гнать наши колонны. Хотя нѣкоторые полагали, что они могли бы успѣшно перейти въ наступленіе и сдѣлать намъ еще болѣе вреда; но я думаю, что если бы Турки вышли изъ укрѣпленій, то въ открытомъ полѣ были бы разбиты нашими ослабленными баталіонами, что несомнѣнно. Всѣ эти неудачи возбуждали въ насъ не уныніе и боязнь, а негодованіе и мщеніе; потому-что они, въ сущности, случайныя происшествія, ни чего не доказывающія. Русская армія богата славою и сознаніемъ своего достоинства и могущества, и ее не уронятъ ни клевета, ни временныя неудачи.

Вскорѣ главнокомандующій написалъ генераль-маіору Суслову, что обстоятельства могутъ потребовать, часть Эриванскаго отряда необходимую для охраненія Эриванской губерніи возвратитъ въ наши предѣлы черезъ Баязетъ, остальные же войска отряда присоединить къ главнымъ силамъ, и потому спрашивалъ: по какой дорогѣ удобнѣе слѣдовать изъ долины Евфрата до с. Миджингерта, лежащаго въ долинѣ Аракса; какимъ способомъ можно продовольствовать войска при этомъ слѣдованіи и какую часть надо оставить для охраненія Эриванской губерніи. Путь отъ насъ къ Карсу лежалъ черезъ Драмъ-дагъ на с. Далибабу, дорога по которой мы уже ходили. Предположеніе это было однакоже оставлено. Эриванскій отрядъ могъ быть полезнымъ не покидая своего театра дѣйствій и прикрывая блокаду Карса болѣе смѣлымъ движеніемъ за Драмъ-дагъ къ Керпи-кѣю. Мы не опасались за свои сообщенія. Оупустошеніе нашими двумя ротами Зияндаро, случившееся послѣ отбитаго штурма, какъ ни ничтожно было повиди-

тому по числу участвовавшихъ, но какъ мѣстное происшествіе, интересовавшее здѣшнихъ Курдовъ и Армянъ, заняло здѣсь общее вниманіе, отвлекло его отъ послѣдствій штурма Карса и поставило насъ въ своемъ кругу въ прежнее положеніе.

Полковникъ Хрещатицкій находившійся съ 18-го сентября на высотахъ Драмъ-дага недалеко отъ д. Эшакъ-Эльяса, могъ имѣть ближайшія сношенія съ жителями долины Аракса. Изъ его донесеній, а равно изъ свѣдѣній доставлявшихся намъ караванами и лазутчиками мы знали, что Турки собираютъ провіантъ и вьюки; между турецкими солдатами отряда Вели-паши ходили разговоры, что они пойдутъ на выручку Карса; въ отрядѣ дѣлались приготовления къ движенію; въ Арзерумѣ также укладывали провіантъ въ вьюки; генераль Вилліамсъ писалъ безпрестанно въ Арзерумъ и къ Вели-пашѣ о своемъ отчаянномъ положеніи и требовалъ помощи и провіанта. Мы знали изъ французскихъ газетъ, издававшихся въ Константинополь и доходившихъ къ намъ скоро чрезъ Арзерумъ, откуда везли ихъ въ Персію къ иностраннымъ консуламъ, а почтари завозили къ намъ по доброму уже знакомству и изъ опасенія быть пойманными и убитыми, если они будутъ провозить почту тайно, что Омеръ-паша для выручки Карса направился къ Мингрели; но прямая, скорая и дѣйствительная помощь Карсу могла прибыть только изъ Арзерума. Мы полагали, что Вели-паша получитъ непременно подкрѣпленія для дѣйствій болѣе самостоятельныхъ и рѣшительныхъ. Въ дѣйствіяхъ нашего главнокомандующаго была видна твердая рѣшимость продолжать самую строгую блокаду, и нельзя было ожидать, чтобы его заставили снять ее одними маневрами, слухами и пугающими движеніями, къ числу которыхъ принадлежала высадка Омеръ-паши. 10-го октября генераль-маіоръ Сусловъ получилъ

отъ главнокомандующаго увѣдомленіе, что движеніе къ Миджингерту и въ Эриванскую губернію есть только предположеніе, но что онъ ожидаетъ приведенія въ исполненіе движенія къ сторонѣ Керпи-кѣя. На другой или третій день было получено извѣстіе, что часть пѣхоты Вели-паши выдвинулась уже къ Гассанъ-калѣ и въ Арзерумѣ приготовили до 4-хъ тысячъ вьюковъ для слѣдованія къ Карсу. Немедленно сдѣланы были приготовленія къ выступленію нашего отряда въ долину Аракса.

Прежняя дорога, по которой мы ходили черезъ Драмъ-дагъ, очень трудна, имѣя много высокихъ и крутыхъ подъемовъ и спусковъ. По этому, при расположеніи въ послѣдній разъ отряда у Кара-Дербента и при настоящемъ расположеніи кавалеріи на Драмъ-дагъ, пути черезъ этотъ хребетъ были осмотрѣны, и найдено, что можно разработать новую дорогу по долинѣ р. Чатъ, въ которую надо было своротить съ настоящей торговой Арзерумской дороги, уже пройденной нами, въ 6-ти верстахъ отъ с. Зейдкана вправо, т. е. нѣсколько къ востоку отъ предъидущей дороги. По долинѣ р. Чатъ подъемъ на хребетъ Драмъ-дага могъ быть разработанъ постепенный, безъ обратныхъ спусковъ и подъемовъ. Только спускъ съ хребта на сѣверную сторону Драмъ-дага крутъ, неудобенъ къ разработкѣ имѣвшимися у насъ средствами, но коротокъ. По спускѣ на сѣверную сторону, можно было идти по двумъ направленіямъ: къ д. Эшакъ-Эльясу на прежнюю нашу дорогу черезъ Кара-Дербентъ, или хребтомъ боковой отрасли прямо къ Дали-бабѣ: послѣднимъ путемъ обходилъ Кара-Дербентъ. Разработка дороги не требовала большихъ трудовъ, и только беззаботность турецкихъ властей, или непривычка копать дорогу лопатами и кирками, оставляли безъ вниманія путь по долинѣ р. Чатъ и заставляли арбы и караваны ходить по крутизнамъ южныхъ отраслей Драмъ-дага.

12-го октября былъ направленъ въ горы 2-й баталіонъ Ширванскаго пѣхотнаго полка съ шанцевымъ инструментомъ, для слѣдовація въ авангардѣ и разработка новой дороги. Отрядъ выступилъ 14-го октября. На случай надобности дѣйствовать болѣе энергически, предполагая что Турки должны дѣйствовать рѣшительно и отчаянно для спасенія Карса, отрядъ выступилъ въ наибольшемъ по возможности составѣ пѣхоты; ношли всѣ четыре баталіона, въ нихъ тридцать ротъ, шесть орудій и одиннадцать сотенъ кавалеріи. Кавалеріи у насъ сдѣлалось теперь менѣе; милиціонеры съ наступленіемъ холодовъ и морозовъ бѣжали ежедневно десятками, такъ-что куртинскій и конно-музультманскій полки были перестроены въ меньшій составъ сотенъ. Впрочемъ, уменьшеніе нашей милиціи насъ не тревожило; было даже полезно взять менѣе кавалеріи, которую съ прекращеніемъ подножнаго корма становилось трудно продовольствовать; она объѣдала сѣно во всемъ окрестномъ краѣ и стѣсняла довольствіе другихъ войскъ. Наши баталіоны были въ полномъ составѣ, почти въ томъ же, въ которомъ выступили въ походъ. Долина Евфрата и притока его, Шаріана, возвышенная и сухая, оказалась очень здоровою; во все лѣто больныхъ было мало; всѣ они пользовались въ подвижномъ госпиталѣ и по выздоровленіи тотчасъ поступали въ свои части. Если бы не случилось холеры, то наше положеніе было бы вполнѣ превосходно. На р. Шаріанѣ близъ д. Чилканы, остались въ вагенбургѣ артиллерійскій паркъ, подвижной госпиталь и всѣ излишнія тяжести и подроды подъ прикрытіемъ двухъ ротъ пѣхоты, одной 1-го баталіона Мингрельскаго егерскаго и другой Ширванскаго пѣхотнаго полковъ, двухъ орудій и 4-хъ сотенъ кавалеріи. Находившаяся въ Караклисѣ рота была взята въ отрядъ, а въ селеніи этомъ по-

ставлена одна рота, взятая изъ Сурбъ-Оганеса, гдѣ за-тѣмъ осталось только двѣ роты. Четыре сотни милиціи, назначенныя въ вагенбургъ никуда не годились; лошади ихъ пришли въ совершенную негодность; они были полезны только тѣмъ, что показывали Курдамъ, что въ Алашкертскомъ санджакѣ находилась также кавалерія.

2-й баталіонъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, подвигаясь понемногу впередъ вмѣстѣ съ кавалеріею, прокладывалъ новую дорогу. Отрядъ слѣдовалъ безъ остановки, находилъ вездѣ дорогу готовую, превосходно сдѣланною безъ обратныхъ спусковъ, а постоянно одного подъема до самаго хребта Драмъ-дага, и въ четыре перехода прибылъ 17-го октября къ Кара-Дербенту. Высоты ущелья были заняты до 1000 человекъ баши-бузуками и однимъ или двумя эскадронами регулярной кавалеріи. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, вся кавалерія эта отступила и скрылась. На дорогѣ до Кара-Дербента мы получили свѣдѣнія, которыя заставляли опасаться, что отрядъ Вели-паши могъ двинуться уже къ Саганлугскому хребту. Встрѣтившійся въ караванѣ армянскій монахъ объявилъ, что въ Арзерумѣ ждали прибытія пяти тысячъ войска изъ Трапезонта; потомъ жители рассказывали, что подкрѣпленія подъ командою Селимъ-паши, въ числѣ 20-ти тысячъ, прибыли уже и что всѣ войска выдвинулись къ Керпи-кѣю. По прибытіи нашемъ къ Кара-Дербенту, явившіеся въ отрядъ жители окрестныхъ селеній, наши старые знакомые, подтвердили всѣ, что они слышали о прибытіи въ Арзерумъ Селимъ-паши съ войскомъ и о движеніи его въ Керпи-кѣю 16-го октября, но никто изъ нихъ не былъ въ Керпи-кѣю ни 16-го, ни 17-го октября и не могъ удостовѣрить, что видѣлъ все рассказываемое своими глазами. Слухи были безсомнѣнія, какъ всегда, преувеличены, но въ нихъ вѣроятно была часть правды, потому-что настоящая надобность, и вѣроятно

распоряженія изъ Константинополя требовали пособить Карсу, или хотя сдѣлать попытку.

18-го октября отрядъ прошелъ Кара-Дербентъ и остановился недоходя немного с. Юзверана на р. Чирикракъ возлѣ деревень Чичикракъ и Каркоджа, близъ Аракса и противъ брода чрезъ него у с. Хорасана; съ этого мѣста мы могли, сообразно съ надобностью, двигаться на Керпикѣй, или перейти бродомъ чрезъ Араксъ и дѣйствовать во флангъ непріятелю, если бы онъ двинулся мимо насъ по дорогѣ изъ Керпикѣя въ Карсъ, отстоявшей отъ нашего мѣста не болѣе какъ на 6 или 7 верстъ. Тотчасъ же были посланы кавалерійскіе разъѣзды къ Юзверану и за Араксъ. Вся долина Аракса была видна намъ; на ней не было никакого движенія и войска; всѣ жители показывали, что турецкое войско не проходило изъ Керпикѣя. Мы могли быть спокойны, что пришли во-время. Башни-бузуки и часть регулярной кавалеріи, находившіеся въ долинѣ Аракса, сосредоточились противъ насъ на дорогѣ къ Керпикѣю; значительныя толпы ихъ видѣлись за Юзвераномъ на возвышенностяхъ у д. Комацора въ 10-ти или 12-ти верстахъ отъ насъ.

Для разъясненія дѣла и извлеченія изъ нашего движенія настоящей пользы, т. е. оттѣсненія корпуса Вели-Паши и тѣмъ отстраненія всякой опасности, даже возможности пособить Карсу, было бы полезно наступить всѣмъ отрядомъ къ Керпикѣю и далѣе, чтобы искать боя. Въ отрядѣ состояло четыре баталіона, т. е. нѣсколько болѣе того сколько было въ дѣлѣ у Керпикѣя 21-го іюля; и это могло внушить намъ увѣренность въ успѣхъ. Одни угрожающія движенія неизмѣнили положенія дѣла въ продолженіи всего лѣта. Мы дѣлали стратегическія движенія на основаніи предположенія, что можемъ быть разбиты слабымъ корпусомъ Вели-Паши,—и это затягивало дѣло.

Начальник Эриванскаго отряда, на основаніи прежнихъ распоряженій, поручилъ мнѣ 19 октября сдѣлать рекогносцировку къ сторонѣ Керпи-кѣя съ двумя баталіонами пѣхоты, двумя орудіями и пятью сотнями казаковъ. Мы выступили рано утромъ. За Юзверапомъ баши — бузуки замѣтили наше движеніе; толпы ихъ стали тотчасъ собираться на высотахъ кругомъ с. Комацора и вскорѣ ихъ собралось въ двухъ отдѣльныхъ кучахъ болѣе 2-хъ тысячъ. Они видѣли нашу пѣхоту и орудія и безсомнѣнія отступили бы, но кавалерія они боялись менѣе и всегда охотно завязывали съ нею джигитовку и перестрѣлку. Чтобы удержать ихъ долѣе на мѣстѣ, кавалерія слѣдовала около 400 саженой впереди пѣхоты, въ общей колоннѣ, сотнями лавами; но позади казаковъ заднихъ сотень посадили верхомъ на лошадей штуцерныхъ и стрѣлковъ обоихъ баталіоновъ. Нѣсколько казаковъ ѣхавшихъ впереди завязали съ баши-бузуками перестрѣлку, которую баши-бузуки охотно поддерживали. Когда кавалерія наша подошла къ нимъ не болѣе какъ на 300 шаговъ и остановилась, тогда пѣхотные стрѣлки спѣшились, вышли сквозь сотень впередъ, и открыли огонь по густымъ толпамъ ихъ; безсомнѣнія не пропала ни одна штуцерная пуля. Между баши — бузуками сдѣлалось волненіе, поднялись крики; мы видѣли какъ нѣкоторые изъ переднихъ свалились; задніе мѣстами смѣшивались, сгущались въ кучу, чтобы подымать раненыхъ; самые задніе тотчасъ обратились въ бѣгство. Съ открытіемъ перестрѣлки наша пѣхота подходила ускореннымъ, а подъ гору бѣглымъ шагомъ; когда баши — бузуки поворотили и начали отступать, казаки съ гикомъ бросились въ атаку; и отступление баши-бузуковъ тотчасъ превратилось въ быстрое бѣгство; ихъ преслѣдовали во весь карьеръ около 4-хъ верстъ, за д. Миндиванъ, за которымъ они продолжали убѣгать въ разсыпную по двумъ дорогамъ,

•

къ Керпи-кёю и влѣво къ горамъ, вѣроятно на ту дорогу, по которой мы обходили укрѣпленный лагерь Вели-паши 21-го іюля, и разсѣялись въ разныя стороны; потомъ въ нашихъ глазахъ переправились чрезъ Араксъ и скрылись въ отдаленіи. Въ бѣгствѣ они бросили убитыхъ и раненыхъ, растеряли много вещей, а два баши-бузука, которые по усталости лошадей отставали, были догнаны и пойманы живыми. Жители отыскали на другой день нѣсколько убитыхъ и раненыхъ въ полѣ и оврагахъ.

Мы остановились на послѣднихъ высотахъ между Миндиномъ и Амаркумомъ, откуда была видна вся долина Гассанъ-Кала-чая, и намъ открылся возлѣ г. Гассанъ-Калы непріятельскій лагерь растянутый на значительномъ пространствѣ на самомъ берегу рѣки, отчего онъ не былъ видѣнъ прежде. Это несомнѣнно былъ отрядъ Вели-паши, что подтвердили и взятые въ плѣнъ баши-бузуки. Жители Миндивана и Амракума, Османлы, вынесли нашимъ войскамъ хлѣба и молока и просили чтобы ихъ не грабили; они показали также, что въ лагерь у Гассанъ-Калы стоитъ пѣхота отряда Вели-паши, а регулярная кавалерія выдвинута къ Керпи-кёю, хотя ее не было видно, и что въ ихъ и сосѣднихъ селеніяхъ заготовленъ уже провіантъ въ мукѣ и сухаряхъ для отправленія въ Карсъ на жителяскихъ вьюкахъ по первому востребованію. Мы дѣйствительно нашли этотъ провіантъ въ мѣшкахъ и взяли съ собою нѣсколько вьюковъ, объявивъ, что заберемъ и остальпой. Чтобы оставить Турокъ въ сомнѣніи о дальнѣйшемъ наступленіи нашемъ, аванпосты были поставлены шире, какъ-бы для охраненія лагернаго мѣста; пѣхота начала обратное движеніе къ отряду нѣсколько ранѣе, кавалерія тронулась, когда начало смеркаться, а аванпосты оставались еще нѣсколько времени на своихъ мѣстахъ, были сняты, когда смерклось, и присоединились къ колоннѣ, когда совсѣмъ



стемнѣло. При возвращеніи, во всѣхъ деревняхъ было объявлено жителямъ, чтобы они не смѣли возить провіанта Туркамъ подъ опасеніемъ строгаго наказанія, и что мы возьмемъ его себѣ. Безсомнѣнія, потеря этого провіанта была не большое лишеніе для Турокъ, потому-что въ Арзерумѣ было заготовлено его огромное количество; изъ одного Мушкаго пашалыка свезено 80,000 арзерумскихъ самаръ пшеницы (каждая въ 15-ть пудовъ). Колонна воротилась въ лагерь на Ччикракъ когда уже совсѣмъ стемнѣло.

Изъ показаній жителей, плѣнныхъ баши-бузуковъ, лазутчиковъ, нашихъ прежнихъ знакомыхъ, явившихся ночью съ 19-го на 21-е октября изъ селеній болѣе близкихъ къ Гассанъ-Калѣ, и одного жителя Эриванской губерніи, бѣжавшаго къ Туркамъ еще въ началѣ войны 1853 года, командовавшаго въ отрядѣ Вели-паши 500 баши-бузуковъ и теперь перебѣжавшаго опять къ намъ въ надеждѣ прощенія, положеніе дѣлъ намъ разъяснилось. Въ Арзерумѣ былъ назначенъ новый муширь, Селимъ-Паша (не тотъ который командовалъ прежде Баязетскимъ корпусомъ), прѣхавшій въ этотъ городъ 12-го октября. Ему было поручено дѣйствовать изъ Арзерума къ Карсу для выручки его и для провоза продовольствія. Съ нимъ ожидали много подкрѣпленій, но изъ Трапезонта прибыло только около 1000 человекъ. Въ Арзерумѣ приготовили нѣсколько тысячъ выюковъ провіанта, — и для слѣдованія съ нимъ, отрядъ Вели-паши въ составѣ около 6-ти тысячъ человекъ регулярныхъ войскъ выдвинулся 16-го октября къ Гассанъ-Калѣ, а до 3-хъ тысячъ баши-бузуковъ по дорогамъ на Карсъ и на Кара-Дербентъ; послѣдніе для наблюденія за Эриванскимъ отрядомъ. Около 3-хъ тысячъ разнаго войска отошли въ Арзерумъ для охраненія этого города во время движенія отряда къ Карсу. Одинъ изъ плѣнныхъ

баши-бузуковъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые находились на дорогѣ изъ Керпи-кёя въ Карсъ; имъ отдано было приказаніе слѣдовать 17-го октября по Карсской дорогѣ далѣе, но когда узнали о движеніи Эриванскаго отряда чрезъ Кара-Дербентъ, приказаніе это отмѣнено и всѣхъ баши-бузуковъ сосредоточили 18-го октября къ Комацору. При наступленіи нашемъ 19-го октября, бѣжавшіе баши-бузуки распространили тревогу въ турецкомъ лагерѣ у Гассанъ-Калы, объявивъ, что много баши-бузуковъ убито, и что нашъ отрядъ въ составѣ многихъ баталіоновъ наступаетъ рѣшительно къ Керпи-кёю. Новыя толпы бѣглецовъ, между которыми было нѣсколько раненыхъ, распространили еще бѣльшій страхъ. Примѣры подобнаго распространения Азіятцами нелѣпыхъ преувеличенныхъ слуховъ мы видѣли не одинъ разъ у себя, между прочимъ въ день Чингильскаго сраженія, когда бѣжавшіе наши милиціонеры распространили и поддерживали въ Эриванской губерніи слухъ, что мы разбиты совершенно и Турки наступаютъ въ Эриванскую губернію. Селимъ-паша находился въ это время въ лагерѣ. Когда Вели-паша спросилъ его, что онъ теперь прикажетъ дѣлать, Селимъ-паша отвѣчалъ, что онъ еще незнакомъ съ положеніемъ дѣланныхъ дѣлъ и предоставляетъ ему, Вели-пашѣ, дѣлать что онъ находитъ лучше. Вели-паша немедленно собралъ совѣтъ, который рѣшилъ отступить тотчасъ же. Отрядъ со всѣми находившимися при немъ выюками провіанта, приготовленными для карскаго гарнизона, началъ отступление вечеромъ 19-го октября, и только наступившіе сумерки помѣшали намъ видѣть съ высотъ Миндивана, что палатки лагеря у Гассанъ-Калы были тогда же сняты. Вели-паша съ отрядомъ ночевалъ за д. Альваръ, не доходя Давабуйну, а 20-го октября отступилъ еще далѣе, расположился лагеремъ въ ущельяхъ Давабуйну на р. На-

би-чай, остался здѣсь на-легкѣ, а всѣ выюки, обозы и тяжелую артиллерію отправилъ въ Арзерумъ. Свѣдѣнія эти подтвердились. Персіяне проходившаго 20-го октября каравана видѣли Турокъ уже на Наби-чай, и разъѣзды наши не видѣли уже у Гассанъ-Калы лагеря, бывшаго здѣсь наканунѣ. Слѣдовательно Турки отказывались пока отъ поданія помощи Карсу долиною Аракса. Наши печатныя реляціи объясняли отступление Вели-паши появленіемъ легкаго отряда у с. Ардоста и также появленіемъ 20-ти человекъ нашихъ милціонеровъ на Ольтинской дорогѣ. Эриванскій отрядъ стоялъ въ 7-ми верстахъ отъ Ардоста, находящагося на дорогѣ изъ Арзерума къ Карсу. Туда ѣздили наши же разъѣзды и мы наблюдали за этою дорогою. Вели-паша отступилъ положительно только вслѣдствіе движенія одного Эриванскаго отряда. Отступление это, отнявшее у Карса всякую даже ложную надежду на помощь и провіантъ, должно было имѣть вліяніе на карсскій гарнизонъ.

Въ Арзерумѣ, основательно или нѣтъ, продолжали ожидать подкрѣпленій изъ Европы; мы могли предполагать, что для непріятеля было очень полезно прислать эти подкрѣпленія для выручки Карса. Карса не сдавался, — оборона его могла продлиться неопредѣленное время; давно уже говорили, что въ немъ нѣтъ продовольствія и онъ долженъ пасть, но онъ все-таки держался; подкрѣпленія могли прибыть можетъ-быть еще въ-время. Неговоря уже о томъ, что Эриванскій отрядъ могъ быть оттѣсненъ за Драмъ-дагъ, если не вслѣдствіе боя, то вслѣдствіе распоряженія избѣгать встрѣчи съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, и на тылъ нашей блокирующей Карсъ Арміи могли тогда дѣйствовать безопасно, — мы не могли оставаться долго особенно зимою, въ одномъ угрожающемъ положеніи, потому-что были далеко и за двумя высокими хребтами отъ

своихъ провіантскихъ складовъ, находившихся въ Эриванской губерніи. Хребты горъ осенью покрываются снѣгомъ, дѣлаются трудно-проходимы, а зимою совершенно непроходимыми для повозокъ. Черводарскія лошади нашего провіантскаго магазина приходили постепенно въ большую негодность, какъ отъ трудности осенняго пути, такъ и отъ недостатка фуража: подножнаго корма уже не было, а хозяева лошадей не хотѣли тратить много денегъ на покупку сѣна, имѣя въ виду, что они наняты по контракту только на шесть мѣсяцевъ и ихъ слѣдовало скоро отпустить, о чемъ они напоминали уже. Транспорты съ провіантомъ изъ Эриванской губерніи начали уже понемногу опаздывать: мы могли бы остаться совершенно безъ продовольствія, если бы у насъ не было запаса сухарей въ Сурбъ-Оганесъ и турецкой муки, отбитой и собранной въ десятичную подать, что значительно облегчало до сихъ поръ черводаровъ подвозить сухари вѣремя. Наконецъ, по неимѣнію подножнаго корма, отрядъ долженъ былъ покупать сѣно у жителей и, оставаясь долго на одномъ мѣстѣ, закупалъ сѣно во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ, нстрелялъ все и по необходимости долженъ былъ перемѣнять мѣсто стоянки, чтобы не посылать за покупкою сѣна колонны войскъ за 20-ть или 30-ть верстъ. Всѣ эти предстоявшія намъ неудобства, особенно въ виду возможности ожидаемой въ Арзерумѣ помощи, можно было предупредить и отстранить тѣмъ, чтобы разбить Вели-пашу и овладѣть Арзерумомъ. Тогда мы овладѣли бы всѣмъ краемъ отъ этого города до тыла нашей блокирующей арміи. Теперь мы вполне чувствовали, какъ было бы полезно овладѣть Арзерумомъ въ іюль мѣсяцѣ послѣ керпи-кѣйскаго дѣла. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, генераль-маіоръ Сусловъ, донося о рекогносцировкѣ 19-го октября и о полученныхъ свѣдѣніяхъ о непріятелѣ, представилъ

главнокомандующему о крайней пользе овладеть Арзерумомъ пока туда не прибыло значительныхъ подкрѣпленій и просилъ, для рѣшительныхъ дѣйствій къ этому городу увеличить временно Эриванскій отрядъ нѣсколькими баталіонами изъ главныхъ силъ. Главнокомандующій отказалъ въ этомъ, изъ опасенія ослабить блокирующія Карсъ войска, и притомъ предоставилъ генераль-маіору Суслову, при появленіи сильнаго непріятели отступить даже въ Эриванскую губернію. При безсиліи Селимъ-паши и невысылкѣ въ Арзерумъ большихъ подкрѣпленій, мы могли обойтись и сами безъ подкрѣпленій: мы старались принести собою возможную пользу блокадѣ Карса, приносили пользу, въ кругу дозволенныхъ дѣйствій и, полагая, не отступили бы въ Эриванскую губернію безъ крайней необходимости.

Мы оставались на Чичикракъ и поддерживали свое угрожающее положеніе дальними движеніями пѣхоты и кавалеріи къ сторонѣ Керпи-кѣя и на Карсскую дорогу. Изъ опасенія, чтобы по послѣдней дорогѣ не провезли тайно ночью выюки съ провіантомъ, которые могли случайно пробраться и мимо блокирующихъ войскъ, что по рассказамъ жителей случалось, — за Араксъ на эту дорогу дѣлались неожиданныя ночныя движенія, становились засады, и вообще наблюдали за нею неусыпно. Все это пугало жителей, дѣлалось извѣстно въ Арзерумѣ и отнимало охоту посылать выюки съ провіантомъ; они вѣроятно попались бы въ наши руки, если бы прошли за Керпи-кѣй. Лазутчики говорили, что Селимъ-паша имѣетъ положительное приказаніе пособить Карсу, но не рѣшается выдвинуться изъ Арзерума; въ его войскахъ было твердое убѣжденіе, перешедшее и къ нему, что мы разобьемъ ихъ. Намъ дѣйствительно хотѣлось, чтобы онъ тронулся по Карсской дорогѣ съ провіантомъ; тогда намъ нужно бы было дѣйствовать по необходимости. Это общее желаніе наше было

извѣстно жителямъ окрестныхъ селеній, приходившимъ въ отрядъ къ своимъ знакомымъ офицерамъ и привозившимъ разные продукты на продажу,—и безсомнѣнія передавалось въ турецкій отрядъ. Однажды, разспрашивая о насъ Армянина, вѣдшаго и къ намъ и къ Туркамъ, Селимъ-паша сказалъ въ негодованіи:

— Скажи этому Эриванскому отряду, что я сожгу его!

При сознаніи своего безсилія, естественно Туркамъ представлялась возможность наступленія съ нашей стороны. Въ Арзерумѣ преувеличивали значительно численность Эриванскаго отряда, можетъ-быть отчасти для того, чтобы утѣшить свое самолюбіе и объяснить въ Константинополѣ причину своей перѣшительности. Ктому же, тамъ были увѣрены почему-то, что намъ пришлютъ отъ Карса два или три баталіона и мы скоро начнемъ наступательныя дѣйствія. Мало-по-малу изъ всѣхъ свѣдѣній мы убѣдились, что Селимъ-паша отказался окончательно отъ намѣренія идти къ Карсу, а напротивъ, въ Арзерумѣ стали съ большою дѣятельностью принимать мѣры къ оборонѣ этого города въ виду нашего наступленія. Можетъ-быть тамъ ожидали скорой сдачи Карса и полагали, что послѣ взятія этой крѣпости, наша армія тотчасъ двинется къ Арзеруму. Кругомъ города возводили отдѣльныя укрѣпленія; работали и днемъ, и ночью. Изъ жителей составляли милицію, которая должна была принять участіе въ оборонѣ; но въ милицію шли неохотно,—откупались деньгами, и формированіе ее только служило, какъ это бывасть всегда въ Азіи, къ взяткамъ и обогащенію мѣстныхъ чиновниковъ. Большая часть артиллеріи отряда Велп-паши стояла на площади Арзерума, какъ резервъ, откуда могла быть направлена къ угрожаемой сторонѣ; а отрядъ оставался у подошвы Давабуйну на-легкѣ въ постоянной готовности отступить. Баши-бузки были расположены въ сел.: Керпи-

кѣѣ, Яганѣ и другихъ, лежащихъ въ долинахъ Аракса и Гассанъ-Кала-чая между Керпи-кѣемъ и Гассанъ-Калюю; передовая сотня выѣзжала до Амракума и иногда ночевала въ немъ.

Впродолженіи пятнадцати дней стоянки на Чичикракѣ, мы закупили и потравили все сѣно и ячмень на обохъ берегахъ Аракса въ окружности 15-ти верстъ. За все, что брали у жителей, платили деньгами по вольнымъ цѣнамъ, которыя были впрочемъ невысоки. Долина Аракса очень плодородна, богата и населена; плодородиѣе и населеннѣе чѣмъ лучшія мѣста Баязетскаго пашалыка. Уровень ея ниже чѣмъ долины Евфрата, лѣто теплѣе, растительность богаче. Кроме пшеницы, ячменя и кукурузы, во всѣхъ деревняхъ мы находили и покупали огородныя овощи: капусту, бураки, лукъ, картофель, огурцы и проч., а также фрукты: яблоки, груши, и проч. Цѣны на продовольственные предметы были ниже чѣмъ въ Баязетскомъ пашалыкѣ. Хорасанъ, Ардосъ, Зарсъ, Миндиванъ и Амракумъ населены Османами; они оставались въ своихъ домахъ, не бѣжали, наконецъ привыкли къ намъ, встрѣчали насъ очень дружелюбно и продавали намъ свои произведенія такъ же какъ и Армяне. Когда наши войска приходили въ ихъ селенія, они всегда выносили имъ чурекы и кувшины кислаго молока. Я иногда заѣзжалъ къ старшинамъ Османамъ въ гости. Всѣ они были убѣждены въ скорой сдачѣ Карса, и разсуждали о томъ съ полнымъ равнодушіемъ, какъ о событіи вѣроятно предопредѣленномъ Аллахомъ. У жителей безсомнѣнія были въ запасѣ еще ячмень и сѣно, но они стали продавать ихъ неохотно, приберегая на зиму для проходящихъ каравановъ. Намъ было полезно приобрести къ себѣ расположеніе ихъ и оставить хорошее возпоминаніе о нашей стоянкѣ, и потому мы не употребляли никакихъ понудительныхъ мѣръ къ продажѣ фуража, тѣмъ болѣе, что мож-

но было пока обойтись безъ этого. Мы знали, что намъ продали также весь ячмень заготовленный для Карса, продавали и пшеницу, а въ Арзерумѣ объявляли, что мы взяли ихъ даромъ. Потеря была для насъ не большая, но жители оставались очень довольны нашею снисходительностью. Чтобы не посылать далеко отъ отряда колонны для покупки фуража, намъ сдѣлалось наконецъ необходимо или перейти впередъ, ближе къ Керпи — кѣю, или отступить къ Дали — бабѣ. Но отрядъ на основаніи распоряженій не могъ выдвигаться слишкомъ близко къ непріятелю; ктому же кругомъ Керпи — кѣя стояла постоянно турецкая кавалерія, которая вѣроятно не менѣе нашей кавалеріи портила все сѣно и ячмень въ окрестныхъ селеніяхъ; переходя къ Керпи — кѣю, отрядъ еще далѣе уходилъ отъ своихъ складовъ провіанта въ Эриванской губерніи, откуда подвозъ его становился всё болѣе — и — болѣе затруднительнымъ. Отступивъ къ Дали — бабѣ, мы сближались съ селеніями лежащими ниже ее въ долину Аракса, гдѣ турецкія войска еще не стояли, и гдѣ какъ мы знали находилось много ячменя и сѣна. Поэтому 2-го ноября отрядъ перешелъ ближе къ Дали — бабѣ и расположился лагеремъ въ 2-хъ верстахъ впереди этого селенія. Мы узнали, что черезъ два дня послѣ нашего перехода, на мѣсто прежняго нашего лагернаго расположенія пріѣзжалъ изъ Арзерума турецкій офицеръ, переодѣтый въ Армянина, подробно осматривалъ всё мѣста стоянки войскъ и записывалъ свои замѣчанія. Нашъ лагерь былъ расположенъ просторно. Мѣста бывшихъ коновязей казенно — подъемныхъ лошадей были приняты за мѣста расположенія кавалеріи; каждая ротная колонна за баталіонъ. Послѣ этого въ Арзерумѣ сильно ругали лазутчиковъ доставлявшихъ о насъ свѣдѣнія, укоряя ихъ, что они злонамѣренно уменьшали



нашу числительность и что насъ было гораздо болѣе чѣмъ они показывали.

Морозы увеличивались; хребетъ Драмъ-дага покрывался понемногу снѣгомъ, сообщеніе чрезъ него становилось труднѣе; по показанію жителей, въ концѣ ноября его заваливало иногда снѣгомъ такъ, что сообщенія прекращались совершенно; могло случиться, что отъ неприбытія нашихъ черводарскихъ лошадей, мы могли остаться безъ провіанта, и даже вышавшимъ глубокимъ снѣгомъ быть отрѣзанными совершенно отъ Баязетскаго пашалыка, а тѣмъ болѣе отъ Эриванской губерніи. Съ 6-го или 7-го ноября началъ идти снѣгъ почти ежедневно, но по ночамъ. Просыпаясь, мы находили палатки свои заваленными снѣгомъ; его сбрасывали; около полудня онъ таялъ, и дѣлалась грязь. Положеніе дѣлъ становилось неудобно. Ктому же служившіе у насъ въ отрядѣ Курды и другіе милціонеры, которые мерзли въ своей лѣтней одеждѣ и желали уйти домой, распространяли нарочно въ отрядѣ слухи, что въ Арзерумъ непременно придетъ сильное подкрѣпленіе, что это подкрѣпленіе уже пришло, что Турки хотятъ напасть на насъ и что мы, отрѣзанные снѣгомъ Драмъ-дага, можемъ погибнуть. Мы дѣйствительно были выдвинуты около 100 верстъ впередъ нашихъ главныхъ силъ, стоявшихъ у Карса, и находились около 250-ти верстъ отъ Эриванской губерніи. При такихъ обстоятельствахъ, людямъ осторожнымъ могли представляться опасности нашего положенія гораздо живѣе и приходитъ въ голову то, о чемъ прежде недумали. Когда опасаются, на все смотрятъ въ преувеличенномъ видѣ. Каждая ближайшая горка берется въ расчетъ, и предвидится возможность, что она можетъ быть занята непріятелемъ, который съ нее можетъ удобно стрѣлять въ насъ. Но чаще всего предвидится возможность быть обойденными,—какъ идея болѣе

доступная всякому разсудку, и движеніе, чаще всего употребляемое на маневрахъ; но идея вредная, поддерживаемая въ войскахъ привычками учебныхъ маневровъ въ мирное время и правиломъ, что если мы обойдены, то проигралъ и должны отступать. При такихъ понятіяхъ распространенныхъ въ войскахъ, появленіе даже ничтожнаго непріятеля въ тылу можетъ произвести упадокъ духа тревожное состояніе и даже страхъ; эти понятія и производятъ неосновательные паническіе страхи. Не тотъ обойденъ и проигралъ, кому зашли въ тылъ или во флангъ, а тотъ кто будетъ разбитъ, потому-что обходящій, самымъ обходнымъ движеніемъ уклоняется отъ своихъ сообщеній и можетъ быть совершенно сброшенъ съ нихъ. Масса войскъ должна имѣть въ виду одинъ бой, искать его и полагать въ немъ одномъ всю свою цѣль и надежду. Если бы Селимъ-паша, даже съ 10-ти тысячнымъ подкрѣпленіемъ, вздумалъ отрѣзывать намъ отступленіе, или оно было бы отрѣзано снѣгомъ на Драмъ-дагъ, то мы въ отчаянной битвѣ, въ которой нѣтъ другаго исхода какъ побѣда, можетъ-быть могли еще надѣяться разбить его и гнать до Арзерума. Миліонерамъ запретили распространять нелѣпыя слухи, и часть ихъ, какъ совершенно ненужныхъ, травившихъ напрасно рѣдкій фуражъ, отправили въ Алашкертскій санджакъ.

Генераль — маіоръ Сусловъ неимѣлъ никакого точнаго распоряженія отъ главнокомандующаго о продолжительности дѣйствій Эриванскаго отряда въ долину Аракса. Было предписано только сдѣлать движеніе за Драмъ-дагъ къ сторонѣ Керпи-кѣя. Поэтому генераль-маіоръ Сусловъ въ первой половинѣ ноября донесъ главнокомандующему, что передъ закрытіемъ сообщеній чрезъ Драмъ-дагъ, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ своихъ сообщеній, онъ намѣренъ возвратиться въ Алашкертскій санджакъ, гдѣ можно

поставить войска на квартирахъ. Генераль-адъютантъ Муравьевъ въ отвѣтъ своемъ выразилъ желаніе, чтобы Эриванскій отрядъ оставался въ долинѣ Аракса впредь до особаго распоряженія. Карсъ находился при последнемъ издыханіи, и если мы приносили здѣсь блокадѣ его пользу, то наша обязанность была оставаться на своемъ мѣстѣ безъ всякихъ разсужденій о опасности остаться безъ провіанта и быть отрѣзанными отъ своихъ сообщеній. Впрочемъ, на морозѣ мы утѣшали себя тѣмъ, что если до сдачи Карса выпадетъ большой снѣгъ на Драмъ-дагъ и Агридагъ и отрѣжетъ насъ, то намъ гораздо ближе и легче идти зимовать въ Арзерумъ чѣмъ въ Эриванскую губернію, и что можетъ-быть по сдачѣ Карса главнокомандующій пойдетъ въ Арзерумъ и возьметъ насъ съ собою. По организаціи нашихъ войскъ намъ не было трудно уйти далеко отъ своихъ комисаріатскихъ комисій и арсеналовъ. Войска имѣли всѣхъ мастеровыхъ и могли обмундироваться и починить свои обозы такъ же удобно въ Арзерумѣ, какъ и въ Эриванской губерніи, а наши кремневые ружья не стоили починки.

Однако же, необходимо было принять мѣры къ устройству продовольствія отряда въ случаѣ продолженія блокады Карса и прекращенія сообщеній чрезъ горы. Я пригласилъ въ отрядъ всѣхъ старшинъ окрестныхъ селеній, объявилъ имъ, что мы будемъ покупать у нихъ муку и крупу за деньги, приказалъ чтобы они велѣли немедленно молотъ пшеницу усиленно, какъ свою, такъ и ту, которая слѣдуетъ въ десятинную подать, еще невзысканную съ нихъ, распредѣлилъ сколько каждое селеніе сообразно съ числомъ и богатствомъ жителей должно выставить провіанта, рассчитавъ его на весь отрядъ на два мѣсяца, назначилъ среднюю цѣну, на основаніи стоимости муки въ краѣ, хорошо извѣстной намъ, и въ заключеніе объявилъ

имъ, что если они не заготовятъ этого количества провіанта, то мы будемъ брать его насильно и безъ платы. Старшины съ покорностью склонили головы и отвѣчали, что Аллахъ великъ и что они исполнять все, что могутъ. По богатству края, — поставивъ войска на квартирахъ во всей долинѣ верхняго-Аракса, — мы могли бы продовольствовать нашъ маленькій отрядъ въ продолженіи нѣкотораго времени. Хотя начальникъ Эриванскаго отряда не имѣлъ права заготовлять провіанта, но необходимость военныхъ обстоятельствъ даетъ разсудительное право на многое, — тѣмъ болѣе, что сдѣланныя распоряженія были только предварительныя, а не обязательныя, и безсомнѣнія были бы утверждены, если бы потребовала надобность, какъ необходимыя, неизбѣжныя, и даже выгодныя.

Отъ Далибабы мы продолжали дѣлать движенія впередъ пѣхотою и кавалеріею. Для этого баталіоны и сотни посылались почти ежедневно по очереди. Дорога отъ Керпи-кѣя въ Карсъ проходила отъ насъ почти такъ же близко какъ и прежде; ночью высылались на нее по прежнему разъѣзды и засады. Впрочемъ нельзя уже было и ожидать, чтобы изъ Арзерума предприняли какія либо движенія. Послѣ перехода нашего отряда ближе къ Далибабѣ, часть Арзерумскаго отряда стала немедленно на квартиры: башни-бузуки въ селеніяхъ между Керпи-кѣемъ и Гасанъ-Калою, регулярная кавалерія въ Гасанъ-Калѣ, въ деревняхъ на Наби-чаѣ и частию въ самомъ Арзерумѣ, и часть пѣхоты также въ деревняхъ на Наби-чаѣ; въ лагерѣ на этой рѣчкѣ остались только часть пѣхоты и легкая артиллерія. Лазутчики говорили, что на требованія помощи Карсу, Селимъ-паша отвѣчалъ положительно, что онъ не находитъ никакой возможности исполнить это требованіе и не можетъ отойти отъ Арзерума пзъ опасенія потерять и его. Турки стояли по квартирамъ и нигдѣ

не показывались. Наши разъезды ходили до Амракума и никого не видѣли. Въ Баязетскомъ пашалыкѣ было также совершенно спокойно. Курды не тревожили Арзерумскую дорогу. Изъ-за Алла-дага доходили до насъ свѣдѣнія, что напуганные набѣгомъ маіора Кореницкаго, они ожидали повторенія нападенія; между ними часто случались тревоги отъ слуховъ, что Русскіе идутъ, и однажды вѣсть о движеніи нашихъ войскъ за Алла-дагъ напугала ихъ такъ, что Курды Патноса бѣжали къ Ванскому озеру за гору Сипонъ и воротились въ свои жилища, когда убѣдились что слухъ былъ ложенъ.

Наконецъ 17-го ноября мы получили формальное уведомленіе, что генераль Вилліамсъ пріѣзжалъ къ генераль-адъютанту Муравьеву и подписалъ условія сдачи Карса; ожидалъ только окончательнаго отвѣта Вассифъ-паша. 18 го ноября до насъ дошелъ слухъ, что Карсъ сдался, а потомъ пріѣхалъ одинъ Османлы и объявилъ, что онъ былъ личнымъ свидѣтелемъ, какъ Турки оставили крѣпость и положили оружіе. Армяне были очень рады этому событію, но кажется и Османлы не были опечалены имъ. Безпрестанныя передвиженія и возможность встрѣчи близъ ихъ жилищъ двухъ враждующихъ сторонъ, постоянно держали ихъ въ страхѣ разоренія и истребленія; рѣшительная побѣда могла успокоить край и дать ему хозяина. 21-го ноября получено уведомленіе отъ самага главнокомандующаго о сдачѣ Карса, и приказаніе возвратиться отряду въ Баязетскій санджакъ, гдѣ оставаться до возможности, и потомъ перейти на зимнія квартиры въ Эриванскую губернію. Извѣстіе о сдачѣ Карса было привѣтствовано въ отрядѣ общою радостію и пушечными выстрѣлами.

22-го ноября отрядъ выступилъ на Кара-Дербентъ и Эшакъ-Эльясъ, и 23-го перешелъ черезъ хребетъ Драмъ-дага по новой дорогѣ, ущельемъ р. Чата. Дорога на хребтѣ была

занесена глубокимъ снѣгомъ; надобно было прокладывать ее вновь. Снѣгъ во многихъ мѣстахъ расчищали лопатами; потомъ шла кавалерія и вьючныя лошади, которыя утаптывали снѣгъ, за ними пѣхота, и за каждымъ баталіономъ обозы и артиллерія. Подъемъ былъ очень труденъ; лошади скользили, выбивались изъ силъ; почти всѣ повозки и орудія ввели на людяхъ. Въ Алашкертскомъ санджакѣ снѣгъ шелъ болѣе 15-ти дней, продолжалъ идти, и тотчасъ таялъ; на дорогахъ сдѣлалась непроходимая грязь. Войска шли тремя отдѣльными эшелонами и гдѣ представлялась возможность отдѣльными дорогами, что позволяло располагать ихъ на квартирахъ. 2-го декабря весь отрядъ прибылъ къ Мусуну, и такъ-какъ на Агридагѣ лежалъ уже болѣе глубокій снѣгъ чѣмъ на Драмдагѣ, и оставаться въ Баязетскомъ пашалыкѣ долѣе было опасно, то отрядъ слѣдовалъ далѣе въ предѣлы Россіи. Первый эшелонъ, состоявшій изъ арбъ подвижнаго госпиталя и артиллерійскаго парка съ частью кавалеріи и однимъ баталіономъ пѣхоты перешелъ Агридагъ 3-го а послѣдній 6-го декабря. Переходъ чрезъ горы былъ очень труденъ. На хребтѣ лежалъ глубокій снѣгъ, былъ сильный морозъ, вѣтеръ и вьюга; дорогу безпрестанно заносило; шедшій густой снѣгъ заставлялъ идти почти ощупью; безпрестанно сбивались въ сторону. Но несчастій не случилось; не было ни одного пропавшаго и обмороженнаго. 7-го декабря отрядъ окончательно прибылъ въ Сурмалинскій участокъ и сталъ на своихъ прежнихъ квартирахъ. Мы кончили походъ счастливо; больныхъ было мало, и пѣхота воротилась почти въ той же численности, въ какой выступила. Мѣстная милиція къ концу похода не существовала; судя по ней, надо полагать, что въ отрядѣ Велл-паши не осталось ни одного башни-бузюка.

Прощаясь съ Турціею бросимъ послѣдній взглядъ на нее и на конченную войну.

Взятіе первоклассной турецкой крѣпости и въ плѣвъ турецкой арміи, безсомнѣнія—важные результаты; въ обыкновенную войну съ одной Турціей, они рѣшили бы войну въ нашу пользу и остались бы однимъ изъ примѣчательныхъ и знаменитыхъ событій. Но въ это время происходили гораздо важнѣйшія событія въ Крыму, отъ которыхъ только и зависѣлъ исходъ войны и къ которымъ должны были примѣняемы, и ими оцѣниваемы, дѣйствія въ Азіи. Когда сотни тысячъ нашихъ солдатъ шли умирать въ Севастополь и вся Россія, притаивъ дыханіе, смотрѣла на этотъ смертельный бой, когда нужно было торопиться и всѣмъ напрягать свои силы,—блокада Карса казалась слишкомъ спокойнымъ и медленнымъ дѣйствіемъ. Дѣйствія въ Азіатской Турціи были только вспомогательными для грозной войны въ Крыму, а блокада Карса осталась для нее бесполезною, потому-что тянулась все время осады Севастополя, все лѣто, кончилась послѣ оставленія послѣдняго и даже могла быть вредна ему нравственнымъ вліяніемъ отбитаго штурма, не говоря уже о томъ, что не отвлекла никакихъ силъ союзниковъ. Для Севастополя было все равно, что русскія войска стояли въ Азіатской Турціи въ бездѣйствіи. Для успѣха войны и всего государства, какая польза въ томъ, что Карсъ сдался, если онъ сдался когда все было кончено? Была польза, но незначительная. Отъ нашей азіатской арміи желали болѣе, и отъ этого-то народное самолюбіе и общественное мнѣніе строго къ дѣйствіямъ въ Азіи 1855 года; въ этомъ есть досада и оттого можетъ-быть даже нѣсколько несправедливость.

Такой арміи, какъ наша въ 1855 году, еще никогда не бывало въ Азіи, и она употребила все лѣто, весь годъ для дѣйствій противъ ничтожныхъ остатковъ турецкихъ войскъ.

•

Что эти войска заперлись въ крѣпость, — это, какъ я говорилъ уже выше, не должно бы придавать имъ бѣльшей цѣнности, уничтожать нашу силу и превосходство и останавливать насъ будто въ недоумѣніи. Полезно было бы сдѣлать что нибудь еще. Кажется, что прежняя 60-ти тысячная Анатолійская армія, разбитая въ двухъ кровопролитныхъ битвахъ, превратившаяся въ 25-ти тысячный гарнизонъ, не стоила такихъ трудовъ для всей нашей арміи, сдѣлавшейся гораздо сильнѣйшею тѣхъ войскъ, которыя разбили Анатолійскую армію когда она была въ полномъ цвѣтѣ своихъ 60-ти тысячъ. Дѣйствія 1854 года были повидимому также нерѣшительны, тѣмъ, что все лѣто послѣ Кіорюкъ-даринской побѣды было потеряно, потому-что по обыкновенному порядку вещей легче продолжать дѣйствовать противъ разбитыхъ войскъ, чѣмъ разбить ихъ.

Карсъ сдался отъ недостатка продовольствія. Но если бы генералъ Вилліамсъ былъ распорядительнѣе и свезъ провіантъ въ крѣпость, а не оставилъ его внѣ, на дорогѣ изъ Карса къ Арзеруму, и даже несобраннѣе еще у жителей, то слѣдовательно Карсъ не былъ бы взятъ, потому-что другихъ мѣръ къ овладѣнію имъ не было принято; поздній штурмъ былъ отбитъ. Оборона могла протянуться всю зиму, можетъ-быть до заключенія мира, хотя Карсъ, держался совершенно достаточное время для пользы союзникамъ. Это предположеніе опредѣляетъ достоинство блокады вообще. Несомнѣнно, что Вилліамсъ могъ запасти провіанта въ самомъ Карсѣ вдвое болѣе того, сколько было свезено въ крѣпость. Въ разныхъ статьяхъ напечатанныхъ объ этихъ событіяхъ и даже извлеченныхъ изъ переписки генерала Вилліамса съ англійскимъ министерствомъ, недостатокъ провіанта приписываютъ нераспорядительности турецкихъ начальствъ, и самъ генералъ Вилліамсъ жалуется на нихъ. Но мы были на мѣстѣ, могли знать край п обстоятельства, и



намъ казалось, что Англія слишкомъ много приписываетъ генералу Вилліамсу и тѣшить въ немъ свое самолюбіе. Недостатокъ провіанта надо приписать только одной непредусмотрительности генерала Вилліамса. Для того чтобы заготовить провіанта въ Карсѣ въ достаточномъ количествѣ на годъ, надо было только предвидѣть, что Карсъ могутъ блокировать и обойти со стороны Арзерума, и заблаговременно посовѣтовать турецкому главнокомандующему приказать свозить провіантъ въ Карсъ. Совѣта послушались бы; провіантъ и перевозочныя средства находились въ краѣ, и было достаточно времени, — цѣлая весна до іюня, чтобы навезти въ Карсъ провіанта на весь годъ. Сколько мы видѣли въ войну 1854 и 1855 годовъ, даже простые англійскіе офицеры имѣли большое вліяніе въ турецкомъ войскѣ и распоряжались въ немъ полномочно. Они еще до блокады Карса раздавали турецкому войску жалованье, дѣлали смотры, бранили пашей; арестовывали и наказывали офицеровъ и солдатъ. Генералъ Вилліамсъ распоряжался полновластиѣ другихъ, какъ главный англійскій комиссаръ; слѣдовательно нельзя допустить, чтобы совѣтъ его муширу о перевозкѣ провіанта не былъ исполненъ, особенно когда исполненіе ничего не стоило. Не говоря уже о 30-ти тысячахъ четвертей истребленныхъ генералъ-адъютантомъ Муравьевымъ въ Бордусѣ, Канькѣ и другихъ мѣстахъ, мы въ іюль мѣсяцъ нашли въ долинѣ Аракса провіантъ заготовленный для карскаго гарнизона и слѣдуемый вообще въ податъ лежащимъ еще въ селеніяхъ. Одна долина Аракса такъ богата хлѣбомъ, что въ ней можно бы взять десятинную податъ впередъ еще за годъ. Если генералъ Вилліамсъ, по добросовѣстности своей, не имѣя въ рукахъ денегъ, не зналъ что дѣлать и полагалъ, что безъ денегъ ни чего нельзя сдѣлать, то онъ ошибался и напрасно церемонился. Мы знали на мѣстѣ,

какъ турецкія власти заготовляютъ провіантъ, и я полагаю, что деньги генерала Вилліамса перешли бы только въ карманы пашей, мудирей и другихъ мѣстныхъ чиновниковъ;—стоило только приказать и провіантъ былъ бы. Точно также въ перевозочныхъ средствахъ не было недостатка. Изъ однихъ селеній между Далибабою и Гассанъ-Калою мы могли бы согнать болѣе 1000 подводъ; я справлялся о томъ, имѣя въ виду надобность воспользоваться мѣстными перевозочными средствами; а турецкія начальства, у себя дома, могли собрать подводы изъ дальнихъ мѣстъ въ огромномъ числѣ. Военныя обстоятельства и чрезвычайная необходимость извиняютъ все, а здѣшнему краю не были бы новостью никакія крутыя мѣры и деспотическія распоряженія. Впрочемъ, какъ не было большой важности въ недостаткѣ провіанта, потому-что Карсъ сдался послѣ паденія Севастополя, точно такъ же не было большой славы въ оборонѣ его, потому-что его не брали, а стояли кругомъ и блокировали. Отбитый штурмъ былъ случай и не измѣнилъ первоначальнаго плана взятія крѣпости однимъ голодомъ. Собственно для генерала Вилліамса было бы больше чести, если бы онъ заготовилъ болѣе провіанта и не сдался во всё; для насъ болѣе славы и пользы, если бы мы взяли Карсъ штурмомъ, или другимъ способомъ, скорѣе и ранѣе, или помимо его достигли желаемыхъ результатовъ войны, т. — е. владѣнія непріятельскимъ краемъ и всѣми средствами его и нанесенія турецкому правительству самаго большаго и кореннаго вреда: возможнаго подорванія и разрушенія его властей въ Азіи, для чего край представляетъ всё даппыя. И неужели судьба войны должна была зависѣть отъ большаго или меньшаго количества провіанта заготовленнаго въ Карсъ, и только этотъ провіантъ могъ спасти турецкую власть и ничтожныя войска запертыя въ крѣпости и бродившія кругомъ

Арзерума, а мы должны стоять до-тѣхъ-порѣ, пока Турки съѣдятъ весь свой хлѣбъ? Въ сущности, противъ насъ не было войска, а были одни укрѣпленія Сурбъ-Оганеса, Керпи-кѣя и Карса. Въ такую войну, продолжительная блокада, занявшая все лѣто, была не своевременна; полезно было предпринять какія-либо-болѣе быстрыя дѣйствія. Можетъ быть былъ возможенъ штурмъ въ началѣ, когда Турки не успѣли еще построить укрѣпленій кругомъ крѣпости, или правильная осада которая во всякомъ случаѣ короче одной блокады.

Мнѣ кажется, генераль Вилліамсъ сдѣлалъ также ошибку переведя весь Ванскій корпусъ на Арзерумскую дорогу. Если бы на дорогѣ изъ Вана въ Баязеть была оставлена часть войска, то Эриванскій отрядъ не могъ бы уйти отъ границъ Эриванской губерніи и дѣйствовать къ Арзеруму. Корпусъ Вели-паша находясь у Арзерума въ сущности не принесъ ни какой пользы Карсу; мы вѣроятно не заняли бы Арзерума, еслибъ этотъ корпусъ былъ вдвое слабѣе, потому-что занятію его помѣшала не сила войска, а другія соображенія; точно такъ же какъ мы могли бы занять городъ, если бы корпусъ Вели-паша былъ вдвое сильнѣе. При невозможности дѣйствовать противъ насъ битвами въ открытомъ полѣ, Турки раздѣлившись на мелкіе отряды, сохранили бы лучше для себя край и можетъ-быть поставили бы насъ въ болѣе недоумѣніе и перѣшптельность, потому-что положеніе вещей усложнилось и потребовало бы съ нашей стороны болѣшихъ соображеній. Расположеніе корпуса Вели-паша на Арзерумской дорогѣ, болѣе сосредоточивало для насъ всѣ цѣли войны и доставляло намъ возможность совокупными силами въ одно время разбить Вели-пашу и овладѣть Арзерумомъ, и если этого не случилось, то ни какъ не по достоинству плана дѣйствій принятыхъ Турками.

Я часто высказывалъ здѣсь мнѣніе о ничтожествѣ турецкаго войска. Это мнѣніе не есть военное хвастовство, но фактъ, который всѣ видѣли, который имѣетъ болѣе глубокое значеніе и причину, чѣмъ недостатокъ дисциплины и другія военныя объясненія, и который однако же не долженъ внушать намъ излишней самонадѣянности; я не думаю, чтобы можно было дѣйствовать не разсуждая и, какъ говорится, очертя голову: начальникъ неимѣющей боевой опытности, т. е. привычки къ опасности, въ рѣшительную, важную минуту дѣла можетъ потеряться совершенно; его умъ и всѣ свѣдѣнія умрутъ и онъ можетъ испортить и погубить все. Это ничтожество не должно внушать презрѣнія, но быть принимаемо какъ обстоятельство отчасти объясняющее состояніе Турецкой имперіи,— которымъ надо пользоваться по мѣрѣ разныхъ средствъ обладаемыхъ начальникомъ. Дѣло въ томъ, что турецкое войско не хочетъ драться, потому-что почти все оно составлено не изъ Турокъ, а изъ народовъ, покоренныхъ когда-то Османами и до-сихъ-поръ тяготящихся ихъ властью. Основателей Турецкой имперіи, Османовъ, въ Турціи очень мало, сравнительно съ массою народонаселенія, состоящаго изъ другихъ племенъ; ктому же Османы занимаютъ преимущественно какія либо должности, пли мѣста по управленію государствомъ, начиная съ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ степеней правительственной іерархіи. Въ Русской арміи, собственно между нижними чинами, виднѣнъ, бросается въ глаза, великороссійскій элементъ: Нѣмцевъ, Поляковъ, Грузинъ и Армянъ у насъ пропорціонально гораздо болѣе въ высшемъ классѣ, въ офицерскихъ званіяхъ. Поэтому-то Русская армія составляетъ однородное плотно-слитое тѣло, одушевленное однимъ духомъ, одною идеею отечества, долга и преданности къ нему. Въ Турецкой арміи огромное большинство,

почти вся масса нижних чиновъ состоитъ не изъ Османовъ, а изъ Аравійцевъ, Курдовъ, Татаръ, Египтянъ, Грековъ, Армянъ и многихъ другихъ племенъ, составляющихъ Турецкую имперію. Въ турецкихъ войскахъ бывшихъ въ Азіятской Турціи мы встрѣчали уже въ 1854 и 1855 годахъ много Армянъ; вѣроятно были и другіе христіане. Турецкая армія есть выраженіе всей Турецкой имперіи. Какъ бы ни было выучено турецкое войско и какъ бы не были преданы нѣкоторыя личности правительству, масса войска видитъ, что самый край, даже самыя семейства не поддерживаютъ его, и это подрываетъ въ немъ довѣренность къ себѣ и къ своему дѣлу. У турецкаго войска нѣтъ духа, самолюбія и отечества; оно совершенно упало нравственно.

Турки — народъ достойный уваженія, потому — что совершили прежде великія дѣла. Владычество ихъ въ свое время было полезно всему тому краю, которымъ они овладѣли, опустошенному уже предъидущими завоевателями, оставшемуся безъ хозяина, владыки и правительства, отданному безпорядкамъ, хищничеству и произволу. Большія завоеванія тогда только возможны, хотя на нѣкоторое время, когда большинство покоряемаго народа находитъ выгоды въ разрушеніи старыхъ властей и въ установленіи новыхъ. Въ минуту самаго высшаго развитія своего могущества, правительство Османовъ было одушевлено величіемъ своей роли и отличалось возможнымъ правосудіемъ. Тамъ гдѣ господство его кончилось давно уже, старики и теперь говорятъ, что при Туркахъ было хорошо; что они были справедливы, милосерды и сообщительны съ низшимъ сословіемъ. Можетъ-быть это обыкновенное воспоминаніе о старинѣ, о прошедшемъ, которое всегда представляется старикамъ лучше настоящаго; но вѣроятно, что турецкое правительство прежде было лучше чѣмъ

теперь: оно прежде властвовало спокойно, теперь устарѣло, отжило свое время, находится въ опасности пасть и погибнуть,—оттого борется, старается насильственно удержать свои преимущества, и оттого дѣлается еще болѣе тяжелымъ. Прежніе завоеватели разлѣнились и сохранили только жажду обогащенія и корыстолюбія; злоупотребленія увеличились. Турецкое правительство неспособно къ измѣненію и улучшенію себя, какъ представитель особыхъ правъ и преимуществъ самаго малочисленнаго племени имперіи и магометанъ надъ христіанами. Фанатизмъ ислама составляютъ не отвлеченныя религіозныя идеи, а матеріальныя преимущества. На мѣстѣ видно ясно, что масса покореннаго населенія считаетъ уже себя въ правѣ желать улучшенія своего быта и положенія, и встрѣчаетъ въ этомъ препятствіе въ слабой турецкой власти, которая старается удержаться въ своихъ старыхъ правахъ, торопится пользоваться ими, предвидя возможность переворота, и спѣшитъ выжимать изъ народонаселенія всѣ соки, какъ-бы для обезпеченія себя въ будущемъ. Покореннымъ народамъ нѣтъ расчета драться и погибать на войнѣ за правительство, противъ котораго они сами часто бунтуютъ и которому желаютъ поскорѣе погибнуть, и потому дерутся худо. Въ прежнія времена, когда турецкое могущество еще возрастало, для разноплеменныхъ арміи Турціи былъ расчетъ идти на войну и драться собственно для себя; война могла првлекать ихъ: вторгаясь въ новыя области, они вездѣ находили богатую добычу; хищническія наклонности многихъ полудикихъ племенъ Турціи удовлетворялись. Теперь напротивъ. Когда турецкое могущество начало склоняться къ паденію и счастію оставило знамя Османа,—для этихъ армій на войнѣ предстоятъ одни потери, лишенія и смерть. Прежде турецкія арміи вторгались въ области сосѣднихъ государствъ, теперь напротивъ,

непріятель, т. е. собственно одни Русскіе, вторгаются въ ихъ земли. Поживы нѣтъ; война не имѣетъ выгоды и слазна.

Напрасно писали въ реляціяхъ послѣдней войны, что Турки дрались храбро; это неточно и только пугаетъ новичковъ. Съ помощію европейской дисциплины, турецкіе солдаты стоятъ во фронтѣ пока нѣтъ предлога разбѣжаться, стрѣляютъ и двигаются по командѣ; но они не выдержатъ рѣшительнаго удара и рукопашнаго боя, не выдержатъ даже хорошаго огня; и если есть предлогъ разбѣжаться, то непременно разбѣгутся. Каждое хорошее пораженіе Турокъ должно кончиться разсыпаніемъ ихъ, если съумѣютъ воспользоваться имъ. Вособенности тѣ, которые могутъ дойти до-дому сухимъ путемъ, непременно воспользуются каждымъ очевиднымъ пораженіемъ, чтобы бѣжать домой. Въ послѣднюю войну Турки бѣжали частью встрѣчали насъ за укрѣпленіями и оттого мы не вездѣ могли воспользоваться своимъ превосходствомъ; за укрѣпленіями они дерутся хорошо по необходимости, т. е. стрѣляютъ прикрытые валомъ и защищенные отъ доступа непріятеля глубокимъ рвомъ. Я не говорю уже о дѣйствіяхъ Баязетскаго, или Ванскаго, или Арзерумскаго корпусовъ—они описаны здѣсь; наши успѣхи достались намъ легко, безъ особенныхъ усилій. Карскій мушпръ отбивъ штурмъ нашихъ войскъ, не рѣшился вывести свои войска, чтобы попробовать преслѣдовать насъ за укрѣпленіями, и сдѣлалъ хорошо, потому-что если бы наши отбитыя колонны повертели опять на Турокъ, то вѣроятно турецкіе солдаты воспользовались бы этимъ и побѣжали бы, но не въ крѣпость, а въ поле, чтобы добраться до-дому. Омеръ-пашѣ были поручены наступательныя дѣйствія съ лучшими войсками, и онъ началъ наступленіе на Тифлисъ едва ли не потому только, что надѣялся встрѣтить на этой

дорогѣ не много нашихъ войскъ; это были маневры. Нельзя объяснять дѣйствій турецкихъ военачальниковъ однимъ недостаткомъ предприимчивости и храбрости; они знаютъ свои войска лучше насъ и предпринимаютъ съ ними только то, что могутъ сдѣлать. Можетъ-быть въ началѣ войны дѣйствія на Дунаѣ ввели въ заблужденія и ихъ, и Европу. Наши войска растянулись на Дунаѣ такъ, что Турки переправясь въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ тамъ, гдѣ находили выходы, встрѣчали иногда одну цѣпь нашихъ застрѣльщиковъ и имѣли паружный успѣхъ. Но эти успѣхи не могли воскресить павшій на вѣки духъ и оживить сгнившее тѣло; обманъ разъяснился скоро.

Имѣя такого непріятеля, наша превосходная Азіятская армія сдѣлала много, но менѣе того что могла бы сдѣлать. Какъ изъ нашихъ побѣдъ въ Азіи въ 1853 и 1854 годахъ, такъ и изъ превосходной арміи въ 1855 году было извлечено менѣе пользы, чѣмъ всѣ желали и ожидали. Удачныя, но медленныя, дѣйствія могутъ быть иногда безусловно вредны потому только, что медленны. Иногда все достоинство удачъ состоитъ въ ея быстротѣ, т.-е. своевременности. Какая польза въ тѣхъ удачахъ, которыя могутъ тянуть войну цѣлые лишніе годы? Новыя столкновенія, новыя войны застаютъ ее неконченною, и тогда эта неоконченная война требуетъ двойныхъ усилій. При нашей крѣпкой натурѣ, медленныя дѣйствія будутъ часто, хотя не всегда—удачны, но успѣхи достигаемые трудомъ будутъ всегда дороже и даже менѣе прочны и полезны, чѣмъ успѣхи достигаемые геройскими подвигами, потому что въ первыхъ мы сами утомляемся и не подавляемъ непріятеля правдивно, если не представится какого-нибудь частнаго случая ослабить его матеріально, — что вообще трудно. Въ медленныхъ осторожныхъ дѣйствіяхъ есть польза; но эта польза достигается почти механически,



однимъ трудомъ; въ ней нѣтъ напряженія и проявленія нравственной и умственной силы и творчества событій, нѣтъ того, что любить народъ, т.-е. блеску и славы вмѣстѣ съ пользою. Крѣпости и земли теряются; но громкіе подвиги, доказывающіе доблесть народа, остаются вѣчно въ его исторіи и составляютъ гордость и душу его и его войска.

Послѣ этихъ мнѣній можно спросить, что же именно намъ надо было дѣлать въ Азіятской Турціи, если не блокировать Карсъ. На это можно только, по всей справедливости, наименѣ безошибочно отвѣтить, что дѣйствовать вѣроятно можно было многими способами, и что критиковать прошедшія дѣйствія очень легко, — на это способенъ всякій умъ, сохраняющій свою логику въ спокойствіи кабинета, но способный совершенно потеряться, умереть въ волненіи опасности и въ виду неприятеля. О прошедшихъ дѣйствіяхъ надо разсуждать, чтобы извлечь изъ нихъ нѣкоторую пользу для общественной опытности; но было бы неосторожно и ошибочно осуждать ихъ безусловно, не зная всѣхъ причинъ этихъ дѣйствій.

---

Мы всю зиму приготавлились къ будущимъ военнымъ дѣйствіямъ: чинили обозы и сапоги, шили одежду, какъ-вдругъ вѣсть о мирѣ положила конецъ разсчетамъ и ожиданіямъ. Вособенности солдаты жалѣли, что война кончилась: русскій солдатъ любитъ войну, а война въ Азіятской Турціи шла вообще болѣе удачно чѣмъ неудачно, и обѣщала имъ впередъ, повидимому, еще болѣе успѣхи, чѣмъ кон-

чившіяся кампаніи. Въ войнѣ есть прелесть и поэзія для народа способнаго къ великимъ чувствамъ, потому-что въ великія минуты битвъ болѣе чѣмъ когда-нибудь узнается своя сила и чувствуется свое достоинство; а для солдата нѣтъ другихъ поприщъ, гдѣ бы онъ могъ испытать такое удовольствіе самосознанія.



## О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. Вторженіе Турокъ въ Эриванскую губернію въ 1853 году.....	1
II. 1854 годъ. Араксъ.—Агри-дагъ.—Пути въ Турцію.....	15
III. Первая встрѣча и перестрѣлка съ Турками въ 1854 году.....	36
IV. Перестрѣлка у Орговскаго поста. Внутренніе безпорядки.....	49
V. Сраженіе на Чигильскихъ высотахъ.....	74
VI. Занятіе Баязета и возвращеніе въ наши предѣлы.....	108
VII. Курды.—Евфратъ.—Армянскій монастырь Сурбъ-Оганесъ.....	142
VIII. Караваны.....	172
IX. Магометова долина за Алла-дагомъ.—Діадинъ.—Минеральныя воды	186
X. Ванскій Корпусъ.....	217
XI. Поѣздка въ Персію.—Возвращеніе отряда въ Эриванскую губернію	244
XII. Возмущеніе Курдистана.—Эздаширъ.—Остатки армянскаго царства.....	254
XIII. Военныя дѣйствія 1855 года.—Дѣло у Сурбъ-Оганеса.—Топрахъ-Кале.....	274
XIV. Движеніе къ сторонѣ Арзерума.—Кара-Дербентъ.—Керпикей.—Гассанъ-кала.....	323
XV. Дѣйствія Турокъ на наши сообщенія и наши дѣйствія на сообщенія Турокъ.....	379
XVI. Сборъ податъ.....	403
XVII. Прикрытіе блокады Карса со стороны Арзерума.—Сдача Карса.	412



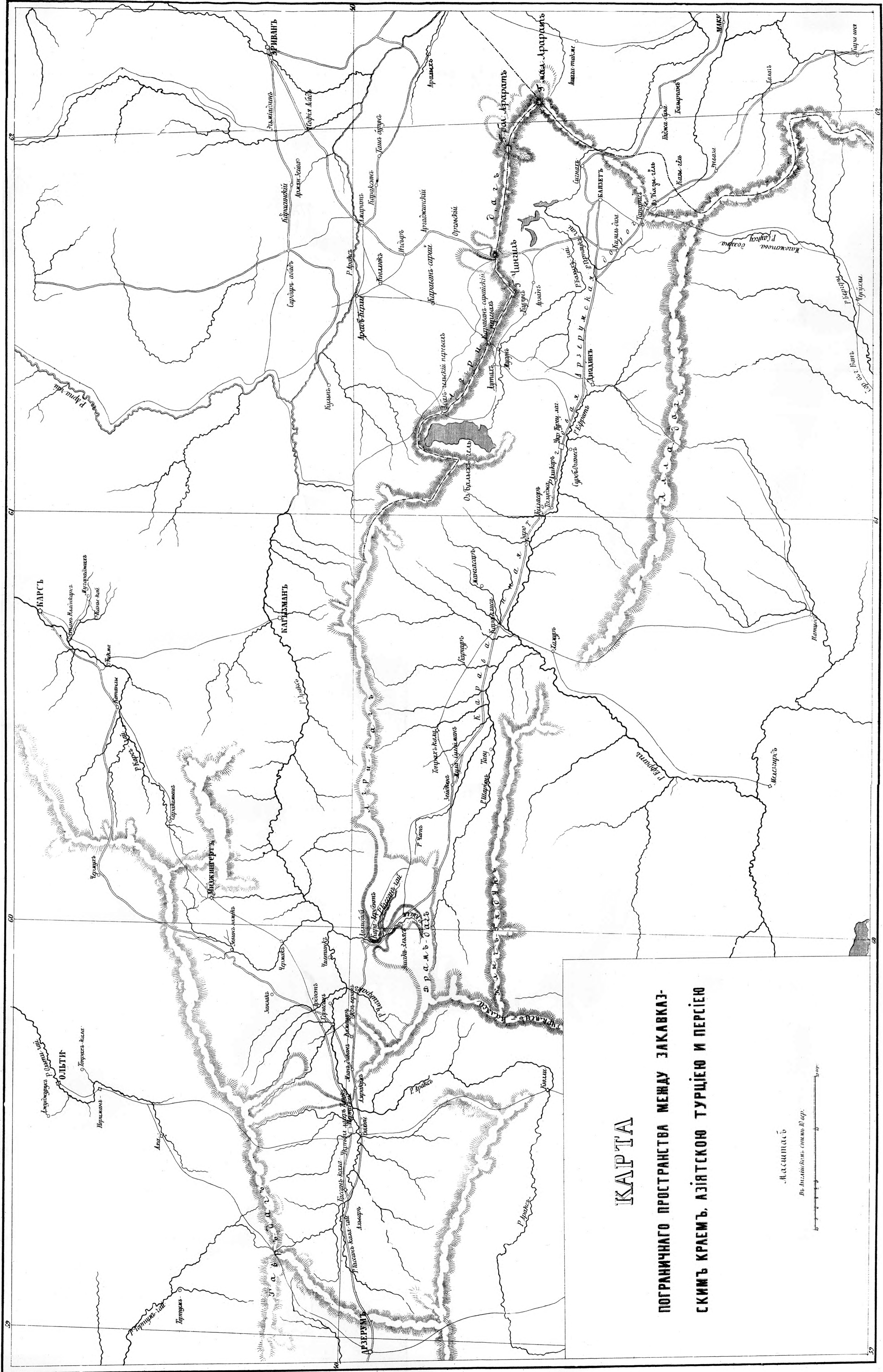
## О П Е Ч А Т К И.

---

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
11	11	поступить	поступать
12	14	надежды	надежда.
13	3	увеличили ли бы	увеличили бы
16	3	сношеніе	сношенія
18	31	Случай	случаи
37	22	канавы	канавы
56	7	Съ направленіями	направленіями
57	20	Съ 18-го	а 18-го
70	33	по именамъ	назвать по именамъ
101	16	стрѣчавшихся	; встрѣчавшихся
106	27	обратилось	обратилсъ
106	28	корпусъ:	корпусъ и
108	24	оружія	порожнія
108	25	аненыхъ	раненыхъ
117	5	источенія	истошенія
207	14	имѣвшими	имѣвшимися
209	7	неравна	неровна
268	8	услышимъ	услышишигъ
315	31	дерзко	дерзко
328	17	частныя	частыя
343	11	заключается	заключался
373	6	большей	большой
380	3	жителей	жителей
384	14	Розго-аги	Розго-аги
404	21	потому что и,	потому что,
407	11	до начала весны	до войны
419	25	смѣшивались	спѣшивались.

---





# КАРТА

ПОГРАНИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ ЗАКАВКАЗСКИМЪ КРАЕМЪ, АЗИАТСКОЮ ТУРЦІЮ И ПЕРСІЮ

МАСШТАБЪ  
 Въ Азіатскихъ сажняхъ 10 вер.

